

ДВ96 Р.Ф.

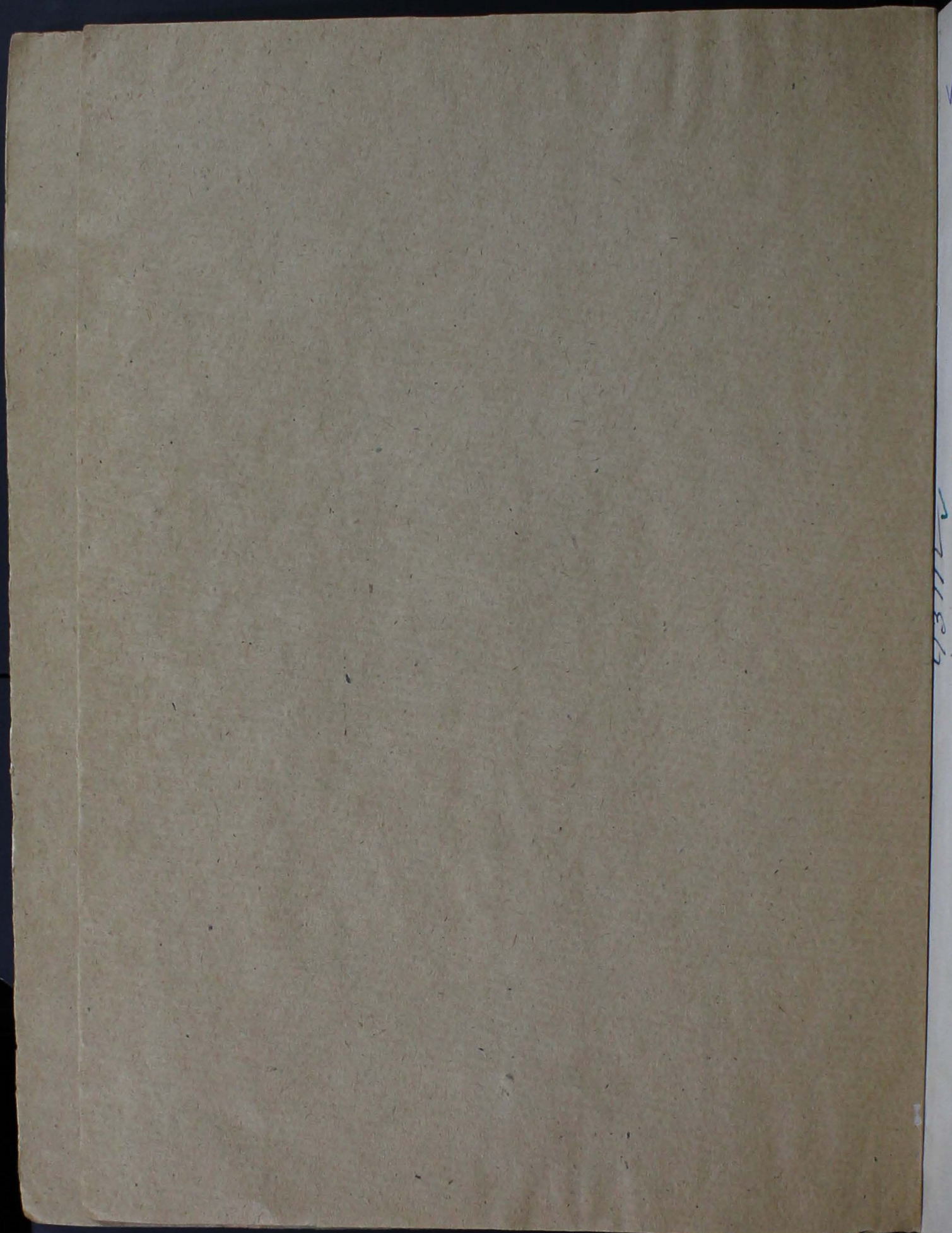
А734

Анучин Д.

1. Племя айнов.

Материалы для антропологии
Восточной Азии

4311

✓ 75к.
✓ ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.
(Приложеніе къ XX Тому „Изв. Имп. Общ. Люб. Ест.“).
✓ 4896
✓ А 734

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ АНТРОПОЛОГІИ ВОСТОЧНОЙ АЗІИ,

I. ПЛЕМЯ АЙНОВЪ

✓
+
21137
Дмитрія Н. Анучина.

Проверено
1940

ДВ КРАЕВАЯ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА.

0
Типо-литографія С. П. Архипова, Большая Кисловка, собственный домъ.
1876.
✓

Проверено
1940 г.

Императорскаго Общества Любителей Естественнаго, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ АНТРОПОЛОГІИ ВОСТОЧНОЙ АЗІИ.

І. ПЛЕМЯ АЙНОВЪ.

Подъ именемъ Айновъ (или, какъ его называютъ некоторые — Айносовъ) извѣстно племя, населяющее часть самой отдаленной восточной окраины Азіи, именно: принадлежащій Японіи островъ Іессо или Іезо, южную половину острова Сахалина и острова Курильскія. Такъ какъ островъ Сахалинъ принадлежитъ въ настоящее время Россіи, а большая часть Курильскихъ острововъ также принадлежала ей до послѣдняго времени, то Айны могутъ быть причислены къ числу русскихъ инородцевъ, хотя нужно замѣтить, что большинство ихъ, именно — населяющіе островъ Іессо и южные Курильскіе (Кунаширъ и Итурунъ) состоятъ издавна въ подданствѣ Японіи, да и прочіе Айны долгое время находились, а отчасти еще и теперь находятся, подъ Японскимъ вліяніемъ.

Это племя Айновъ, (первыя свѣдѣнія о которомъ были получены Европейцами еще въ XVI и XVII вѣкахъ), обратило на себя особенное вниманіе антропологовъ и этнографовъ въ послѣднее время, когда оно, почти одновременно, было описано многими путешественниками, и когда особенности его типа (благодаря присылкѣ фотографическихъ портретовъ) сдѣлались болѣе извѣстны въ Европѣ. Причина же, почему оно обратило на себя особенное вниманіе, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что его типъ представляетъ повидимому многія отличія отъ типа окружающихъ народовъ Монгольской расы и выказываетъ скорѣе приближеніе къ типу расы бѣдой, или такъ называемой Кавказской; и притомъ — приближеніе, часто на столько рѣзкое, что въ то время какъ прежніе этнографы находили обыкновенно болѣе естественнымъ причислить Айновъ къ Монгольской расѣ или соединять, вмѣстѣ съ Камчадалами, Коряками, Алеутами и другими племенами сѣверо-восточной Азіи (и сѣверо-западной Америки), — въ особую Гиперборейскую расу, некоторые изъ позднѣйшихъ считаютъ наоборотъ болѣе рациональнымъ причислить ихъ къ Кавказской расѣ (Катрафакъ) или

(какъ это предложилъ Vivien de St. Martin) отдѣлять, вмѣстѣ съ некоторыми другими племенами Восточной Азіи и Полинезіи, въ особую Океаническую расу, сходную по многимъ своимъ признакамъ съ Кавказскою.

Такое разногласіе мнѣній относительно положенія Айновъ въ этнологической системѣ, свидѣтельствуя прежде всего объ оригинальности ихъ типа и недостаточномъ еще его изученіи, въ связи съ тѣмъ фактомъ, что племя это, по многимъ своимъ особенностямъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе интересныхъ съ этнологической точки зрѣнія, уже само по себѣ могло бы оправдывать появленіе настоящаго труда, имѣющаго цѣлью соединить въ одномъ очеркѣ всѣ разрозненныя свѣдѣнія объ этомъ вымирающемъ племени. Но такой трудъ становится еще болѣе уместнымъ, какъ скоро являются некоторые новые матеріалы, способные нѣсколько увеличить запасъ имѣющихся антропологическихъ фактовъ и уяснить отношенія даннаго племени къ племенамъ окружающимъ. А такого рода матеріалы и оказались именно въ распоряженіи автора настоящаго изслѣдованія. Благодаря любезности Проф. А. П. Богданова, онъ могъ получить для разсмотрѣнія: 1) большую коллекцію (до 30) фотографическихъ портретовъ Айновъ (мужчинъ, женщинъ и дѣтей), присланную въ даръ Обществу Любителей Естествознанія съ острова Сахалина въ 1872 г. поручикомъ Гарезинымъ. 2) два скелета и еще одинъ неполный черепъ, вмѣстѣ съ пучкомъ волосъ, принадлежавшіе Айнамъ и присланные Обществу тѣмъ же лицомъ, и 3) коллекцію древнихъ каменныхъ орудій съ острова Сахалина, вмѣстѣ съ некоторыми айскими вещами. Кромѣ того, чрезъ посредство Н. А. Лонатина, авторъ могъ воспользоваться еще нѣсколькими другими фотографіями, а также — любопытной коллекціей айскихъ вещей, въ томъ числѣ — многихъ религіозныхъ «инау». Возможность пользованія этими матеріалами, — подавшими первый поводъ къ настоящему очерку, и побудили составителя собрать, по воз-

возможности, все разбланивая въ этнографической литературѣ свѣденія объ Айнскомъ племени и, дополнивъ ихъ результатами собственнаго изученія, изложить въ формѣ болѣе или менѣе полной, антропологической монографіи.

Г Л А В А I.

Исторія свѣденій Европейцевъ о племени Айновъ и сношеній съ нимъ Русскихъ.

Первыя свѣденія о племени, известномъ въ настоящее время подъ именемъ Айновъ, были получены Европейцами въ XVI столѣтіи, изъ Япоііи, вскорѣ послѣ ея открытія Португальцами, отъ проникшихъ туда миссіонеровъ-Иезуитовъ. (*) Одно изъ самыхъ первыхъ,

(*) Известно, что Япоііи, (таинный слухъ о которой, какъ о мифическомъ островѣ Чинаго или Чинагу, былъ распространенъ въ Европѣ еще со времени путешествія въ Среднюю Азію Марко Поло, въ XIII вѣкѣ), была открыта впервые Португальцами, въ сороковыхъ годахъ XVI стол. и именно, какъ полагаютъ, въ 1542—43 гг., когда одинъ Португальскій корабль былъ занесенъ бурей къ берегамъ острова Танегасимы, южнѣе Кіусіу. Другіе писатели впрочемъ относятъ это событіе къ 1545 году и приписываютъ честь первоначальнаго открытія Японскаго архипелага известному авантюристу своего времени Ферн. Мендесу Нанто. Какъ бы то ни было, только около этого времени Португальцы, чрезъ посредство своихъ колоній въ Индіи и Китаѣ, вступили уже въ дѣятельныя торговыя сношенія съ Япоііей, а въ 1549 г. туда явились и первые миссіонеры-Иезуиты. При вѣротеримости Японцевъ, которые въ то время не чууждались еще сношеній съ иностранцами, дѣло Иезуитовъ пошло сначала весьма успешно. Многія тысячи, даже десятки тысячъ Японцевъ обратились въ Христіанство, Иезуиты приобрѣли себѣ послѣдователей между вліятельными удѣльными князьями или дайміосами, — въ самой столицѣ Япоііи, Міако, мѣстопробываніи Міако было воздвигнуто христіанскій храмъ. Это торжество католицизма было однако же не прочно и не продолжительно. Жидность и надменность Иезуитовъ, ихъ вражда съ Францисканцами, Доминиканцами и Протестантами, именно Голландцами, которые по слѣдамъ Португальцевъ въ началѣ XVII вѣка, также проникли въ Япоіію, въ особенности же ихъ вѣшатство въ политическіи дѣла страны, въ распри между политическими партіями, скоро возбудили противъ нихъ преслѣдованія со стороны Японскаго правительства и подорвали довѣріе, которымъ пользовались миссіонеры въ глазахъ народа. Уже въ 1587 г. Японскія власти начали принимать мѣры противъ распространенія Христіанства, въ 1596 г. оно подверглось строгому запрещенію, а въ 1613 г. началось уже настоящія гоненія на Христіанъ-Японцевъ. Впрочемъ, опираясь на значительное число своихъ послѣдователей, Христіанство продолжало еще держаться до 1637—38 гг., когда на-

если не самое раннее извѣстіе, принадлежитъ Иезуиту Людовину Фрозу и находится въ такъ называемыхъ «Японскихъ письмахъ» — «Epistolae Japonicae», представляющихъ собственно отчеты или донесенія отдельныхъ членовъ Ордена объ успѣхахъ пропаганды католической вѣры въ Япоііи (*). Въ своемъ письмѣ изъ Міако, отъ 28 февраля 1565 г., Фрозъ сообщаетъ, между прочимъ, что «на сѣверъ отъ Япоііи, въ трехъ стахъ Японскихъ миляхъ разстояніи отъ Міако, находится обширная страна, населенная дикими людьми. Люди эти одѣваются въ звѣриныя шкурки, мохнаты тѣломъ, имѣютъ огромную бороду и громадные усы, которые они, когда пьютъ, приподнимаютъ палочкой (**). Народъ этотъ очень пристрастенъ къ вину; храбръ на войнѣ и Япоііцы его очень боятся. Будучи ранены въ сраженіи, они обмываютъ свои раны соленой водой, и въ этомъ заключается ихъ единственное леченіе. На груди носятъ они, какъ увѣряютъ, зеркало (***)». Свой мечъ или саблю они привязываютъ къ головѣ такимъ об-

разомъ, оно подвергается окончательному истребленію. Иезуиты и вообще Христіанъ-Европейцы, за исключеніемъ Голландцевъ, были навсегда изгнаны изъ Япоііи, Японцы, подъ опасеніемъ смертной казни, запрещено было оставлять свою страну; тѣ же изъ нихъ, которые отказывались отречься отъ Христіанства, или пытались воспротивиться открыто распоряженіямъ Правительства, были поголовно истреблены въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человекъ.

Подробнѣе см. у Кемпфера, Монпануса и у Зибольда въ его «Архивъ» Bd. I. N. 1, Bd. VII. N. 17 прим. 1—2; а также у Heine Japan und seine Bewohner. Gesch. Ruckblicke 1860 и у Веникова Обзорніе Японскаго Архипелага, ч. 3 стр. 14—17.

(*) Существуетъ нѣсколько серій и изданій этихъ писемъ, вышедшихъ въ промежутокъ времени между 1569 и 1622 гг. Самая ранняя серія носитъ названіе: Epistolae Japonicae de multorum gentium in variis insulis ad Christi fidem per Societatis nominis Jesu theologos conversione Liv. 1569. Мы пользовались однимъ изъ послѣдующихъ изданій, именно: Mañei Selectarum ex India epistolarum Libri IV, нахождающагося въ приложеніи къ его Historiarum Indicarum Libri XVI. Ven. 1589: Epistola Ludovici Froii ad socios in Indiam.

(**) Japoniae terrae in septentri-nem adjacet amplissima sylvestrium hominum regio, laevis ab urbe Meaco trecentas. Bestiarum pellibus induuntur, toto hirti corpore, ingenti barba, mysticibus maximis, quas paxillo subrigunt potaturi. См. Mañei I. c. стр. 90. Замѣтимъ при этомъ, что только что упомянутое употребленіе палочки для поднятія усовъ не есть сказка, а какъ мы увидимъ далѣе, дѣйствительно существовало и существуетъ.

(***) Speculum gestare dicuntur in pectore. Зеркало это, какъ видно изъ объясненій другихъ Иезуитовъ, было нечто иное, какъ большой мѣдный блинъ, носимый на груди, для защиты отъ стрѣлъ.

разомъ, что рукоятка его торчитъ выше плеча. Они не имѣютъ никакой религіи; впрочемъ оказываютъ нѣкоторое почитаніе небу».

Далѣе онъ прибавляетъ, что въ странѣ этой находится Японскій городъ Aquita, куда часто сходятся туземцы для торговли; съ своей стороны, жители города также вздѣтъ къ нимъ, но рѣже, такъ какъ отправляющіеся туда часто убиваются туземцами. Подобныя же извѣстія сообщались около того же времени другими Іезуитами и нѣкоторыми голландскими мореходами, успѣвшими въ началѣ XVII вѣка, по слѣдамъ Португальцевъ, также проникнуть въ Японию. Они прибавляли только, что страна эта называется Іезо (Езо, Іессо), что жители ея, по облику, не сходны съ Японцами, что они управляются собственными начальниками, которые впрочемъ приносятъ дань Японскому Императору и что, вѣроятно, къ этому племени принадлежатъ тѣ странные, заморскіе люди, одѣтые въ шубы и имѣющіе видъ дикарей, которые являются ежегодно въ Іеддо для представленія и изъявленія своей покорности Сіогуну. Хотя изъ объясненій съ этими людьми и нельзя было понять, изъ какой страны они родомъ, тѣмъ не менѣе ихъ складъ и одежда ясно доказывали, что они пріѣзжали изъ сѣверныхъ, холодныхъ странъ, — вѣроятно съ Іессо, а можетъ быть откуда нибудь и далѣе.

Надобно замѣтить, что въ указанную нами эпоху, во второй половинѣ XVI, и даже въ XVII и началѣ XVIII столѣтій, географія странъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Японіи, была еще совершенно неизслѣдована и неизвѣстна Европейцамъ. Такъ, относительно Іессо, никто еще не зналъ въ то время положительно, островъ ли это, или продолженіе Японіи (о-ва Нипона), или часть Азіатскаго материка (Тагарин). Сами Японцы, повидимому, имѣли лишь ограниченное и смутное понятіе о величинѣ и протяженіи этой земли. Правда, первое открытіе ея Японцами послѣдовало еще въ VII вѣкѣ по Р. Х., именно въ 658 г., когда ихъ полководецъ Абехирафу, покоривъ сѣверную часть Нипона (т. наз. Муцу-Іезо), перешелъ проливъ, отдѣляющій Нипонъ отъ Іессо, и подчинилъ южную часть этого послѣдняго, которая и получила съ тѣхъ поръ у Японцевъ названіе: *Ватари Сима Іессо*, (буквально островъ переѣзда, т. е. островъ по ту сторону пролива). Однако это подчиненіе ограничивалось повидимому долгое время только содержаніемъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ военныхъ постовъ, часть которыхъ была даже снята впоследствии, или разворена туземцами. Попытки

же установленія болѣе прочнаго владычества и заведенія болѣе обширныхъ Японскихъ поселеній начались, какъ кажется, не ранѣе конца XV и XVI столѣтій, когда Японцы ознакомились основательнѣе съ южными и восточными берегами острова и проникли наконецъ до его сѣверной окраины (*). Что же касается до Европейцевъ, посѣщавшихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ Японию, то большинство ихъ было твердо убѣждено, что Іессо составляетъ продолженіе Нипона, который только отдѣленъ отъ него большимъ врезавшимся съ востока заливомъ. Притомъ, многіе считали весьма вѣроятнымъ, что Іессо соединенъ далѣе на сѣверѣ и съ материкомъ Азіи, съ Татаріей, или какъ принимали наиримѣръ Витзенъ еще въ XVII и началѣ XVIII столѣтія, съ страной Нютче т. е. Манжуріей, точнѣе областью нынѣшняго Уссурійскаго края (**).

(*) Болѣе прочное утвержденіе Японцевъ на о-вѣ Іессо послѣдовало на ранѣе 1443 года, когда ихъ полководецъ Нобу-Фиро умиротворилъ вѣдущихъ незадолго предъ тѣмъ возстаніе туземцевъ (Айяновъ) и подчинилъ окончательно Японскому владычеству область нынѣшняго Мацмай. Тѣмъ не менѣе, поселенія Японцевъ были въ то время еще незначительны. Онѣ стали распространяться въ болѣе обширныхъ размѣрахъ уже позднѣе, около 1594 и 1670 годовъ. См. Siebold. Nippon, Archiv für Beschreibung Japan's, v. VII. II. 17 стр. 126. Что же касается до сѣверной оконечности Іессо, то она была открыта Японцами, повидимому, не ранѣе XVII стол. По крайней мѣрѣ Каронъ, въ его описаніи Японіи (1620-хъ годовъ) положительно говоритъ, что хотя Іессо и много изслѣжено Японцами въ разныхъ направленіяхъ, однако имъ не удалось еще проникнуть до его конца и всѣ такіа попытки, за трудностью пути и невозможностью достать въ пустынной странѣ сѣверныхъ припасовъ, оказывались неудачными. Однако, съ другой стороны, Зибольдъ, основываясь на Японскихъ источникахъ, говоритъ, что еще въ 1613 году Японское правительство послало изъ Соп (сѣвернаго округа Іессо) нѣсколькихъ лицъ для описанія и составленія карты находящагося къ сѣверу отъ Іессо, острова Кразто (Сахалина). Хотя экспедиція эта и не имѣла успѣха, такъ какъ ей не удалось проникнуть внутрь острова, тѣмъ не менѣе фактъ ея снаряженія показываетъ, что сѣверная оконечность Іессо была въ то время уже извѣстна Японцамъ.

(**) Убѣжденіе, что Іессо составляетъ продолженіе, Нипона раздѣлялось, между прочимъ, и наиболѣе значительнымъ Голландскимъ авторитетомъ XVII вѣка по знакомству съ Японіей — Каронъ. Впрочемъ, уже въ то время, были нѣкоторые писатели, которые доказывали противное. Такъ, уже въ 1619 г. нѣкто E. Niels Nicolai, въ своемъ «Описаніи происшествій въ Западной и Восточной Индіи», говоритъ, между прочимъ, (ссылаясь на какое-то «достоверное и важное лице, жившее довольно долгое время въ Катай и Японіи»), dass alle bisher publicirte Mappen sivil die loca septentrionalia Japoniae anfangt, in diesen 2 puncten imperfect und falsch, in dem sie erstlich oberhalb Japan eine grosse Insul auslassen, von den Japonensern Jezo, von den Inwohnern

Въ первой четверти XVII вѣка нѣсколько Іезуитовъ успѣли однако же лично проникнуть до Іессо съ цѣлью проповѣдыванія тамъ христіанской вѣры. Такъ въ 1617 и 1620 г. его посетилъ (первымъ изъ Европейцевъ) Іезуитъ Іовъ Карвалльо, а въ 1622 г. Спизіліанецъ Джироламо (Іеронимъ) Де-Анжелесъ. Послѣдній, въ одномъ изъ своихъ писемъ генералу ордена, представилъ даже довольно подробное описаніе туземцевъ, — описаніе, еще и въ настоящее время не лишнее нѣкотораго значенія для этнолога, какъ результатъ перваго знакомства съ этимъ оригинальнымъ племенемъ Европейцевъ (*).

«Что касается туземцевъ», говоритъ Де-Анжелесъ, «то они крѣпкаго сложенія и росту выше обыкновеннаго. Цвѣтъ кожи ихъ приближается скорѣе къ бѣлому, нежели къ темному. Они носятъ длинныя бороды, иногда достигающія до середины туловища. Волоса на головѣ они брѣвютъ спереди, такъ что до макушки голова у нихъ голая; но на затылкѣ нѣкоторые носятъ ихъ также длинными, какъ и Японцы. Уши у всѣхъ почти проткнуты и, вмѣсто серегъ, они носятъ серебряныя кольца; не имѣющіе же серебра, втыкаютъ замѣсто колецъ доскутки шелковой матерьи, которые и болтаются у нихъ далеко внизъ. Это относится одинаково, какъ къ женщинамъ, такъ и къ мужчинамъ. — Молодые и старые, женщины и мужчины, всѣ пьютъ вино, въ особенности, когда они являются въ городъ Мацмай, и притомъ съ большою неумѣренностью. Свой рисъ они мѣшаютъ съ масломъ, добываемымъ ими изъ одной рыбы, называемой *Тодонѣмо*, которое (т. е. масло), принятое во время или непосредственно передъ употребленіемъ вина, ослабляетъ по ихъ мнѣнію дѣйствіе винныхъ паровъ на голову. Тѣмъ не менѣе, на улицахъ можно видѣть иногда шатающихся пьяныхъ, у которыхъ голова очевидно не въ порядкѣ».

Aino mosoti (Aino mosiri?) genannt... и, во вторыхъ, что къ сѣверу отъ этого Іезо находится не провинція, а континентъ, называемый по имени одной провинціи — *Ребуикуръ*. Послѣднее утвержденіе было однако же ошибочнымъ, такъ какъ Ребуикуръ есть нечто иное, какъ невоображаемое названіе небольшого Японскаго острова Ребуизири, находящагося въ нѣсколькихъ миляхъ къ Западу отъ сѣверной оконечности Іессо. Замѣтимъ еще, что въ только что приведенной фразѣ Николай — мы встрѣчаемъ чуть ли не въ первый разъ имя Aino.

(*) Голландскій переводъ письма Де-Анжелеса находится въ извѣстномъ сочиненіи N. Witsen'a, *Noord en Oost Tartaryen*. — Іезуитъ Де-Анжелесъ погибъ мученическою смертью, вмѣстѣ съ 50-ю христіанскими Японцами, въ 1623 г. въ Іедо.

«Богатые носятъ платья изъ шелковыхъ и бумажныхъ матерій или полотна, вышитыя шелкомъ и украшенныя шелковыми же нашивками, въ формѣ крестовъ или розъ, большей или меньшей величины. Менѣе же достаточные одѣваются въ платья изъ звѣриныхъ и рыбныхъ кожъ или изъ тканей самой грубой работы. Я спрашивалъ ихъ, для чего они носятъ столько крестовъ на ихъ платьяхъ? Они старались показать, что это имъ нравится, но были въ затрудненіи объяснить, почему они выбрали для украшенія именно этотъ знакъ, а не какой нибудь другой».

«Изъ оружія употребляютъ они: стрѣлы, лукъ, копья и мечи; послѣдніе — не большей величины, чѣмъ обыкновенныя Японскіе кинжалы. Замѣсто латъ употребляютъ они короткіе кафтаны, въ родѣ фуфаякъ, съ нашивками на нихъ дощечками: костюмъ который придастъ имъ довольно смѣшной видъ. Они имѣютъ отравленныя стрѣлы, производимыя которыми раны смертельны».

«Характера они очень задорливаго, хотя убійства между ними и рѣдко случаются. — Они приносятъ на продажу рыбу, какъ свѣжую, такъ и сушеную, звѣриныя шкуры, также соколовъ, орловъ и др. птицъ, китовый жиръ и пр., и получаютъ въ обмѣнъ отъ Японцевъ рисъ, бумажныя и полотняныя ткани, а также и готовыя платья».

«Что касается до ихъ понятій о другомъ мірѣ, то онѣ весьма ничтожны или, можно сказать, ихъ совсѣмъ нѣтъ. Впрочемъ, они оказываютъ нѣкоторое почитаніе солнцу и мѣсяцу, какъ двумъ главнымъ свѣтиламъ, и, кромѣ того, еще нѣкоторымъ духамъ горъ и моря. У нихъ нѣтъ ни бонзъ или жрецовъ, ни храмовъ или какихъ нибудь мѣстъ, гдѣ бы они собирались для молитвы. Никто изъ нихъ не умѣетъ читать и писать».

«Каждый изъ нихъ имѣетъ по двѣ законныхъ жены, нѣкоторые впрочемъ только одну, многіе же наоборотъ еще по нѣскольку, которыхъ они, подобно Китаичамъ, признаютъ уже наложницами. Послѣ смерти мужа вдова переселяется въ домъ свекра или кого нибудь изъ друзей мужа и при этомъ не имѣетъ права выйти за мужъ вторично. Женщинъ, уличенныхъ въ прелюбодѣяніи, обриваютъ волосы на головѣ, а у обольстителя оскорбленный мужъ отнимаетъ съ помощью своихъ друзей его саблю и всѣ лучшія украшенія, и это всякій разъ, какъ только его гдѣ либо встрѣтятъ».

Послѣ изгнанія Іезуитовъ и вообще Европейцевъ изъ

Японии, въ 1637—38 г., все свѣдѣнія объ этой странѣ, а свѣд. и объ Айнахъ, стали распространяться долгое время исключительно чрезъ посредство Голландцевъ, которые одни только пользовались правомъ вести торговля сношенія съ Японцами. Впрочемъ, сношенія эти, какъ ограниченныя однимъ городомъ Нагасаки, и притомъ обставленныя весьма стѣснительными и тягостными условіями, были такого рода, что съ трудомъ допускали сколько нибудь подробное и обстоятельное ознакомленіе съ страной и ея населеніемъ. Правда, что нѣкоторые изъ членовъ Голландской факторіи, преимущественно врачи, даже и при этихъ стѣснительныхъ условіяхъ, находили возможнымъ, съ помощью Японскихъ книгъ и ученыхъ, собирать весьма важныя и интересныя свѣдѣнія объ Японіи; но во 1) все эти замѣчательныя труды, какъ напр. Кемпфера, Тунберга, Зибольда и др. появились уже позднѣе, въ XVIII и даже первой 1/2 XIX столѣтія, а во 2) они посвящены почти исключительно описанію самой Японіи, ея природы, исторіи, государственнаго строя, религіи, быта народа и пр. Что же касается до отдаленныхъ сѣверныхъ областей Японскаго архипелага и населяющаго ихъ племени Аиновъ, то единственныя свѣдѣнія, собранныя относительно этого предмета Голландцами въ XVII столѣтіи и позднѣе, заключаются только въ результатахъ экспедицій кораблей Кастрикума и Брескенса. Экспедиція эта, снаряженная подъ командою капитановъ Фриза и Шена была послана въ 1643 г. тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ Нидерландскихъ колоній въ Остъ-Индіи Ванъ-Дименомъ, и цѣль ея заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы отыскать т. наз. «золотые и серебряные острова» (Goud- en Zilverryke Eilanden), которые, по слухамъ, расшумѣвшимъ въ XVI столѣтіи Испанцами, находились будто бы гдѣ то на востокъ отъ Японіи. Кроме того экспедиція поставлялась въ обязанность — изслѣдовать страны, лежащія къ сѣверу отъ Японіи, въ особенности опредѣлить настоящее положеніе земли Иессо, — есть ли это продолженіе Японіи, отдѣльный о-въ, или часть Китайской Татаріи.

Главной цѣли своей т. е. отысканія золотыхъ и серебряныхъ острововъ экспедиція конечно не достигла, но на сѣверъ Японіи ей удалось открыть неизвѣстныя еще земли и собрать нѣсколько интересныхъ данныхъ о населяющемъ ихъ племени. Оба корабля производили свои розысканія независимо одинъ отъ другаго, такъ какъ бурей у юго-восточныхъ береговъ Японіи они были разлучены

въ самомъ началѣ экспедиціи. Капитанъ Шенъ, на яхтѣ Брескенсъ, направилъ свой путь на сѣверъ, вдоль восточнаго берега Японіи, перешелъ проливъ, отдѣляющій Японію отъ Иессо, шелъ нѣсколько времени вдоль юго-восточнаго берега послѣдняго и затѣмъ, держась восточнаго и сѣверо-восточнаго направленія, открылъ подъ 47°42' широты неизвѣстную землю, которую онъ принялъ за часть Америки. На самомъ же дѣлѣ это была вѣроятно Симуширь (или Мариканъ), шестнадцатый островъ въ ряду Курильскихъ. Отсюда яхта повернула назадъ и — приблизившись къ берегамъ Японіи, стала на якорь въ бухтѣ Намбу, гдѣ командиръ судна, высадившись съ десятью людьми экипажа на берегъ, былъ взятъ въ плѣнъ Японцами. Яхта же, съ остальнымъ экипажемъ, недождавшись возвращенія своего капитана, направилась, согласно данной ей инструкціи, къ востоку, искала въ параллели 37°, на пространствѣ около 480 геогр. миль, проблематическихъ острововъ, ничего не нашла и принуждена была вернуться въ Батавію. *)

Собранный во время этого плаванія этнографическій матеріалъ былъ однако же, можно сказать, ничтоженъ, и ограничивался только краткимъ описаніемъ немногихъ встрѣчъ съ туземцами на юго-восточныхъ берегахъ Иессо. Для полноты мы позволимъ себѣ привести здѣсь эти встрѣчи, какъ онѣ описаны, на основаніи корабельнаго журнала Брескенса, у Витзена въ его сочиненіи о восточной Татаріи, и оттуда переведены Миллеромъ въ его статьѣ «о морскихъ путешествіяхъ по Ледовитому и Восточному морю» **).

«Корабль Брескенсъ, въ мѣсяцъ іюнь (1643) перешелъ чрезъ проливъ, землю Езо отъ Японіи раздѣляющій. Сіе было подъ 41°50' широты и подъ 161°48' долготы. У мыса во первыхъ съ сего корабля увидѣннаго показались восемь или девять камней парусамъ подобные, а отъ нихъ простирался камень же рядомъ на милью въ море. Тамъ появились суда небольшія, гребцы имѣли по веслу въ рукѣ, коими гребли они попеременно, то одно то другое весло опускавъ въ воду, и ѣхали весьма скоро. Примѣчено, что сіи люди были неглупы (?) бороды у нихъ черныя, долги и косматыя, лицо смуг-

*) Подробное см. Siebold's Archiv II стр. 62.

**) См. Ежемесячныя сочиненія 1758 г. «Описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому и Восточному морю съ Россійской стороны учиненныхъ».

лое, спереди на головѣ шириною перста на три волоса висять долги, а на затылкѣ обстрижены. Присмотрѣно, что они въ знакъ благодарности руки свои надъ головою вмѣстѣ складывали; платье изъ медвѣжьей кожи, оружье, у нихъ лукъ да стрѣлы. Оттуда шелъ корабль на немалое разстояніе подѣ востокъ, и матросы ловили въ морѣ много трески. Подѣ высотой полюса $43^{\circ}4'$ увидѣли съ корабля наки землю. Подѣ $44^{\circ}4'$ широты привалили къ нимъ суда, на коихъ были люди тѣломъ толсты и въ обхожденіи разумны (?). При нихъ находились женщины лицомъ смуглыя и губы и руки у нихъ синюю краскою выкрашены. Волосы на головѣ кругло подстрижены ниже ушей шириною перста на три, и снѣгъ на молодыхъ мущинахъ походил. Сія люди весьма охотно пили водку. На нѣкоторыхъ изъ нихъ было и платье по Японскому манеру шитое, а другіе имѣли кресты на своихъ кафтанахъ. Сверхъ стрѣлъ и луковъ, употребляютъ они и сабли такія же, какъ у Японцевъ. Ефесы у саблей выложены мелкимъ золотомъ, полосы по краямъ серебряныя, ножны и протупен (sic) серебромъ вышиты. Въ ушахъ висѣли у нихъ серебряныя кольца и Ниренбергскій бисеръ. Видѣли у нихъ тюленьи и бобрковыя кожи и нѣкоторыя Индійскія матеріи. Суда ихъ выдолблены изъ одного дерева, безъ досокъ набойныхъ.

Гораздо болѣе значительныя свѣдѣнія были собраны другимъ кораблемъ *Castricum*, находившимся подѣ командою главнаго начальника экспедиціи, капитана Фриза (*Vries*). Корабль этотъ шелъ сначала вдоль восточнаго берега Японы, до параллели $40^{\circ}27'$, за тѣмъ направилъ свой путь на сѣверо-востокъ и открылъ юго-восточную оконечность Исесо, широта которой была определена въ 42° . Отсюда Фризь продолжалъ свой путь вдоль юго-восточнаго берега этой земли до мыса Носеяма ($43^{\circ}37'$), и затѣмъ, взявши курсъ на СВ., открылъ неизвѣстныя еще земли, именно островъ, отдѣленный съ востока и запада проливами отъ континентовъ. Островъ этотъ онъ назвалъ «островъ Штатовъ» (*Staaten-Eiland*), континентъ, находящійся къ востоку, онъ принялъ за часть Америки (которая, по мнѣнію тогдашнихъ мореходовъ простиралась въ этихъ широтахъ далеко на западъ), и назвалъ Землей Компаніи (*Compagnies Land*); континентъ же, лежащій къ западу, онъ призналъ за часть Исесо. На самомъ же дѣлѣ, какъ оказалось впоследствии, открытая Фризомъ «*Compagnies Land*» была ничто иное, какъ о-въ Уруиъ (19-ый въ

ряду Куриловъ), «*Staaten-Land*» о-въ Итурутъ (Иторо), а минимая часть Исесо — о-въ Кунаширъ — (21-ый въ ряду Куриловъ). Затѣмъ Фризь отправился далѣе на сѣверъ и достигъ 48° широты; но здѣсь неблагоприятныя вѣтры заставили его вернуться и онъ подошелъ къ сѣверо-восточному берегу Исесо подѣ 45° . Отсюда, держа курсъ на С. С. В. и СВ., онъ замѣтилъ еще неизвѣстный берегъ, названный имъ *Portland*, слѣдуя вдоль котораго къ сѣверу, онъ очутился въ большой бухтѣ, въ и сталъ на якорь у самаго сѣвернаго конца ея, близъ селенія *Томари-Анива*. Селеніе этого имени существуетъ и теперь, именно въ южной части острова Сахалина, въ бухтѣ Анива, которая образуется, какъ извѣстно, двумя узкими полуостровами, изъ коихъ конецъ восточнаго (мысъ Анива), былъ въ послѣдствіи обѣханъ Фризомъ, а конецъ западнаго (мысъ Крильонъ), по всей вѣроятности, за туманами, не былъ имъ замѣченъ, равно какъ и проливъ, отдѣляющій его отъ Исесо. Обѣхавъ мысъ Анива, Фризь пошелъ вдоль восточнаго берега Сахалина (который онъ принималъ за Исесо) до 49° широты, гдѣ снова открылъ большую бухту, названную имъ и посвященную еще и теперь названіе «Залива Терпѣнія» (*Bocht van Patientie*). Здѣсь туманы и противныя вѣтры заставили его скорѣе воротиться и онъ пошелъ въ бухту *Atkesi* (Аткисъ), откуда спустившись къ югу, онъ повернулъ на востокъ, искалъ между 37° — 38° широты золотыхъ острововъ и, ничего не найдя, вернулся наконецъ въ Батавію. °)

Во время этого плаванія, экипажъ *Кастрикума* имѣлъ неоднократно случай вступать въ сношенія съ туземцами и успѣлъ собрать нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ ихъ физическихъ особенностяхъ, по селеніяхъ, образѣ жизни и т. п. Свѣдѣнія эти отчасти разбросаны въ писмахъ нѣкоторыхъ участниковъ экспедиціи, отчасти же сведены въ одно цѣлое изъ устныхъ рассказовъ послѣднихъ и изданы отдѣльной книгой, появившейся безъ имени автора въ 1646 г. въ Голландіи. °°) Мы позво-

°) Ся. Siebold l. c. II. 17 стр. 62—64—Подробные отчеты о плаваніи Голландской экспедиціи не были напечатаны, и по видимому не сохранились. Впрочемъ, существуетъ извѣстіе, что они были куплены за огромную сумму извѣстнымъ капитаномъ русской службы Берингомъ.

°°) *Koorte beschryvinghe van het Eylandt by de Japanners Eso genaemt, nevens de manieren, zeden, ommevangh ende gestalte des selfs Inwoonderen, soo als het eerst in den Jare 1643 van't Schip Castricum bezeylt end ondervonden is Amst 1646*—Въ извлеченіи это описаніе приве-

лимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько вышесокъ изъ обоихъ этихъ источниковъ.

«Первые люди, съ которыми мы встрѣтились по приближеніи къ Иессо, пишетъ одинъ изъ участниковъ экспедиціи, было двое мужчинъ съ однимъ мальчикомъ, некрасивой наружности, смуглаго, дикаго вида, (*zwart en barbarisch in't aenzien*), крѣпкаго и сильнаго сложенія, съ густыми черными бородами и большими головами, которыя спереди были выбриты до макушки, а назадъ, какъ и по всему тѣлу, покрыты длинными, черными волосами, въ родѣ того, какъ намъ обыкновенно описываютъ дикарей (?). Люди эти одѣты были въ звѣринныя шкуры, сшитыя на манеръ Японскихъ кафтаповъ, и имѣли при себѣ въ своей прау (лодкѣ) — оружіе: стрѣлы и луки, а также сабли и ножи, сходные по формѣ съ Японскими и рукоятки которыхъ были обложены серебромъ и украшены Японскими надписями. Когда они подъѣхали къ кораблю и взобрались на палубу, мы дали имъ нѣсколько рису и араху, который они называли Саки; въ благодарность, они предложили намъ съ своей стороны нѣсколько сушеной рыбы и одну оленью шкуру. Одинъ изъ нихъ имѣлъ въ своемъ ухѣ кольцо изъ плетеннаго золота или томпака, и когда наши спрашивали у него, гдѣ можно достать такіа, то единственно отвѣтъ его, который можно было понять, заключался въ томъ, что мѣсто, изъ котораго они пріѣхали, называется *Tocapsie*... Когда мы встали на якорь у самаго внутренняго или сѣвернаго конца бухты *Blyenberg* (Анива) подъ 47°12' широты и 162°15' долготы, встрѣтили мы снова туземцевъ, которые были нѣсколько блѣднѣе и красивѣе лицомъ, чѣмъ видѣнные нами ранѣе, хотя отличались такою же волосатостью и густыми бородами и были подобнымъ же образомъ одѣты и вооружены. Ихъ рѣчь и образъ жизни были повидимому также одинаковы, впрочемъ они не предлагали намъ въ обмѣнъ ни звѣринныхъ шкуръ, ни китоваго жира... Изъ бесѣды съ ними можно было понять, что страна ихъ называется Анива, а селеніе, въ которомъ они живутъ, — Томари... Въ тотъ же день къ намъ явились еще нѣсколько туземцевъ, и привезли съ собою сушеной рыбы, въ обмѣнъ на желѣзные обручи, до которыхъ они были,

повидимому, большіе охотники; люди эти были нѣсколько лучше украшены, такъ какъ у многихъ находились большія серебряныя кольца въ ушахъ и нитки коралловъ съ мѣдными подвѣсками на шеѣ».

«Во все время нашего пребыванія здѣсь стояла постоянно туманная погода и являлось много туземцевъ, отъ которыхъ, за разный желѣзный хламъ, мы вымѣняли столько рыбы, что ею кормился нѣсколько времени весь экипажъ. Мы посылали также партіи съ различными товарами на берегъ, для того, чтобы собрать при этомъ случаѣ нѣкоторые свѣдѣнія о странѣ и ея жителяхъ... Тѣ, которые побывали на берегу, нашли, что дома туземцевъ были сдѣланы изъ деревянныхъ досокъ и жердей, обложенныхъ снаружи древесною корою, а внутри имѣли тонкія деревянные перегородки и были убраны тростниковыми циновками. Посрединѣ жилищъ находился очагъ, на которомъ постоянно горѣлъ огонь, и въ дымъ котораго коптились привѣшенные сверху лососи и другія рыбы. При входѣ въ дома можно было видѣть иногда ткацкіе станки, на которыхъ дѣлалась грубая рогожная ткань. Жилища были окружены снаружы палисадниками. Жители показывали намъ, между прочимъ, красныя китайскія парчи, а также лакированныя японскія блюда и чашки, въ которыхъ каждый изъ нихъ предлагалъ для угощенія сушеную рыбу. При этомъ одна женщина промѣняла нашимъ свое вышитое платье за три нитки коралловъ. Позади селенія протекала рѣка съ хорошей водою, на берегу которой, къ удивленію своему, наши увидѣли собакъ, занимавшихся ловлею въ водѣ рыбы, къ чему онѣ были повидимому нарочно приучены. Также видѣли здѣсь ребенка, совершенно бѣлаго цвѣта кожи, на тѣлѣ котораго было навѣшено съ полъфунта серебряныхъ украшеній. Мать его сидѣла рядомъ и занималась пошивкой его платья, причемъ она употребляла большую китайскую иглу, и дѣйствовала ею на японскій манеръ»...

«Жители объясняли намъ, что ихъ страна простирается отъ Татаріи на сѣверъ до Езо на югъ и что Езо есть островъ, вмѣняющій къ югу отъ себя Японію а къ западу и къ юго-западу — Корейю».

Болѣе подробныя и обстоятельныя этнографическія свѣдѣнія мы находимъ въ упомянутомъ выше анонимномъ «Описаніи Иессо и его жителей», составленномъ по наблюденіямъ экспедиціи Кастрикума, въ 1846 г. однимъ анонимнымъ голландскимъ писателемъ. — «Обитатели Иессо», говорится здѣсь, «все имѣютъ между со-

дено у N. Witsen въ его соч. *Noorden Oost Tartaryen etc.* Deel. I изд. 1785 г. стр. 134 слѣд., которымъ мы пользовались, а также по французскомъ переводѣ (болѣе сокращенномъ и не всегда вѣрнымъ) въ *Recueil de Voyages au Nord IV* Amst 1732 г.

бою много общаго; они — небольшого роста, коренастаго и плотнаго сложенія, имѣютъ длинные волосы и густыя, косматыя бороды, которыя закрываютъ почти все ихъ лице; наоборотъ, голова у нихъ спереди голая, такъ какъ они имѣютъ обыкновеніе брить ее вплоть до макушки. Черты лица у нихъ довольно пріятныя, глаза черные, носъ не приплюснутый, лобъ низкій; кожа ихъ имѣетъ желтый цвѣтъ и все тѣло ихъ покрыто волосами (*geel van vel en over het gansche lyf ruig*). Женщины не такъ смуглы, какъ мужчины: онѣ либо подстригаютъ волосы въ кружокъ, либо оставляютъ ихъ роста и приподымаютъ вверхъ, въ родѣ того, какъ это дѣлаютъ Индіанки. Губы и брови у нихъ окрашены въ синий или черный цвѣтъ, а въ ушахъ онѣ носятъ, какъ и мужчины, серебряныя кольца; у нѣкоторыхъ имѣются также перстни на пальцахъ»...

«Насколько то можно было заключить изъ поверхностнаго конечно наблюденія, они не имѣютъ никакой религіи. Впрочемъ, садясь вокругъ своего очага и принимаясь за попойку, они брызгаютъ сначала по нѣскольку капель въ различныя стороны, какъ будто бы приносятъ тѣмъ какую то жертву. Кроме того, они имѣютъ еще особыя деревянныя палочки, одинъ конецъ которыхъ украшенъ завитками и стружками; палочки эти они втыкаютъ во многія мѣстахъ въ землю, а также вѣшаютъ ихъ въ своихъ домахъ по стѣнамъ. Когда кто нибудь изъ нихъ заболѣетъ, они берутъ длинныя палочки, и расщепивъ помощью ножа одинъ конецъ ихъ въ тонкія стружки или завитки, привязываютъ ихъ къ головѣ и рукамъ больного»...

«Между ними нельзя было замѣтить никакой определенной формы правленія, законовъ или начальства. Ихъ можно было бы принять за разбойниковъ или бродягъ(?), тѣмъ болѣе, что у большей части головы были покрыты рубцами и ранами, свидѣтельствовавшими объ участіи ихъ въ болшихъ побойкахъ»...

«Каждый изъ нихъ имѣетъ по двѣ жены, которыя занимаются приготовленіемъ циновокъ изъ тростника, шьютъ мужьямъ платья, варятъ изъ кушанье, собираютъ хворостъ въ лесу и т. д. Мужчины очень ревнивы къ своимъ женамъ и дочерямъ и не могутъ терпѣть, чтобы посторонніе болтали и шутили съ ними; если же они бы замѣтили, что кто либо пытается соблазнить женщину, того они навѣрное бы убили. Какъ мужчины, такъ и женщины весьма наклонны къ пьянству»...

«Съ перваго взгляда, ихъ волосатость и косматыя

бороды заставляютъ нѣчь ихъ за грубыхъ дикарей; но, на самомъ дѣлѣ, ихъ поведеніе въ отношеніи иностранцевъ на столько просто и искренно, что лучше не могли бы вести себя образованные и вѣжливые люди. Являясь передъ чужеземцами, они одѣваются въ самыя лучшія свои платья, держатъ себя прилично, произносятъ почтительно свои привѣтствія и пожеланія, склоняютъ въ знакъ поклона голову, складываютъ и разводятъ руки и т. д. Поютъ они дрожащимъ голосомъ, какъ и Японцы. Если имъ даютъ какое нибудь порученіе или работу, они живо принимаются за дѣло и работаютъ дружно и весело».

«Когда ихъ женщины собираются родить, онѣ удаляются въ отдѣльную хижину, куда, въ продолженіи двухъ-трѣхъ недѣль послѣ родовъ, не входитъ ни одинъ мужчина. Поворожденные дѣти имѣютъ совершенно бѣлый цвѣтъ кожи. Женщины, когда кормятъ дѣтей грудью, поступаютъ при этомъ такъ прилично, что наши Голландцы не могли совершенно видѣть ихъ груди, такъ какъ они открываютъ ихъ лишь настолько, насколько это нужно для ребенка. Даже дѣвочки и маленькія дѣти, которыя иногда въ хорошую погоду бѣгаютъ совершенно нагія, при видѣ иностранцевъ конфузятся и прячутся одинъ за другаго, выказывая при этомъ всѣ признаки стыда. Женщины носятъ маленькихъ ребятъ въ своихъ платьяхъ, на синий, при помощи ремня, привязаннаго къ головѣ».

Жилыща туземцевъ расположены обыкновенно по скатамъ холмовъ и сдѣланы изъ тонкихъ тесаныхъ досокъ, утвержденныхъ между воткнутыми въ землю древесными стволами; онѣ покрыты какъ сверху, такъ и съ боковъ корою и имѣютъ въ крышѣ отверстіе для выхода дыма. Внутри находится комната, имѣющая 8—10 шаговъ въ длину и 6 въ ширину, подраздѣленная перегородками, и земляной полъ которой покрытъ тростниковыми циновками. Вышина хижинъ обыкновенно не выше двойнаго роста человека. Снаружи онѣ окружены палисадникомъ, а входныя двери ихъ такъ низки, что человекъ можетъ войти туда только согнувшись или на четверенькахъ. Селенія состоятъ обыкновенно изъ 12 домовъ, самое большее изъ 18—20, иногда же только 6—7, и бываютъ расположены одно отъ другаго въ полъ-мили и болѣе разстояніи. У нихъ нѣтъ никакой мебели, за исключеніемъ циновокъ и немногихъ одѣялъ, на которыхъ они сидятъ и спятъ. Японскія платья, шелковыя и бу-

мажныи, и серебряныи украшеніи составляютъ ихъ единственное богатство.»

«Въ Асикеусъ (Аткисъ), въ продолженіи нѣсколькихъ зимъ, отъ сильныхъ холодовъ и голода умираю много народа: могилы этихъ умершихъ находятся на берегу и покрыты кучами устричныхъ раковинъ. Въ другихъ мѣстахъ умершіе помѣщаются въ особыхъ хижинахъ, въ ящикахъ, приподнятыхъ надъ землей на четырехъ столбахъ; хижины эти сдѣланы съ большимъ искусствомъ, впрочемъ въ нихъ не замѣчается никакихъ приношеній умершимъ.»

«Пища ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ рыбы, китоваго сала и жира, и зеленыхъ бутонъ особаго вида красныхъ розъ или по Кноппену—*gratecus*; живущіе же внутри страны употребляютъ также мясо. Изъ посуды у нихъ встрѣчаются лакированныя чашки и четырехъугольныя миски, въ которыхъ они ѣдятъ, каждый изъ своей чашки. При ѣдѣ они пользуются палочками, какъ и Японцы; тѣ же, которыхъ мы встрѣтили подлѣ 48° 50' широты и которые, хотя были одѣты и обриты подобнымъ же образомъ, но отличались болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и нѣсколько инымъ нарѣченіемъ, — ѣли просто при помощи пальцевъ.»

«Кромѣ упомянутыхъ выше шелковыхъ и бумажныхъ платьевъ японской работы, у нихъ въ употребленіи еще свои, сдѣланныя изъ грубой растительной ткани или изъ звѣриныхъ шкуръ; рукава этихъ платьевъ не широкіе, какъ у Японцевъ, а скорѣ узкіе и обхватываютъ плотно руку около кисти. Они любятъ украшать свои платья различными шелковыми полосками и лоскутками, иногда въ видѣ крестовъ или цвѣтовъ, а также металлическими бляхами.»

«По своей природѣ жители Иессо довольно лѣнны; они не воздѣлываютъ земли и не разводятъ никакихъ растений. Живущіе по берегамъ моря имѣютъ лодки, выдолбленныя изъ толстыхъ стволовъ, съ наставленными вдоль краевъ въ 1 футъ вышины досками. Они ѣздятъ на этихъ лодкахъ по морю для охоты за тюленями и другими морскими животными, а также для ловли рыбы; при этомъ они гребутъ попеременно, то однимъ, то другимъ весломъ. Гарины ихъ сдѣланы изъ кости, съ концомъ обитымъ желѣзомъ или мѣдью. Они имѣютъ также неводы, сходные съ Голландскими, нити для которыхъ они приготовляютъ изъ одного дикорастущаго вида конопля. Для ловли же птицъ, орловъ, вороновъ, чаекъ, бекасовъ и т. п. у нихъ существуютъ особыя

ловушки, которыя натягиваются подобно лукамъ, и въ которыя кладется для приманки падаля. Они ведутъ торговыя сношенія съ Японцами, которые привозятъ къ нимъ разъ въ годъ и привозятъ рисъ, саки, шелковыя и бумажныя платья, мѣдныя трубки и табакъ, чашки для питья, серебряныя и мѣдныя кольца для ношенія въ ушахъ, топоры, ножи и проч., получая въ обменъ китовый жиръ и сало, звѣриныя шкуры, птичьи (особенно орлиныя) перья, конченые китовыя языки и т. п. Въ торговлѣ они честны и въ нихъ не замѣчается плутоватости.»

«Оружіе ихъ состоитъ изъ стрѣлъ, луковъ и сабель; послѣднія сходны по формѣ съ Японскими и выложены серебромъ. Колчанъ они привѣшиваютъ на перевязи къ головѣ такимъ образомъ, что онъ виситъ у нихъ на правой сторонѣ. Луки ихъ имѣютъ длиной отъ 4 до 5 футовъ и дѣлаются изъ ольховаго или ясеневаго дерева, а стрѣлы ихъ — величиной съ полтарашина, выдѣланы довольно искусно и снабжены остриемъ изъ тростника, которое намазывается чернымъ ядомъ. Ядъ этотъ весьма силенъ, и, попавъ въ рану, производитъ мгновенно смерть.»

«Когда имъ удастся взять въ плѣнъ враговъ, они убиваютъ ихъ варварскимъ образомъ, ударомъ большой тяжелой палицы по головѣ. Подобнымъ же образомъ они поступаютъ съ дѣми, которые будутъ уличены въ незаконныхъ сношеніяхъ съ чужими женами и дочерьми. Они храбры и воинственны, и имѣютъ иногда жестокіе бои съ своими сѣдами.»

Послѣ экспедицій Кастрикума и Брескенса свѣдѣнія объ Айпахъ не подвинулись ни сколько въ продолженіи цѣлаго столѣтія. Онѣ начинаютъ увеличиваться только въ XVIII вѣкѣ и на этотъ разъ со стороны русскихъ, которые, покоривъ въ концѣ XVII вѣка Камчатку, проникли до ея южной оконечности, т. е. Лопатки, и начали заниматься «проездыканіемъ» лежащимъ къ югу отъ нея неизвѣстныхъ острововъ. — Первое извѣстіе объ этихъ островахъ (равно какъ и объ Японіи) было получено казацкимъ пятидесятникомъ Владиміромъ Атласовымъ (покорителемъ Камчатки) въ 1697 г., отъ одного Японца, занесеннаго случайно бурей къ Камчатскому берегу и найденнаго у Камчадаловъ въ *асырагъ* (въ плѣну). Японецъ этотъ (или, какъ его называли Атласовъ въ поданной имъ Якутской канцеляріи челобитной, полонникъ Узакинскаго Государства, т. е. изъ г. Осаки) — объяснилъ, что страна его находится не въ очень даль-

немъ разстояніи отъ Камчатки къ югу, и что между нею и Камчаткою существуютъ еще промежуточные острова. Немного позже, въ 1703—1706 гг., казаки, покоривъ южную часть Камчатки, получили еще болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о существованіи далѣе на югъ «за переливами» острововъ, открытіе которыхъ впрочемъ нѣсколько замедлилось вслѣдствіе случившагося въ 1707 году возстанія Камчадаловъ и послѣдовавшаго за тѣмъ бунта въ средѣ самихъ казаковъ. Тѣмъ не менѣе, въ Августъ 1711 г., атаманъ Данила Анцыферовъ и асаулъ Иванъ Козыревскій *)—мы приводимъ далѣе слова Миллера — «отправилъ съ служилыми людьми на малыхъ байдарахъ за переливъ, на первый островъ, гдѣ при устьѣ рѣчки Кудутутана съ немалымъ числомъ Куриловъ бой имѣли. Жители на семъ первомъ острову были не самые Курилы. Настоящій Курильскій народъ обиталъ на второмъ и на прочихъ далѣе лежащихъ къ полудню островахъ. Но на Камчаткѣ вошло въ обычай называть Курилами и нѣкоторыхъ изъ Камчадаловъ, обитающихъ по южную сторону большой рѣки, хотя языкъ ихъ разнится отъ прочихъ Камчадаловъ только нѣкоторыми словами и произношеніемъ. Посреди жилищъ ихъ находящееся озеро называется Курильскимъ, а противу сего озера Камчадальскій островъ — Курильскимъ же. Сіи и обыватели перваго острова одинъ народъ. Кажется, что островные жители послѣ бунта 1706 г. хотя не все, но по большей части съ матерой земли туда перешли **). Успѣхъ отъ упомянутаго боя сей былъ, что

*) Ближайшимъ поводомъ къ покоренію перваго Курильскаго острова послужило слѣдующее обстоятельство. Въ 1711 г. произошло между казаками въ Камчаткѣ бунтъ, въ которомъ были убиты два казенныхъ прикащика и даже, какъ говорить преданіе, самъ Вл. Атласовъ (что впрочемъ не доказано). Заводчиками бунта были упомянутые Дан. Анцыферовъ и Ив. Козыревскій, которые и были избраны бунтовщиками, одинъ — атаманомъ, другой — асaulомъ. Оба они, сознавая, что преступленіе ихъ рано или поздно откроется, рѣшили признать повинную въ своемъ самовольствѣ, оправдывая его разными притѣсненіями отъ прикащиковъ, и кромѣ того, желая загладить свою вину, смрачили Большерѣцкихъ Камчадаловъ, построили вновь раззоренный послѣдними Большерѣцкій острогъ, и приложили стараніе въ открытію Курильскихъ острововъ, объ которыхъ не задолго предъ тѣмъ именно въ 1710 г. были только что получены болѣе подробныя свѣдѣнія отъ — также занесенныхъ бурей въ Калигарскую (или Халагарскую) губу — Японцевъ.

**) По словамъ Крашенинникова (бывшаго въ Камчаткѣ въ 1737—47 гг.) см. его *Описаніе земли Камчатки*, т. I, 1755 г. стр. 104 сл.; жители перваго острова, также какъ и жители на Курильской Лопаткѣ непрямыя Курилы, но Камчатскаго (Камчадалы).

жители рѣченнаго острова, потерявъ десять человекъ своихъ въ сраженіи, и вида не малое число раненыхъ, склонились въ вѣчное подданство. Только не взято было съ нихъ ясаку; ибо на острову ни соболей, ни лисицъ нѣтъ, также морскихъ бобровъ тамъ не промышляютъ, а живутъ только съ промыслу нерпы, или тюленей, и платятъ посятъ изъ кожъ нерпичьихъ и птичьихъ... Впрочемъ казаки приписывали Куриламъ великую храбрость въ бою и выхваляли ихъ паче всехъ народовъ, живущихъ отъ Анадырскаго острогу, и по всей Камчаткѣ. Три Курильскіе морскіе карбаса, полученные казаками въ добычу у перваго острова, способствовали имъ къ переѣзду на другой островъ, къ которому они немедленно и отправились.»

«На другомъ острову, по объявленію казаковъ, жили люди называемые Езовитяне, то есть Курилы, по Японскому названію Езо (?). Сіи, собравшись въ многолюдствѣ, стали при рѣчкѣ Ясвилкѣ (?) вооружены, и къ битвѣ готовы; казаки же за малолѣдствомъ и за оскудѣніемъ пороку въ бой съ ними вступить не осмѣлились. Паче старались они призывать ихъ чрезъ толмачей въ подданство и въ ясашной платѣжъ ласкою; но островные жители на то отвѣтствовали: «что де они тамъ живучи ясаку платить никому не знаютъ, и прежде съ нихъ ясаку никто не бралъ, соболей и лисицъ не промышляютъ, а промышляютъ бобровъ въ зимнее время; и которые были у нихъ бобры, тѣ де распродали иной землѣ людямъ, которую де видѣть можно съ ихъ острова въ полуденную сторону. Тѣ де люди привозятъ къ нимъ желѣзо и иные товары, крошечные тканые пестрые, и нѣмъ де дать ясаку нечѣмъ;» а впродъ хотѣть ли ясакъ платить, о томъ не сказали. И съ тѣмъ возвратились казаки сентября 18 дня въ Большерѣцкій острогъ.»

Но возвращеніи казаковъ, прикащикъ Колесовъ, получивъ между тѣмъ изъ разсказовъ выброшенныхъ въ Камчаткѣ Японцевъ, свѣдѣнія о существованіи Япон-

скаго) поколѣнія, которые, по причинѣ нѣкоторыхъ бывшихъ между ими несогласій, особливо же по вступленіи въ сію землю Россійскихъ людей, отъѣздили отъ прочихъ и поселились на острову и на Лопаткѣ. А Курилами прозваны они по жителямъ втораго острова, съ которыми они, вступивъ въ сродство чрезъ взаимное брачное союзушеніе, не только нѣкоторые ихъ обычай приняли, но и знатно отъ предковъ своихъ видомъ перемѣнились; ибо дѣти, рожденные отъ родителей различныхъ оныхъ націй, и собою внешне, и волосомъ черные, и тѣломъ дохматы.»

скаго государства, предложилъ Козыревскому, за смертью атамана Анцыферова, заслужить прежнюю вину его новымъ походомъ—для провозданія въ морѣ острововъ, новыхъ землицъ, всякаго народа и Японскаго государства противъ Камчатскаго носа за переливы.—*) Согласно этому наказу, въ 1713 г. Козыревскій отправился на байдарахъ вторично на Курильскіе острова, и, по прибытіи на второй островъ, встрѣтилъ тамъ народъ самовластный, съ которымъ имѣлъ три упорныхъ боя. По донесенію Казаковъ *Курильцы были злы жестоки и наступали въ куклахъ, имѣя сабли, конья и луки со стрѣлами.***) Покоривъ второй островъ и обложивъ ясакомъ его жителей, Козыревскій возвратился въ Камчатку и представилъ въ видѣ трофеевъ: «погромное платье—дабиное, шелковое и крапивное, котораго казаки нашли довольно на 2-мъ островѣ, японскія сабли, 3 плашки золотыя (Япон. монеты), 2-хъ аманатовъ со 2-го острова и одного дальняго Курильца, по имени Шатавой, зашедшаго на 2-й—съ остр. Иту-рупа для торговли японскими вещами и попавшаго къ казакамъ въ числѣ плѣнныхъ.»***) Козыревскій сообщилъ при этомъ и первыя обстоятельныя свѣдѣнія о курильскихъ островахъ, какъ о первомъ (*Шуму*) и второмъ (*Парамуширѣ*), такъ и о прочихъ—до самаго Мацмай или Иессо, о которыхъ онъ могъ узнать изъ распросовъ. По его описанію, жители втораго острова и слѣдующихъ отличаются отъ жителей перваго тѣмъ, «что брѣютъ головы до затылка, и когда хотятъ кого поздравить, то становятся на колѣни; они дѣлаютъ холстъ изъ крапивы, который и употребляютъ на платье, а чрезъ торговлю съ живущими на дальнихъ островахъ курильцами получаютъ шелковыя и бумажныя матеріи, также котлы, сабли и «левкашенную» (лаковую) посуду».—За вторымъ островомъ, черезъ проливъ, слѣдуетъ третій островъ (*Мушу* или *Оникутанъ*), «на которомъ живутъ Курильцы же и дѣлаютъ

такой же холстъ изъ крапивы; сверхъ того промышленно морскихъ бобровъ и лисицъ. Жители ходятъ для промысловъ на нѣкоторые острова въ сторонѣ лежащія; иногда же прѣзжаютъ и на Камчатку, и тамъ, закупивъ бобровъ, лисицъ и другіе товары, продаютъ ихъ жителямъ острововъ, находящихся далѣе къ югу; многіе знаютъ камчадалскій языкъ, коимъ говорятъ на Большой рѣкѣ, потому что они съ Большерѣцкими Камчадалами торгуютъ и женятся». *) На западной сторонѣ этихъ трехъ острововъ находятся еще три—малые пежилые, а къ югу—тринадцать острововъ, восемь въ грядѣ и пять внѣ гряды, большая часть которыхъ также малы, и, или совсѣмъ не имѣютъ жителей, или лишь по нѣскольку десятковъ человѣкъ. Затѣмъ слѣдуютъ островъ *Итурпу* «великъ и многолюденъ. Жители сего острова называются на Курильскомъ языкѣ прежде упомянутыхъ острововъ *Кыхъ-Курилами*, а по Японски *Езо*. Того же народа люди обитаютъ и на слѣдующихъ островахъ—*Урунъ* и *Кунаширъ*.**) Увѣдомленосъ заочно, что они ни у кого не состоятъ въ подданствѣ. Жители острова *Кунаширъ* весьма богаты и не разнятся отъ жителей прежнихъ острововъ, но вольной ли они народъ, или зависятъ отъ города Матмай (Мацмай), о томъ нѣтъ извѣстія. Какъ они часто ѣздятъ для купечества на островъ Матмай, такъ и жители острова Матмай къ нимъ часто прѣзжаютъ. Многіе Камчадалы и Камчадалки содержатся на островахъ Итурпу, Урунѣ, Кунаширѣ и Матмаѣ въ неволѣ». Въ заключеніе слѣдуетъ островъ Матмай «яко послѣдній въ семь порядкѣ, величиною всѣхъ прочихъ превосходить, и населенъ тѣмъ же народомъ *Езо* или *Кыхъ-Курилами*. Японцы построили городъ на семь островѣ, Матмаѣ же называемый, который стоитъ на юго-западномъ берегу и населенъ Японцами. Туда ссылаютъ людей въ ссылку.... Сверхъ сего на западномъ и восточномъ берегахъ разставлены крѣпкіе караулы, для наблюденія всего, что произойти можетъ. Жители острова торгуютъ съ жителями городскими... Изъ Матмаѣ привозятъ на островъ Кунаширъ японскіе товары—шелковыя матеріи, дабы, сабли, чугуныя котлы и всякую левкашенную посуду и мѣняютъ ихъ на бобровъ, лисицъ и орлиные хвосты на опереніе стрѣлъ». За Матмаемъ

*) См. статью А. Полонскаго *Курилы* въ Зап. Извѣст. Русск. Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи, т. IV 1871 г. стр. 389 слѣд.

**) Жители втораго острова, какъ было узнано впоследствии, переселились туда не за очень долгое время съ пятаго острова—*Онекотана*, откуда ихъ изгнали притѣсненія ихъ сильнѣйшихъ одноплемениковъ, прѣзжавшихъ для отнятія у нихъ женъ.—Подъ Куякомъ разумеется досчатый доспѣхъ изъ отдѣльныхъ деревянныхъ досочекъ или металлическихъ пластинокъ, нашитыхъ на кожу или другую ткань.

***) См. статью Полонскаго *т. с.* стр. 390.

*) Въ действительности островъ Урунъ предшествуетъ Итурпу, и долженъ былъ бы по этому описанъ ранѣе.

**) Изъ Японскихъ источниковъ извѣстно, что южныя Курильскіе острова были открыты Японцами впервые въ 1672 г. однимъ купе-

слѣдуетъ уже главный островъ Японскаго государства — Ниппонъ, большой, на подобіе материка, и многочисленный, со многими городами.

Получивъ такимъ образомъ достовѣрныя свѣдѣнія не только о существованіи Курильскихъ острововъ, но и объ ихъ числѣ и положеніи, Русскіе однако же медленно подвигались на пути къ ихъ подчиненію и изслѣдованію. Посланные въ 1719 — 1721 годахъ Петромъ Великимъ, для описанія и нанесенія на карту новооткрытыхъ мѣстностей, навигаторы Евренновъ и Лужинъ, хотя и доходили до пятого или шестаго острововъ, однако безъ особеннаго успѣха и даже не составили описанія пройденныхъ ими мѣстъ. Также мало пользы принесло и отправление въ 1727 — 1730 годахъ на Курильскіе острова дворянина Василя Шестакова, который ограничился только тѣмъ, что побывалъ на второмъ островѣ и склонилъ въ подданство всѣхъ остальныхъ жившихъ здѣсь Курильцевъ, которые ранѣе не были еще объяснены. *) Въ 1739 г. Курильскіе острова были посѣщены капитаномъ Шпанбергомъ, однимъ изъ участниковъ знаменитой Камчатской экспедиціи, бывшей подъ главнымъ управленіемъ капитана-командора Беринга. Посланный специально «для провѣданія подлиннаго положенія Японіи въ разсужденіи Камчатки», **) Шпанбергъ въ концѣ мая 1739 г. вышелъ изъ Камчатки и 18 іюня приблизился къ берегамъ Японіи, подъ 38° 41' широты, гдѣ впрочемъ не выходилъ на берегъ, а ограничился только сношеніями съ прибѣжавшими къ судну на лодкахъ Японцами. Пройдя немного далѣе къ югу, онъ остановился еще въ другомъ мѣстѣ, подъ 38° 25' и затѣмъ, полагая, что главная задача экспедиціи имъ исполнена, повернулъ назадъ и пошелъ къ Курильскимъ островамъ. Подъ 43° 50' онъ встрѣтилъ большой островъ (Кунаширъ?), сталъ

передъ нимъ на якорь на глубинѣ 30 сажень, «и послалъ яхту съ ботомъ къ берегу, для сысканія свѣжей воды. Отправленные люди не могли нигдѣ пристать, потому что берегъ состоялъ изъ камня утесу. Для сего капитанъ поѣхалъ на другое мѣсто, и оттуда послалъ опять ботъ, который и привезъ хорошей свѣжей воды 13 бочекъ. На островѣ растутъ березники, соснякъ и другой лѣсъ, нашимъ неизвѣстный. Посланные присмотрѣли и людей, кои увидя ихъ разбѣжались. Найдены тамъ кожаныя лодки и дыжи, дѣланныя по Курильскому и Камчатскому манеру. Симъ побужденъ былъ капитанъ подъѣхать къ острову ближе, и зайти въ заливъ, гдѣ сталъ на глубинѣ восьми сажень на якорѣ. На берегу сего залива стояла деревня. Къ ней отправилъ капитанъ нѣсколько челоуѣкъ въ шлюпкѣ, которые, взявъ изъ островныхъ жителей восемь челоуѣкъ, привезли ихъ съ собою къ судну. Оные жители становъ и лицомъ походятъ на Куриловъ, и тѣмъ же говорятъ языкомъ, а главная разность между ими состоитъ въ томъ, что по всему тѣлу имѣютъ долгиѣ волосы. Бороды у нихъ черныя, а у старшихъ людей всѣ сѣдыя; нѣкоторые носятъ въ ушахъ кольца серебряныя; платье ихъ до пяти простирающееся дѣлаю изъ шелковыхъ матерій разнаго цвѣта. Притомъ сіе особливо, что ни чулковъ, ни башмаковъ на нихъ не усмотрѣно, но что босыя ноги долгимъ платьемъ покрываются. Наши подчивали ихъ виномъ, и дарили разными мелочами, кои принимали они съ великою благодарностью. На суднѣ увидѣвъ живаго пѣтуха, пали они на колѣна, и жавъ руки держали надъ головою, и поклонялися до земли, какъ предъ пѣтухомъ, такъ и за полученные подарки. Потомъ приказалъ капитанъ отвести ихъ опять на берегъ».

Отсюда Шпанбергъ провѣдывалъ положеніе другихъ острововъ, и Іюля 23, держа курсъ на юго-западъ, пришелъ подъ 41° 22' къ острову Матмаю, гдѣ впрочемъ замѣтивъ три большихъ японскихъ *буса* (судна), опасаясь встать на якорь и Іюля 25 отправился въ обратный путь на Камчатку. Экспедиція эта доставила вообще мало свѣдѣній и единственная заслуга ея заключается въ составленіи (впрочемъ и то далеко еще не вполне вѣрной) карты Курильскихъ острововъ. Изъ журнала же экспедиціи нельзя было извлечь ни какихъ обстоятельныхъ свѣдѣній — ни о жителяхъ, ни о самихъ островахъ, ни о существующихъ между ними проливахъ.

чекскимъ судномъ, нагруженнымъ рисомъ, которое было занесено бурей въ берегамъ острова Итуру. См. Siebold Arch. Н. 17 стр. 127 и прим. 142.

*) Подробнѣе объ этихъ двухъ экспедиціяхъ см. у Миллера I. с. стр. 332 слѣд. и у Половскаго I. с. стр. 394—397.

**) См. Миллеръ, Ежемѣс. соч. 1758 ч. 2 стр. 110—128. — Вѣсть со Шпанбергомъ ходилъ въ Японію, на особыхъ судахъ, лейтенантъ Вальтонъ и яхманъ Шелтингъ. Судно Вальтона, бурей при Курильскихъ островахъ, было разлучено отъ прочихъ, такъ что Вальтонъ принужденъ былъ производить свой путь отдѣльно и доходилъ до 33° 48' у береговъ Нипона. Однако, такъ какъ онъ не посѣщалъ южныхъ Курильскихъ острововъ и не вступалъ въ сношенія съ Курильцами, то объ его плаваніи въ текстѣ и не упомянуто.

Нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія, въ особенности о жителяхъ Курильскихъ острововъ, были собраны въ 1737—1841 годахъ прошлаго столѣтія извѣстнымъ путешественникомъ въ Камчатку Крашенинниковымъ и помѣщены имъ въ его «Описаніи земли Камчатки» т. II (1755 г. *) «Курильскій народъ, сообщаетъ онъ здѣсь, ростомъ средній, волосомъ черенъ, лицомъ кругловатымъ и смуглымъ, но гораздо пригоже другихъ народовъ. Бороды у нихъ большія окладистыя. Тѣло мохнатое, въ чемъ состоитъ знатная разность отъ Камчадаловъ. Мужской полъ волосы напередѣ брѣть до самой верхушки, а назадъ растятъ, въ челя съ Японцами имѣютъ сходство, отъ которыхъ, можетъ быть, по причинѣ бывшей прежде сего коммерціи и обычай оный приняли; а женскій токмо подрѣзываетъ ихъ спереди, чтобъ глаза не закрывали. Губы у мужчинъ на срединѣ токмо, а у женщинъ все вычернены, вокругъ разшиты узорами. Сверхъ того и руки разшиваютъ онѣ почти по локоть, въ чемъ нѣсколько сходствуютъ съ Чукчами и Тунгузами. Все вообще носятъ въ ушахъ большія серебряныя кольца, которыя прежде сего получили отъ Японцевъ же.»

«Платье носятъ изъ кожъ морскихъ птицъ, также лисья, боброе и изъ другихъ морскихъ звѣрей, которое шьютъ по Тунгузскому образцу, т. е. распашное а не по Камчатскому; причемъ не наблюдаютъ того, чтобъ платье было изъ одной матеріи, но шьютъ изъ чего прилучится, такъ что рѣдкую Курильскую парку увидишь, которая бы не изъ лоскутъ разныхъ звѣрей и птицъ была сдѣлана.»

«До богатаго по тамошнему мѣсту платья, каково наирѣзъ суконное, камчатое и прочая, великіе охотники, токмо весьма не бережливы. Въ лучшемъ аломъ кармазинномъ кафтанѣ тюленя на себѣ нестыдятся, не взирая на то, что измараютъ платье, которое ему стоитъ дорого. На покрой не много же смотрятъ: все имъ равно, мѣшкомъ ли платье сшито или по костю, только бы ему цвѣтъ былъ любъ да надѣтъ на себя лъзя было. Стеллеръ пишетъ, что нѣкоторому Курильцу камчатая тѣлогрѣя понравилась, въ которой онъ ходилъ обзираясь и любуясь ею, несмотря на то,

что другіе казаки смѣялись надъ нимъ, что онъ носитъ женское платье. Ему, можетъ быть, казалось равно всякое платье: ибо у нихъ въ своемъ платѣ разности нѣтъ между мужскимъ поломъ и женскимъ.»

«Живутъ въ такихъ же юртахъ какъ Камчадалы, только ихъ держать нѣсколько чище, убирая стѣны и полки травяными рогожами. Питаются, наибольше морскими звѣрями, а рыбы промышляютъ мало.»

«Бога столь же мало знаютъ, какъ и Камчадалы. Въ юртахъ имѣютъ вмѣсто идоловъ кудрявыя стружки, которыя они весьма хитро дѣлаютъ. Сии стружки называютъ они Ингуль или Инпаху, содержатъ въ нѣкоемъ почтеніи, однако немогъ я того вывѣдать, за бѣсовъ ли они ихъ вмѣняютъ, или за бога. Въ жертву приносятъ имъ первопромышленнаго звѣря, причемъ мясо сами съѣдаютъ, а кожу при нихъ вѣшаютъ, и когда юрты за ветхостью оставляютъ, то не берутъ съ собою изъ нихъ ни жертвенныхъ кожъ, ни стружекъ, впрочемъ носятъ они съ собою оныя стружки во всякія опасныя пути на море, и бросаютъ въ случаѣ бѣдствія въ воду, а напаче въ сувон (буруны), что между первымъ Курильскимъ островомъ и лопаткою, которые тѣмъ умилостивить надѣются. Такой образъ идолослуженія приняли отъ Курилъ и южныя Камчадалы, кои живутъ на первомъ Курильскомъ острову и на лопаткѣ, какъ надежное средство къ безопасному плаванію по морю.»

«Лѣтомъ ѣздить на байдарахъ, а зимою ходить на лыжахъ, ибо собакъ не держатъ и не имѣютъ, мужскіе главные труды—промыселъ морскихъ звѣрей; женщины по примѣру Камчадаловъ въ шитьѣ и въ плетеніи чиреловъ (циновокъ) упражняются, а въ лѣтнее время ѣздить съ мужьями и на промыселъ въ греблѣ.»

«Что касается до ихъ обычаевъ, то они несравненно учтивѣе другихъ народовъ (Камчатки): а притомъ постоянны, праводушны (sic), честолюбивы и кротки. Говорятъ тихо, не перебивая другъ у друга рѣчи, какъ сидачіе Коряки. Старыхъ людей имѣютъ въ великомъ почтеніи. Между собою живутъ весьма любовно, особенно же горячи къ своимъ сродникамъ. Пріятное, сказываютъ, позорище, когда бываетъ между живущими по разнымъ островамъ свиданіе. Пріѣзжіе съ байдаръ своихъ, а жители изъ юртъ съ великими обрядами сходятся; обѣ стороны одѣты бывають въ военное платье и съ оружіемъ махая саблями и копьями, натягивая другъ противъ друга луки, такъ какъ бы быть

*) Описание собственно Курильскихъ острововъ заимствовано Крашенинниковымъ, какъ онъ самъ пишетъ, у Миллера и Стеллера, которые въ свою очередь заимствовали его изъ донесеній казаковъ, а отчасти изъ свѣдѣній, собранныхъ Шпанбергомъ и Вальтономъ.

сущему сраженію, а притомъ всѣ пляшутъ. Соседниши вмѣстѣ оказываютъ всякіе знаки радости: обнимаютъ, лобызаютъ и плачутъ отъ радости. Послѣ того приводятъ гостей въ свои жилища, сажаютъ ихъ, подчиваютъ предстои и слушая вѣстей о ихъ приключеніяхъ, случившихся въ разлученіи. Должность разсказывать никому не поручается кромѣ старшаго. Онъ какъ ораторъ объявляетъ о всѣхъ мелочахъ, какъ промыслили, какъ жили, куда ходили, что видѣли, съ кѣмъ учинилось счастье и несчастье, кто немогъ или умеръ и отъ какой причины; и иногда болѣе трехъ часовъ продолжаетъ рѣчь свою, а прочіе слушаютъ со вниманіемъ. Когда гость окончитъ рѣчь свою, то изъ тутошнихъ жителей старшій подобнымъ образомъ разсказываетъ про свое житіе и промыслы, и прежде того никому другъ съ другомъ говорить нельзя. Послѣ того или сѣдуютъ, или веселятся по вѣстямъ смотря, а наконецъ торжествуютъ по своимъ обычаямъ, ѣдятъ, пляшутъ, поютъ и разсказываютъ сказки.»

«Что касается до прочихъ обрядовъ, каковы напримѣръ: сватанье, свадьбы, родины, дѣтей воспитаніе, въ томъ они отъ Камчадаловъ не разнствуютъ. Женъ имѣютъ по двѣ и по три, и вмѣстѣ съ ними никогда не спятъ, но въ ночное время приходятъ къ нимъ какъ бы украдкою, по примѣру татаръ магометанскаго закона... Есть же у нихъ и Коекчучи, какъ у Корякъ и Камчадаловъ (т. е. женоподобные мужчины)».

«Буде кто у нихъ приличится въ прелюбодѣици, то бываетъ страшный поединокъ, на которомъ бьются они палкою, а вызываетъ на оный прелюбодѣецъ мужа прелюбодѣицы: раздѣваются оба до нага, и разятъ другъ друга по спинѣ. Который вызываетъ, тотъ сперва три раза отъ вызваннаго долженъ вытерпѣть, а потомъ беретъ у него палку и бьетъ равнымъ образомъ, и такъ переменяются до трехъ разъ. Сіе побоище много у нихъ въѣку уноситъ: ибо бьются они, сколько есть мочи, а палка бываетъ толщиною въ руку, а длиною близка аршина. Нейти на поединокъ такое же безчестіе, какъ у нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ. Ежели же кто предпочтетъ свое здоровье, и отречется отъ бою, тотъ долженъ заплатить мужу прелюбодѣицы такое безчестіе, какого онъ потребуетъ, звѣрьми, платьемъ, кормомъ и другими вещами.»

«Родины у женщинъ ихъ гораздо тяжелѣ Камчатскихъ, ибо онѣ, по объявленію самихъ Курильцовъ, мѣсяца по три оправляются. Младенцамъ имена даютъ бабки

повивальныя, которыхъ они никогда не переменяютъ. Изъ двойниныхъ одного всегда убиваютъ. Умершихъ зимою хоронятъ въ снѣгъ, а лѣтомъ въ землю. Самоубиства и въ семъ народѣ не меньше бываетъ, какъ у Камчадаловъ, токмо того не слышно, чтобъ они морили себя голодомъ».

Между тѣмъ, въ 1731 г. составлена была въ Сибирскомъ приказѣ особая инструкция сборщикамъ ясака на первыхъ двухъ Курильскихъ островахъ, въ которой приказывалось имъ: всѣхъ обывающихъ жителей перенписать и вновь обложить каждого по бобру, и кромѣ того стараться приводить въ подданство неясачныхъ и на другихъ островахъ. Согласно этой инструкціи, въ 1734 г. ходилъ въ Курилы дворянинъ Новограбленный, который привелъ въ подданство встрѣченныхъ имъ Курильцевъ на 5, 6, 7, 8 и 9 островахъ, а также крестилъ нѣсколькихъ жителей 2-го острова^{*)}. Въ сущности однако, большая часть обывающихъ имъ туземцевъ были жители 2-го острова и многіе изъ нихъ уже были обложены разъ ясакомъ на первоначальномъ мѣстѣ ихъ жительства, откуда они лишь отлучались временно для промысловъ. Но сборщики, повидимому, не хотѣли принимать въ расчетъ этого обстоятельства, вслѣдствіе чего, при усвоенномъ ими правилѣ взыскивать весь ясакъ съ однихъ паличныхъ, скоро многимъ Курильцамъ пришлось платить по нѣскольку ясаковъ за себя и за отсутствующихъ. Къ этому, присоединились еще притѣсенія и своеволия самихъ сборщиковъ, старавшихся кромѣ казенной пользы и о своей собственной и не упускавшихъ случая, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, пограбить туземцевъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что Курильцы втораго острова начали мало по малу перебѣгать на дальніе острова, перестали заботиться о сдачѣ ясака, а въ 1752 г. подъ предводительствомъ своего втораго тоена Якрупа, ушли въ значительномъ числѣ, и, расселившись по дальнимъ островамъ, оставались тамъ подъ именемъ *сошлыхъ*. Уходъ Курильцевъ и обусловленная этимъ уходомъ постоянная ясачная недоимка, были главною причиною, что мѣстное начальство стало мало по малу озабочиваться изысканіемъ мѣръ къ возвращенію сошлыхъ и къ приведенію

^{*)} Вслѣдствіе, многіе жители 1-го и 2-го острововъ были крещены чинами Японской экспедиціи въ 1733—1742 годахъ; въ 1749 году они были крещены уже всѣ и число ихъ простиралось до 280 человекъ. См. ст. Полозеваго I. с. стр. 385—387.

«въ познаніе Россійской имперіи дальнихъ острововъ, а потомъ и въ подданство тамошняго народа». Первымъ лицомъ, отправленнымъ съ этою цѣлю, по его добровольному вызову, былъ тоенъ Николай Сторожевъ, завѣдывавшій обоими первыми островами. Онъ совершилъ двѣ поѣздки на дальніе острова, одну въ 1750 г. другую въ 1753 г., оба раза однакожь безъ особеннаго успѣха. Впрочемъ, относительно «мохнатыхъ» (независимыхъ) Курильцевъ, Сторожевъ увѣрялъ, что «еслибы для уговора ихъ назначить людей достойныхъ, съ наставленіемъ какъ вести дѣло и подарками для Курильцевъ, то легко съ ними подружиться и привести въ подданство, но только бы они увѣрены были, что отъ нихъ не будутъ брать аманатовъ; что для подарковъ имъ нужны табакъ, бобры, а паче они склонны къ провіанту и русскимъ товарамъ; орловые же хвосты за великое считаютъ». Въ своемъ донесеніи, представленномъ имъ въ 1755 г. Большерѣцкой канцеляріи, Сторожевъ такъ описываетъ дальнихъ Курильцевъ: «на 16-мъ (14-й) °) островъ Курильцевъ 25, природою весьма мохнаты: губы, руки и ноги, для красоты, черною краскою расписываютъ; платье у нихъ японскіе азамы и изъ птичьихъ кожъ; въ житіи весьма необходимы: языкъ ихъ мало походитъ на языкъ ближнихъ, такъ что безъ толмача непонять; къ пріѣзжимъ весьма благосклонны, хвосты орловые покупаютъ весьма дорого, и т. под. Что же касается сошлыхъ, то попытка уговорить ихъ къ возвращенію положительно не удалась, и въ первую поѣздку Сторожева, они чуть было его даже не убили °°).

Въ 1761 г. Сибирскій губернаторъ Соймоновъ, желая имѣть болѣе опредѣленные свѣденія о Курильскихъ островахъ и о сопредѣльной съ ними Японіи, поручилъ бывшему въ то время главнымъ командиромъ Анадырскаго, Охотскаго и Камчатскихъ остроговъ, подполковнику Пленисперу—собрать подробныя свѣденія, съ какихъ острововъ, какимъ звѣремъ и въ какомъ количе-

ствѣ получается ясакъ, сколько имѣется на тѣхъ островахъ жителей, какіе имѣютъ они промысла и т. д., а также развѣдать о дальнихъ островахъ и о томъ, какимъ бы способомъ привести жителей ихъ въ подданство. Для исполненія этого порученія былъ посланъ Пленисперомъ тоенъ Комбалиной рѣки у Лопатки Яковъ Бутинъ, природный камчадалъ, вмѣстѣ съ тоенемъ 2-го Курильскаго острова, Чикинымъ - Новограбленнымъ, происходившимъ отъ мохнатыхъ. Однако экспедиція эта, доходящая до 7 острова, не имѣла успѣха, такъ какъ Бутинъ (вскорѣ послѣ того умершій) не только не сдѣлалъ описи пройденныхъ имъ острововъ и не взялъ ясака, но даже отказался въ доимкѣ ясаковъ по своему острожку. По смерти Бутина, въ 1766 г. была отправлена другая экспедиція—изъ тоена 2-го острова Чикина-Новограбленнаго, тоена 1-го острова Чупрова и сотника Ивана Чернаго, вмѣстѣ съ достаточнымъ числомъ гребцовъ изъ Камчадалъ и Курильцевъ 1-го острова. Въ инструкціи, выданной имъ изъ Большерѣцкой канцеляріи, приказывалось: «идти на дальніе острова, до которыхъ Богъ допустить, къ мохнатымъ, замѣчать всѣ подробности о тамошнихъ народахъ, узнавать о числѣ острововъ и живущихъ на нихъ, стараться уговаривать въ подданство, не оказывая притомъ не только дѣломъ, но и знакомъ грубыхъ поступковъ и озлобленія, но пріѣтъ и ласку, чтобы отъ подданства не отвадить». °) «Сшедшихъ со 2-го острова 63 чел. приласкавъ и объявивъ, что неподвергнутся штрафу за уходъ, возвратитъ на 2-й островъ, а буди пристойно и есть звѣри, поселитъ и на 3-й, опредѣливъ надъ ними доброго и вѣрнаго человека». «Съ пришедшихъ въ подданство брать ясаки звѣремъ, или вещами, а излишняго не вымогать; а для подарковъ имъ закупить здѣсь потребныя товары на ихъ руку». «Развѣдывать о жителяхъ, ведутъ ли съ кѣмъ торговлю и состоятъ ли гдѣ въ подданствѣ; какое у нихъ строеніе, обряды и обычаи, какое носятъ платье и вещи и оружіе имѣютъ ли, чѣмъ довольствуются въ пропитаніи, какую вѣру содержатъ.

*) Должно замѣтить, что число острововъ въ Курильской грядѣ не всеми промышленниками и казаками принималось одинаково, такъ какъ нѣкоторые не считали медвѣхъ острововъ, находившихся въ грядѣ, другіе же считали сполна.

°°) Также неудачна была въ этомъ отношеніи и попытка Якутскаго посадскаго Семена Новикова, вѣдывшаго на Курильскія острова въ 1755 г. для развѣдки драгоцѣнныхъ камней. Сошлые хотя и согласились внести ясакъ, но положительно отказались отъ возвращенія на второй островъ. См. *Полонскій* 1. с. стр. 404 слѣд.

*) Въ другой инструкціи о поступаніи приказывалось также: «усиленно и нѣго мачего у мохнатыхъ не вымогать и не подъ какимъ видомъ не брать; а во время призыва въ ясакъ никому ничѣмъ не торговать и никакихъ непорядочныхъ поступковъ не оказывать... обидъ, налоговъ, грабежа и утайки при взятіи ясаковъ и прочихъ противныхъ указамъ поступковъ и грубостямъ и блуднаго изсильства не оказывать, ожидая за ревность высочайшей милости и награжденія». См. *Полонскій* 1. с. стр. 409 слѣд.

есть ли у них начальники и не бывают ли у них японцы, въ какомъ мѣстѣ и числѣ» и т. под. Вмѣстѣ съ Чернымъ, «дабы отъ него, при случаѣ, какихъ не порядковъ произойти немогло», были назначены также изъ козаковъ Иванъ Секеринъ и пищикъ Семенъ Володиміровъ; при чемъ все трое приняли присягу въ вѣрности и подписались подъ указами о нелихоимствѣ.

Чикинъ и Чупровъ отправились въ походъ ранѣе Чернаго и дошли до 18-го острова (Усишира), гдѣ были дружески встрѣчены мохнатыми, которые даже согласились внести въ ясакъ 4 бобра и 5 лисицъ, и пригласили отправиться вмѣстѣ на слѣдующій островъ Симуширъ, для уговора въ подданство тамошнихъ жителей. Въ сожалѣнію тоенъ Чикинъ въ скоромъ времени затѣмъ скоропостижно умеръ и экспедицію пришлось вести Чупрову и присоединившемуся къ нему сотнику Черному. Послѣдній оказался между тѣмъ человѣкомъ далеко неблагонадежнымъ, коварнаго и свирѣпаго характера. Строгости его обратились сперва на сопровождавшихъ его каюровъ (гребцовъ), которыхъ онъ заставлялъ вставать по барабану, проводить цѣлые дни въ охотѣ за бобрами, вообще одолевалъ работою. Не много позже, оставшись на зимовку на 16-мъ островѣ (Симуширѣ), Черный распространилъ свои строгости и на сошлыхъ, которыхъ онъ бралъ со всехъ пройденныхъ имъ острововъ съ собою: «они были опредѣлены имъ къ строенію избъ, а каюры таскали лѣсъ и промышляли морскихъ животныхъ для прокормленія множества собакъ Чернаго, съ которыми они и жили вмѣстѣ подъ байдарами, терпя отъ голода и холода. Провинившіеся наказывались изготовленными нарочно плетями, смотря по проступкамъ, одни жильными, другіе ременными,» и этихъ наказаній не избѣгали и сошлые.

Весною 1768 г. Черный съ Симушира поплылъ далѣе и въ іюнь мѣсяцъ присталъ на 18-й островъ, Урупъ, гдѣ къ нему явились пять князцовъ и ихъ родники съ 19-го острова, прѣхавшіе сюда за промыслами. По довольномъ уговорѣ, они заплатили ясаки, а для склоненія прочихъ ихъ родниковъ, Черный отправился лично на 19-ый островъ, гдѣ и привелъ въ подданство всехъ найденныхъ имъ мохнатыхъ. При этомъ главный тоенъ 19-го острова обѣщалъ Черному къ слѣдующей веснѣ привести въ подданство и жителей прочихъ острововъ, до самой большой земли (Мацмая), «гдѣ живетъ множество японцевъ, имѣющихъ женъ отъ мохнатыхъ». — Такимъ образомъ, все, повидимому, благопріятствовало

Черному, и скоро можно было надѣяться видѣть всехъ обитателей Курильскихъ острововъ состоящими въ подданствѣ Россіи. Къ сожалѣнію однако, послѣдующіе поступки Чернаго совершенно разстроили, столь удачно начавшееся было, сближеніе съ мохнатыми. «Старшина 19-го острова, провожая Чернаго, просилъ его не ходить на восточную сторону острова Урупа, гдѣ у нихъ бобровыя промыслища, увѣряя, что тамъ и тавани удобной пить; съ своей стороны, оставшіеся на Урупѣ мохнатые также просили Чернаго не промысливать ихъ, какъ уже вѣрнопопавшихъ. Черный далъ обѣщаніе не мѣшать ихъ промысламъ; на самомъ же дѣлѣ остался на Урупѣ нарочно съ единственною цѣлью добыть бобровъ». При этомъ самовластіе и строгости его все увеличивались и обратились наконецъ даже на самого тоена Чупрова. «Курильцы же были до того порабощены, что наконецъ самые приближенные Чернаго стали обнаруживать ропотъ на мученія курильцевъ и укоряли Чернаго въ напрасной зимовкѣ... Безпокойныхъ связывали и наказывали, чтобы укоротить языкъ; но ропотъ и за тѣмъ неунимался. Къ довершенію бѣды и мохнатые пришли въ крайнее негодованіе отъ того, что Черный, оставшись зимовать на Урупѣ, тайно посылалъ своихъ каюровъ на ихъ промыслища ловить бобровъ. Огорченные обманомъ, они бросили въ занимаемыхъ ими балаганахъ дашныя имъ Чернымъ квитанціи и сами ушли на 19-й островъ».

Весною 1769 г. Черный оставилъ наконецъ 18-ый островъ и пошелъ въ обратный путь. «По прибытіи на 16-й островъ, сошлые, пануганные самовластіемъ Чернаго и угадывая, что ожидаетъ ихъ впереди, объявили ему, что только силою можно принудить ихъ возвратиться на 2-й островъ; что если и здѣсь имъ нечѣмъ платить ясаки, то на 2-мъ ихъ совѣтъ не будетъ; Оставшись же на дальнихъ, они обязывались представлять ясаки и даже современемъ возвратиться, когда русскіе станутъ обращаться ласково и дано будетъ прощеніе винамъ имъ. Черный, отказавъ сошлымъ въ прощеніи, объявилъ имъ, что они могутъ быть уволены на желанныя дальніе острова только по дозволенію Большерѣцкой канцеляріи. Когда сошлые строгостью и силою были перевезены на 14-й островъ, здѣсь начались новыя молебны оставить ихъ на свободѣ и не везти далѣе, а за отказомъ послѣдовало и явное сопротивленіе. Черный приставилъ караулъ къ болѣе настойчивымъ и началъ совершать экзекуцію надъ прочими. При

одномъ видѣ приготовленій къ наказанію сошлые пришли въ ужасъ, а когда двумъ женщинамъ стали вязать руки назадъ, чтобы удобнѣе расправиться съ ними, нѣкоторые изъ сошлыхъ убѣждали на неприступный утесъ, а одинъ, курилецъ Пановъ, съ 20 женщинами и дѣтьми ушелъ на байдарѣ въ море. Въ догонку ему послано съ берега нѣсколько пулъ. Пять байдаръ бѣжавшихъ, съ оставшимся въ нихъ скарбомъ, сожжены; одни котлы ихъ поступили въ собственность Чернаго. Неуспѣвшихъ убѣждать женщинъ высклаки, а мушкетъ 6 человекъ взяли съ собою на байдары, а чтобы воспрепятствовать побѣгу имъ связали руки назадъ, но такъ немилостиво, что одинъ изъ нихъ, Фома Лукашевскій, умеръ отъ того на байдарѣ. Когда его, распухшаго и какъ будто съ обваренными руками, бросили съ камнемъ въ море, Черный въ назиданіе прочимъ его товарищамъ проговорилъ: «у насъ по русски такъ водится». Послѣ смерти Лукашевскаго сошлые днемъ были свободны и гребли, а на ночь имъ связывали ноги... На 5-мъ островѣ Черный одумался: сошлые курильцы получили здѣсь свободу и были одарены; съ прочими своими спутниками сотникъ помирился и взялъ съ нихъ росписку въ молчаніи о его неблагоприятныхъ поступкахъ».

По возвращеніи въ Большерецкъ, Черный представилъ въ канцелярію журналъ своего плаванія, а нѣсколько позже, будучи вытребованъ въ слѣдственную комиссію въ Охотскѣ,^{*)} подробную *записку, бывшему на Курильскихъ островахъ, даже до 19-го острова, путешествію и усмотрѣннымъ на оныхъ примѣчаніямъ въ разстояніи тѣхъ острововъ и живущихъ на оныхъ народахъ и о прочемъ*. Записка эта послужила основаніемъ всѣхъ нашихъ свѣдѣній о дальнихъ Курильскихъ островахъ и собранные въ ней факты не многимъ увеличились и въ послѣдствіи. Здѣсь описываются всѣ острова по порядку, начиная съ 3-го, ихъ величина, видъ, почва, озера, рѣчки, сопки, горячіе ключи, полезныя растенія, водящіеся звѣри, птицы, рыбы, а также жители, нѣкоторые ихъ нравы и обряды и торговые сношенія ихъ съ японцами.

Между тѣмъ рассказы о грубыхъ поступкахъ Чернаго съ сошлыми и о истребленіи имъ ихъ скуднаго достоянія на 14-мъ островѣ, дошли и до мохнатыхъ, кото-

рые, испытавъ и на себѣ коварство этого человека, стали бояться вообще русскихъ и избѣгать съ ними сношеній. Неудовольствіе это было поддержано вскорѣ затѣмъ новымъ случаемъ. «Въ 1770 г., прошло на Курильскую гряду, для промысла бобровъ, судно К^о якутскаго купца Протодыконова Проконій. Оставивъ артель на 16-мъ островѣ, судно пришло на зимовку на 18-й и остановилось въ южной его бухтѣ. Мореходъ, боцманъ Саножиновъ, съ своими рабочими ограбилъ у находившихся здѣсь мохнатыхъ промысла, корма и разныя японскія вещи и требовалъ отъ нихъ съ азартомъ и угрозами ласакъ, причемъ поплатились жизнью тоионъ и одинъ курилецъ. Но это не прошло даромъ. Весною 1771 г., мохнатые, совместно съ сошлыми, убили на островѣ Макадуръ передовщика Грачева и бывшихъ съ нимъ 9 чел. рабочихъ, а затѣмъ пришли на 18-й и тутъ убили еще 4 чел. изъ команды «Проконія»; слѣдующею потомъ весною они убили въ компаніи еще 5 мушкетъ и 3 женщинъ. Оставшіеся въ живыхъ 18 чел. возвратились осенью 1772 г. въ Петропавловскую гавань съ добычею 215 бобровъ и съ потерей 21 человека». Хотя безчинствовавшіе въ Курилахъ и подвергнуты были наказанію, а пограбленное у туземцевъ имущество возвращено имъ чрезъ ближнихъ курильцовъ; но возможность сближенія съ мохматыми, тѣмъ не менѣе, была утрачена. — Впрочемъ, нѣсколько позже, въ 1778 г. была сдѣлана новая, и на этотъ разъ довольно удачная попытка привести въ подданство дальнихъ Курильцевъ, но которая однакоже, не будучи поддержана дальнѣйшими сношеніями, не привела ни къ чему. Попытка эта была сдѣлана передовщикомъ Шабалиномъ, ходившимъ въ Курилы для промысловъ въ пользу якутскаго купца Лебедева-Ласточкина и которому поручено было въ тоже время стараться завести торговлю съ японцами и склонять въ подданство Россіи дальнихъ мохнатыхъ. Прибывъ на островъ Итурупъ (или Итурпу) Шабалинъ съ помощью подарковъ старшинамъ, успѣлъ склонить въ подданство 47 чел. мохнатыхъ, а затѣмъ еще большее число (до 1500 по его словамъ) на слѣдующихъ островахъ до 22-го. Во время проѣзда своего, онъ спрашивалъ также, чрезъ толмача, старшинъ: «какое у нихъ оружіе, съ какими народами имѣютъ торгъ, платье своего ли издѣлія, или откуда получаютъ, не знаютъ ли они какихъ новыхъ земель. Курильцы на его опросъ отвѣчали, что желѣзное оружіе, сабли, пальмы (большіе ножи съ деревяннымъ череномъ, употреб-

^{*)} Вслѣдствіе дошедшихъ до начальства слуховъ о поступкахъ Чернаго, надъ нимъ было назначено слѣдствіе, которое впрочемъ скоро прекратилось за смертью подсудимаго. См. *Полонскій* I. с.

ляемые вместо топоровъ при рубкѣ деревьевъ) и изъ платя азамы они получаютъ изъ Японіи, а своего у нихъ рукодѣля платя изъ тополевого лыка тканое и луки и стрѣлы, которые они натираютъ лютникомъ; для дракъ имѣютъ крѣпости, куяки деревянные, собранные изъ мелкихъ досокъ, шапки деревянные изъ досокъ же и на каждой по одному обручу; пропитаніе ихъ составляютъ рыба и привозимое изъ Японіи на судахъ ишено*. При этомъ было получено Русскими и первое, съ этой стороны, извѣстіе объ островѣ Сахалинѣ, именно, «что противъ острова Кунашира на С. З. земля называется *Короска* (Карафу), на коей людей множество; языкъ у нихъ одинаковый съ мохнатыми, а питаются рыбою; на ихъ землю приходятъ торговать Крафты, у коихъ платя длинное, стеганые азамы, на подобіе японскихъ, а также производить торгъ съ Китайскимъ государствомъ; у мохнатыхъ они покупаютъ соболей и лисецъ на серебрянныя ихъ деньги, коихъ за хорошаго насыщаютъ по полному соболу»^{*)}).

Въ 1792 г. была снаряжена въ Охотскъ новая экспедиція для заведенія торговыхъ сношеній съ Японіей и для собранія свѣдѣній о дальнихъ Курилахъ, въ особенности же о 22-мъ островѣ (Мацмай), его естественныхъ богатствахъ и жителяхъ. На этотъ разъ экспедиція отправлялась уже отъ лица правительства (по указу Императрицы Екатерины II. и отъ имени Иркутскаго генералъ-губернатора, генералъ-поручика Пиля), и ближайшимъ поводомъ ея послужило возвращеніе въ Японію купца Коодою съ товарищами, потерявшаго

крушеніе на Алеутскихъ островахъ и доставленнаго впоследствии въ Иркутскъ и за тѣмъ въ Петербургъ. Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ поручикъ Адамъ Лаксманъ, сынъ профессора Академіи Наукъ Лаксмана, который успѣлъ познакомиться съ Коодою еще въ бытность свою въ Иркутскѣ, и первый подалъ проэктъ о снаряженіи экспедиціи, указавъ на выгоды, которыя могутъ быть чрезъ нея достигнуты; управленіе же судномъ поручено было штурману прапорщику ранга Ловцову. Оба они, какъ Ловцовъ такъ и Лаксманъ, получили обстоятельныя инструкціи о *поступаніи* своемъ въ Японіи, при чемъ имъ было поручено «употреблять себя въ подробныя примѣчанія, касательныя физическихъ качествъ и до натуральной исторіи сего (22-го) и другихъ ближайшихъ острововъ», а также собирать «всякія любопытныя и полезныя извѣстія» о мѣстныхъ жителяхъ, ихъ торговли, сношеніяхъ съ Японцами и пр.

Прибывъ на островъ Исесо, Лаксманъ былъ радушно принятъ Японцами въ гавани Аткистъ, и затѣмъ отправился вмѣстѣ съ прочими членами экспедиціи въ портъ Хакодаде, а оттуда сухимъ путемъ въ главный городъ острова, Мацмай, для представленія начальнику острова письма Иркутскаго Губернатора и сдачи привезенныхъ Японцевъ. Здѣсь онъ встрѣченъ былъ съ надлежащими почестями, какъ Губернаторомъ, такъ и нарочно прибывшими изъ столицы Іеддо чиновниками, но письма отъ него тѣмъ не менѣе не приняли, а предложили идти съ нимъ для нужныхъ переговоровъ въ г. Нагазаки, куда уже давно имѣютъ моль доступъ Голландцы. При этомъ для свободнаго входа туда былъ выданъ Лаксману и особый листъ, которымъ однакоже Лаксманъ не считалъ возможнымъ воспользоваться, и, сдавъ чиновникамъ подъ росписку привезенныхъ имъ Японцевъ, возвратился 8 сентября обратно въ Охотскъ.

Во время своего пребыванія на Іеддо Лаксманъ и Ловцовъ старались между прочимъ и о собираніи свѣдѣній, касающихся мѣстныхъ жителей, однако, какъ они и сами сознаются, безъ надлежащаго успѣха. «Чтожь касается до подробнаго описанія мохнатыхъ курильцевъ,^{*)} пишетъ Лаксманъ въ своемъ журналѣ, то исполнить сего совершенно было невозможно: 1) что мы ихъ не могли къ себѣ приласкать и съ ними имѣть переговоровъ, даже и рѣдко видѣть ихъ случалось по причинѣ, какъ японцы всѣ свои силы прилагали къ отдаленію ихъ отъ насъ, дабы мы не могли отъ нихъ чего изъ-

^{*)} Лебедевъ-Ласточкинъ отправилъ въ 1774 г. судно для провѣдыванія дальнихъ Курильскихъ острововъ и Японіи по убѣжденіямъ тогдашняго Камчатскаго командира премьеръ-маіора Бежа, которому въ свою очередь отправка такого частнаго судна предложена была Иркутскимъ Губернаторомъ. Судно это однако же подверглось крушенію на Камчатскомъ берегу, такъ что Лебедевъ долженъ былъ (потерявъ болѣе 10 тыс. руб.) отправить въ 1775 г. новое судно—подъ начальствомъ знавшаго японскій языкъ дворянина Антипина и подъ управленіемъ Штурманскаго ученика Путянина. Это второе отправленіе было такъ же неудачно, такъ какъ судно было опять разбито, именно штурмомъ въ бухтѣ 18-го острова. Тогда, для снятія съ 18-го острова оставшихся тамъ людей и товаровъ и спасенія отъ голода рабочихъ, Лебедевъ долженъ былъ послать еще четыре байдары, изъ коихъ три опять погибли, такъ что пришлось послать еще двѣ, а для исполненія самаго предпріятія—нанять новое судно. Вотъ въ этотъ-то разъ и былъ отправленъ Иркутскій посадскій Шибалинъ, которому удалось дойти до Мацмая и даже завязать сношенія съ Японцами. См. *Полонскій* I. с. стр. 441—467.

^{*)} См. *Полонскій* I. с. стр. 499 слѣд.

вѣдать, такъ, что когда просили ихъ, чтобы нарядили мохнатыхъ за сѣвникомъ, или для собранія черешни для больныхъ, все то исполняли и когда приносили, были всегда за приемотромъ ихъ японцы, при конхъ и сами мохнатые, изъ подобострастія предъ ними, не только чтобы говорить, но и за труды даваемый табакъ сами собою принять смѣлости не имѣли, но чрезъ японцевъ были раздѣляемы, и 2) не имѣли знающаго ихъ языкъ толмача».

«Курильцы въ сѣверной оконечности сего острова сплошь мохнаты, такъ что уже у 25 лѣтнаго борода бываетъ довольно велика и только одніѣ щеки, и то подъ самыми глазами, голы остаются; волосы подрѣзываютъ спереди пальца на два выше бровей, а сзади по самый затылокъ; женщины же обстригаютъ вкругъ весьма высоко, такъ что весь лобъ наружи, а сзади выше затылка перста на три; губы также помощію искусства черныя у всѣхъ, равно какъ и на рукахъ разные выведенные знаки и черты; платье носятъ какъ мужской, такъ и женскій полъ одинаковое—лѣтомъ ткань изъ лыка своего рукодѣлья—похожее на халатъ съ широкими рукавами и, переносаясь себя веревочками изъ лыка же, привѣшиваютъ къ одному трупнику, трубку и деревянный небольшой буракъ съ крошенымъ табакомъ; а зимою платья шитыя изъ медвѣжьихъ и козьихъ кожъ, изъ выдеръ и по большей части лисы; на ноги надѣваютъ обувь также шитую изъ козьихъ кожъ, съ самой же весны, до поздней осени, или до выпада снѣговъ, ходятъ босые; головы же свои во весь годъ ни чѣмъ не покрываютъ. — Живутъ по большей части у береговъ, исключая зимы, въ которую отъ стужи уходятъ въ лѣсные мѣста, по вершинамъ рѣчекъ; юрты имѣютъ квадратныя съ выведенными крышами на кровлю похожими; вся же юрта, какъ сначала со всѣхъ четырехъ сторонъ, такъ и сверху, покрывается корою съ разныхъ деревъ, кою сверху и со сторонъ устилаютъ толсто травою, накладывая тонкіе слои и привязывая сшивкою насквозь веревочками, оставляя вверху не большое отверстіе для дыма противъ огня, обыкновенно посреди юрты раскладываемого; во внутренности же юрты огонь обкладываютъ камнемъ, на землю настилаютъ цирылы, по угламъ, у лучшихъ, ставятъ японскіе подъ лакомъ ящики, въ конхъ хранятъ мелкую лаковую посуду, чашки, подносы и прочее. Въ пищу, сверхъ привозимаго японцами въ зернахъ разнаго рода хлѣба, собираютъ разныхъ родовъ грибы, раз-

ныя коренья собираемыя по берегу, выкидные морскія растенія, всѣхъ родовъ ракушки, также выкидныхъ китовъ, промыслаемую нерпу и разныхъ родовъ морскую рыбу и птицъ. Въ лѣсахъ же промысляютъ медвѣдей и бьютъ дикихъ козъ; сверхъ того даже собакъ нарочно откармливаютъ и, не претерѣвая голода, бьютъ для употребленія... Рыбу промысляютъ ставами, визанными изъ привозимаго японцами придива, около мысовъ, вытянувшихся въ море.»

«Японцы у мохнатыхъ берутъ слѣдующіе товары: сушеную и соленую всякую рыбу (яко коренную всѣмъ японцамъ провизію—замѣчаетъ Ловцовъ), но по большей части красную, которую вкругъ всего Пенжинскаго моря промысляютъ, какъ-то кету, нирку, горбушу и сельди, китовый, сіучій, нерпичій и рыбій жиръ, за которымъ курильцы для промысла и за покупкою, на промѣнъ съ японскими товарами совокупляя, какъ со здѣшняго и 21-го острововъ на 20-й, и оттуда въ половинѣ марта съ тамошними, отправляются ежегодно въ 500 байдарахъ на 19, 18, 17 и 16, и оттуда мая въ послѣднее число съ привозомъ по рыбному промыслу возвращаются въ великомъ множествѣ;—сушеные грибы разныхъ родовъ, медвѣжье сало и весьма дорого берутъ медвѣжью желчь, также изъ нужныхъ товаровъ—привозные съ прочихъ острововъ бобры, выдры и здѣшніе бѣлые соболіи и лисы, медвѣдины и козьи кожи, (по Ловцову—также морскую капусту). Съ своей стороны, японцы привозятъ курильцамъ: сорочинское ишено, табакъ, вино, и небольшое количество бумажныхъ тканей для верхняго платья, также чугуны, котлы, разные желѣзные подѣлки (топоры, ножи), курительныя трубки желтой мѣди, иглы, простую деревянную подъ лакомъ посуду, придиво и другія разныя мелочи «на руку мохнатыхъ курильцевъ.»

«Живущихъ на 22-мъ островѣ (Іезо) курильцевъ»—сообщаетъ Ловцовъ въ своемъ рапортѣ Иркутскому губернатору, — «полагаютъ, какъ японцы между разговорами объявляли, около семи тысячъ душъ, изъ конхъ японцы немногое число весьма мало знаютъ по причинѣ, что скитаются они въ горахъ. Селеніевъ японскихъ на 22-мъ островѣ замѣчено не мало; курильцы же живутъ въ шалашахъ, покрытыхъ травою. Курильцы, какъ на 22-мъ, такъ и на 19-мъ, 20-мъ и 21-мъ островахъ обитающіе, японцами почитаются за подданныхъ ихъ и употребляются ими въ тяжкія работы при всѣхъ чинимыхъ японцами рыбныхъ промыслахъ, въ

перенесеніи съ мѣста на мѣсто разныхъ тяжестей и въ прочіе работы употребляютъ и содержатъ въ превеликомъ порабоженіи... А отъ того очень примѣтно, что всѣ курильцы крайне японцами недовольны, что изображали они чрезъ разныя движенія при разговорахъ съ нами, чинимыхъ укладкою, по почамъ, ибо въявь говорить съ нами не смѣли».

Кромѣ Мацмая, Лаксманъ могъ получить кое-какія свѣдѣнія объ островѣ Карау (Карапы—по Ловцову, то есть Карафту или Сахалинѣ), лежащемъ къ сѣверовостоку отъ Мацмая, именно узналъ, что островъ этотъ «состоитъ подъ вѣденіемъ матмайскаго губернатора, люди же живущіе на немъ, такіе же, какъ и на Мацмай въ великомъ множествѣ, съ коихъ какъ и со здѣшнихъ, собирается подать сушеною рыбою, жирами, сушеными грибами, а отчасти и лисицами; а матмайцы привозятъ къ нимъ сорочинское пшено, вино, дабы, табакъ, разныя жѣлѣзные подѣлки, чугунные котлы и разную деревянную подъ лакомъ посуду,—что оные карапы торгуютъ съ корейцами, которыхъ японцы называютъ Санданъ-айно; съ онаго острова до матерой земли корейцевъ считаютъ четыре мили японскихъ (17 верстъ 140 сажень); корейцы привозятъ къ нимъ кораллы, дабы и китайки, а отъ карановъ получаютъ разныхъ звѣрей, пушные товары—соболей и лисицъ, и кожи дикихъ козъ, кои доставляютъ китайцамъ».—

Вскорѣ послѣ возвращенія экспедиціи Лаксмана была сдѣлана попытка, именно Американской компаніей Шелехова, основать на 18 островѣ (Урупѣ) русское поселеніе. Для этой цѣли, въ 1795 году былъ отправленъ туда отрядъ изъ 38 русскихъ (въ томъ числѣ 3 женщины) и двухъ Алеутовъ, подъ начальствомъ передовщика Звѣздочетова. Однако попытка эта оказалась неудачною, и именно вслѣдствіе неудачнаго выбора начальника. Грубое обращеніе Звѣздочетова съ Курильцами заставило ихъ скорѣе выселиться на 19 островъ (Штурпу), а своевольные и варварскіе поступки его съ подчиненными, были причиною многихъ безпорядковъ, которые привели наконецъ къ тому, что поселеніе разстроилось и послѣдніе жители его (уже по смерти Звѣздочетова, въ начальныхъ годахъ нынѣшняго столѣтія) вернулись обратно въ Камчатку и въ Америку. *) Впоследствии впрочемъ, въ тридцатыхъ го-

*) Подробнѣе о поступкахъ Звѣздочетова см. Историч. Обзорніе образованія Россійско-Американской компаніи *Тихменева* т. I стр. 44; 110—112 и т. II, приложенія—стр. 228—230.

дахъ, поселеніе на островѣ Урупѣ было снова возстановлено, именно—Россійско-Американской компаніей, которая завела также колонію и на первомъ островѣ, Шумшу, но къ этому времени уже число Курильцевъ на первыхъ восемнадцати островахъ, частью отъ переселеній, частью отъ оспы и другихъ причинъ, значительно убавилось °); распространять же свои владѣнія на 19 островъ (Штурпу) и слѣдующіе—компаніи было запрещено, такъ какъ правительство наше стало признавать ихъ принадлежащими Японіи. Вслѣдствіе этого, для производства промысловъ, компанія принуждена была переселять на Курильскіе острова Алеутовъ, которые къ 60-мъ годамъ и стали составлять ихъ главнѣйшее населеніе. °°) Курильцевъ же было въ это время (именно въ 1860 году) только 88 душъ обоого пола, въ томъ числѣ 25 взрослыхъ мужчинъ. Они имѣли главнѣйшее пребываніе на островѣ Шіашкотанѣ (7-мъ), откуда переѣзжали по временамъ для запасаенія кормовъ, вмѣстѣ съ семействами, на острова Экарму, Чиринкотанъ, Онекотанъ и другіе. Только на островахъ Шумшу и Парамуширѣ жило осѣдло нѣсколько семействъ, имѣвшихъ въ своихъ хозяйствахъ и рогатый скотъ. Не занимаясь промысломъ морскихъ бобровъ въ морѣ, на байдаркахъ, какъ алеуты, они получали отъ компаніи пятую часть цѣнности, но такѣ, за эти мѣха, добываемыя ими у своихъ береговъ; кромѣ того вымѣнивали ихъ на водку—иностраннымъ китоловнымъ судамъ. Всѣ они были христіане, большинство ихъ имѣло холщевыя рубахи, русскіе сапоги и армяки и многіе хорошо говорили по русски. °°°)

Въ то время какъ русскіе занимались въ концѣ XVIII вѣка провѣдываніемъ дальнихъ Курильскихъ острововъ

*) По переписи 1766 г.—населеніе на 1, 2 и 14 Курильскихъ островахъ составляли (не считая женщинъ) 262 человека. Но въ 1831 г. жителей на островахъ было: на 1-мъ островѣ 20; на 2-мъ—50 и на 7-мъ—15; 18 и 14 острова были пусты, см. *Полонскій* I. с. стр. 384.

°°) Изъ вѣдомости населенія колоній Россійско-Американской компаніи за 1860 г. (см. въ приложеніи въ Обзоре Русскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ *Головина*, Мор. Сборникъ 1862 г. № 1)—видно, что въ этомъ году, общее число жителей обоого пола на Курильскихъ островахъ (до Урупа включительно) было 253, въ томъ числѣ 1 русскій, 10 креоловъ (помѣсей русскихъ съ алеутами), 154—алеутовъ и 88—курильцевъ (въ томъ числѣ 25 взрослыхъ мужчинъ).

°°°) См. *Тихменевъ* Ист. Обзор. Россійско-Американской компаніи т. II, 1863 г. стр. 380—381.

и снаряжали экспедиции для заведенія торговли съ Японіей, въ это время Французы и Англичане, въ лицѣ своихъ капитановъ Ла-Перуза и Броутона, полагали первыя точныя основанія для географіи Сахалина, Иессо и Татарскаго берега. Мы говоримъ «первыя точныя», хотя и не отрицаемъ этимъ, что *многія* свѣденія объ Иессо были получены еще Голландскою экспедиціею Кастрикума, въ 1643 г., и что къ XVII же вѣку должны быть отнесены и первыя извѣстія о Сахалинѣ, какъ объ островѣ лежащемъ противъ устья р. Амура, полученныя русскими казаками со стороны Сибири и французскими Іезуитами со стороны Китая. Но всѣ эти извѣстія XVII вѣка были еще весьма отрывочны и сбивчивы, заключали въ себѣ много неопредѣленнаго и неточнаго, и основывались весьма часто единственно лишь на разсказахъ туземцевъ. Изъ результатовъ экспедиціи Кастрикума можно было вывести только заключеніе, что на сѣверѣ Японіи, между 42° и 49° широты, лежитъ большая земля, населенная однимъ и тѣмъ же волосатымъ и бородатымъ племенемъ; но относительно того, какъ оканчивается эта земля на сѣверѣ, какъ разграничена она отъ материка на западѣ, и продолжается ли она вполнѣ непрерывно—нельзя было составить себѣ никакого опредѣленнаго понятія. Что же касается до извѣстій, полученныхъ казаками и Іезуитами, то онѣ сообщали только, что противъ устья р. Амура или по Маньчжурски *Сахалинь-Ула*—черной рѣки находится большой островъ, населенный тѣмъ же, или подобнымъ же племенемъ, какъ и нижнее теченіе этой рѣки, именно Гиляками, (по Маньчжурски—Фіята, Фіяка или Фэй-и-ха, по Китайски—*Ке-ченъ* (или *Хэй-изинъ*?—*да-изы*), племенемъ, отпускавшимъ длинныя волосы и, по мнѣнію Іезуитовъ, болѣе толковымъ и понятливымъ, нежели напр. *Юй-нъ-да-изы* (рыбокожіе инородцы, т. е. одѣвающиеся въ рыбы кожи)—племя, населяющее теперь область по теченію р. Уссури и носящее названіе Гольдовъ. «Эти *Ке-ченъ-да-изы* пишутъ Іезуиты *) «первыя сообщили намъ, чего мы не знали еще прежде, именно, что противъ устья Сахалинь-Ула находится большой островъ, населенный людьми, сходными съ ними». Впоследствии, Императоръ Канг-Хи, послалъ туда экспедицію изъ Маньчжуръ, которые и перѣхали на островъ въ лодкахъ этихъ *Ке-ченъ-да-изы*, живущихъ по берегу моря и имѣющихъ торговныя сношенія съ жите-

лями западной части острова. Впрочемъ, посланные ограничили только тѣмъ, что объѣхали сѣверную часть острова, не собравъ никакихъ свѣденій объ южной его части (населенной Айнами). По донесенію ихъ, путешествіе по острову сопряжено со многими неудобствами; жители не имѣютъ ни лошадей, ни другихъ вьючныхъ животныхъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ держутъ родъ домашнихъ оленей, которыхъ запрягаютъ въ санки (очевидно сѣверныхъ оленей, которые дѣйствительно держатся на Сахалинѣ Ороками). По словамъ Іезуитовъ, «островъ этотъ носятъ у жителей материка различныя названія, смотря по мѣстамъ, куда они ѣздить для торговли; наиболѣе же общее и приличное для него названіе было бы *Сахалинь анга хада* (*Saghalien anga hata*) т. е. островъ устья черной рѣки (Амура), потому что съ этимъ именемъ соглашаются они всѣ для его обозначенія » *).

Это названіе и было дѣйствительно принято Іезуитами въ составленномъ ими Географическомъ Атласѣ Китайской Имперіи, а отъ нихъ перешло и въ позднѣйшія карты, причемъ кописты для краткости стали впоследствии писать просто «Сахалинь», отбрасывая «анга хада»,—обычай, который въ особенности утвердился, благодаря авторитету капитана (впоследствии адмирала) Крузенштерна. Возвратимся однако къ путешествіямъ Лаперуза и Броутона, и остановимся, въ хронологическомъ порядкѣ, прежде всего на изслѣдованіяхъ первого. **)

Посланный въ кругосвѣтное плаваніе французскимъ правительствомъ въ 1785 г., Лаперузъ, посѣтивъ сперва, согласно данной ему инструкціи, нѣкоторыя мѣстности Америки и Полинезій, направился затѣмъ къ сѣ-

*) См. Du Halde l. c. IV 15. Далеко здѣсь говорится, что ни посланные Маньчжуръ, ни живущіе въ тѣхъ мѣстностяхъ инородцы ничего не слыхали о землѣ Иессо или Иессо, и что поэтому, разсказы объ этой странѣ вѣроятно сказки, не смотря на то, что она извѣстна и Китайскимъ географамъ подъ именемъ *Jeize*. Китайцы говорятъ именно, что эта *Jeize* есть очень большая страна, составляющая часть Восточной Татаріи и населенная храбрыми племенемъ; люди эти отличаются тѣмъ, что имѣютъ тѣло покрытое волосами, усы до груди и носятъ мечъ такимъ образомъ, что остріе его приходится позади головы.—Замѣтимъ при этомъ, что какъ показала Клавротъ, слово хада или хата означаетъ по Маньчжурски утѣсь, а вовсе не островъ; такъ что слѣд. названіе *Saghalien anga hata* предлагалось вѣроятно для обозначенія какого нибудь утеса при устьѣ Амура.

**) См. Voyage de La-Pérouse autour du Monde, publié et rédigé par Milet-Mureau. 1798. vol. III. Мы пользовались также именнымъ переводомъ—съ примѣчаніями Форетера.

*) См. Du Halde Description géographique, historique etc. de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise v. IV. 1736 p. 14.

веру, прошел мимо острова Формозы, острововъ Ликейскихъ, Кореи, и вступилъ наконецъ въ Японское море. Здѣсь, идя вдоль Татарскаго берега, онъ открылъ двѣ бухты, названныя имъ, одна—Bay Ternai (подъ $45^{\circ} 13'$), другая—Bai Suffren (подъ $47^{\circ} 51'$); въ обѣихъ этихъ бухтахъ онъ не нашелъ никакихъ жителей, а только слѣды ихъ временнаго пребыванія (и то только на берегахъ первой). Слѣды эти заключались именно въ нѣсколькихъ срубленныхъ деревьяхъ, остаткахъ сѣтей и развалившейся лодки, и двухъ могилахъ, лежащихъ въ которыхъ и повидимому недавно похороненныя трупы, были, какъ оказалось изъ раскопки, обернуты въ медвѣжьей шкуры и имѣли при себѣ шелковыя шапочки, китайскія монеты, серебряныя и мѣдныя украшенія, а также железныя топоры, гребни, деревянныя ложки, мѣдныя трубки, огнивы и т. п. — могилы, которыя Лаперузу призналъ за Маньчжурскія. Подвигаясь отсюда далѣе къ сѣверу, Лаперузъ (подъ $48^{\circ} 35'$ шир.) увидалъ на противоположной восточной сторонѣ также гористый берегъ, который онъ, судя по имѣвшимся у него подъ руками картамъ Іезуитовъ, долженъ былъ признать берегомъ Сахалина, но—острова или полу-острова, для него было еще сомнительнымъ.

Желая опредѣлить точнѣе этотъ вопросъ, онъ направился поперекъ пролива къ замѣченному имъ берегу и 12 іюля 1787 г. всталъ на якорь въ бухтѣ, названной имъ Bai De-Langle, подъ $47^{\circ} 49'$ с. ш. и $140^{\circ} 29'$ дол. отъ Пар. Здѣсь онъ имѣлъ первую встрѣчу съ туземцами, которые вообще произвели на него весьма благоприятное впечатлѣніе, какъ своею наружностью, такъ и своею смѣлостью и обхожденіемъ. Они не выказывали никакого страха передъ незнакомыми имъ чужеземцами, держали себя прилично и скромно, не хватили съ жадностью предлагаемыя имъ вещи, а тѣмъ болѣе не выказывали желанія утащить ихъ, какъ то дѣлали нѣкоторые островитяне южнаго моря. Изъ подарковъ, они предпочитали повидимому полезныя вещи: желѣзо и матеріи нравились имъ всего болѣе, хотя они понимали также цѣну мѣди, и еще болѣе серебра. «Они были—говоритъ Лаперузъ—очень бѣдны: только трое или четверо изъ нихъ имѣли серебряныя кольца въ ушахъ, украшенныя голубыми бусами, совершенно сходными съ тѣми, какія были найдены въ упомянутой ранѣ могилѣ въ Bay Ternai. Всѣ остальные ихъ украшенія были изъ мѣди.» Большая часть туземцевъ была одѣта въ платья изъ древесной коры или дуба, нѣкоторые имѣли впрочемъ нанковые

халаты на манеръ китайскихъ, или длинныя до пятъ кафтаны. У всѣхъ на ногахъ были сапоги изъ тюленьей кожи, а головы—не покрытыя ничѣмъ, исключая двухъ-трехъ, у которыхъ на головѣ было нѣчто въ родѣ повязокъ изъ медвѣжьей шкуры. У всѣхъ лобъ и темя были выбриты, такъ что волосы оставались только надъ ушами и на затылкѣ, гдѣ они и висѣли пучкомъ въ 8—10 дюймовъ длиною. Оружіе ихъ состояло изъ копій, луковъ и стрѣлъ, обитыхъ желѣзомъ; а ихъ огнивы и трубки были изъ желтой мѣди и повидимому китайской или японской работы. Указывая рукою на западъ, туземцы давали понять, что сѣняя нанка, голубые кораллы и огнивы получаютъ ими изъ страны Маньчжу, —название, которое они произносили также, какъ и французы, —а трубки и табакъ съ юга, съ острова Іессо, который они называли Шиша. Замѣтивъ, что нѣкоторые изъ спутниковъ Лаперуза держали въ рукахъ бумагу и карандашъ для записыванія словъ ихъ языка, они немедленно отгадали это и указывая на различные предметы, сами называли ихъ по нѣскольку разъ, какъ бы давая время лучше вслушаться въ произношеніе каждаго слова. Когда отъ нихъ старались добиться, въ какомъ положеніи находится ихъ страна относительно земли Маньчжуръ, они тотчасъ же, помощью рисунка палочкой на пескѣ, объяснили, что страна ихъ есть островъ, который они называли Чока, и что островъ этотъ отдѣленъ отъ материка проливомъ. Одинъ туземецъ, не довольствуясь даже рисункомъ на пескѣ, черты на которомъ занесли въ трюмъ, взявъ бумагу и карандашъ, и начертилъ сперва свой островъ, затѣмъ противоположный берегъ, на которомъ, нѣсколько южнѣе сѣвернаго конца острова, показалъ даже устье рѣки Сахалина (Амура). стараясь помощью 7 черточекъ объяснить повидимому количество дней, необходимое для путешествія туда въ лодкѣ. Мало того, онъ стараясь повидимому показать также ширину и глубину пролива, хотя за совершеннымъ незнаніемъ языка, понять вполне его объясненія и не было возможности. Какъ бы то ни было, говоритъ Лаперузъ, «для насъ было верхомъ удивленія, найти у такого полудикаго народа охотниковъ и рыбаковъ, столько достоинства и приличія въ обхожденіи и столько смѣтливости въ объясненіяхъ и отвѣтахъ. Смѣло можно сказать, что ихъ развитіе стоитъ никакъ не ниже развитія высшаго класса Европейскаго населенія. Они отнюдь не выказывали того нѣмага и глупаго удивленія, какъ напримѣръ Индѣйцы западнаго берега сѣверной Америки: наши вещи, наши

матеріи обращали на себя их осмысленное вниманіе, они разсматривали их со всѣхъ сторонъ, оборачивали, пробоваали, разсуждали между собою, повидимому толкуя объ ихъ достоинствахъ и употребленіи и проч. Искусство ткать матеріи имъ извѣстно, и ихъ ткацкой станокъ въ сущности весьма сходенъ съ употребляемымъ въ Европѣ; только ихъ нитки дѣлаются изъ коры (дуба) какого то вида лвы. Хотя они и не воздѣлываютъ землю, однако умѣютъ повидимому вполне пользоваться ея естественными произведеніями. Мы нашли въ ихъ хижинахъ большіе запасы сухихъ кореньевъ одного вида лилій (Камчатской сараны), также разныя другія луковницы и коренья Ангелыки. Короткое пребываніе наше не позволило намъ узнать, имѣютъ ли они какихъ нибудь начальниковъ или старшинъ; однако это можно предположить, принявъ во вниманіе тотъ почетъ, который они видимо оказываютъ старикамъ. Если бы они были пастушескимъ народомъ и владѣли значительными стадами скота, то ихъ можно было бы принять за живой образецъ древнихъ патріарховъ. Вообще говоря, они хорошо и сильно сложены, имѣютъ довольно пріятныя черты лица и отличаются замѣчательною волосатостью. Ростъ ихъ небольшой и между ними не оказалось ни одного выше 5' 5'', а многіе были ниже 5'. Они безъ затрудненій дозволяли рисовать съ себя портреты, но упорно противились всякой попыткѣ снять измѣренія различныхъ частей ихъ тѣла; это упрямство и скрываніе ими отъ насъ своихъ женъ были единственные недостатки, которые мы могли въ нихъ замѣтить. Вообще же жители этого острова могли бы быть названы довольно цивилизованнымъ народомъ, но который на столько бѣденъ, что ему долгое время не придется опасаться ни честолюбія завоевателей ни корыстолюбія торговцевъ. Сухая рыба да немного жиру, вотъ всѣ продукты, которые могутъ быть предметомъ вывоза отсюда. Мы могли вымѣнять у туземцевъ только двѣ куны (собольиныя) шкурки; да еще взяли нѣсколько шкуръ медвѣжьихъ и тюленьихъ, разрѣзанныхъ и собранныхъ для изготовленія платьевъ. Намъ попалось также нѣсколько кусковъ каменнаго угля, очевидно вымытыхъ изъ берега, но мы не могли найти ни одной горной породы, въ которой можно было бы предполагать присутствіе золота, серебра или мѣди. Но всѣмъ признакамъ горы этого острова совершенно не заключаютъ въ себѣ рудъ: всѣ серебряныя украшенія видѣнныхъ нами туземцевъ, взятые вмѣстѣ, вѣсили приблизительно не

болѣе двухъ унцій, и серебряная медаль, повѣшенная нами на шею одному старика, казалось имъ повидимому неоправданнымъ сокровищемъ. Почти каждый изъ туземцевъ имѣлъ на большомъ пальцѣ толстое кольцо изъ слоновой (мамонтной?) кости, рога или свинца. Они отпускаютъ такіе же длинные ногти, какъ и Китайцы, на которыхъ они походятъ и по своей манерѣ класть до земли, сидѣть поджавъ ноги и жести помощью палочекъ. Но, если по своему происхожденію они и сродни Китайцамъ и Татарамъ, то во всякомъ случаѣ ихъ обособленіе отъ этихъ народовъ должно было послѣдовать въ весьма древнюю эпоху: такъ какъ они совершенно непоходятъ на нихъ по своей наружности и весьма мало по своимъ нравственнымъ качествамъ.

Простоявъ сутки на якорѣ въ бухтѣ де-Лангль, Лаперузь направился далѣе къ сѣверу и подъ 48° 59' сѣверной широты открылъ другую бухту, названную имъ Bay d'Estaing. На берегу этой бухты находилось небольшое селеніе туземцевъ, въ которомъ французы въ первый разъ, и то мелькомъ, увидѣли женщинъ, «съ маленькими глазами и толстыми губами, изъ коихъ верхняя была татуирована». Недалеко отъ селенія они нашли также нѣчто въ родѣ цирка: именно кругъ, обставленный 16—20 столбами, на каждомъ изъ которыхъ была воткнута медвѣжья голова, вѣроятно, такъ полагали французы, въ память ихъ геройскихъ побѣдъ надъ этими—конечно весьма опасными и страшными для нихъ—животными.

Отсюда Лаперузь отправился далѣе къ сѣверу и скоро замѣтилъ, что проливъ, которымъ онъ шелъ, сталъ замѣтно суживаться, а глубина фарватера постепенно уменьшаться, такъ что наконецъ съ 20—18 сажень дошла до 9. Это обстоятельство, въ связи съ полнымъ отсутствіемъ сколько нибудь замѣтнаго теченія, навело его на мысль, что онъ находится не въ проливѣ, а въ узкомъ заливѣ, и что Сахалинъ соединенъ далѣе на сѣверѣ съ материкомъ помощью песчаныхъ отмелей, чрезъ которыя туземцы, можетъ быть, и могутъ переѣзжать на своихъ лодкахъ, но которыя для большихъ кораблей совершенно не проходимы. Убѣжденіе это еще болѣе утвердилось въ немъ, когда посланный на шлюбокъ для развѣдыванія фарватера офицеръ донесъ ему, что на двѣ мили къ сѣверу глубина уменьшилась до 6 сажень. Тогда, не желая подвергать свои корабли опасности встать на мель, или оборачиваться въ узкомъ и

мелкомъ заливѣ, Лаперузъ рѣшился поворотить назадъ, сдѣлавъ предварительно стоянку въ одной изъ бухтъ Татарскаго берега. Такую бухту онъ скоро действительно нашелъ подъ $51^{\circ} 29'$ сѣв. шир. и $139^{\circ} 4'$ вост. долг., которая и была названа имъ Bay de Castries. Здѣсь онъ встрѣтилъ народъ, совершенно отличный отъ видѣннаго имъ на островѣ, — народъ, который называлъ себя *Орочами* и принадлежалъ по всей вѣроятности Тунгусскому племени. По своей наружности эти Орочи значительно уступали островитянамъ: ростъ ихъ былъ около $4' 10''$, сложеніе скорѣе слабое, голосъ высокій, кривливы; глаза маленькіе, впалые, носъ искривленный, ротъ большой, носъ вдавленный, подбородокъ короткій, борода весьма жидкая, кожа оливковаго цвѣта. Волоса на головѣ они отращивали и заплетали косичками, а у женщинъ (мало отличавшихся по фizioноміи отъ мужчинъ) они падали двумя косами на плечи. Одежда ихъ состояла, у мужчинъ — изъ пантовыхъ камзоловъ или рубашекъ изъ собачьихъ или рыбьихъ кожъ, иногда также китайскихъ панталонъ; кромѣ того все имѣли сапоги изъ тюленьихъ шкуръ и кожаные пояса, на которыхъ были привѣшены ножъ въ ножнахъ, огниво, мѣшокъ съ табакомъ и трубка. У женщинъ одежда была болѣе широкая и длинная, изъ панки или рыбьихъ кожъ, часто снабженная какъ бы бахромою изъ маленькихъ мѣдныхъ погремушекъ. — Жилища у нихъ были двоякаго рода — лѣтнія и зимнія; послѣднія устроенныя совершенно также, какъ и Камчадалскія юрты. Около деревень видѣлись кладбища, именно такія же хижины, даже еще лучше устроенныя, чѣмъ жилые дома, и въ каждой изъ которыхъ находилось 4—5 гробовъ, тщательно сдѣланныхъ и украшенныхъ китайскими матеріями, различнымъ оружіемъ, и утварью. Трупы же бѣднѣйшихъ помѣщались просто на подмосткахъ, устроенныхъ на столбахъ, фута въ 4 вышиною. По своему характеру народъ этотъ произвелъ на Французовъ еще болѣе благоприятное впечатлѣніе, нежели Айны. Нельзя было не удивляться ихъ почитанію старшихъ, любви къ женамъ и дѣтямъ, ихъ взаимной дружбѣ. Съ трудомъ можно было уговорить ихъ принять предлагаемые имъ подарки, за которые они немедленно старались отблагодарить, чѣмъ могли — рыбю, собаками и т. п. Единственный недостатокъ ихъ заключался въ необыкновенной нечистоплотности и неопрятности; они ѣли съ жадностью сырую рыбу и все ихъ жилища и они сами были насквозь протухшими запахомъ тухлой гнилой рыбы и рыбьяго жира.

Простоявъ пять сутокъ въ бухтѣ де Кастри, Лаперузъ повернулъ назадъ и пошелъ вдоль Сахалина къ югу. Дойдя до 46° широты, онъ замѣтилъ, что гористый берегъ острова началъ понижаться, и наконецъ, подъ $45^{\circ} 57'$, окончился выдавшимся къ югу мысомъ, которому онъ далъ названіе Cap Crillon. Это открытіе, именно открытіе южной оконечности острова и пролива, отдѣляющаго его отъ Іессо, Лаперузъ совершенно справедливо считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ, сдѣланныхъ имъ географическихъ открытій. Ранѣе того (основываясь на результатахъ экспедиціи Castricum'a) обыкновенно полагали, что Іессо простирается гораздо далѣе на сѣверъ, и что въ этихъ широтахъ существуетъ только одинъ проходъ изъ Тихаго Океана въ Японское море, именно черезъ проливъ, отдѣляющій Іессо отъ Нипона, т. наз. «Сангарскій».

Здѣсь, у мыса Крильонъ, Лаперузъ имѣлъ новую встрѣчу съ жителями острова, которые явились даже на корабль за полученіемъ подарковъ, въ особенности же водки и табаку. «Мы замѣтили, пишетъ Лаперузъ, что эти островитяне отличались красивою наружностью, правильными чертами лица и были хорошо и сильно сложены. Они имѣли большія бороды, спускавшіяся на грудь и ихъ руки, шея и спина были также покрыты волосами; послѣднюю особенность я отмѣчаю только какъ общій для всехъ ихъ признакъ, но въ сущности на столько же волосатыхъ людей можно встрѣтить нѣрѣдко и между европейцами. Средній ростъ ихъ былъ приблизительно на одинъ дюймъ ниже нашего, но это различіе не было особенно замѣтно, благодаря ихъ мускулистости и крѣпости сложенія. Цвѣтъ ихъ кожи былъ настолько же смугль, какъ у Алжирцевъ и другихъ народовъ Сѣверо-Африканскаго берега....

Жилища этихъ островитянъ были устроены гораздо лучше, чѣмъ у Орочей, а ихъ утварь была большею частью японской работы. Мы замѣтили у нихъ особый продуктъ мѣны, который совершенно неизвѣстенъ по видимому ни Орочамъ, ни жителямъ западнаго берега острова — это именно «житовый жиръ». Дѣйствительно, мы ни встрѣтили ни одного кита при нашемъ плаваніи вдоль западнаго берега, тогда какъ около восточнаго, въ Тихомъ Океанѣ, они встрѣчаются во множествѣ. — Что касается до положенія этихъ островитянъ въ ряду прочихъ народовъ восточной Азіи, то Лаперузъ дѣлаетъ замѣчаніе, что Орочи и другіе, какъ онъ выражается, «Татарскія» племена восточнаго берега азіатскаго материка —

«могутъ быть разсматриваемы какъ одного корня съ Камчадалами, Коряками и пр., вмѣстѣ съ которыми, точно также какъ съ Лопарями и Самоѣдами, они относятся подобнымъ же образомъ къ другимъ видамъ человѣчества, какъ ихъ березы и малорослыя ели къ деревьямъ болѣе южныхъ широтъ. Напротивъ того, жители о-ва Сахалина стоятъ по своей наружности много выше какъ Японцевъ, такъ и Китайцевъ и Маньчжуровъ: черты лица ихъ правильнѣе и приближаются значительно болѣе къ тѣмъ формамъ, которыя мы привыкли встрѣчать въ Европѣ».

Отъ мыса Крильонъ Лаперузъ пошелъ проливомъ, носящимъ теперь его имя, на Востокъ, мимо бухты и мыса, въ которыхъ онъ призналъ заливъ и мысъ Анива де Фриза, къ южнымъ Курильскимъ островамъ. Здѣсь, пройдя мимо Staaten-Land, Compagnies-Land и острова Марикана, у которыхъ впрочемъ, за сильными туманами и ненахожденіемъ сколько нибудь пригодной гавани, онъ не останавливался, Лаперузъ направился къ сѣверу и 7 августа 1787 г. бросилъ якорь въ Петропавловской гавани у береговъ Камчатки.

Кромѣ наблюдений самаго Лаперуза, описаніе его путешествія, изданное, какъ извѣстно, уже послѣ его смерти, заключаетъ еще въ себѣ между прочимъ «наблюденія надъ жителями острова Чока и восточной Татаріи» г. Роллена, главнаго врача экспедиціи на фрегатѣ Буссоль. Наблюденія эти, касающіяся физическихъ особенностей жителей, ихъ одежды, жилищъ, утвари, быта и проч. во многомъ интереснѣе и подробнѣе собранныхъ самимъ Лаперузомъ, и мы будемъ еще имѣть случай вернуться къ нѣкоторымъ изъ нихъ, когда будемъ говорить о морфологій Аиновъ и особенностяхъ ихъ быта.

Другая экспедиція, нѣсколько увеличившая имѣвшіеся уже свѣдѣнія объ островахъ Іессо, Сахалинѣ и ихъ жителяхъ, была произведена въ 1795—98 г. подъ управленіемъ капитана Броутона (Broughton). Не имѣя еще никакихъ извѣстій о путешествіи Лаперуза (журналы и карты котораго были опубликованы только въ 1798 г.) Броутонъ обратилъ главное свое вниманіе на изслѣдованіе юго-восточнаго берега Іессо, особенно въ окрестностяхъ залива, названнаго имъ Вулканическимъ (Vulcano Bay). Отсюда онъ, первымъ изъ Европейцевъ, прошелъ чрезъ проливъ, отдѣляющій Іессо отъ Нипона, и затѣмъ, пройдя мимо Западнаго берега Іессо, вступилъ въ проливъ, гдѣ, восемь лѣтъ ранѣе, производилъ свои розысканія Лаперузъ. Здѣсь онъ дошелъ до 57°

45' 7" сѣв. шир. т. е. на 8 миль далѣе къ Сѣверу, чѣмъ Лаперузъ, и поворотилъ назадъ только тогда, когда глубина воды достигла двухъ сажень. Впрочемъ, посланный для развѣдки фарватера офицеръ нашелъ, что въ одномъ, правда довольно узкомъ мѣстѣ, глубина воды не спускалась ниже 4—5 сажень, и что поэтому, можно было бы попытаться проникнуть далѣе на сѣверъ, тѣмъ болѣе, что лѣвѣнней земли или отмели впереди видно не было. Однако капитанъ, на основаніи разныхъ сообщеній, рѣшилъ иначе, и призналъ, что проходъ къ сѣверу невозможенъ, или другими словами, что между Сахалиномъ и материкомъ существуетъ не проливъ, а узкій и длинный заливъ, оканчивающійся на сѣверѣ мелководьемъ и отмелями.

Несмотря однакоже на то, что Броутонъ шелъ здѣсь тою же дорогою, какъ и Лаперузъ, и проникнулъ даже нѣсколько далѣе на сѣверъ, — его изслѣдованія значительно уступаютъ изслѣдованіямъ Лаперуза. За сильными туманами онъ не замѣтилъ пролива, отдѣляющаго Іессо отъ Сахалина, не приближался къ берегамъ послѣдняго, равно какъ и къ берегамъ материка, и не могъ собрать такимъ образомъ никакихъ свѣдѣній о мѣстныхъ жителяхъ. Но за то онъ значительно подвинулъ впередъ географію южнаго и юго-восточнаго береговъ Іессо, (или, какъ онъ называетъ его *Инесу*), хотя и здѣсь свѣдѣнія, собранныя имъ относительно туземцевъ, были не особенно подробны, главнымъ образомъ вследствие того, что мѣстные Японцы, относившіеся къ нему впрочемъ довольно дружественно, всячески отстраняли его отъ прямыхъ сношеній съ туземцами и отгоняли послѣднихъ, гдѣ только можно было, прочъ. *)

Тѣмъ не менѣе, въ своемъ журналѣ, Броутонъ приводитъ довольно обстоятельное описаніе наружности и быта жителей Вулканическаго залива, съ которыми онъ имѣлъ возможность всего болѣе ознакомиться. По его словамъ: «мужчины этого племени вообще средняго или даже небольшого роста. Цвѣтъ кожи ихъ желтоватый или бронзовый (*cuivré clair*), черты лица довольно правильныя и выразительныя, хотя у нѣкоторыхъ и напоминаютъ Китайскій типъ. Ихъ голени обыкновенно болѣе или менѣе выгнуты кнаружи, а ихъ руки, въ отноше-

*) Мы пользовались описаніемъ путешествія капит. Броутона по Французскомъ переводѣ: Broughton Voyage de découvertes dans la partie septentrionale de l'Océan Pacifique pendant les années 1795—98. 1807.

ни къ туловищу, могутъ быть названы короткими.* Дли-
ная, густая и большею частью нѣсколько курчавая борода
закрываетъ почти все ихъ лицо; волосы же на головѣ у
нихъ плотно подстрижены напередъ, а на затылкѣ висятъ
длинными космами; тѣло ихъ также почти совершенно пок-
рыто длинными черными волосами,—особенность, которую
мы могли замѣтить даже у дѣтей. Женщины подстригаютъ
волоса въ кружокъ, но не такъ коротко, какъ мужчины
на лбу. Верхняя сторона кистей, лобъ и окружность
рта у нихъ татуирована, что, вмѣстѣ съ оригинальной
манерой стричь волосы, значительно обезображиваетъ ихъ—
въ сущности довольно пріятныя фizioноміи. Одежда мужчинъ
приготавливается большей частью изъ тополинаго луба,
доходить до коленъ и обхватывается поясомъ, къ которому
привѣшены ножикъ, трубка и пузырь съ табакомъ. У нѣко-
торыхъ имѣются еще кольца въ ушахъ съ привѣшенными
къ нимъ бусами, а у женщинъ—также ожерелья на шеѣ изъ
стекляруса и тому подобныхъ украшеній. Одежда жен-
щинъ почти не разнится отъ мужской, за исключеніемъ
только того, что она нѣсколько длиннѣе. Нѣкоторые
имѣютъ еще одежды изъ тюленьихъ и оленьихъ шкуръ
съ нашитыми на нихъ полосками синяго сукна. Мале-
нкія дѣти бѣгаютъ совершенно голые, да и мужчины, въ
теплое время года, имѣютъ вмѣсто всякаго одѣянія только
небольшой лоскутъ матеріи на поясѣ.

Далѣе, Броутонъ описываетъ жилища туземцевъ, ихъ
пищу, лодки, утварь и пр.—довольно сходно съ описа-
ніями Голландской экспедиціи *Castrium'a*, и старинными
русскими. Между прочимъ, онъ сообщаетъ, что во мно-
гихъ деревняхъ ему попадались иногда кѣтки съ мед-
вѣдями и орлами, которыхъ жители, повидимому, откарм-
ливали для ѣды, такъ какъ они ни за что не соглашались
уступить ихъ Англичанамъ.

Послѣ экспедицій Лаперуза и Броутона, довольно под-
робныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ Айнахъ были сооб-
раны въ началѣ нынѣшняго столѣтія капитаномъ рус-
ской службы *Крузенштерномъ*. Экспедиція Крузенш-
терна, произведенная на двухъ судахъ—*Надежда* и
Нева, (изъ коихъ последнее находилось подъ командой
капитанъ-лейтенанта Лисянскаго), была, какъ извѣстно,
первымъ кругосвѣтнымъ путешествіемъ Русскихъ, и цѣль
ея заключалась первоначально въ томъ, чтобы открыть
новые пути русской торговли, именно съ Китаемъ, и
установить сношенія моремъ съ русскими колоніями въ
Америкѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ этой экспедиціей было
соединено и посольство въ Японію камергера Режанова,

(зятя основателя Россійско-Американской компаніи Шеле-
хова), для заключенія торговаго трактата, а также и гео-
графическое изслѣдованіе мало извѣстныхъ еще мѣстно-
стей Тихаго Океана, въ особенности же отысканіе, если
возможно, тайственныхъ золотыхъ и серебряныхъ остро-
вовъ, открыть которые такъ напрасно старались Гол-
ландцы. Что касается до Японскаго посольства, то оно
оказалось совершенно неудачнымъ; золотые и серебря-
ные острова точно также не были найдены; но за то въ
другихъ отношеніяхъ путешествіе Крузенштерна при-
несло значительную пользу Географіи и Этнографіи.
Между прочимъ, ему мы обязаны тщательнымъ опредѣ-
леніемъ многихъ географическихъ пунктовъ Нипона и
Иессо, изслѣдованіемъ южнаго и восточнаго береговъ
Сахалина, а также и многими интересными свѣдѣніями,
касающимся Айновъ, съ которыми онъ имѣлъ случай
ознакомиться довольно подробно на сѣверозападныхъ
берегахъ Иессо и въ бухтѣ Анива на южномъ берегу
Сахалина.

«Первобытные обитатели Иессо, говоритъ Крузенш-
тернъ *), точно также какъ и жители южной части Са-
халина, называются *Aino* и составляютъ одинъ и тотъ-
же народъ съ такъ назыв. *мохматыми Курильцами*.
Они—средняго, почти всѣ одинаковаго роста, не пре-
вышающаго 5' 2—4'', темнаго, почти чернаго цвѣта
кожи, имѣютъ густую, косматую бороду, и черные,
жесткіе, прямые волосы, которые, если не принимать во
вниманіе бороду, придаютъ имъ нѣкоторое сходство съ
Камчадалами; только черты лица ихъ гораздо правиль-
нѣе. Женщины—довольно отвратительны (*ziemlich hässlich*).
Не менѣе темный цвѣтъ ихъ кожи, черные во-
лоса, ниспадающіе на лицо, окрашенные въ синій цвѣтъ
губы и татуированныя кисти рукъ, при несовсѣмъ чис-
тоюлотной одеждѣ, отнимаютъ у нихъ всякое притяза-
ніе на привлекательность... Но за то имъ надо отдать
справедливость, что онѣ въ высшей степени нравствен-
ны, и представляютъ въ этомъ отношеніи поразитель-
ный контрастъ съ женщинами Нукагива и Отанги....»

«Характеристическую особенность характера Айновъ
составляетъ ихъ сердечная доброта, выраженная какъ
въ чертахъ ихъ лица, такъ и во всѣхъ ихъ рѣчахъ и
поступкахъ.... Всѣ члены семейства живутъ въ пол-
номъ согласіи между собою, тоже можно было замѣ-

*) Cu. Reise um die Welt in den Jahren 1803—1806 unter dem
Commando des Cap. A. J. von Krusenstern, II Th, Pet. 1811. ст. 2

тить и относительно всѣхъ членовъ общины. Между ними нельзя было услыхать ни рѣзкаго разговора, ни чрезмѣрнаго смѣха, а тѣмъ болѣе ссоръ или драки. Къ намъ они были въ высшей степени услужливы и гостепріимны, и не только не напрашивались на подарки, но даже предлагаемые имъ брали какъ бы съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Всѣ эти относительно рѣдкія качества, которыми они обязаны не утонченной цивилизаціи, но единственно своему природному характеру, произвели на меня такое впечатлѣніе, что я считаю Айновъ лучшимъ изъ всѣхъ народовъ, съ которыми мнѣ когда либо приходилось встрѣчаться.»

«Число Айновъ, живущихъ на сѣверной оконечности Иессо и въ южной части Сахалина, повидимому, весьма незначительно. Правда, въ бухтѣ Лососей и въ Томари Анива ихъ можно было насчитать около 300, но необходимо принять во вниманіе, что мы были тамъ въ самый разгаръ рыбной ловли (въ маѣ 1805 г.), которая составляетъ главное занятіе поселившихся здѣсь Японцевъ, и для которой они повидимому собираютъ сюда туземцевъ со всѣхъ окрестныхъ мѣстностей. Это доказываютъ не только многіе, наскоро построенные шалаши Айновъ въблизи Японскаго поселенія, но и многія оставленные со всей утварью хижины ихъ, которыя мы встрѣтили позднѣе въ бухтѣ, названной нами Мордвиновскою».

«Старыя извѣстія объ островѣ Иессо, собранныя Китайцами, Голландскою экспедиціею де-Фриза и Русскимъ капитаномъ Шпанберггомъ, сообщаютъ, что жители этого острова покрыты волосами по всему тѣлу и имѣютъ громадныя бороды. Однако, не смотря на такое единогласное свидѣтельство многіхъ путешественниковъ, я склоненъ думать, что это извѣстіе—чистѣйшая басня. На сѣверной оконечности Иессо и въ бухтѣ Анива я имѣлъ возможность разсматривать у многіхъ туземцевъ—ихъ грудь, руки и ноги, и могу увѣрить, что большая часть Айновъ имѣютъ не болѣе волосъ на своемъ тѣлѣ, чѣмъ и многіе Европейцы. Правда лейтенантъ Головачевъ, въ Мордвиновской бухтѣ, встрѣтилъ одного шестилѣтняго мальчика, у котораго все тѣло было покрыто волосами, но когда онъ осматрѣлъ затѣмъ отца этого мальчика и другихъ взрослыхъ туземцевъ, то нашелъ ихъ совершенно сходными съ Европейцами. Я не хочу противорѣчить рѣшительно показаніямъ многіхъ старинныхъ и новѣйшихъ мореходовъ, но мнѣ кажется, что во всякомъ случаѣ, волосатость

Айновъ или, что все равно, обитателей южныхъ Курильскихъ острововъ, была значительно преувеличена, или, по крайней мѣрѣ, что особенность эта далеко не у всѣхъ туземцевъ выражена въ одинаково сильной степени».

За тѣмъ, Крузенштернъ описываетъ жилища туземцевъ, ихъ одежду, (изъ собачьихъ и тюленьихъ шкуръ, также изъ грубой желтой матеріи, сотканной изъ древесной коры), украшенія, утварь (почти вся японской работы), оружіе и проч.—Нѣсколько позже, въ Мордвиновской губѣ онъ видѣлъ также своры собакъ, на которыхъ туземцы ѣздить зимою въ санкахъ, и кромѣ того, почти во всѣхъ хижинахъ, онъ встрѣчалъ по медвѣженку, воспитываемому въ углу хижины, и съ которыми ни одинъ туземецъ не желалъ разстаться, даже въ обмѣнъ на весьма цѣнные для нихъ вещи.

Позже, изслѣдуя восточные берега Сахалина, сѣвернѣе бухты Терпиція, Крузенштернъ встрѣтилъ тамъ селенія, принадлежавшія уже совершенно иному племени не-жели Айны, именно, какъ онъ называетъ его—«Татарскому», но которое, на самомъ дѣлѣ, было повидимому Тунгусскимъ племенемъ *Орочей* или *Орокановъ*. Племя это имѣло монгольскія черты лица, было одѣто въ зѣтринныя шкуры или въ китайскіе халаты и имѣло домашними животными сѣверныхъ оленей. По своему характеру, жадности до подарковъ, подозрительности и даже нѣкоторой враждебности,—племя это представляло совершенный контрастъ съ мирнымъ и добродушнымъ племенемъ Айновъ.

Только что приведенныя наблюденія Лаперуза, Крузенштерна и Броутона, въ особенности двухъ первыхъ, были долгое время, именно до конца пятидесятихъ годовъ нынѣшняго столѣтія, главнѣйшими и почти единственными источниками для познанія племени Айновъ. Во всю первую половину настоящаго вѣка свѣдѣнія эти увеличились только немногими оригинальными замѣтками *Головнина*, помѣщенными въ его «Запискахъ о приключеніяхъ въ плѣну у Японцевъ въ 1811, 12 и 13 годахъ», да еще нѣкоторыми свѣдѣніями, собранными объ островахъ Иессо, Сахалинѣ и ихъ жителяхъ Клапротомъ, и въ особенности Зибольдомъ—изъ Японскихъ источниковъ. Но, изъ нихъ, замѣтки, собранныя Головиннымъ, довольно скудны и ограничиваются въ сущности только подтвержденіемъ, что Айны Иессо и мохнатыя Курильцы составляютъ одинъ и тотъ же народъ, какъ по наружности, «окладу лица, чрезвычайно смуглому цвѣту

тѣла, покрытаго множествомъ волосъ, самому черному лоснящемуся цвѣту волосъ и бороды», такъ и по языку, правамъ, употребляемымъ украшеніямъ и проч. «Живутъ Мацмайскіе Айны, пишетъ Головинъ,*) зимою въ юртахъ или землянкахъ, а лѣтомъ въ шалашахъ, въ которыхъ нѣтъ у нихъ ни лавокъ, ни скамеекъ, а садятся они на полу, подстилая траву или Японскія рогажи. Пища ихъ состоитъ въ сорочинскомъ ишенѣ, отъ Японцевъ получаемомъ, въ рыбѣ, морскихъ животныхъ, морской капустѣ, разной дикой зелени и кореньяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, слѣдуя Японцамъ, имѣютъ огороды, а многіе занимаются охотою, бьютъ стрѣлами и копьями медвѣдей, оленей и зайцевъ, а также ловятъ и птицъ; сверхъ того они ѣдятъ и собакъ. Вообще Айны живутъ весьма не чисто и не опрятны. Мы нѣсколько разъ видѣли съ отвращеніемъ, какъ они, вытаскивая изъ волосъ на головѣ гнусныя насѣкомыя, щелкали ихъ зубами, какъ орѣхи. Они умываютъ руки и лицо, или моютъ тѣло, только тогда, когда жужда

*) См. «Записки флота капитана Головина о приключеніяхъ его въ плѣну у Японцевъ въ 1811, 1812 и 1813 годахъ. Съ общеніемъ замѣчаній его о Японскомъ Государствѣ и народѣ». Т. III. СПб. 1816, стр. 161—166. — Головинъ попалъ въ плѣнъ къ Японцамъ по слѣдующему случаю. Выше уже было упомянуто о неудачномъ посольствѣ въ Японию Резанова. Озлобившись на Японцевъ, Резановъ, по прибытіи своемъ во владѣніи Русско-Американской компаніи, приказалъ находившимся въ то время на службѣ компаніи лейтенантамъ Хвостову и Давыдову — отираться съ судами ихъ къ берегамъ Японіи и отомстить Японцамъ за униженіе русской націи. Хвостовъ и Давыдовъ дѣйствительно сдѣлали нѣсколько нападений на Японскія поселенія въ южной части Курильскаго архипелага и острова Сахалина, сожгли провіантскіе магазины Японцевъ и ограбили нѣсколько судовъ ихъ. Въ отмѣстку, Японцы захватили черезъ шесть лѣтъ Головина и нѣсколькихъ его спутниковъ. Именно, когда Головинъ, занимаемый описью Курильскихъ острововъ, зашелъ разъ на шлюпѣ «Диана» (для запасенія прѣсной водой и ир.) въ одно Японское поселеніе на островѣ Кунаширѣ, гдѣ находилась и небольшая крепость Японцевъ, комендантъ послѣдней, принявъ сначала радушно Русскихъ, воспользовался однако первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы захватить Головина (и еще двухъ офицеровъ и четырехъ матросовъ) въ плѣнъ. Въ плѣну этомъ они и пробыли слѣдующіе четыре года, и были освобождены только по полученіи отъ Русскихъ властей официального удостовѣренія въ самовольствѣ поступковъ Резанова и Хвостова и Давыдова. Замѣтимъ здѣсь, что Хвостовъ и Давыдовъ были впоследствии арестованы въ Охотскѣ и освобождены только по ходатайству Русско-Американской компаніи, а самъ Резановъ умеръ на пути въ Петербургъ въ Красноярске. — Головинъ, во время своего пребыванія въ плѣну, успѣлъ собрать отъ окружавшихъ его Японцевъ разныя свѣдѣнія, которыя, вмѣстѣ со своими приключеніями, и описалъ въ вышеупомянутыхъ запискахъ.

заставить ихъ войти въ воду для работы; платья своего они также никогда не моютъ, и съ сей стороны они совершенно противны Японцамъ.»

«Живутъ они между собою въ чрезвычайномъ согласіи, и вообще миролюбивы и очень добросердечны, къ иностранцамъ ласковы, услужливы, весьма учтивы и почтительны. Обыкновенное привѣтствіе ихъ состоитъ не въ поклонахъ, но они поднимаютъ обѣ руки съ распростертыми пальцами къ лицу, потомъ опускаютъ ихъ весьма тихо по бородѣ, какъ бы глядя оную, до самаго живота, и въ то же время немного наклоняютъ голову, смотря пристально въ глаза тому, кого привѣтствуютъ, и сіе къ почтенной особѣ повторяютъ два или три раза. Недостатокъ бранихъ или ругательныхъ словъ на ихъ языкѣ свидѣлствуетъ о кротости ихъ нравовъ: наши Курильцы сказывали намъ, что у нихъ обыкновенная брань, когда они на кого разсердятся, заключается въ словахъ *неповорной* или *неловкой*; когда же кого хотятъ избранить болѣе, то называютъ *дуракомъ*; а настоящему бездѣльнику даютъ имя собаки; если же Курилецъ до того разгорячится, что выйдетъ изъ себя, тогда уже прибѣгаетъ къ русскому языку и бранитъ своего соперника русскими словами, коими научили ихъ промышленники.»

«Садятся они такимъ же образомъ, какъ и Японцы, поджавъ ноги, или сложа ихъ крестъ на крестъ, какъ наши портные. До табаку и до крѣпкихъ напитковъ они великіе охотники..... Оружіе ихъ состоитъ въ сабляхъ, въ копьяхъ и стрѣлахъ; послѣднія они намазываютъ ядовитымъ сокомъ извѣстнаго растенія, лютикомъ называемаго, дѣйствіе коего по большей части бываетъ смертоносно.»

«Айны не имѣютъ слишкомъ веселой, живой наружности, но кажутся болѣе скучными и работѣнными, однакожъ любятъ пѣсни и пляску; первая очень для слуха неприятна, а пляска ихъ состоитъ въ однихъ кривляніяхъ.»

Относительно религіи Айновъ, Головинъ могъ только узнать, что «солнце и луну они признаютъ божествами, но не имѣютъ никакихъ обрядовъ поклоненія... Курильцы же, зависящіе отъ Россіи, хотя и крещены въ нашу вѣру, но имѣютъ о ней только то понятіе, что въ присутствіи русскихъ должны креститься и кланяться предъ образами, которые впрочемъ, и вмѣстѣ съ крестами, бросаютъ куда нибудь въ уголъ, или даютъ дѣтямъ играть, пока не увидятъ, что къ нимъ ѣдутъ

Русские. Тогда надѣваются на себя кресты, и образа ставятъ въ почетное мѣсто своихъ землянокъ...»

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о трудахъ *Клапрота* и *Зибольда*. Первому мы обязаны переводомъ сочиненія одного Японскаго писателя *Ринзифе* (по *Зибольду*—*Фаязи-Сивен*), подъ заглавіемъ: *San Kokf Tsou Ran To Sets* по *Зибольду*—*Son tod tsu ran dsu ki*), т. е. общій очеркъ трехъ царствъ, изданнаго въ Еддо въ 1785 г. Въ этомъ сочиненіи, между прочимъ, говорится объ Иессо, описываются пять его областей, ихъ жители, окружающія моря, островъ Крафто (Сахалинъ, — настоящее имя котораго, по *Ринзифе*, есть *Тарахай*), и торговля сношенія Мацмайцевъ съ жителями послѣдняго. Все эти свѣденія однакожь довольно скудны; что же касается до Сахалина, то *Ринзифе* сознается, что островъ этотъ еще весьма мало извѣстенъ Японцамъ, такъ что не знаютъ даже въ точности, состоитъ ли онъ изъ одного, или изъ двухъ острововъ, и не составляетъ ли онъ собственно полуострова, соединеннаго перешейкомъ съ «Татаріей», южнѣе устья Амура. По его словамъ, въ началѣ XVII вѣка владѣтельный князь Мацмай посылалъ два раза экспедиціи для изслѣдованія этого острова, но исходъ этихъ экспедицій былъ неудаченъ, и объ онѣ принуждены были вернуться, за совершенною невозможностью проникнуть на сѣверъ. Впрочемъ, что касается Мацмайскихъ Айновъ, то у *Ринзифе* приведены нѣкоторыя свѣденія объ ихъ нравахъ и бытѣ, — свѣденія, которыми воспользовался отчасти *Зибольдъ* въ своемъ мемуарѣ о происхожденіи Японцевъ, извлеченіе изъ котораго, именно все, что касалось Айновъ, было помѣщено въ VII томѣ *Journal Asiatique* за 1831 годъ. Тутъ сообщаются, именно, нѣкоторыя свѣденія о религіи Айновъ, ихъ національномъ праздникѣ—*omsia*, способѣ погребенія мертвыхъ, бракахъ, одеждѣ и т. под. *).

Зибольду же мы обязаны и сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣденій о Сахалинскихъ Айнахъ, именно заключающихся въ его переводѣ сочиненія японца *Маміа Ринзо*—*To-tats ki ko*, т. е. «путешествіе въ восточную Татарію» каковой переводъ, вмѣстѣ съ рисунками оригинала и любопытными примѣчаніями *Зибольда*, помѣщенъ въ VII отдѣлѣ издаваемаго имъ «*Archiv für Beschreibung Japan's*» **).

*) См. *Nouvel Journal Asiatique* etc. VII, P. 1831, стр. 73 слѣд. *Moeurs et usages des Aïnos* par W. de Siebold.

**) Въ примѣчаніяхъ *Зибольдъ*, (прожившій, какъ извѣстно, нѣ-

сколько лѣтъ въ Пангасакѣ, въ качествѣ врача Голландской факторіи), приводитъ, между прочимъ, нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщенныя ему изустно образованными и бывшими Японцами, а также—замѣченными имъ изъ сочиненія другаго Японскаго путешественника *Могамі Токкан*.

*) Карта эта приложена *Зибольдомъ* къ его переводу. Такимъ образомъ *Маміа Ринзо* первый доказалъ существованіе пролива между Сахалиномъ и материкомъ, почему на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ картахъ проливъ этотъ и обозначенъ «проливомъ *Маміа*». Тѣмъ не мѣнѣе, основываясь на авторитетахъ *Ланеруза*, *Брутона* и въ особенности *Крузенштерна*, въ существованіи этого пролива продолжали сомнѣваться въ Европѣ до пятидесятихъ годовъ.

нымъ же образомъ, какъ и жители Иессо; впрочемъ, иѣкоторые имѣютъ еще платья Китайскаго или Майчжурскаго покрою. Зимой же они одѣваются въ платья изъ собачихъ шкуръ, носятъ мѣховые медвѣжьи сапоги, а на головѣ—шапки изъ тюленьей кожи. Кормятся они рыбою, разными кореньями и жиромъ морскихъ животныхъ. Жилища ихъ устроены такимъ же образомъ, какъ и на Иессо, хотя иногда встрѣчаются также юрты или землянки, въ родѣ тѣхъ, какія въ употребленіи у Смеренкуръ. Утварь ихъ—большей частью японской работы, но далѣе на сѣверѣ попадаются также посуда и туземнаго приготовленія. Лодки они дѣлаютъ сами изъ довольно тонкихъ досокъ, часто съ различными украшеніями и о трехъ да пяти паръ веселъ, при чемъ весла эти не узкія, какъ на Иессо, а съ расширеннымъ лопатообразно концемъ, какъ и употребляемыя въ странѣ Сантана (Приамурѣ) *). Кромѣ того у нихъ въ употребленіи санки, лыжи, а изъ оружія—луки, стрѣлы и копья; послѣднія имѣютъ въ длину около сажени и по своей формѣ сходны съ употребляемыми въ странѣ Сантана, откуда они и привозятся. Далѣе Маміа Ринзо описываетъ способы охоты и рыбной ловли, торговлю съ жителями Сантана (которымъ они продаютъ, между прочимъ, по его словамъ, иногда и своихъ собратій), способыковкижельѣза (получаемаго ими отъ Япоцевъ), иѣкоторые нравы и обычаи (какъ напр. способы погребенія, праздники убійства медвѣда), и т. под. Подобныя же замѣчанія приведены и относительно двухъ другихъ племенъ, Смеренкуръ и Оротско, которые (по словамъ Ринзо) весьма отличны отъ жителей южнаго Крафто какъ по вѣншему виду, такъ по языку и характеру, а Оротско, кромѣ того, еще тѣмъ, что вмѣсто собакъ имѣютъ домашними животными сѣверныхъ оленей (тонакай). Всѣ эти племена находятся, по его словамъ, въ торговыхъ сношеніяхъ съ жителями Сантана, Манго (Мангунами) и Маньчжурами; послѣднимъ они даже подчинены и платятъ дань морскими бобрами и выдрами,

*) Изображенія этихъ лодокъ (какъ употребляемыхъ жителями Крафто, такъ и Иессо) приведены въ атласъ Зибольда, который скопировалъ ихъ съ рисунковъ Маміа-Ринзо. См. атласъ въ его Архиву, VII таб. XXIII.—Въ этомъ же атласѣ приведены также копии съ большихъ (раскрашенныхъ) рисунковъ Ринзо, изображающихъ различныя сцены изъ быта Айновъ, Оротско и Смеренкуръ, а также изображенія оружія (копій, стрѣлъ, гарпуновъ), саней, лыжъ, украшеній, могильныхъ памятниковъ и проч.—Айновъ Сахалинскихъ и Мацмайскихъ.

отвозя ее, чрезъ посредство своихъ старшинъ, каждый годъ, или черезъ два—три, въ городъ Деренъ.

Новый періодъ изученія Аинскаго племени начинается съ пятидесятихъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда Японія открыла наконецъ свои порты Европейцамъ, а русскіе рѣшились занять южную половину острова Сахалина *). Съ этого времени Европейцамъ стали представляться частые случаи наблюдать бытъ Айновъ, а равно и составить болѣе точное понятіе объ ихъ типѣ. Кромѣ описаній, въ Европу стали доставляться портреты Айновъ, ихъ черепа, употребляемыя ими вещи и т. п. Мы укажемъ сперва на болѣе замѣчательныя описанія и ислѣдованія, появившіяся относительно этого племени въ западной литературѣ, а за тѣмъ—на главнѣйшіе моменты въ исторіи сношеній съ нимъ нашихъ соотечественниковъ.

Что касается до западной литературы, то разбѣянная въ ней, по разнымъ сочиненіямъ и журналамъ, статья объ Айпахъ, касаются почти исключительно той отрасли этого племени, которая населяетъ островъ Иессо, причемъ наибольшее число ислѣдованій и замѣтокъ принадлежитъ Англичанамъ и Англо-Американцамъ. На долю послѣднихъ выпала честь починна въ этомъ отношеніи, такъ какъ имъ первымъ удалось добиться доступа въ Японскія гавани и заключенія съ Японіей торговаго трактата. Уже участники первой американской экспедиціи, бывшей подъ начальствомъ коммодора Перри, успѣли собрать кой какія свѣдѣнія объ этомъ племени, преимущественно во время своего пребыванія въ портѣ Хакодаде, на южномъ берегу Иессо. Свѣдѣнія эти вошли отчасти въ «Исторію экспедиціи Американской эскадры», составленную Гаукомъ (Hawk), отчасти въ «Путешествіе въ Японію» Гейне и, наконецъ, въ видѣ замѣтокъ лейт. Габершама, въ извѣстное сочиненіе Нотта и Глиддона

*) Послѣ изгнанія Испанцевъ и Португальцевъ изъ Японіи въ 1637 году, доступъ въ нее былъ дозволенъ однимъ Голландцамъ, которые впрочемъ имѣли право торговать лишь въ одномъ портѣ (Нагасаки), да и то на весьма стѣснительныхъ условіяхъ. Такая замкнутость Японіи продолжалась до 1855 года, когда наконецъ Американскому коммодору и послу Перри не удалось, благодаря содѣйствію значительной партіи при дворѣ Сіогуна, искавшей сближенія съ иностранцами,—добиться открытія нѣсколькихъ Японскихъ гаваней для торговыхъ сношеній съ Американцами. Разъ подобный трактатъ былъ заключенъ, за нимъ въ скоромъ времени послѣдовали трактаты съ Россіей, съ Португаліей, Пруссіей, Швейцаріей, Италіей, Франціей и съ другими государствами.

о человеческих расах *). Все сообщаемы здѣсь свѣденія однакоже довольно скудны и мало прибавляютъ къ тому, что было уже извѣстно ранѣе. Нѣсколько большій интересъ представляютъ замѣтки, собранныя относительно Аиновъ — *Годисономъ*, *Вудомъ*, *Дѣмпелю*, *Бикморомъ*, *Блакисстойномъ*, *Бѣскомъ* и *Дэвисомъ*. Изъ нихъ послѣдніе два положили, такъ сказать, начало анатомическому изученію Аиновъ, такъ какъ Бѣскъ описалъ одинъ аинскій черепъ, а Дэвисъ представилъ описанія и изображенія одного женскаго скелета и трѣхъ череповъ аиновъ, полученныхъ имъ съ острова Иессо. Болѣе подробныя этнографическіе очерки (изъ англійскихъ) принадлежать однакоже *Комм. Сенъ-Джону* и *Голланду*; изъ нихъ статья перваго снабжена нѣсколькими портретами Аиновъ, а замѣтки втораго содержатъ нѣкоторыя интересныя подробности о бытѣ этого племени, его оружіи, инструментахъ, утвари (отчасти представленныхъ на рисункахъ) и т. п. **).

Кромѣ англичанъ и американцевъ, нѣкоторыя свѣденія объ Айнахъ были собраны также въ недавнее время нѣмцами и французами. Изъ нѣмецкихъ — наиболѣе оригинальныя замѣтки принадлежатъ *Брандту* (бывшему генеральному консулу германской имперіи въ Иеддо), представившему любопытный очеркъ наружности, быта, нравовъ, исторіи и пр. аиновъ Иессо, — *Промоли*, который, во время своего пятилѣтняго пребыванія въ Японіи, успѣлъ также собрать нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія объ этомъ племени, *Вирхову*, имѣвшему случай изучить одинъ аинскій черепъ съ острова Сахалина, — *Риттеру*, сдѣлавшему кой какія наблюденія надъ типомъ и образомъ жизни аиновъ, во время своей поѣздки по Иессо, и наконецъ, *Дёницу* и *Гильгендорфу*, которые, въ бытность свою въ Японіи, могли произвести антропологическое изслѣдованіе надъ пятью взрослыми аинами, а также описать одинъ несомнѣнный аинскій

черепъ *). — Значительно меньшее число оригинальных матеріаловъ по этому предмету было собрано французами. Мнѣ извѣстенъ только (и то въ извлеченіи) трудъ миссіонера *Мерме де Кашона*, да еще нѣкоторыя замѣтки, составленныя на основаніи японскихъ извѣстій — *де Росни* и собранныя *Дюшато* **). Правда, если считать все статьи объ Айнахъ, то найдется еще нѣсколько ихъ — во французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ журналахъ, но почти все онѣ (какъ напр. — помѣщенныя въ «Globus» «Ausland» и т. под.) не представляютъ рѣшительно ничего оригинальнаго и новаго. —

Обратимся теперь къ исторіи новѣйшихъ сношеній съ Аинами (именно Сахалинскими) — русскими. — Хотя первое свѣденіе о Сахалинѣ, какъ объ островѣ, лежащемъ противъ устья р. Амура, было получено русскими (именно козакомъ Пояровымъ) еще въ 1644 году, однако до половины нынѣшняго столѣтія никто изъ русскихъ не бывалъ на немъ и никому не было извѣстно съ точностью, островъ ли это, или полуостровъ, кому онъ собственно принадлежитъ, Китаю или Японіи, и сколько народовъ на немъ обитаетъ. Наиболѣе распространенное мнѣніе было, что это — полуостровъ, соединенный перешейкомъ, или покрайней мѣрѣ отмелями съ Татарскимъ берегомъ. Въ пользу такого заключенія говорили именно свидѣтельства опытныхъ моряковъ: Лаперуза, Броутона и въ особенности Крузенштерна. Послѣдній, обогнувъ во время своей экспедиціи сѣверную оконечность острова и спускаясь вдоль западнаго берега его къ югу, встрѣтилъ весьма сильное теченіе, причемъ убѣдился, что вода въ морѣ, постепенно измѣняясь во вкусъ, сдѣлалась наконецъ на столько прѣсною, что ее можно было пить; отсюда онъ заключилъ, что встрѣченное имъ теченіе обусловливается массою воды, изли-

*) См. Hawks Narrative of the Expedition of an American Squadron to the China Seas and Japan. 1856; Heine China, Japan und Ochotzk; замѣчанія Habersham'a приведены въ соч. Nott and Gliddon Indigenous Races of the Earth. 1857.

**) См. Hodgson's A Residence at Nankasaki and Hakodate L. 1861; Wood's The Hairy Men of Iesso, въ Trans. of the Ethnol. Soc. n. ser. v. IV., Pumpelly Across America and Asia 1870; Bickmore Some Notes on the Ainos, «Trans. of the Ethnol. Soc.», v. VII; Busk, Description of an Aino skull, ibidem v. VI; Davis — въ Mem. of the Anthropol. Soc. of L. v. III; Com. St. John — въ Journ. of the Anthropol. Instit. № 5; Holland, On the Ainos, ibidem, № 8.

*) См. Brandt Ueber die Ainos въ «Zeitsch. für Ethnologie» 1872 года, (засѣданіе Берлин. Антроп. Общ. 16 декабря 1871 г.); Promoli — въ Correspondenz — Blatt der deutsch. Gesellsch. für Anthropologie, 1874 №№ 3—4 (засѣданіе Мюнхен. Антроп. Общ. 20 января 1874 г.). Virchow, über einen Aino-Schädel, въ «Zeitsch. für Ethnol.» 1873 г. (засѣданіе Берлин. антроп. Общ. 14 июля 1873 г.); замѣтки Ritter'a и Dönitz und Hilgendorf's въ «Mittheilungen der deutsch. Gesellsch. für Natur- und Völkerkunde Ostasiens» 6 H. Dec. 1874. Yokohama.

**) См. Mermet de Cachon Les Ainos. 1863. — Сочиненіе это осталось мнѣ недоступнымъ, и я знакомъ съ нимъ только по извлеченіямъ изъ него, помѣщеннымъ въ одной статьѣ «Globus» за 1864 г. — Замѣтки de Rosny помѣщены отчасти въ его «Etudes asiatiques» отчасти, равно какъ и наблюденія Duchateau, въ «Comptes Rendus du congrès international des orientalistes» P. 1873.

вающеюся чрезъ р. Амуръ, и не имѣть сообщенія съ Татарскимъ заливомъ, въ которомъ производили свои изслѣдованія Лаперузь и Броутонъ. Другими словами, убѣжденіе его было таково, что Сахалинъ есть полуостровъ, соединенный съ материкомъ низкимъ перешейкомъ или отмелями, къ югу отъ которыхъ находится Татарскій заливъ, а къ сѣверу — Амурскій лиманъ, и къ этому мнѣнію склонилось, повидимому, большинство русскихъ и иностранныхъ моряковъ и географовъ.

Тѣмъ не менѣе, произведенная въ 1849 году экспедиція къ устью Амура капитанъ-лейтенанта Невельскаго доказала, что Сахалинъ есть островъ, отдѣленный при томъ отъ материка *судоходнымъ* проливомъ. Черезъ два года, (послѣ того какъ были основаны на берегахъ Амура и его лимана поселеніе *Петровское* и постъ *Николаевскій*), было приступлено и къ изслѣдованію самого Сахалина. Первымъ поводомъ къ этому послужило то обстоятельство, что начальникъ Амурской экспедиціи, капитанъ Невельской, зимою 1851—52 года, получилъ отъ мѣстныхъ жителей — Гиляковъ свѣденіе, что на западномъ берегу Сахалина, около мыса Погоби, находятъ куски каменнаго угля, который горитъ и изъ котораго Гиляки дѣлаютъ пуговицы. Получивъ вслѣдъ за тѣмъ отъ одного Гиляка такую пуговицу и кусочикъ угля, капитанъ Невельской началъ собирать отъ туземцевъ свѣденія о томъ, гдѣ именно расположены залежи каменнаго угля, и получивъ таковыя, командировалъ для изслѣдованія означеннаго мѣсторожденія лейтенанта Бошняка. Последнему было вмѣстѣ съ тѣмъ поручено: собрать вообще свѣденія объ островѣ, а также пересѣчь его поперекъ и выйти на берегъ Охотскаго моря, гдѣ, какъ говорили, находится хорошая гавань.

Отправившись изъ Петровскаго зимовья въ февралѣ 1852 г., лейтенантъ Бошнякъ, на одной нартѣ собакъ, перѣхалъ по льду Татарскій проливъ отъ мыса Лазарева къ селенію Погоби и прослѣдилъ западный берегъ острова до селенія Дуи, гдѣ и встрѣтилъ дѣйствительно, большія залежи каменнаго угля. Проводникомъ ему служилъ Гилякъ Позвейнъ, нѣсколько выучившійся по русски, и бывшій у него въ одно и то же время и переводчикомъ, и каюромъ, и проводникомъ. — За тѣмъ, отъ селенія Мгачъ онъ перевалилъ на восточный берегъ Сахалина, въ заливъ Ный, откуда впрочемъ, за недостаткомъ провизіи, долженъ былъ поспѣшить въ скоромъ времени въ обратный путь. Во время этой поѣздки (продолжавшейся съ 20 февраля по 3 апрѣля) ему при-

ходилось встрѣчаться почти исключительно съ одними Гиляками, — народомъ, съ которымъ русскіе успѣли уже познакомиться въ Приамурьѣ. — Впрочемъ, онъ узналъ, что кромѣ того, «въ срединѣ острова, въ горахъ, обитаетъ еще народъ, извѣстный у туземцевъ подъ названіемъ *Тазоновъ* или *Орноръ*: они принадлежатъ къ Тунгусскому племени и ведутъ кочевую жизнь; все богатство ихъ заключается въ оленяхъ, доставляющихъ имъ жилище, пищу и одежду. Занимаются также промысломъ дикихъ оленей и пушныхъ звѣрей (сбываемыхъ пріѣзжающимъ для торга амурскимъ Гилякамъ), а лѣтомъ кромѣ того, выходятъ на побережья для рыбной ловли. Всѣ Орноры, при непрерывномъ столкновеніи съ Гиляками, говорятъ по гиляцки и весьма кротки и боязливы». — Далѣе Бошнякъ узналъ, что къ югу живетъ еще на томъ же островѣ особый народъ, котораго гиляки называютъ *Куге*, но что это за народъ, Бошнякъ не могъ повидимому собрать никакихъ свѣдѣній. Сахалинскіе гиляки, по его словамъ, не любятъ отлучаться отъ своего жилья, и, несмотря на изобиліе пушнаго товара, не пользуются возможностью сбывать его за хорошую плату — Русскимъ или Маньчжурамъ, а продаютъ за ничтожную цѣну пріѣзжающимъ для торга амурскимъ Гилякамъ. Привязанность ихъ къ подобной жизни такъ велика, что можно найти весьма мало туземцевъ, которые бы знали Куге (Айновъ), находящихся отъ нихъ въ незначительномъ разстояніи къ югу».... Что касается до подчиненности этихъ племенъ, то, насколько могъ убѣдиться Бошнякъ, «жители сѣверной половины Сахалина не знаютъ надъ собою никакого правительства; даже торговыя посѣщенія Маньчжуръ такъ рѣдки, что ихъ скорѣе надобно отнести къ случайности. Гиляки помнятъ только одного Маньчжура, проѣзжавшаго лѣтъ 25 тому назадъ по Сахалину для торга. — Нельзя сказать того же самаго про другую половину Сахалина, гдѣ обитаетъ племя, носящее у Гиляковъ названіе *Куге*, а у японцевъ Айны; послѣдніе находятся повидимому въ зависимости отъ японцевъ» *).

Первыя свѣдѣнія о Сахалинскихъ Айнахъ, основанныя на личномъ знакомствѣ съ ними, были собраны однако русскими только въ слѣдующемъ году, и именно командиромъ шкуны «Востокъ», капитанъ-лейтенантомъ

* См. статью Лейт. Бошняка: Экспедиція въ Приамурскомъ краѣ. Экспедиція на Сахалинъ съ 20 февраля по 3 апрѣля 1853 г., въ «Морскомъ сборникѣ» 1858 г. № 12.

Римскимъ-Корсаковымъ, который былъ посланъ въ августѣ 1853 года съ разными порученіями въ Татарскій проливъ, бывшимъ тогда нашимъ посломъ въ Японіи генераль-адъютантомъ Путятинымъ. Во время своего плаванья вдоль западнаго берега Сахалина Римскій-Корсаковъ неоднократно подходилъ къ берегу, желая отыскать какое нибудь селеніе и познакомиться съ туземцами; но, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, ему попадались только пустыя, повидимому давно уже оставленныя хижины, или строенія въ родѣ магазиновъ для склада товаровъ, и видимо принадлежавшія не дикарямъ, а поселившимся, либо зажиточнымъ иноземцамъ, болѣе просвѣщеннымъ и заѣзжимъ — и кому же, какъ не Японцамъ?». Наконецъ, въ одной бухтѣ (означенной на картѣ Лаперуза подъ именемъ Baie d'Estaing), ему удалось встрѣтить первыхъ туземцевъ. «Еще шлюпка наша не пристала къ берегу (бухты), какъ на немъ показались двое мужчинъ, и ставъ противъ того мѣста, куда мы держали, низко кланялись, складывая руки какъ бы для молебны. Когда мы вышли на берегъ, они продолжали кланяться и одинъ даже сталъ на колѣни. Оба были блѣдны и видимо встревожены нашимъ посещеніемъ. Ласковыми приемами и нѣсколькими *пачушами*, или свертками табаку, мы скоро однакожъ ихъ приободрили. Оба были средняго роста, имѣли черныя густыя бороды и волосы коротко обстриженные или давно небритые посрединѣ темени, а съ висковъ и затылка падающіе на плечи — нѣчто похожее на японскій fashion. Черты лица ихъ, довольно крупныя и грубоватыя, были въ общемъ благообразны и правильны, не въ азіатскомъ стилѣ. Не было въ нихъ ни монгольской приплюсности, ни китайскаго узкоглазія, окладъ черепа и лица показались мнѣ почти также правильны какъ и у Европейцевъ. Вся одежда ихъ состояла изъ тонкой рогожной рубахи до колѣнъ, съ широкими рукавами. — Имѣя съ собою словари Лаперуза и Хвостова, мы попытались съ ними объясняться, но успѣхъ былъ недалекій: успѣли только купить у нихъ на табакъ нѣсколько штукъ лососей, да узнать, что они Айны, но и то не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы этого добивались, а въ томъ только, что они люди такіе же какъ мы. На разспросы наши, дикарь вмѣсто отвѣта началъ показывать пальцемъ попеременно то на себя и своего товарища, то на насъ, и съ каждымъ разомъ повторялъ «Айно, Айно». Ясно было, что «Айно» не есть названіе племени, а значить человекъ. Это подтверждаетъ и словарь Лапе-

руза. Тутъ же узнали мы и названіе селенія — Таигъ-хотанъ.»

«Затѣмъ пошли мы къ селенію, состоявшему изъ трехъ хатъ, сложенныхъ изъ накатника и тесу, съ крышею изъ тонкихъ жердей съ травянымъ переплетомъ. Вокругъ нихъ разставлены были сушилы, т. е. жерди на стойкахъ для сушенія рыбы. Порядочное количество этого продукта, все наиболѣе лососей породы, было на нихъ развѣшено и издавало запахъ далеко не благоговонный для непривычнаго носа. Войдя въ одну изъ хатъ, мы нашли семью изъ двухъ старухъ, двухъ молодыхъ женщинъ, двухъ дѣвушекъ и двоихъ дѣтей. Обѣ молодыя женщины имѣли по ребенку у груди. Одну — постарше сосала ребенокъ лѣтъ трехъ отроду, который отлично уже двигался самъ и даже имѣлъ на ремennomъ поясъ ножикъ, какъ большой. Безъ сомнѣнія, мужчины успѣли ихъ предупредить о нашемъ посѣщеніи, покуда еще мы ходили кругомъ юртъ, и наше появленіе не произвело никакого видимаго впечатлѣнія. Всѣ сидѣли на полу, вокругъ деревянной чашки съ вареною рыбою, и спокойно продолжали свое занятіе. Мужчины послали намъ на нары рогожу и знаками просили сѣсть.»

«Конечно, хата не могла похвалиться опрятностью, но и нельзя сказать, чтобъ она очень была грязна. Въ послѣднемъ, многія чухонскія, да пожалуй и наши русскія избы съ этою поспорили бы. Входъ прикрытъ былъ подвижною дверью; посрединѣ, на земляномъ полу — находился очагъ; надъ нимъ, въ крышѣ, отверстіе для дыма; по тремъ стѣнамъ широкія нары, снизу открытыя; надъ чарами полки; между стѣнами въ разныхъ направленіяхъ жерди. На полкахъ и подъ нарами лежала, а на жердяхъ висѣла, безъ всякаго порядка, разная утварь, необходимая для охотнаго дикаря — звѣролова и рыболова: медвѣжьи и нерпичьи шкуры, сивучьи пузыри съ жиромъ, сѣти, рогатины, разная одежда, баклаги, лохани и тому подобное. Между прочимъ замѣтили мы фарфоровый кувшинъ въ травяной оплеткѣ и топоръ съ выбитою на немъ японскою буквою. На разспросы наши они показали, что эти вещи доставили имъ, либо едѣлали *Сизамъ* — общее между Айнами и Гиляками названіе Японцевъ. Но сами ли они ѣздили за этимъ товаромъ, или Японцы его привезли къ нимъ — этого добиться не могли.»

«Женщины айнскія, въ это первое и единственное съ ними знакомство, показались мнѣ очень некрасивы. У нихъ совѣтъ какъ будто иной типъ, чѣмъ у мужчинъ:

лица широкія, одутлыя, глаза какъ щели, носы калмыцкіе, губы толстыя, выкрашенные у замужнихъ чѣмъ то синимъ. Самая одежда ихъ, состоявшая изъ длинныхъ рубахъ грубой бумажной синей ткани, была гораздо неопытнѣ мужской. Только ноги и руки были замѣчательно малы и красивы. Безъ сомнѣнія, многіе изъ нашихъ замѣтили тоже самое и у Гилячекъ въ Приамурѣ. — Нѣсколько подарковъ, состоявшихъ изъ мѣдныхъ пуговицъ, иглокъ и тому подобныхъ мелочей, окончательно ободрили и расположили въ нашу пользу всю семью. Начались торги. За одинъ складной ножикъ дали намъ около пуда лососины свѣжей и маловяченой... Къ концу нашего визита, Айны наши такъ пріободрились, что согласились ѣхать съ нами на шкуру. Тамъ они съ любопытствомъ осматривали все. Болѣе всего удивило ихъ зеркало; болѣе всего понравился — ромъ, и они уѣхали къ себѣ навеселѣ.»

Пройдя нѣсколько далѣе къ сѣверу, Римскій-Корсаковъ встрѣтилъ новую бухту, соответствовавшую, по всѣмъ признакамъ — *baie de la Jonquièrre* или *baie des trois rochers* Лаперуза. Въ бухту эту впадала рѣчка, около устья которой находилось селеніе изъ нѣсколькихъ лѣтнихъ юртъ, совершенно похожихъ по своей постройкѣ на айнскіе лѣтники въ Тангъ-хотанѣ. Тѣмъ не менѣе народъ, которому принадлежали эти жилища, были уже не Айны, а Гиляки. «Всѣ они были народъ довольно рослый и дюжій, съ физіономіями монгольскаго типа, скулисты, толстогубы и узкоглазы, съ черными какъ смоль, жесткими волосами, собранными назадъ въ одну короткую косу, съ густыми бородами и усами. Кто одѣтъ былъ въ собачій полушубокъ, кто въ тюлений; иные имѣли подъ этимъ рубаху изъ синей китайки, уже потерявшей цвѣтъ отъ грязи; у другихъ полушубокъ надѣтъ былъ безъ исподняго платья; одни имѣли на ногахъ сапоги или, по сибирски, торбасы изъ перничьей шкуры, другіе оставались босонogi; у всѣхъ однакожь были штаны изъ китайки. Всѣ наконецъ были отвратительно неопытны, издавали отъ себя какой то особый терпкій запахъ; видно было, что они очень рѣдко дозволяютъ себѣ роскошь умыванья и причесыванья. У каждаго имѣлись за поясомъ: японская курительная трубка, кисетъ съ табакомъ и короткій ножикъ въ деревянныхъ ножнахъ. Судя по тому, какъ часто набивались ихъ трубки, можно было заключить что они въ табакъ не нуждаются... Всѣ они охотно пили водку и притомъ особеннымъ образомъ, съ какимъ то вехлипы-

ваніемъ, въ родѣ того какъ мы глотаемъ устрицъ. Всѣ, какъ казалось, знали толкъ въ наниткахъ и тотчасъ же отличили *Лечи аракъ* (русская водка, какъ они называютъ ромъ) отъ *Маньчшу аракъ* (маньчжурская водка изъ проса)... Многіе изъ нихъ бывали на Амурѣ и въ Петровскомъ зимовьѣ, русскихъ знаютъ и называютъ *Лечи*. Маньчжуровъ они зовутъ *Маньчшу*, а Японцевъ — *Сизамъ*, какъ и Айны... Сколько можно было понять, китайку, табакъ, мѣдныя кольца, серьги и другія украшенія они получали отъ Маньчжуровъ, съ которыми встрѣчались на Амурѣ, а трубки, топоры, котелки и вообще желѣзныя вещи — отъ Японцевъ, къ которымъ ѣздятъ въ Сирануси — айнское селеніе у самаго мыса Крильонъ. Въ Сирануси, по словамъ ихъ, живетъ японскій *джанчинъ* (чиновникъ)...

«Изъ словъ и знаковъ ихъ можно было заключить, что Айны совершенно въ рукахъ у Японцевъ. «Сизамъ спитъ толковали они, а Айно работаетъ для него; рубить лѣсъ, ловить рыбу; Айно не хочетъ работать — Сизамъ его колотитъ.» Вообще, Японцевъ они видимо не жаловали. «Лечи хорошъ, говорили они, Маньчшу хорошъ; приди къ Лечи или къ Маньчшу и попроси ѣсть — они дадутъ, а Сизамъ прогонитъ»... Селеніе свое и рѣку они называли *Дуи*... Мы покупали у нихъ рыбу на табакъ, разныя желѣзныя мелочи и ткани... Свои японскіе товары они предпочитали нашимъ, вѣроятно потому, что болѣе къ нимъ привыкли. Много выпрашивали они у насъ рисовой крупы; хлѣбъ и сухари ѣли охотно; соль — для нихъ лакомство. Объ деньгахъ они не имѣли никакого понятія, также какъ и Айны: монета и пуговица для нихъ совершенно были одно и тоже».

«Съ этаго перваго свиданія, что подтвердилось и дальнѣйшимъ знакомствомъ съ ними, Гиляки показались мнѣ народомъ бойкимъ и смышленнымъ. Характера они веселаго, общежительны, развязны въ обращеніи и далеко не боязливы. Тогда какъ Айно готовъ рабѣнно кланяться и даже становится на колѣни передъ незнакомымъ иностранцемъ, Гилякъ повидимому и не разумѣетъ — что такое поклонъ; даже и головой не кивнетъ въ знакъ привѣтствія. Но съ другой стороны, они нечистоплотны до нелзя, въ свободное время очень лѣнивы на подъемъ и любятъ попрошайничать. Ничьей власти они надъ собою не признаютъ и не только не имѣютъ между собою старшинъ, но даже незамѣтно, чтобы семейное старшинство у нихъ уважалось. — Языкъ ихъ не имѣетъ ничего общаго съ айнскимъ. Последній

изобилуетъ гласными буквами, протяжными окончаніями, и потому мягокъ, пріятенъ для слуха. Языкъ же Гиляковъ, имѣя множество окончаній на *ичъ, ичъ, ахъ* и т. п., а удареніе преимущественно на первыхъ слогахъ, трескучъ, отрывистъ и крайне неблагозвученъ^{*)}.

Въ томъ же 1853 году, когда Римскій-Корсаковъ производилъ рекогносцировку западнаго берега Сахалина, правительство наше сдѣлало распоряженіе объ основаніи военнаго поста въ южной части острова. Исполненіе этого предпріятія было поручено Россійско-Американской компаніи, которой предоставлялось занять островъ Сахалинъ при помощи офицеровъ и нижнихъ чиновъ, назначенныхъ отъ правительства, — и владѣть имъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ она владѣла другими своими колоніями. Компанія, получивъ отъ правительства впередъ на издержки 50,000 руб., снарядила одинъ изъ своихъ кораблей, и, снабдивъ его достаточнымъ количествомъ военныхъ снарядовъ, провизіи и товаровъ, предоставила въ распоряженіе капитана Невельскаго. Послѣднему было вмѣстѣ съ тѣмъ поручено озаботиться принятіемъ въ Петропавловскѣ 70 человекъ нижнихъ чиновъ при одномъ офицерѣ, и высадкой этого отряда въ удобномъ пунктѣ на южномъ берегу Сахалина, причемъ ему было поставлено въ непрѣмную обязанность — не только не тревожить находящихся тамъ японскихъ рыбаковъ и торговцевъ, но оказывать имъ расположеніе и объяснять, что они могутъ безопасно продолжать тамъ свой промыселъ и торговлю.

Исполняя возложенное на него порученіе, Невельской назначилъ начальникомъ десанта — адъютанта генералъ-губернатора Восточной Сибири майора Буссе, и выбралъ мѣстомъ основанія перваго военнаго поста нашего на Сахалинѣ — берегъ одной изъ бухтъ въ заливѣ Анива. 20-го сентября компанейскій корабль «Императоръ Николай» доставилъ русскій отрядъ въ заливъ Анива, гдѣ вблизи японскаго селенія и былъ заложенъ Невельскимъ постъ, названный въ честь губернатора Восточной Сибири — *Муравьевскимъ*. Къ 25 сентября батарея изъ 8 орудій была уже на мѣстѣ, и всѣ вещи, назначенныя для поста, перевезены въ сарай, купленный у Японцевъ; другой сарай, пріобрѣтенный такимъ же образомъ, назначался для помѣщенія людей. Того же числа капитанъ Невельской оставилъ съ кораблемъ только что заложенный постъ, и майоръ Буссе остался одинъ

съ своимъ отрядомъ, состоящимъ изъ офицера — лейтенанта Рудановскаго, нѣсколькихъ прикащиковъ компаніи и 67 нижнихъ чиновъ^{*)}.

Тотчасъ по уходѣ корабля было приступлено къ постройкѣ казармъ и къ возведенію укрѣпленія изъ пріобрѣтеннаго у японцевъ лѣса. Между тѣмъ прибытіе русскаго отряда произвело значительное впечатлѣніе на мѣстныхъ японцевъ и айновъ. Вскорѣ послѣ прихода корабля большая часть японцевъ исчезла изъ селенія, а айны видимо изъявляли свою радость и не скрывали своей непріязни къ японцамъ. Между тѣмъ 2-го октября прибылъ въ русскій постъ съ 5 казаками и однимъ матросомъ поручикъ Орловъ, который былъ посланъ Невельскимъ еще до Сахалинской экспедиціи — описать западный берегъ острова отъ 51° с. ш. до южной его оконечности. Орловъ сообщилъ, что онъ поспасался пройти западнымъ берегомъ острова, въ виду слуховъ о непріязненномъ настроеніи живущихъ по этому берегу японцевъ, а рѣшился, приблизительно подъ 46° гр., перевалить на восточный берегъ, гдѣ и узналъ отъ айновъ объ основаніи русскаго поста. Вездѣ по дорогѣ айны объясняли ему, что японцы хотятъ перевязать, или убить русскихъ, и совѣтывали ему уходить скорѣе. Всѣ эти рассказы, при неизвѣстности хода переговоровъ генералъ-адъютанта Путятина съ японскимъ правительствомъ, дѣлали положеніе русскаго отряда въ Муравьевскомъ посту нѣсколько тяжелымъ, хотя начальникъ отряда, майоръ Буссе, и прилагалъ всѣ старанія къ сохраненію дружественныхъ отношеній какъ съ японцами, такъ и съ айнами. Подробный рассказъ о пребываніи отряда на Сахалинѣ по май 1854 г. можно найти въ дневникѣ г. Буссе, изданномъ недавно его братомъ; изъ этого дневника мы позволимъ себѣ позаимствовать только немногія мѣста, относящіеся собственно до Айновъ. — Такъ какъ Буссе имѣлъ возможность познакомиться, кромѣ Айновъ, еще съ Японцами и Гиляками (въ Петровскомъ зимовьи), то приведенныя у него особенности этихъ трехъ народностей заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, какъ свидѣтельство очевидца. — По словамъ Буссе^{*)}, айны рѣзко отличаются отъ японцевъ, кото-

*) См.: «Историческое обозрѣніе образованія Россійско-Американской компаніи и дѣйствій ея до настоящаго времени» сост. *Тихомировымъ*, ч. II гл. XIV.

*) См. «Островъ Сахалинъ и Экспедиція 1853—54 гг.», дневникъ *Н. В. Буссе* Сиб. 1872 (первоначально былъ напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы»).

*) См. статью: «Случай и замѣтки на винтовой шкунѣ «Востокъ». В. Р.—К. въ «Морскомъ сборникѣ» 1858 г. № 5.

рме, какъ онъ выражается, «немного походить на карикатурный вывѣски чайныхъ магазиновъ, только глаза не такъ вздернуты кверху, и они не носятъ усовъ... Ростъ ихъ вообще малый, движенія и манеры смѣшныя, женоподобныя. Айны же народъ красивый вообще. Смуглыя лица ихъ мужественны. Черные густые волосы свои на головѣ они брѣютъ спереди; сзади обстригаютъ въ кружокъ. Бороды густыя и длинныя, ростъ средній, даже малый въ сравненіи съ русскими... Женщины айскія были бы также не дурны, если бы не красили своихъ губъ синею краскою. Нравъ айновъ повидимому довольно кроткій, хотя впрочемъ драки ихъ часто кончаются сильными побоями и даже ударами ножа. Ревности къ женамъ очень мало, а у послѣднихъ о женскомъ стыдѣ почти нѣтъ понятія... Что касается Гиляковъ, то по словамъ Буссе это также «довольно красивый народъ» (?). «Кожа ихъ смуглая, черты лица татарскія (съ широкими лбами, выдавшимися зубами и вдавшимся лбомъ), глаза большіе на выкатѣ; волосы черные густые, заплетенные въ косу, спереди, посерединѣ, проборъ. Борода довольно густая... Женщины некрасивы, похожи на калмычекъ»... Касательно отношенія айновъ къ японцамъ, Буссе замѣчаетъ, что «отношенія эти обуславливаются потребностью послѣднихъ въ рабочихъ для необходимыхъ Японіи рыбныхъ промысловъ на островѣ Сахалинѣ. Работники эти силою японцевъ сдѣлались не вольными наемщиками, а рабами, работающими подъ страхомъ побоевъ и съ надеждою получить милость отъ господъ своихъ — водку и табакъ. До прихода японцевъ на Сахалинъ, айны уже получали отъ маньчжуровъ вино, табакъ, оружіе, одежду и домашнюю утварь, не подвергаясь никакимъ насиліямъ отъ послѣднихъ, пріѣзжавшимъ издалика и въ маломъ числѣ. Но въ началѣ нынѣшняго столѣтія (?) японцы, оцѣнивъ все пространство береговъ южной части Сахалина рыбопромышленными заведеніями, обратили айновъ въ жалкихъ работниковъ, и съ помощью ихъ рыбный промыселъ принялъ огромные размѣры. Въ мартѣ мѣсяцѣ, когда всѣ бухты очищаются отъ льдовъ, множество джонокъ разныхъ величинъ (отъ 10 до 30 матросовъ на каждой) собираются къ разнымъ пунктамъ... Вся эта рыбная промышленность находится подъ присмотромъ военнаго офицера, который для этой цѣли пріѣзжаетъ весною на Сахалинъ, и уѣзжаетъ съ послѣдними уходящими джонками... На зиму же японцевъ остается не болѣе 25-ти человекъ, для присмотра за строеніями и промышлен-

ными матеріалами. Кромѣ рыбнаго промысла, японцы занимаются на Сахалинѣ въ большомъ размѣрѣ вывариваніемъ соли изъ морской воды. Торговля ихъ на Сахалинѣ есть, собственно говоря, частная спекуляція одного начальника... Японцы, остающіеся зимовать на Сахалинѣ, да и пріѣзжающіе весною, вымѣниваютъ отъ тѣхъ айновъ, у которыхъ они знаютъ, что есть пушные товары, давая (?) имъ произвольную цѣною табакъ, водки и рису и въ такомъ маломъ количествѣ, что айны только изъ страха соглашаются на мѣну съ ними. Японцы даже бьютъ айновъ, если узнаютъ, что они продали пушной товаръ маньчжурамъ или гилякамъ. Скупленные такимъ образомъ мѣха отдаются всѣ японскому офицеру, и онъ, для собственной выгоды, промѣниваетъ ихъ маньчжурамъ, пріѣзжающимъ въ селеніе Сирауси, (единственный пунктъ, куда Японцы допускаютъ пріѣзжать для торга инородцамъ — маньчжурамъ, гилякамъ, орокамъ) — за шелковыя матеріи, моржевые зубы (?) и орлиные хвосты... Конечно, айны стараются всегда скрыть свои товары отъ японцевъ и продать ихъ украдкою въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ бдительнаго надзора японскаго офицера. Изъ мѣстъ этихъ самое важное есть селеніе Нойоро, находящееся на берегу Татарскаго пролива, сѣвернѣе японскихъ заселеній и въ суточномъ переходѣ отъ послѣдняго ихъ пункта Тохмака. Селеніе Нойоро — одно изъ самыхъ населенныхъ; старшина его пользуется общимъ уваженіемъ отъ айновъ и считается ими какъ бы старшиною между другими старшинами. Немного сѣвернѣе Нойоро впадаетъ въ Татарскій проливъ р. Кусуной; сѣвернѣе ея начинаются кочевья ороковъ и жилища сахалинскихъ гиляковъ, племенъ совершенно независимыхъ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, айны селенія Нойоро тоже чувствуютъ себя свободнѣе, чѣмъ живущіе между японскими заселеніями, и поэтому Нойоро сдѣлалось главнымъ пунктомъ мѣны вообще всѣхъ айновъ. Туда пріѣзжаютъ гиляки, маньчжуры и айны залива Анивы, успѣвшіе скрыть отъ японцевъ свои товары»...

Кромѣ г. Буссе, нѣкоторые свѣденія объ Айнахъ, равно какъ и вообще объ островѣ, были собраны за этотъ періодъ времени еще г. Рудановскимъ (производившимъ розысканія въ южной части острова) и другими русскими; свѣденія эти помѣщены отчасти въ «Исторіи дѣйствій Россійско-Американской компаніи» сост. Тихменевымъ. Здѣсь сообщается кое что о пищѣ и одеждѣ Айновъ, ихъ селеніяхъ, господствующихъ среди нихъ бо-

лѣзняхъ, ѣздѣ на собакахъ, приемѣ гостей, нѣкоторыхъ обрядахъ (особенно—обрядѣ убіенія медвѣдя, описаніе котораго находится и у Буссе), и. т. п. Относительно типа Айновъ, хотя здѣсь также говорится, что «смуглыя фizioноміи у мужчинъ и окладистыя бороды придаютъ имъ мужественный видъ», однако съ замѣчаніемъ, что попадаетъ и «монгольскій типъ лица». У женщинъ же «хотя распущенныя волосы и много ихъ скрываютъ, но толстыя губы, окрашенныя синею краскою, какъ это водится обыкновенно у замужнихъ, и широкія скулы производятъ несовѣтъ пріятное впечатлѣніе. Въ особенности не красивы старухи съ растрепанными нерѣдко волосами, сморщеннымъ лицомъ и губами, обезображенными до нельзя краскою и чернымъ, на подобіе усовъ, насѣчками.»...^(*)

Существованіе Муровьевскаго поста, основаннаго Невельскимъ, было однакоже не продолжительно. Весною 1854 года майоръ Буссе, получивъ извѣстіе отъ графа Путятина, что Россія находится въ войнѣ съ Англіей и Франціей, и что поэтому, если не имѣется какихъ либо особыхъ предписаній, благоразумно было бы постъ на время упразднить, послѣдовалъ этому совѣту, и снявъ постъ, перевезъ его въ Императорскую гавань на Татарскомъ берегу. Начавшееся изслѣдованіе острова Сахалина однакоже, вслѣдствіе этого, не прекратилось. Зимой съ 1854 на 1855 и съ 1855 на 1856 годъ Сахалинъ былъ посѣщенъ начальникомъ академической экспедиціи въ Пріамурскій край Леоп. Шренкомъ, который впрочемъ ограничилъ свои поѣздки только сѣверной частью острова (заселенной преимущественно Гиляками) и занимался главнымъ образомъ естественно-историческими изслѣдованіями. Въ 1857 году было приступлено вновь къ основанію русскаго поста на Сахалинѣ, на этотъ разъ однако въ сѣверной половинѣ его, вблизи Гиляцкаго селенія Дуи, гдѣ были открыты богатые мѣсторожденія каменнаго угля. Въ слѣдующемъ 1858 году были основаны еще два поста, южнѣе, въ Кусунаѣ и Мануэ, для поддержанія правъ Россіи на южную половину острова. Около этого же времени начинается разработка каменнаго угля въ Дуи помощью нижнихъ чиновъ, а съ 1861 года помощью ссыльно-каторжныхъ, число которыхъ, внослѣдствіи, стало все болѣе и болѣе увеличиваться. Въ 1860 г. на Сахалинъ отправились члены Сибирской экспедиціи географическаго общества, гг. Шмидтъ, Гленъ, Брылкинъ и топографъ

Шебунинъ; ими была изслѣдована въ физико-географическомъ отношеніи вся западная и южная береговая полоса съ частью сѣвера и путь чрезъ внутренность острова отъ залива Терифнія до рѣки Тыми.^(*) Результатами ихъ трудовъ на Сахалинѣ были: составленіе карты—г. Шебунинымъ, и изученіе геологическаго строенія и растительности острова—гг. Шмидтомъ и Гленомъ. Что касается же до этнографіи Сахалина, и въ особенности до изученія племени Айновъ, то трудъ этотъ, порученный г. Брылкину, остался невыполненнымъ, и все что мы имѣемъ отъ экспедиціи въ этомъ отношеніи, заключается въ немногихъ замѣткахъ, разсѣянныхъ въ отчетахъ гг. Шмидта и Глена и помѣщенныхъ въ «Письмахъ съ Сахалина» г. Брылкина.^(**) Замѣтки эти однако очень кратки и не много прибавляютъ къ тому, что уже извѣстно было ранѣе. Изъ свѣдѣній новыхъ—наиболѣе интересными могутъ считаться собранныя г. Брылкинымъ относительно числа и постепеннаго распространенія японскихъ поселеній на островѣ, а также—относительно поселеній Айновъ и зависимости послѣднихъ отъ Японцевъ, (зависимости, которая, по словамъ Брылкина, отнюдь не представляетъ деспотическаго характера). Кромѣ того, свѣдѣется еще нѣсколько свѣдѣній о типѣ Айновъ, ихъ одеждѣ и жилищахъ, образѣ жизни, утвари и т. п., а также и кой какія извѣстія объ Орокахъ и Гилякахъ, но все онѣ далеко не могутъ быть названы обстоятельными.

Между тѣмъ изслѣдованіе и занятіе острова Сахалина русскими все продолжалось. Въ 1865 году была начала подробная съѣмка береговъ южнаго Сахалина, и въ 1867 году былъ вторично поставленъ Муравьевскій постъ въ заливѣ Анива, и кромѣ того основанъ новый постъ при устьѣ р. Найну. Въ томъ же году отправился на Сахалинъ горный инженеръ П. А. Лопатинъ; онъ открылъ новыя мѣсторожденія каменнаго угля, дополнилъ геологическія изслѣдованія Шмидта и Глена, а также собралъ и кой какія свѣдѣнія этнографическа-

*) См: «Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи» сост. Семеновымъ, т. IV 1873 статья *Сахалинъ*.

**) См: Schmidt's, Glemn's und Brylkin's Reisen im Gebiete des Amurstromes und auf der Insel Sachalin въ «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches» etc. Bd. XXV, St. Pet. 1868; «Письма г. Брылкина съ Сахалина» въ «Запискахъ Сибирскаго отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ.» Кн. VII. Иркут. 1864. Г. Брылкинъ обѣщалъ представить отдѣлу подробную монографію Айновъ и ихъ языка, но обѣщаніе это осталось не выполненнымъ.

*) См. *Тихменевъ* I. с. т. II стр. 120 слѣд.

го содержания, *). Въ новѣйшее время наконецъ свѣденія объ Айнахъ и вообще о Сахалинѣ собирались еще гг. Августиновичемъ, Венюковымъ, Де-Прерадовичемъ и др., **) въ особенности же докторомъ Добротворскимъ, труды котораго представляютъ весьма важный, а что касается острова Сахалина, то можно сказать даже самый важный источникъ для познанія Айновъ. Г. Добротворскій пробылъ, въ качествѣ военнаго врача, слишкомъ пять лѣтъ въ южной половинѣ острова и, какъ человѣкъ образованный и любознательный, успѣлъ за это время основательно ознакомиться какъ съ языкомъ такъ и съ бытомъ туземцевъ. По всей вѣроятности, еслибы г. Добротворскій былъ знакомъ подробнѣе съ методами и вопросами современной антропологии и этнографіи, имѣлъ нужные инструменты, пособия и проч., то въ результатъ его трудовъ мы получили бы полную монографію Сахалинскихъ Айновъ; но и въ настоящемъ своемъ видѣ труды его имѣютъ большое значеніе для этнографіи восточной Азіи. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ этихъ трудовъ остались послѣ его смерти неоконченными и необнародованными. Покуда именно напечатаны только: 1) статья «Южная половина острова Сахалина» (извлечено изъ военно-медицинскаго отчета докт. Добротворскаго за 1868 г.)—въ Извѣстіяхъ Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ. 1870 т. I. №№ 2 и 3. Въ концѣ этой статьи сказано, что продолженіе ея будетъ помѣщено въ слѣдующемъ номерѣ; однако продолженія этого не послѣдовало. Часть этой статьи, именно все, что касается собственно Айновъ, перепечатано недавно братомъ покойнаго, Профессоромъ И. М. Добротворскимъ въ Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Имп. Казанскаго Университета 1875 г., гдѣ помѣщены также: нѣсколько словъ о дѣятельности покойнаго,—его статья о правописаніи Айнскихъ словъ (которая, подъ названіемъ «о звукахъ Айнской рѣчи», была представлена авторомъ Сибирскому Отдѣлу Геогр. Общества, откуда

препровождена въ Импер. Академію Наукъ для разсмотрѣнія, и тамъ застряла),—статья автора объ источникахъ къ изученію Айновъ и ихъ языка, (гдѣ указывается всего 37 сочиненій и статей—число, какъ мы увидимъ, далеко не полное) и наконецъ—начать печатаніемъ самый капитальный трудъ М. М. Добротворскаго, именно Айнско-Русскій словарь. Словарь этотъ, при составленіи котораго авторъ пользовался почти всѣмъ, что было напечатано по этому предмету, а также рукописными словарями Де-Прерадовича и др., не считая 5733 словъ, записанныхъ имъ самимъ, будетъ состоять, какъ заявлено въ предисловіи къ нему, изъ слишкомъ 10000 словъ и долженъ сдѣлать ненужными всѣ изданные доселѣ Айнскіе лексиконы. Кромѣ того, издатель сообщаетъ, что по отпечатаніи словаря, въ видѣ приложеній къ нему, будутъ напечатаны нѣкоторыя другія статьи, касающіяся Айновъ и найденныя въ бумагахъ покойнаго, какъ то: Японская азбука И-ро-фа съ замѣчаніями; разборъ сочиненія Пфицмайера о строеніи Айнскаго языка; выписки объ Айнахъ, о числительности ихъ, разныя свѣденія, касающіяся ихъ быта и занятій, пищи, одежды, нравовъ и обычаевъ, религіи и т. п. *). Что касается до насъ, то къ сожалѣнію, мы могли воспользоваться только началомъ этого труда.—Въ заключеніе, слѣдуетъ упомянуть, что въ послѣднее время наши отношенія къ Японіи по вопросу о владѣніи островомъ Сахалиномъ получили иной видъ; отнынѣ островъ Сахалинъ составляетъ исключительно владѣніе Россіи, такъ какъ Японія, имѣвшая ранѣе того, въ силу трактата 1855 г. и особой конвенціи 1867 г., право на «совладѣніе» островомъ совмѣстно съ Россіей, нынѣ, въ концѣ 1875 г., уступила это право—въ общій на Курильскія острова.

*) Свѣденія эти были напечатаны въ приложеніи къ Отчету Сибирскаго отдѣла Геогр. Общ. за 1868 г.

**) Свѣденія, собранныя Венюковымъ, помѣщены въ его «Обозрѣніи Японскаго Архипелага» ч. 1 и 2, а также въ ст. «Островъ Сахалинъ» въ «Военномъ Сборникѣ» 1872 г. № 3. Замѣтки докт. Августиновича помѣщены въ «Извѣстіяхъ Геогр. Общ.» 1873 г.

*) См: Извѣстія и Ученыя Записки Имп. Казанскаго Университета 1875 г. № 2 (мартъ—апрѣль) Приложение. Кромѣ того М. М. Добротворскій написалъ еще статью—«о кишечныхъ паразитахъ острова Сахалина», которая напечатана въ Военно-медицинскомъ журналѣ 1872 г. за ноябрь, и статью «о русской народной медицинѣ сравнительно съ народной медициной Сахалинскихъ Айновъ», напечатанную въ Запискахъ Общества Врачей г. Казани за 1873 г. Эта послѣдняя статья осталась нынѣ недоступною.

ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

Источники для изученія племени Айновъ *)

A) источники иностранные (или, если и напечатанные въ Россіи, то на иностранныхъ языкахъ.

- * 1. *Epistolae Japonicae de multorum gentium in variis insulis ad Christi fidem per Societatis nominis Jesu theologos conversione.* Lov. 1569.
2. *Maffei Selectarum ex India epistolarum libri IV, въ приложеніи къ его «Historiarum Indicarum libri XVI.* Ven. 1589. 1 vol. in 4°. *Epistola Ludovici Froii ad Secios in Indiam.*
- * 3. *De novis Christianae Religionis progressibus et certaminibus in Japonia anno 1622 litterae.* Mon. Westph. 1627. 1 vol. in 4°.
- * 4. *Koorte beschryvinghe van het Eylandt by de Japanders Eso genaemt, nevens de manieren, zeden, ommegangh, ende gestalte des selfs Inwoonderen; soo als het eerst in den Jare 1643 van't Schip Castricom bezeylt ende ondervonden is.* Amst. 1646.
- * 5. *Caron Fr. Beschryvinghe van het machtigh Koninghrycke Japan.* T'Amst. 1648. 1 vol. in 4°.
- * 6. *Nova et accurata Japoniae, terrae Esonis ac Insularum adjacentium ex novissima detectione descriptio.* Apud Joannem Janssonium. Amst. 1665.
7. *Witsen Nic. Noord en Oost Tartarye etc.* 2 vol. in fol. Amst.—Первое изданіе 1692 г.; я пользовался позднѣйшимъ—1785 года.
8. *Strahlenberg Der Nord-und Oestliche Theil von Europa und Asia.* Stockh. 1730 1. vol. in 4.—Небольшой списокъ айскихъ словъ.
9. *Recueil de Voyages au Nord; всего томовъ 7—8; я пользовался IV-мъ томомъ, nouv. edit, 1732 г.* Amst: *Relation de la découverte de la terre de Jesso ou d'Eso au Nord du Japon par le vaisseau Castricom en 1643.*
10. *Du Halde Description géographique, historique etc. de l'Empire de la Chine et de la Tartarie chinoise, v. IV.* 1736.
- * 11. *d'Anville Nouvel Atlas de la Chine, de la*

) Звѣздочкой () означены сочиненія, оставшіяся мнѣ недоступными.

Tartarie chinoise et du Thibet, à la Haye, 1737. 1 vol. in fol.

- 12 *Steller's G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka dessen Einwohnern etc.* Fr. und Leipz. 1774. 1 vol. in 8°. Подробное описаніе Камчадаловъ; говорится также о Курильскихъ островахъ и ихъ жителяхъ.
13. *Cook and King Voyage to the Pacific Ocean, etc. in 1776 — 1780. 3 vol. in 4°. L.* Въ третьемъ томѣ говорится о Курильскихъ островахъ и о Камчаткѣ.
- * 14. *Lesseps Reise durch Kamtschatka.* Berl. 1791. 1 vol. in 8°.
15. *La-Pérouse Voyage autour du monde, publié et rédigé par Milet-Mureau.* 1798. 4 vol. in 8° et Atlas.
16. *La-Pérouse's Entdeckungsreise in den Jahren 1785 — 1788, übers. und mit Anmerkungen begleitet von I. R. Forster und Sprengel.* Berl. 1800. 2 vol. in 8°.
17. *Broughton Voyage des découvertes dans la partie septentrionale de l'Océan Pacifique etc.* P. 1807. 2 vol. in 4°. — Первоначально появилось на англійскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Broughton, a Voyage of discovery to the north Pacific Ocean in the years 1795—98.* L. 1804 in 4. — Въ приложеніи ко второму тому французскаго изданія помѣщено: *Voyage de Laxmann à Matsmaï.*
18. *Krusenstern A. I. von, Reise um die Welt in den Jahren 1803—1806.* St. Pet. 1810. 3 vol. in 4°, atl (?).—Описаніе Сахалина и его жителей—въ второмъ томѣ.
19. *Eго-же, Wörter-sammlungen aus den Sprachen einiger Voelker des östlichen Asiens und der Nord-West-Küste von Amerika.* St. Pet. 1813. 1 vol. in 4°.
20. *Langsdorff G. H. von. Bemerkungen aus einer Reise um die Welt in den Jahren 1803—1807.* Fr. am M. 1812. 2 vol. in 4. und atl. — Во второмъ томѣ говорится объ Айнахъ и приводится словарь ихъ языка.
21. *Adelung J. C. Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde etc. fortgesetzt von Dr. J. S. Vater.* Последняя, четвертая часть издана въ 1817 г. Свѣдѣнія объ языкѣ Айновъ (Ку-

- рильцевъ) и соседнихъ народовъ находятся въ 1 и 4 частяхъ.
22. Klaproth. Asia polyglotta 1823; второе издание 1831 г. P. in fol. Между прочими словарями также небольшой словарь Айновъ.
 - * 23. Balbi. Atlas ethnographique du globe etc. P. in fol. 1826.
 24. Rapport sur un Mémoire relatif à l'Origine des Japonais par M. de Siebold,—par Eyriès, Saint-Martin et Klaproth, ст. въ «Nouv. Journ. Asiatique» T. III. 1829.
 - * 25. San kok tsu ran to sets ou aperçu général des trois Royaumes (Jezo, Liu-kiu et Tchaosien), trad. de l'original Japonais-chinois, (Rinsifée) par Fr. J. Klaproth. 1 vol. in 8°. P. 1832.
 26. Siebold Moeurs et usages des Aïnos, въ «Nouv. Journ. Asiatique», T. VII. P. 1831.
 27. Nippon. Archiv zur Beschreibung von Japan und dessen Neben- und Schutzländern: Jezo mit den südlichen Kurilen, Krafto, Koorai und den Liukiu-Inseln, nach japanischen und europäischen Schriften und eigenen Beobachtungen bearbeitet von Ph. Fr. von Siebold. Leyden, in fol. съ атласомъ in fol. mag. — Первый томъ этого архива (оставшагося неоконченнымъ за смертью автора) вышелъ въ 1832 г., слѣдующіе позднѣе; мнѣ извѣстно 7 томовъ (20 тетрадей) съ соответственными томами атласа. — Сочиненіе это представляетъ богатый матеріалъ для изученія Японіи. — Относительно айновъ собственно, именно Сахалинскихъ, важна статья въ VII томѣ: Nachrichten über Krafto und das Amurland. To-tats ki ko d. i. Reise nach der östlichen Tatarei, von Mamia Rinsô, съ примѣчаніями и многими рисунками, представляющими различныя сцены изъ быта Айновъ и другихъ племенъ Сахалина, а также ихъ лодки, оружіе, утварь и т. под. — Все копія съ Японскихъ рисунковъ. — Кромѣ того, важны статьи въ первомъ томѣ: Entdeckung, Namen, Lage, Grösse und Eintheilung des Japanischen Reiches; Magatama, die Schätze der frühesten Bewohner der japanischen Inseln; Nachrichten über Koorai; — въ шестомъ томѣ: въ статьѣ, vom japanischen Handel, глава—Handelsverkehr zwischen Japan und seinen Schutz- und Nebeländern: Kôrai und den Liukiuinseln, und Jezo mit den südlichen Kurilen und Krafto (Seghalien);—въ седьмомъ томѣ: Geschichtliche Uebersicht der Entdeckungen der Europäer im Seegebiete von Japan und dessen Neben- und Schutzländern und der Entdeckungen der Japaner von ihrem eigenen Lande.
 28. Erman Reise um die Erde in den Jahren 1828, 1829 и 1830. Ber. 1833.—3 т. in 8°. Почти весь третій томъ посвященъ Камчаткѣ и ея жителямъ.
 29. Ritter. Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen etc. Bd. III. Ber. 1834; стр. 446—448: Amurgebiet, Bewohner; die Kileng und Ketcheng (Ainos) und die Wiyaka oder Fiaka;—стр. 448—490: Die problematische Mündung des Amurstromes und das Vorland der Ainos. Tarakai; Karafuto (Karafta) der Japaner. Saghalin (Sachalin) etc.
 30. J. B. Eyriès Voyage pittoresque en Asie et en Afrique. P. 1839. 2 vol. in 8 gr.;—Ch. XIX. Les Kouriles; Ch. XX, XXI, XXII—Ieso et Tarakai.—Главы эти (съ рисунками) составлены на основаніи извѣстій Голландскихъ мореходовъ, Лаперуза, Крузенштерна, Головинна и др.
 31. J. C. Prichard Naturgeschichte des Menschengeschlechts, übersetz. mit Anmerkungen von Dr. R. Wagner. 4 Th. in 5 Bänd; Bd. III. 2. L. 1845. Глава XVII: von den hyperboreischen Nationen in Asien: Kamtschadalen, Ainos etc.
 - * 32. S. Vater Literatur der Grammatiken, Lexica und Wörtersammlungen aller Sprachen der Erde. Zweite völlig umgearbeitete Ausgabe von B. Sülz. Ber. 1847.
 - * 33. Pfizmaier: Bemerkungen über die von la Peyrouse gelieferte Wörtersammlung der Sprache von Sagalien, въ «Sitzungsberichte der K. Akad. d. Wiss. Wien. Philosophisch-historische Classe». 1850.

- * 34. — Beitrag zur Kenntniss der Aino-Poesie, ibidem, 1850.
- 35. — Kritische Durchsicht der von Dawidow verfassten Wörtersammlung aus der Sprache der Aino's, ibidem, 1851.
- 36. — Untersuchungen über den Bau der Aino-Sprache, ibidem, 1851.
- * 37. — Vocabularium der Aino-Sprache, въ Denkschriften der Kais. Akad. d. Wiss. Phil. hist. Cl. W. 1854.
- Смотри объ этихъ трудахъ Пфицмайера отзывъ М. М. Добротворскаго, ниже, № 141.
- 38. Al. Castrén's Ethnologische Vorlesungen über die Altaischen Völker. St. Pet. 1857; на стр. 30—31 говорится о Гилякахъ и Айнахъ.
- 39. Hawk's Narrative of the Expedition of an American Squadron (Comm. Perry), to the China Seas and Japan. 1856. — Кое что объ Айнахъ Iesso.
- 40. Nott und Gliddon Indigenous Races of the Earth. 1857. Здѣсь помѣщены, между прочимъ, замѣтки Лейт. Habersham'a объ Айнахъ Iesso.
- * 41. L. de Rosny. Mœurs des Aino, insulaires de Iesso et des Kouriles. P. 1857. — Сочинение это, по всей вѣроятности оттискъ статьи осталось мнѣ недоступнымъ, равно какъ его же: Etudes asiatiques, и — Vocabulaire chinois, coréen, aino. 1867.
- 42. Schrenk Leop. v. Reisen und Forschungen im Amur-Lande in den Jahren 1851—1856. Bd. I. St. Pet. 1858. in 4°. Einleitung, Säugethiere des Amur-Landes. Хотя сочинение это собственно зоологическое, но въ немъ встрѣчаются и кой-какія этнографическія замѣтки, равно какъ и въ письмахъ того-же автора, помѣщенныхъ въ «Bullet. de l'Acad. Imp. de St. Pet.».
- 43. Maximowicz C. J. Primitiae florae Amurensis etc. St. Pet. 1857. 1 vol. in 4°. — Allgemeiner Theil: Sachalin, Bemerkungen über das Klima, Physiognomie der Amur-Flor, Nutz- und Kultur-pflanzen etc.
- 44. Baer K. E. von. Crania selecta ex thesauris anthropol. Acad. Imper. Petropol. etc. 1 vol. in 4. — На стр. 24—26 говорится о ре-

пенъ Камчадала и Японца сравнительно съ Алеутскимъ и Калмыцкимъ.

- 45. Heine Japan und seine Bewohner. Geschichtliche Rückblicke, Leip. 1860. 1 vol. in 8°.
- * 46. — China, Japan und Ochotzk. etc. (?).
- * 47. Hedgson' A Residence at Nangasaki and Hakodate in 1859—1860. L. 1861.
- * 48. Ravenstein. The Russians on the Amur. etc. L. 1861.
- 49. Heine Die Liu-Kiu Inseln, статья въ сборникѣ «Das grosse Völker-und Naturleben». Br. 1862, стр. 41—64 съ рис.
- 50. Wood The Hairy Men of Iesso, ст. въ «Trans. of the Ethnol. Soc. n. ser. v. IV.
- 51. Pauly T. de. Les peuples de la Russie. St. Pet. 1862. fol., съ хромолит. изобр. племенъ, между прочимъ Курильца, Камчадала, Тунгузовъ и др.
- * 52. Mermet de Cachon. Les Ainos, origine, langue, mœurs, religion. P. 1863. Сочинение это извѣстно мнѣ только по реферату, помѣщенному въ слѣдующемъ №.
- 53. Das Volk der Ainos auf der japanischen Insel Ieso, статья въ журн. «Globus» VI. 1864., преимущественно на основаніи данныхъ, собранныхъ Мерме; въ этомъ же томѣ (стр. 190) сообщаются свѣдѣнія объ Айнахъ, заимствованныя изъ статьи Umerу въ «Revue orientale» 1863. № 52.
- * 54. Die letzten Ainos, стат. въ «Allgemeine Zeitung» 1865 г. 7 янв.
- 55. Middendorff's A. v. Sibirische Reise. St. Pet. 1848—1875, 4 тома in 4, каждый въ нѣсколькихъ частяхъ и выпускахъ. Въ томѣ IV, час. I, 1864 г. встрѣчаются свѣдѣнія о Тунгусахъ, Гилякахъ и др. Сибир. инородцахъ, точно также какъ и во 2-й час. вып. 2. (Fahrzeuge, Fischfang, Jagd in Sibirien) и особенно въ 3-мъ выпускѣ: «Die Eingeborenen Sibiriens» 1875 съ рис. и табл.
- 56. Rapport sur les progrès de l'Anthropologie par de Quatrefages. P. 1867. 1 v. gr. 8°.
- 57. Schmidt's, Glehn's und Brylkin's Reise im Gebiete des Amurstromes und auf der Insel Sachalin, въ «Beiträge zur Kenntniss

- des Russischen Reiches». Bd. XXV. St. Pet. 1868.
58. Busk' Description of an Aino skull, въ «Transactions of the Ethnological Society of Lond.» v. VI. n. ser. L. 1868.
59. Bickmore Some Notes on the Ainos, въ «Trans. of the Ethnol. Soc. of Lond.» v. VII. n. ser. L. 1869.
60. Ethnographie des peuples étrangers de Matouan-lin trad. du chinois par le marquis d'Hervey de Saint-Denys. Gen. 1870.
61. Davis S. B. Description of the Skeleton of an Aino Woman and of three Skulls of Men of the same race, и его-же: Account of the skull of a Ghiliak, въ «Memoirs read before the Anthropological Society of Lond.» vol. III. L. 1870. — Тотъ-же Гилянцкій черепъ былъ описанъ Прунеръ-беемъ въ «Bullet. de la Société d'Anthrop. de Par.» t. 2. (2 ser.).
62. Vivien de Saint-Martin. Ethnologie du Grand Archipel d'Asie. Une lacune à remplir dans la classification des races humaines, стат. въ «L'Année géographique» 1870—71. P. 1872. стр. 90—97.
63. Blakiston. Journey round the island of Jezo, въ «Proceed. of the Roy. Geogr. Soc.» 1872. vol. XVI. № 3.
64. St. John. Comm. H. C. The Ainos, aborigenes of Jezo, статья въ «Journal of the Anthropolog. Institute of Great Britain». L. 1872. № 5. Съ литограф. изображ. Айновъ Iecco.
- * 65. Satow Die Ainos von Jezo, стат. въ «Magazin für die Literatur des Auslandes» 1871. № 4.
66. Mohnike. Die Japaner. Eine ethnographische Monographie. Münster 1872.
67. Brandt Ueber die Ainos, стат. въ «Zeitschrift für Ethnologie» v. Bastian und Hartmann. Ber. 1872.—Съ литографир. изобр. Айновъ Iecco.
68. Die Inselgruppe der Kurilen, ст. въ «Mittheilungen der Geogr. Gesellsch. in Wien». W. 1872; представляетъ извлеченіе изъ статьи Полонскаго «Курилы» въ Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отдѣл. Этнографіи, т. IV.
- * 69. Blakiston A. journey in Jezo, въ «Proceed. of the Roy. Geogr. Soc.» v. XVII.
- * 70. St. John. Notes on the east, northeast and west coasts of Jezo; ibidem; здѣсь же переводъ статьи г. Венюкова объ о—въ Сахалинѣ.
- * 71. Die Insel Sachalin, ст. въ «Mittheil. d. Wiener geogr. Gesellsh.» 1873.
72. v. Richthofen Ueber die Ursachen der Gleichförmigkeit des chinesischen Racentypus etc., въ «Zeitsch. für Ethnologie», Sitzungsberichte der Berl. Ges. d. Anthropol. 1873. p. 37...
73. Cramer Ueber die Reise der Kais. Corvette «Hertha» insbesondere nach Korea, въ «Zeitsch. für Ethnol.» Sitzungsber. 1873 p. 49...
74. Holland On the Ainos, ст. въ «Journ. of the Anthropol. Instit.», 1873, № 8, съ рисунками, изображающими различныя аинскія вещи.
75. Das Volk der Ainos, статья въ журн. «Ausland» 1873 г. № 44.
76. Das Volk der Ainos auf der Insel Iezo, статья въ журн. «Globus» 1873, т. XXIV, съ рис. (копіи съ рисунковъ St. John'a).
77. Virchow Ueber einen Aino-Schädel, статья въ «Zeitsch. für Ethnologie», Sitzungsberichte etc. 1873 p. 121....
78. Fr. Müller Allgemeine Ethnographie. W. 1873; стр. 192 слѣд.: Die Kamtschadalen und die Aino.
79. de Vibraye marq. Sur les instruments en pierre provenant du Japon, стат. въ «Congrès international d'archéologie préhistorique de 1872 en Bruxelles». Brux. 1873.
80. Osc. Peschel, Voelkerkunde L. 1874. стр. 101, 400, 414.
81. Promoli Ueber die Ainos, ст. въ «Correspondenzblatt d. deutsch. Ges. f. Anthropologie». 1874 № 3, 4.
82. Kudriaffsky. Japan, vier Vorträge. W. 1874.
83. L. de Rosny. Sur les plus anciens monuments de la civilisation japonaise, въ «Congrès internat. des Orientalistes. P. 1873» P. 1875 стр. 61; здѣсь же пренія относительно «Каменнаго вѣка въ Японіи».
84. — Origine et migrations primitives du peuple japonais, ibid. стр. 171—184.
85. Sur les Aïno, insulaires de Jézo et des îles

Kouriles; сообщения L. de Rosny, Duchateau, Pfizmaier, ibid. стр. 195—213.

86. II Giappone, статья въ «Bolletino della Societa Geogr. Italiana». Roma. 1874. v. XI. стр. 507, ibid.

87. Ritter Ueber eine Reise in Südwestlichen Theile von Jezu, стат. въ «Mittheilungen der deutsch. Gesellsch. Ost-Asiens». 6 H. Dec. 1874, стр. 55—59.

88. Dönitz. Bemerkungen über Ainos, ibid., стр. 61—67.

В). Источники русскіе.

89. (1) Крашенинниковъ. Описание земли Камчатки, 2 т. in 4. 1755.—Во второмъ томѣ — свѣдѣнія о Курильцахъ.

90. (2) Миллеръ. Описание морскихъ путешествій по ледовитому и восточному морю—съ Россійской стороны учиненныхъ, стат. въ журн. «Ежемесячныя сочиненія» 1758 г.—Въ этомъ же журналѣ 1757 г.—свѣдѣнія о Гилякахъ.

91. (3) Фишеръ. Сибирская Исторія. Спб. 1774.

92. (4) Татаринова (секундъ-маіора). Описание Курильскихъ острововъ, въ «Мѣсяцесловѣ на 1785 г.».—Описание это переведено Палласомъ на нѣмецкій языкъ и помѣщено въ изд. имъ «Neue Nördische Beiträge» Bd. IV. Тоже описание—въ «Путешествіи» Шелехова.

93. (5) Георги. Описание всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ Государствѣ народовъ, 4 части in 4. Спб. 1799. Часть третья: о народахъ Семейскихъ, Манджурскихъ и восточныхъ Сибирскихъ, какъ и о Шаманскомъ законѣ.

94. (6) Сарычевъ. Путешествіе по сѣверо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному Океану въ 1775—1793 гг. Спб. 1802. Краткія свѣдѣнія о плаваніи около Курильскихъ острововъ.

95. (7) Извѣстіе о первомъ Россійскомъ Посольствѣ въ Японію подъ начальствомъ поручика Адама Лаксмана. М. 1805.

96. (8) Путешествіе Шелихова съ 1783 по 1796 г. изъ Охотска къ Восточному Океану и пр. 2 ч. 1812 г. (заключаетъ въ себѣ описание Курильскихъ острововъ).

* 97. (9) Хвостовъ и Давыдовъ. Двукратное путешествіе въ Америку, 2 ч. Спб. 1810—1812.

98. (10) Головинъ. Записки о приключеніяхъ въ плену у Японцевъ въ 1811—1813 гг. съ приобщеніемъ замѣчаній о Японскомъ государствѣ и народѣ. 3 части. Спб. 1816 г.

99. (11) — Путешествіе шлюпа Діаны изъ Крошадта въ Камчатку съ присовокупленіемъ сокращенныхъ записокъ о плаваніи для описи Курильскихъ острововъ въ 1811 г. Спб. 1819 г.

* 100. (12) Путешествіе въ Японію Ад. Лаксмана, изд. В. Берхъ. Спб. 1822.

101. (13) Спасскій. Свѣдѣнія русскихъ о р. Амурѣ въ XVII в. ст. въ «Вѣстн. Имп. Геогр. Общ.» ч. 7. 1853.

102. (14) Риттеръ. Землеустройство Азии, перев. съ дополн. П. Семенова. Спб. ч. I. 1856.

103. (15) Пермкинъ. Путевой журналъ плаванія по р. Амуру, до впаденія его въ Татарскій проливъ, ст. въ «Записк. Сибир. Отд. Геогр. Общ.» 1856. кн. II.

104. (16) Свербеевъ. Описание плаванія по Амуру экспедиціи генералъ-губернатора Восточной Сибири въ 1854 г., съ рисунк., ст. въ «Записк. Сиб. Отд. Геогр. Общ.» 1857, кн. III.

105. (17) Герстфельдъ. О прибрежныхъ жителяхъ Амура, ст. въ «Вѣстн. Геогр. Общ.» 1857 г. XX.

106. (18) Орловъ. Амурскіе Ороченны., въ «Вѣстн. Геогр. Общ.» 1858 г. ч. XXI.

107. (19) В. Р—К. (Римскій-Корсаковъ). Случаи и замѣтки на шкунѣ «Востокъ», ст. въ «Морскомъ Сборникѣ». 1858. № 5.—(Экспедиція вдоль западнаго берега Сахалина).

108. (20) Бошнякъ. Экспедиція въ Приамурскомъ краѣ: а) экспедиція на Сахалинъ, б) Пребываніе въ Николаевскѣ. Очеркъ жизни Гиляковъ, с) Занятіе части о—ва Сахалина, и др. въ «Морскомъ Сборникѣ» 1858 г. № 12, 1859 г. №№ 2 и 10.

109. (21) Маакъ. Путешествіе на Амуръ. Спб. 1859. I т. in 4 и атласъ in fol. (между прочимъ портреты инородцевъ).

110. (22) Венюковъ. Обзоръ р. Усури и земель къ востоку отъ нея до моря, ст. въ «Вѣстн. Геогр. Общ.» 1859. XXV; позже перепечатана вмѣстѣ съ другими статьями въ особомъ

- книгъ: «Путешествія по окраинамъ Русской Азіи.» Спб. 1868.
- * 111. ⁽²³⁾ Носовъ. Замѣтки о Сахалинѣ и каменно-угольныхъ ломкахъ на немъ производимыхъ, въ «Горномъ Журналѣ» 1859. № 1.
 - * 112. ⁽²⁴⁾ Бартоломей. Описаніе Амурскаго края, въ «Военномъ Сборникѣ.» 1860 г. №№ 8 и 9.
 - 113. ⁽²⁵⁾ Тихменевъ. Историческое обозрѣніе Образованія Россійско-Американской компаніи и дѣйствій ея до настоящаго времени. Спб. 2 ч. 1861—1863.
 - * 114. ⁽²⁶⁾ Морской сборникъ 1862. ч. 2 и 4, разборъ сочиненія Равенштейна: The Russians on the Amur, 1864 г. №№ 6, 7, 8, 13—замѣтки г. Невельскаго на сочиненіе Тихменева.
 - 115. ⁽²⁷⁾ Головинъ. Обзоръ русскихъ колоній въ сѣверной Америкѣ. Спб. 1862. — О Курильцахъ говорится на стр. 28; смотри также статистическія вѣдомости въ концѣ книги.
 - * 116. ⁽²⁸⁾ О Гилякахъ, ст. въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» 1864, № 19.
 - * 117. ⁽²⁹⁾ Обряды Гиляковъ, замѣтка въ «Сѣверной Пчелѣ» 1864. № 234.
 - * 118. ⁽³⁰⁾ Кропоткинъ. Вліяніе Николаевского климата и пищи на человѣка;—Обзоръ мѣстности Сахалина, — въ газетѣ «Восточное Поморье» 1866 г. №№ 1, 3, 5, 20—23.
 - * 119. ⁽³¹⁾ Дуэ, ст. въ «Кронштатскомъ Вѣстникѣ» 1868 г. №№ 47 и 49.
 - 120. ⁽³²⁾ Шренкъ. Очеркъ физической географіи Сѣверо-Японскаго моря. Приложение № 3 къ XVI т. «Зап. Имп. Акад. Наукъ». Спб. 1869.
 - 121. ⁽³³⁾ Лопатинъ. Извлеченіе изъ письма — объ изслѣдованіяхъ на Сахалинѣ (объ Айнахъ), въ приложеніи къ «Отчету о дѣйствіяхъ Сибир. Отд. Имп. Геогр. Общ.» за 1868 г. Спб. 1869.
 - 122. ⁽³⁴⁾ Васильевъ. Поѣздка на о—въ Сахалинъ. (Леченіе Гиляковъ), ст. въ «Архивѣ Судебной Медицины» 1870 г. № 2.
 - 123. ⁽³⁵⁾ Шнеркъ. Географо-патологическіе очерки восточной Сибири, стат. въ «Медико-Топографическомъ Сборникѣ» изд. Мед. департ. Спб. 1870.
 - 124. ⁽³⁶⁾ Венюковъ. Замѣтка о колонизаціи Мац-
мая, въ «Извѣстіяхъ Геогр. Общ.» 1870 г. VI. № 5.
 - 125. ⁽³⁷⁾ Добротворскій. Южная часть о—ва Сахалина, стат. въ «Извѣстіяхъ Сибир. Отд. Геогр. Общ.» 1870 г. №№ 2 и 3.
 - 126. ⁽³⁸⁾ Половскій. Курилы, ст. въ «Зап. Геогр. Общ. по Отдѣленію Этнографіи», т. IV. 1871.
 - 127. ⁽³⁹⁾ Венюковъ. Обзореніе Японскаго Архипелага. 2 вып. 1871 г. — Въ 1-мъ выпускѣ: «Этнографія Японіи, Аины, Ликейцы»; во 2-мъ выпускѣ (въ 3-й части): «Очеркъ острова Сахалина».
 - 128. ⁽⁴⁰⁾ Буссе. Островъ Сахалинъ и Экспедиція 1852 г. Спб. 1872 г. (Первоначально записки эти были помѣщены въ «Вѣстникѣ Европы» 1871 г. №№ 10—12).
 - 129. ⁽⁴¹⁾ Типы инородцевъ Восточной Сибири, въ «Всемирной Иллюстраціи» 1872 г. №№ 168, 169, 170.
 - 130. ⁽⁴²⁾ Венюковъ. Матеріалы для военнаго обзора современныхъ русскихъ границъ въ Азіи. I Островъ Сахалинъ; въ «Военномъ Сборникѣ» 1872 г. № 3.
 - 131. ⁽⁴³⁾ Географическо-Статистическій Словарь Россійской Имперіи, изд. подъ редакціей П. Семенова. Т. I—IV. 1863—1873.—Много статей имѣющихъ отношеніе къ Аинамъ; главнѣйшія: — Курильскія острова, Курильцы, Камчатка, Камчадалы, Сахалинъ, Гиляки, Ороки и пр.
 - 132. ⁽⁴⁴⁾ Добротворскій. О кишечныхъ паразитахъ о—ва Сахалина; ст. въ «Военно-Медицинскомъ журналѣ» 1872. № 11.
 - * 133. ⁽⁴⁵⁾ Мицуль. Очеркъ о—ва Сахалина въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Спб. 1873.
 - 134. ⁽⁴⁶⁾ Островъ Иесо, замѣтка въ «Изв. Геогр. Общ.» 1873. IX. № 3.
 - * 135. ⁽⁴⁷⁾ Добротворскій. О русской народной медицинѣ сравнительно съ народной медицинѣ Сахалинскихъ Аиновъ, ст. въ «Запискахъ врачей г. Казани» 1873 г.
 - * 136. ⁽⁴⁸⁾ Наши поселенія на Сахалинѣ, въ «Всемирномъ путешественникѣ» 1873. № 6.
 - 137. ⁽⁴⁹⁾ Августиновичъ. Наблюденія надъ бытомъ населенія о—ва Сахалина, въ «Изв. Геогр. Общ.» 1873. № 4, стр. 113 сл.

- * 138. ⁽⁸⁰⁾ Старицкий. Гидрограф. командировка въ Восточный Океанъ, въ «Морскомъ Сборникѣ» 1873. № 1.
139. ⁽⁸¹⁾ Иезо и Курильскіе острова, зам. въ «Изв. Геогр. Общ.» 1874. X. № 8.
140. ⁽⁸²⁾ Кеппенъ. Островъ Сахалинъ, его каменноугольныя мѣсторожденія и пр. Спб. 1875.
141. ⁽⁸³⁾ Добротворскій. Айнско-Русскій Словарь (съ большимъ предисловіемъ), въ «Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Имп. Казан. Университета» 1875. № 2, 3, 6...

ГЛАВА II.

Морфологическій очеркъ айнского племени.

Въ предыдущей главѣ, сопоставляя извѣстія различныхъ путешественниковъ, мы уже могли составить себѣ приблизительное понятіе о характеристическихъ особенностяхъ типа Айновъ. Теперь мы позволимъ себѣ еще разъ припомнить эти особенности въ систематическомъ порядкѣ, анализировать ихъ, дополнить нѣкоторыми новыми наблюденіями и изложить все вмѣстѣ въ формѣ связнаго, морфологическаго очерка.

Ростъ. — Мы уже видѣли, что большинство путешественниковъ говоритъ объ Айнахъ, какъ о народѣ *средняго*, даже *низкаго* роста. Такъ, именно, выражаются голландскіе путешественники XVII вѣка, — Лаперузъ (около 5', (т. е. 1620 мм.) самое большее 5' 5"), — Ролленъ, Броутонъ, Крузенштернъ (не выше 5' 2—4"), — Брандтъ, Блакстонъ (низкаго роста) Голландъ, Сенъ-Джонъ («below the middle stature»), — Промоли, Рудановскій («средняго, даже по большей части малаго роста»), — Буссе, Добротворскій («низкаго роста»), — Риттеръ и др. *).

Ростъ этотъ, впрочемъ, немногимъ разнится отъ средняго роста ближайшихъ сосѣдей Айновъ, именно: — Японцевъ (у которыхъ онъ, по Монике, на основаніи измѣренія 50 особей, равняется 5' 1—2" (около 1660 мм.) и весьма рѣдко бываетъ выше 5' 5"); — Китайцевъ (средній ростъ которыхъ, по Вейсбаху, изъ измѣренія 26 особей, равняется 1630 мм.), многихъ тунгусскихъ

племенъ и пр., — даже большинства Итальянцевъ и Французовъ, и выше — роста Бушменовъ, Негритосовъ, Лопарей, нѣкоторыхъ Малайскихъ, Индостанскихъ, Папуасскихъ племенъ и др. *). Съ другой стороны, нужно замѣтить, что нѣкоторые наблюдатели какъ напр. Де-Анжелисъ, Дю-Шатлѣ придають Айнамъ даже сравнительно большой ростъ, а Де-Росни замѣчаетъ, что у этого племени можно отличить два типа, различающіеся одинъ отъ другаго, между прочимъ и по росту, именно одинъ — низкаго коренастаго роста, рѣдко достигающаго 1600 мм., и другой — сравнительно высокаго — варьирующаго отъ 1600 до 1720 мм. **).

Сложеніе. При относительно небольшомъ ростѣ Айны обладаютъ однако же, въ большинствѣ случаевъ, крѣпкимъ и пропорціональнымъ сложеніемъ. Это было замѣчено еще старинными путешественниками, — спутниками Де-Фриза, Лаперузомъ, Ролленомъ; тоже подтверждаютъ и новѣйшіе наблюдатели: Мерше де-Кашонъ, Блакстонъ («stout well mode people»), Сенъ-Джонъ («their frames are light and wiry, well proportioned»), Голландъ, Добротворскій («крѣпкаго сложенія»), Дёницъ и др. ***). Нѣкоторые путешественники замѣчаютъ, что айны способны къ продолжительному, физическому труду, могутъ необыкновенно скоро бѣгать и пр.; по Лопатину, «поступь Айновъ скорѣе тяжелая, нѣтъ и подобія той легкости походки, которая кидается въ глаза у Тунгуза или Якута; «по словамъ Брылкина, тоже, походка Айновъ — твердая, степенная». Женщины

*) См. Mohnike Die Japaner, стр. 15; Weissbach Körpermessungen an Individuen versch. Menschenrassen vorgenom. durch Dr. Scherzer und Dr. Schwarz. (Reise der Novara, Anthr. Th. II.) стр. 216 слѣд. Средній ростъ Французовъ равняется, по Брокъ, 1649 мм., по Лелю — 1657 мм. (въ южной Франціи — 1630 мм.). Средній ростъ Итальянцевъ (по Lombroso sulla statura degli Italiani в Archivio per l'Anthropologia 1873 стр. 375), равняется 1650—1602 мм. и въ особенности малъ въ Сардиніи (1602 мм.), въ Сициліи (1618 мм.), въ Кампаніи (1627 мм.), вообще въ южной Италіи. — Ростъ Бушменовъ равняется, по Фричу — 1444 мм., по Баррову — 1371 мм.; — Негритосовъ — 1471—1445 мм.; — Лопарей — около 1535 мм.; — полуиндскихъ племенъ Ориссы и Нильгири (по Шорту) — 1557—1565 мм.; — Папуасовъ (по Г. Мейеру) — 1537 мм., Даявовъ (по Гудону) — 1574 мм.

**) См. de Rosny въ «Congrès des Orientalistes à Paris 1873» стр. 241.

**) По словамъ врача Роллена, Сахалинскіе Айны «sont fortement constitués, ont un léger embonpoint, les formes et les muscles très prononcés». Сенъ-Джонъ замѣчаетъ однако, что: «мацмайскіе айны, повидимому, не обладаютъ значительно развитыми мышцами».

*) По Дёницу, средній ростъ пяти измѣренныхъ имъ Айновъ равнялся даже только 1513 мм.; но, нужно замѣтить, что это были юноши 16—19 лѣтъ, которые еще не достигли, можетъ быть, своего полнаго роста.

Аинскія, хотя по росту и уступаютъ значительно мушцинамъ, однако, по словамъ многихъ наблюдателей, отличаются также пропорціональнымъ сложеніемъ. Относительно сложенія слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что по наблюденіямъ Брандта и Промоли, айны различныхъ мѣстностей представляютъ нѣкоторое различіе; такъ, живущіе на западномъ берегу Иессо (гдѣ по преимуществу сосредоточены рыбныя ловли Японцевъ и гдѣ Айны, слѣдовательно, наиболѣе угнетены), — имѣютъ болѣе жалкій видъ, нежели жители восточнаго берега, которые кажутся здоровѣе и сильнѣе. Съ другой стороны, еще Головинъ замѣтилъ, что мацмайскіе Айны «виднѣе, крѣпче тѣлосложеніемъ и проворнѣе нежели Курильцы, чему можетъ быть причиною дѣятельная ихъ жизнь и изобиліе въ здоровой пищѣ».

Соотношеніе частей тѣла: (головы, туловища и конечностей). — По словамъ многихъ путешественниковъ Айны имѣютъ вообще сравнительно большую голову, короткую шею, хорошо развитую грудь, широкія плечи (что, по Бикмору, особенно бросается въ глаза при сравненіи съ Японцами), мало выдающійся животъ; про женщинъ нѣкоторые наблюдатели замѣчаютъ еще, что онѣ отличаются малыхъ размѣровъ кистями и ступнями. Болѣе точное понятіе о соотношеніи частей тѣла могли бы дать измѣренія этихъ частей, произведенныя надъ возможно большимъ числомъ особей и сведенныя къ одной мѣрѣ, напр. — къ величинѣ роста, но, къ сожалѣнію, сколько нибудь значительнаго ряда такихъ измѣреній до сихъ поръ еще сдѣлано не было. Впрочемъ, въ недавнее время, Деницъ и Гильгендорфъ произвели рядъ такихъ измѣреній надъ пятью молодыми Айнами, — измѣренія, правда, не могущія дать вполне точнаго понятія о типѣ племени, по недостаточному числу измѣренныхъ особей (не старѣе притомъ 19 лѣтъ), но которыя все-таки, за неимѣніемъ болѣе полныхъ, мы приведемъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ довольно характеристичны. Замѣтимъ при этомъ, что у Деница отдѣльныя цифры измѣреній не сведены къ среднимъ числамъ и выражены въ ихъ абсолютной величинѣ; мы же представляемъ здѣсь среднія числа изъ измѣреній надъ пятью особами и, рядомъ, приведемъ тѣ же числа, выраженные въ отношеніи къ длинѣ роста, принятаго за 1000. Въ такой формѣ, многія изъ этихъ чиселъ оказывается возможнымъ сравнивать съ числами другихъ наблюдателей, добытыхъ при изслѣдованіи различныхъ другихъ племенъ, и въ особен-

ности съ числами, добытыми Шерцеромъ и Шварцомъ и обработанными Вейсбахомъ *).

Среднія цифры измѣреній надъ пятью Айнами, произведенныхъ Деницомъ.

	абс. велич.	Та же велич., выраженная въ отношеніи къ длинѣ роста, принятаго за 1000.
Ростъ	1513 мм.	—
Окружность головы	550 »	0,363
Длина головы	183 »	0,121
Ширина головы	144 »	0,95
Вышина головы (въ проекціи)	211 »	0,145
Длина шеи (?)	768 »	0,50
Длина туловища	578 »	0,381
Ширина въ плечахъ	345 »	0,228
Разстояніе между грудными сосцами	182 »	0,120
Окружность груди (наибольшая ?)	839 »	0,554
Окружность талии	639 »	0,422
Окружность таза	681 »	0,450
Разстояніе между cristae ilium	260 »	0,171
Разстояніе между Spinae ilium ant.	214 »	0,141
Разстояніе между вертѣлами	290 »	0,191
Длина плеча	288 »	0,189
Длина предплечья	255 »	0,168
Длина кисти	172 »	0,113
Плечо+предплечье+кисть	715 »	0,472
Длина ноги (по наружн. стор.)	760 »	0,503
Длина бедра	343 »	0,226
Длина голени	362 »	0,239
Длина подошвы	232 »	0,153

Сравнивая эти цифры съ соответствующими цифрами, выведенными Вейсбахомъ изъ измѣреній Шерцера и Шварца, а также съ измѣреніями нѣкоторыхъ другихъ наблюдателей, мы можемъ вывести такіа заключенія:

Окружность головы у Айновъ можетъ быть названа весьма большою, и хотя абсолютно она и меньше,

*) См. Dönitz Bemerkungen über Ainos въ „Mittheil. der deutsch. Gesellsch. für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. 6. H. Dec. 1874. — Нѣкоторыя менѣе важныя измѣренія Деница мы пропустили.

чѣмъ напр. у Австралийцевъ, Полинезийцевъ, и равняется найденной у Китайцевъ, но относительно (въ отношеніи къ величинѣ роста)—больше, чѣмъ у всѣхъ племенъ, измѣренныхъ Шерцеромъ и Шварцомъ (Китайцевъ, Австралийцевъ, разныхъ Малайскихъ племенъ и др.).

Длина головы, относительно, также весьма велика, почти равняется найденной у Австралийцевъ (0,120), и превышаетъ найденную у Китайцевъ (0,115).

Ширина головы, — относительно, больше чѣмъ у всѣхъ племенъ, измѣренныхъ Шерцеромъ и Шварцемъ, (гдѣ она колеблется между 0,81—0,88 роста). — Эта большая величина зависитъ, однакоже, отчасти отъ не вполне одинаковаго метода измѣренія, такъ какъ Шерцеръ и Шварцъ измѣряли ширину головы на уровнѣ ушныхъ раковинъ (приблизительно на уровнѣ бровей), а Денисъ — непосредственно подъ темными буграми, или даже на самихъ буграхъ.

Зная длину и ширину головы можно вывести и соотношение между ними или *index cephalicus* (показатель ширины черепа), который въ данномъ случаѣ будетъ равняться 78,6 (варіируя между 75,2—82). По классификаціи Брока, этихъ айновъ нужно слѣдовательно отнести къ «среднеголовымъ» — *mesaticephal*, съ наклономъ къ брахицефалинъ. По наблюденіямъ врача Добротворскаго, Сахалинскіе Айны должны быть причислены къ брахицефаламъ.

Вышина головы (которая измѣрялась въ данномъ случаѣ въ проэкціи между концомъ подбородка и верхушкой теменн) — выражена довольно низкою цифрою, которая однакоже не можетъ быть приравнена къ цифрамъ, выведеннымъ Вейсбахомъ изъ измѣреній Шерцера и Шварца, на томъ основаніи, что послѣдніе измѣряли тоже разстояніе иначе, именно прямо помощью кронъ-циркуля.

Длина туловища представлена также довольно низкою абсолютною цифрою (578 мм.), которая однакоже, выраженная въ отношеніи роста (0,381), превышаетъ всѣ соотвѣтственныя цифры у Вейсбаха (0,375—0,340).

Ширина въ плечахъ — можетъ быть названа умѣренною, меньше напимѣръ чѣмъ у Русскихъ (у которыхъ, по измѣреніямъ Шульца, она составляетъ 0,238 роста, — 410 мм.), Негровъ, многихъ Малайскихъ племенъ, но относительно (въ отношеніи къ величинѣ роста) — больше, чѣмъ напр. у Австралийцевъ (0,208) и Китайцевъ (0,222).

Разстояніе между грудными сосцами (182 мм.) — меньше, чѣмъ всѣ соотвѣтственныя цифры у Вейсбаха (190—232 мм.).

Окружность груди выражена довольно умѣренною абсолютною цифрою (839 мм.), если принять во вниманіе, что та же окружность напимѣръ у Яванцевъ — 850 мм., у Китайцевъ — 857,5 мм., у Австралийцевъ — 890 мм., у Новозеландцевъ — 981,5 мм., у южныхъ Германцевъ (130 Вюртембергскихъ рекрутъ, по Зеегеру) — 906,2 мм., у Пруссаковъ (147 прусскихъ рекрутъ, по Шульце) — 882,6 мм., у Англичанъ (по Томсону, изъ измѣреній 617 солдатъ) — 907 мм., у Румыновъ (709 румынскихъ солдатъ, по Дерблиху) 889,7 мм. — и только у нѣкоторыхъ Малайскихъ племенъ (Амбоинезовъ, Мадурезовъ) была найдена меньше 826 мм., да еще Балфуromъ, у 1439 англійскихъ рекрутъ — равною 825,5 мм. Однако, сводя тѣже цифры къ величинѣ роста, оказывается, что, относительно, грудь у этихъ пяти айновъ развита весьма сильно, въ особенности, если принять во вниманіе ихъ молодость.

Въ сказанномъ легко убѣдиться, сравнивая относительную цифру грудной окружности у Айновъ (0,554) съ таковыми же цифрами напр. для Нѣмцевъ (по Бернштейну — 0,505, по Зеегеру — 0,506), — Англичанъ (по Томсону 0,530, по Блаку — 0,510), — Румынъ (0,517), — Славянъ и Венгерцовъ (0,519), — Китайцевъ (0,526), — Яванцевъ (0,506), — Папуасовъ (0,511) и пр. Только нѣкоторые племена Океаническихъ острововъ, какъ напр. Маріанскихъ (0,553), Сандвичевыхъ (0,560), Новой Зеландіи (0,558, — по Томсону однако же только 0,529), Никобарскихъ (0,577), Стюартовыхъ 0,603) — могутъ въ этомъ отношеніи соперничать съ Айнами.

Окружность талии представлена довольно умѣренною абсолютною (639 мм.) и относительною (0,422) цифрою, которая въ то же время можетъ считаться малою въ отношеніи къ объему груди, принятому за 1000. Отношеніе это, именно, равняется здѣсь 765:1000, почти такое же, какъ по Вейсбаху у многихъ Малайскихъ племенъ (Мадурезовъ — 765, Бугизовъ — 756, Яванцевъ — 752 и пр.) и значительно меньше, чѣмъ напр. у Австралийцевъ (838), Новозеландцевъ (850), Китайцевъ (853). Такимъ образомъ, перехватъ туловища въ талиѣ (одинъ изъ характеристическихъ признаковъ человѣческаго торса) выраженъ у этихъ айновъ весьма явственно, гораздо явственнѣе, чѣмъ напр. у Китайцевъ.

Окружность таза (681 мм.) — выражена сравни-

тельно небольшою цифрою, которая немногимъ превышаетъ цифру для талии (639 мм.) и значительно уступаетъ цифрѣ грудной окружности (839 мм.).

Разстояніе между cristae ilium (260 мм.) можетъ быть названо обыкновеннымъ, но *разстояніе между spinae ilium ant.* (214 мм.)—должно считаться нѣсколько малымъ: оно уступаетъ средней нормѣ у Европейцевъ (243 мм. по Краузе) и сходно съ тѣмъ, какое мы встрѣчаемъ напримѣръ у народовъ южной Африки (Готтентотовъ, Кафровъ и пр. — у которыхъ, по Финчу, оно = 222 — 191 мм.).

Длина плеча—представлена весьма низкой абсолютной цифрою (288 мм.),—ниже, чѣмъ у всѣхъ племенъ, о которыхъ говорится у Вейсбаха; но та же величина, выраженная въ длинѣ роста, представляетъ цифру довольно обыкновенную—0,189; (Нѣмцы имѣютъ 0,190, Славяне 0,185, Яванцы и Китайцы 0,185, Австралийцы 0,191).

Длина предплечья, — хотя выражена также весьма низкой абсолютной цифрою (255 мм.), однако, въ отношеніи къ росту (0,168)—довольно значительна. Изъ всѣхъ племенъ, приведенныхъ у Вейсбаха, только Австралийцы (0,173) и Зунданезцы (0,170) имѣютъ относительно болѣе длинныя предплечья; у всѣхъ же прочихъ—оно относительно короче. Такъ Малайцы (Яванцы, Бугизы, Новозеландцы и др.) имѣютъ 0,159 — 0,161, Китайцы — 0,156, Славяне и Нѣмцы — 0,159 — 0,160, Русскіе (по Шульцу) — 0,155, Евреи (по Шульцу) — 0,147, Негры (по Бурмейстеру)—0,163,—(по Шульцу) — 0,156—и т. д. Если выразить эту длину предплечья въ длинѣ плеча, принятой за 1000, то мы получимъ цифру 0,885, которая будетъ уступать только соответственнымъ цифрамъ для Зунданезцовъ (0,933), Австралийцевъ (0,903) и Амбоинезовъ (0,892), превосходя цифры для всѣхъ прочихъ народовъ у Вейсбаха (изъ коихъ напр. у Яванцевъ она равняется 0,864, у Китайцевъ—0,845, у Нѣмцевъ—0,835 и т. д.) *).

Длина кисти представлена весьма низкими — абсолютною (172 мм.) и относительною (0,113)—цифрами, изъ коихъ послѣдняя уступаетъ цифрамъ для большей части племенъ по Вейсбаху. У Новозеландцевъ кисть составляетъ напр. 0,137 роста, у Никобарцевъ и Яванцевъ—0,131, у Китайцевъ—0,128, у Австралийцевъ—

0,124, у Негровъ—0,118, у Русскихъ (по Шульцу) и Бельгийцевъ (по Кетлѣ) 0,115 и т. д. Эта относительная короткость кисти является особенно явственною при сравненіи ея съ длиною остальныхъ отдѣловъ руки, т. е. плеча+предплечья, принятыхъ за 1000. Кисть Айновъ является тогда выраженной цифрою — 0,317, которая можетъ быть названа весьма умеренною, если обратить напр. вниманіе, что тоже отношеніе у Австралийцевъ выражается цифрою 0,340, у Нѣмцевъ—0,344, у Славянъ—0,351, у Китайцевъ—0,376, у Новозеландцевъ—0,391.

Длина всей руки (плечо + предплечье + кисть) составляетъ въ данномъ случаѣ 0,472 роста, что можетъ быть названо довольно умеренною цифрою, такъ какъ, напримѣръ, у жителей Стюартовыхъ острововъ ее замѣняетъ цифра 0,511, у Австралийцевъ — 0,488, у Яванцевъ—0,476, у Негровъ (по Бурмейстеру) — 0,478 (по Кетлѣ впрочемъ только 0,448) и т. д. Европейцы имѣютъ однакоже еще меньшія цифры; такъ Нѣмцы—0,469, Славяне—0,467, Бельгийцы—0,460.

Длина бедра (отъ trochanter major), выраженная весьма низкою абсолютною цифрою (343 мм.), составляетъ только 0,226 роста; — значительно меньше чѣмъ напр. у Негровъ (0,266), у Нѣмцевъ (0,250), у Славянъ и Бельгийцевъ (0,243), и одинаково или больше, чѣмъ напр. у Яванцевъ (0,226), Австралийцевъ (0,222) и Китайцевъ (0,220).

Длина голени (362 мм.), выраженная въ отношеніи къ росту (0,239), можетъ быть названа среднею: она относительно меньше, чѣмъ напр. у Нѣмцевъ (0,249), Славянъ (0,247), Негровъ (0,246)—и больше, чѣмъ у Китайцевъ (0,223) и Новозеландцевъ (0,221). *).

Если принять длину бедра=1000, то выраженная въ отношеніи ея длина голени составитъ 1055, — меньше, чѣмъ напр. у Никобарцевъ (1110), Яванцевъ (1073)—больше, чѣмъ у Китайцевъ (1011), Нѣмцевъ (994), Славянъ (998) и Негровъ (925).

Совокупная длина бедра и голени (705 мм.), составляетъ здѣсь 0,466 роста,—меньше чѣмъ напр. у Нѣмцевъ (0,500), Славянъ (0,496), Яванцевъ (0,470), и больше, чѣмъ у Новозеландцевъ (0,451) и Китайцевъ (0,444).

Ступня или подошва представлена весьма низкою абсолютною цифрою (232 мм.), которая, однакоже, све-

*) Известно, что большая длина предплечья можетъ считаться однимъ изъ признаковъ низшаго типа, какъ то доказываетъ сравненіе съ высшими обезьянами.

*) Пяры у этихъ субъектовъ, по словамъ Деница, были развиты хорошо, а у двухъ, можно сказать даже,—сильно.

денная къ величинѣ роста, равна, или почти равна соответствующей цифрѣ у Бельгийцевъ, Славянъ (0,153), Нѣмцевъ (0,151), Негровъ (0,151—0,153).

Сводя вмѣстѣ результаты всѣхъ этихъ измѣреній, мы получаемъ—для пяти изслѣдованныхъ особей—слѣдующіе, болѣе или менѣе характеристическіе признаки:

Низкій ростъ; большая, длинная, широкая и низкая голова ($L/Q=75,2-82$); длинное туловище, довольно широкое въ плечахъ, съ явственно выраженнымъ перехватомъ въ талии; руки — относительно нѣсколько болѣе длинныя, чѣмъ у Европейцевъ, что зависитъ отъ нѣсколькихъ болѣе относительной длины предплечья; небольшія кисти; ноги — нѣсколько короткія, что обуславливается главнымъ образомъ нѣсколько меньшей относительной длиной бедра, которое короче голени; хорошо развитыя икры; небольшія ступни.

Физиономія. — Большинство путешественниковъ, посѣщавшихъ Айновъ, начиная съ XVII вѣка, описываютъ ихъ какъ народъ съ довольно правильными и пріятными чертами лица, часто весьма сходными съ Европейскими и безъ рѣзко выраженного монгольскаго типа. Это, мы видѣли уже, говорятъ старинные голландскіе путешественники, Лаперузъ, Броутонъ; тоже утверждаютъ и многіе новѣйшіе наблюдатели: Габершамъ, Сень-Джонъ, Блакистонъ, Бикморъ, Форбсъ, Промоли, Венюковъ, Риттеръ, Римскій-Корсаковъ, Брылкинъ и др. Такъ, по Сень-Джону, Айны о-ва Иессо имѣютъ «черты лица правильныя и положительно пріятныя, совершенно отличныя отъ монгольскихъ, и не представляющія ни выдающихся скулъ, ни косаго верхняго вѣка. Нѣкоторые имѣютъ весьма умныя физиономіи, сходныя притомъ съ европейскими, не только по общимъ очертаніямъ, но и по выраженію. Темя правда нѣсколько приплюснуто, но вообще голова округлена и правильно сформирована; виски плоски; лобъ широкій и высокій. Губы нѣсколько толстыя, но умѣренны; глаза почти всегда очень черныя, брови прямыя, густыя». Промоли точно также говоритъ, что «черты лица Айновъ о-ва Иессо — довольно правильныя, выраженіе физиономіи — добродушное, и форма головы не имѣетъ ничего общаго съ головой Китайцевъ, Японцевъ или Малайцевъ. Изъ всѣхъ племенъ Востока, которыя я (говоритъ Промоли) знаю, Айны наиболѣе приближаются къ Европейцамъ, и мнѣ попадались индивидуумы, которые, если бы ихъ одѣть по Европейски, едва ли бы обратили у насъ на себя вниманіе. Черепъ айновъ вообще пред-

ставляетъ широкій, выпуклый лобъ, который не очень покатъ къзади; лице не имѣетъ ни выдающихся скулъ, ни косо-прорѣзанныхъ глазъ. Носъ правда широкъ, но не плосокъ и не вдавленъ, какъ у Негровъ, а ширина его обуславливается шириной носовыхъ крыльевъ, конца носа и величиной ноздрей». *) Большая часть присланныхъ въ Европу фотографическихъ портретовъ айновъ (отчасти приложенныхъ, въ видѣ литографій, къ различнымъ этнографическимъ журналамъ), вполне подтверждаютъ такой благопріятный для физиономій этого племени отзывъ. Судя по этимъ фотографіямъ, типъ айновъ не многимъ разнится отъ Европейскаго, и въ особенности близокъ къ русскому, — фактъ, который поразилъ одинаково какъ нѣкоторыхъ западныхъ путешественниковъ и ученыхъ (напр. Жильоли, Бикмора), такъ и русскихъ (напр. Головнина, Венюкова, Брылкина), и съ которымъ соглашаются отчасти даже и Япон-

*) См. St. John l. c. стр. 248; Promoli l. c. стр. 19. — Въ описаніи путешествія Комм. Перри говорится, что Айны имѣютъ «черты лица пропорціональныя, выразительныя». По словамъ Лейт. Габершамъ, нѣкоторые Айны имѣютъ черты лица не только правильныя, но даже тонкія и благородныя («some even noble»). — Отзывъ Римскаго-Корсакова см. выше стр. 111 Крузенштернъ довольствуется замѣчаніемъ, что «черты лица айновъ правильнѣе чѣмъ у Камчадаловъ», что подтверждаютъ также Крашенинниковъ и Полонскій. Первый говоритъ, что «Курильскій народъ лицомъ кругловатъ, ... но гораздо пригоже другихъ народовъ», а второй, описывая мохнатыхъ Курильцевъ, замѣчаетъ, что они «имѣли болѣе правильный, чѣмъ у Камчадаловъ обликъ лица, которое было не такъ плоско и иногда круглое и правильное, между женщинами попадались довольно красивыя, впрочемъ глаза у большей части были косвенныя». Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ по острову Иессо, Риттеръ — говоритъ, что «черты лица айновъ, довольно грубоватыя, въ общемъ — не дурны и иногда могутъ быть названы даже красивыми; онѣ положительно представляютъ большее сходство съ чертами Кавказской расы, чѣмъ съ Японскими, тѣмъ болѣе что и глаза ихъ прорѣзаны прямо, а не косвенно, какъ по большей части у Японцевъ и Китайцевъ... Впрочемъ, прибавляетъ Риттеръ, пріятное впечатлѣніе, которое производятъ мужчины — Айны, зависитъ можетъ быть въ значительной мѣрѣ отъ ихъ густыхъ окладистыхъ бородъ». По словамъ Дюшатъ, хотя лобъ айновъ мало развитъ, но глаза хорошо прорѣзаны и носъ рѣзко обозначенъ; нѣкоторые впрочемъ имѣютъ выдающіяся скулы, какъ китайцы. Изъ русскихъ путешественниковъ приведемъ еще отзывъ Брылкина: «небольшіе нѣсколько косо лежащіе глаза, немного выдавшіяся скулы и толстыя губы напоминаютъ нѣсколько тунгузскій типъ; но это сходство разрушаютъ круглыя, соразмѣрные, съ выдавшимся переносиемъ носы, часто совершенно правильныя и красивыя, и густыя черныя бороды и усы, которые, какъ справедливо замѣтилъ Головинъ, дѣлаютъ ихъ (айновъ) очень похожими на русскихъ крестьянъ».

цы *). Другіе наблюдатели выражаются однако далеко не столь резко въ пользу айнского племени: Такъ уже спутникъ Лаперуза, Ролленъ, замѣчаетъ, что хотя фizioноміи айновъ довольно оживлены и пріятны, однако «отдѣльныя черты лица вообще не могутъ назваться въ европейскомъ смыслѣ правильными: всѣ имѣютъ толстыя щеки, и короткій, округленный носъ съ очень толстыми носовыми крыльями» **).

Съ другой стороны еще Броутонъ замѣтилъ, что между айскими фizioноміями, вообще довольно правильными и выразительными, «попадались иногда и такія, которыя напоминали китайскій типъ». По словамъ Брандта, черты лица айновъ, хотя въ общемъ довольно пріятны и добродушны, но губы нѣсколько вздуты, и вообще фizioноміи напоминаютъ портреты нѣкоторыхъ островитянъ южнаго моря, а отчасти также нѣкоторыхъ Индійскихъ племенъ напр. Сошоновъ(?). По Лопатину, «айны по облику лица болѣе подходятъ къ японцамъ, чѣмъ къ Гилякамъ и другимъ народамъ Тунгусскаго племени(?)»; по Августиновичу—«племя Айновъ чисто Монгольскаго типа»; по Добровольскому, Айновъ нужно отнести къ «брахицефалическимъ прогнатамъ»: «глазная щель у нихъ косовата, губы толстыя»... Другіе наблюдатели, признавая, что мужской типъ айновъ представляетъ много общаго съ Европейскимъ, замѣчаютъ однако, что женщины имѣютъ гораздо менѣе красивый и болѣе грубый типъ, часто съ ясно выраженными Монгольскими чертами лица. Это было высказано именно Крузенштерномъ, Риттеромъ, Дюшатѣ (женщины «имѣ-

ютъ часто приплюснутый носъ и необыкновенно большой ротъ»),—Римскимъ-Корсаковымъ, Рудановскимъ и др. *). Въ новѣйшее время, наконецъ, Дѣницъ и Гильгендорфъ, изслѣдовавъ внимательно фizioноміи пяти молодыхъ айновъ, нашли, что онѣ не имѣютъ ничего общаго съ европейскимъ типомъ, а скорѣе—по плоскости лица, ширинѣ носа и выдающимся скуламъ—подходить къ японскимъ. Произведя надъ лицомъ этимъ пяти айновъ рядъ измѣреній, они нашли напримѣръ, что корень носа былъ возвышенъ въ данномъ случаѣ надъ линіей, соединяющей оба внутренніе угла глазъ, среднимъ числомъ на 11, 3 мм., тогда какъ у Европейцевъ—среднимъ числомъ на 17 мм. Наоборотъ, разстояніе между внутренними углами глазъ, или ширина переносицы, которое у Европейцевъ равно 30—34 мм., здѣсь, у Айновъ, доходило до 40, а среднимъ числомъ было равно 36,5 мм., т. е. представляла цифру, совершенно одинаковую съ той, которая была выведена Вейсбахомъ, какъ средняя для Китайцевъ. Приэтомъ ноздри были замѣтно шире, чѣмъ у Европейцевъ, а конецъ носа нѣсколько приплюснутъ и округленъ. У всѣхъ пяти айновъ замѣчалась кромѣ того явственно выраженная складка верхняго вѣка, хотя правда и не на столько развитая, какъ напр. часто у Японцевъ. Далѣе, у всѣхъ примѣтенъ былъ умѣренный прогнатизмъ, вздутыя губы, плоское, угловатое лицо съ выдающимися скулами. У одного, правда, скулы выдавались менѣе резко, но за то абсолютная ширина между скулами была всѣхъ больше и равнялась 149 мм; средняя же ширина была 141 мм. (у Китайцевъ по Вейсбаху 144 мм.). Вообще, замѣчаетъ Дѣницъ, фizioноміи изслѣдованныхъ имъ пяти айновъ представляли всѣ существенныя особенности монгольскаго типа, и не болѣе отличались отъ японскихъ, чѣмъ напр. фizioноміи романскихъ народовъ отъ германскихъ.

Сопоставляя эти выводы съ отзывами другихъ наблюдателей, мы можемъ, повидимому, заключить, что рядомъ съ типомъ болѣе красивымъ, съ болѣе правильными, почти кавказскими чертами лица, рас-

*) Венюковъ замѣчаетъ (См. его «Обозрѣніе Японскаго Архипелага» вып. I. 1871 г. стр. 67), что, «тѣ фотографическія изображенія, которыя сдѣланы въ Хакодате, показываютъ разительное сходство типа айновъ съ типомъ нашихъ крестьянъ изъ верхневожскихъ губерній, за исключеніемъ впрочемъ цвѣта волосъ и кожи.» Де-Росси сообщаетъ, что одинъ образованный японецъ, посѣтившій Россію, послѣ того какъ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ на Иesso, говорилъ ему, что ему случалось встрѣчать въ Москвѣ типы, которые поразительно напоминали ему нѣкоторые типы Айновъ.—Портреты айновъ Иesso приложены при статьяхъ Сенъ-Джона, Брандта и Де-Росси, см. выше—Библиографію.

**) Впрочемъ, Ролленъ прибавляетъ, что видѣнные имъ айны имѣли «живые, хорошо прорѣзанные, средней величины глаза и умѣренный ротъ съ нетолстыми губами». Напротивъ, описывая въ другомъ мѣстѣ тунгусское племя Орочей съ монгольскими чертами лица, онъ говоритъ, что глаза ихъ такъ малы и вѣки такъ плохо прорѣзаны «qu'elles brident aux deux angles lorsqu'elles sont ouvertes», что губы у нихъ толстыя, щеки вздуты, а носъ короткий и настолько малъ, что онъ—«à peine sensible à sa racine».

*) По словамъ Рудановскаго, «распушенные волосы хотя и много скрываютъ женщинъ, но толстыя губы, окрашенные синей краской, какъ это водится обыкновенно у замужнихъ, и широкія скулы производить не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе» И. А. Лопатинъ, на мой вопросъ о типѣ женщинъ, отвѣчалъ мнѣ, между прочимъ, что съ тѣмъ, что женщины сохранили болѣе монгольскій типъ, чѣмъ мужчины, онъ согласенъ. Нѣкоторые путешественники замѣчали подобное же и у другихъ народовъ монгольскаго моря.

пространств у айновъ и другой типъ — болѣе, если можно такъ выразиться, монголо-образный. Эта двойственность типа и принимается дѣйствительно нѣкоторыми этнографами, какъ напр. Де-Росни, который (на основаніи, какъ онъ говоритъ, многихъ полученныхъ имъ свѣдѣній, и просмотра довольно многочисленныхъ фотографическихъ портретовъ) — заключаетъ, что у Айновъ существуетъ по крайней мѣрѣ два, рѣзко отличныхъ типа. Одинъ изъ нихъ можетъ быть названъ брахицефальнымъ и характеризуется низкимъ, мало развитымъ лбомъ, круглыми(?) и маленькими глазами съ толстыми(?) вѣками, — широкими скулами, толстымъ, но мало выдающимся, иногда даже приплюснутымъ носомъ, широкимъ ртомъ, отвороченными, красноватыми губами, и малымъ приземистымъ ростомъ, рѣдко достигающимъ 1,600 мм.; — другой типъ — долихоцефальный, съ широкимъ и высокимъ лбомъ, съ овальными, часто миндалевидными глазами, но безъ косаго верхняго вѣка, съ развитымъ, явственно выдающимся и тонкимъ на концѣ носомъ, умѣренными ноздрями, средней величины ртомъ, тонкими, розоватыми губами, и ростомъ отъ 1600 до 1720 мм. — Де-Росни не указываетъ, который изъ этихъ типовъ можетъ считаться наиболѣе распространеннымъ, но, судя по тому, что монголоидный типъ встрѣчается по преимуществу у женщинъ (элемента консервативнаго, какъ принимаютъ многіе этнологи) и молодыхъ особей (Дѣнпцъ), можно было бы признать его за первичный, за основной, а типъ «долихоцефальный» — за т. сказ. вторичный, видоизмѣненный, обособившійся и сложившійся позднѣе. Однако, данныя, имѣющіяся для такого заключенія, еще слишкомъ шатки и недостаточны, а можно привести и такія, которыя говорятъ скорѣе въ пользу обратнаго заключенія. Обращаясь снова къ прямымъ свидѣтельствамъ, мы позволимъ остановиться еще на имѣвшемся у насъ въ распоряженіи большой коллекціи фотографическихъ портретовъ айновъ, снятыхъ на островѣ Сахалинѣ г. Гарезинымъ. Болѣе удачны и характеристичны изъ нихъ представлены нами на двухъ литографированныхъ таблицахъ, приложенныхъ къ настоящему изслѣдованію. Просматривая ихъ, можно видѣть, что, въ общемъ, физіономіи айновъ-мущинъ отнюдь не напоминаютъ истыхъ монголовъ, а многія, дѣйствительно, скорѣе могутъ быть приняты за русскія, принадлежащія лицамъ крестьянскаго или духовнаго сословія. У нѣкоторыхъ, правда, монголоидные признаки выражены рѣзче, какъ напр. у физіономій № 4 и № 9, (молодой человѣкъ)

на первой таблицѣ, но за то другія — значительно (судя по фотографіямъ) приближаются къ нѣкоторымъ русскимъ типамъ *). Большинство физіономій, впрочемъ, представляютъ грубыя и угловатыя черты: толстыя губы и носы, нѣсколько выдающіяся скулы, низкіе лбы, плоское темя и иногда явственно замѣтную складку верхняго вѣка.

Что касается женщинъ, то физіономіи ихъ, повидимому, болѣе оригинальны, и хотя также не могутъ быть названы, строго говоря, Монгольскими, но однако выказываютъ уже рѣзче нѣкоторыя особенности послѣднихъ, и въ особенности напоминаютъ типы нѣкоторыхъ народовъ сѣверо-восточной Азіи и сѣверо-западной Америки, — народовъ, причисляемыхъ болѣею частью къ особой, такъ наз. Гиперборейской или Арктической расѣ.

Волоса. Большинство путешественниковъ, имѣвшихъ случай видѣть Айновъ, описываютъ ихъ какъ народъ, рѣзко отличный отъ окружающихъ по всей волосатости. Такъ выражаются уже, какъ мы видѣли, Фроесъ (*toto hirti corpore*), Голландскіе путешественники XVII вѣка,

*) Изъ прочихъ портретовъ (не изображенныхъ на таблицахъ и менѣе удачныхъ) два подходятъ къ типамъ №№ 2 и 5 на 1-ой таблицѣ, только черты лица ихъ правильнѣе и, если можно такъ выразиться, болѣе европеизированы; два — изображаютъ одного молодого человѣка (*en face* и въ профиль) съ довольно правильными, нѣсколько болѣзненными чертами лица и съ только что начинающимися пробиваться усами и бородой; одинъ, наконецъ, представляетъ юношу безъ усовъ и безъ бороды, съ довольно глуповатымъ выраженіемъ одутловаго лица (выпученными глазами и оскаленными зубами) и съ явственно выраженной косоватостью глазъ (складкой верхняго вѣка). Двѣ фотографіи изображаютъ одного нагого юношу во весь ростъ (*en face* и въ профиль) съ короткой шеей, сутуловатаго, довольно широкаго въ плечахъ, съ развитыми мышцами рукъ и ногъ (пиръ), и два — такого же мальчика, довольно несладко сложеннаго, съ выдающимся брюхомъ, вогнутой спиной, короткой шеей и большими ступнями. Всѣ эти фотографіи однако вышли весьма плохо и неясно. Изъ фотографій, полученныхъ отъ И. А. Лопатина, нѣкоторыя представляютъ тѣ же типы, что и въ коллекціи, присланной г. Гарезинымъ (которымъ всѣ эти фотографіи и были сдѣланы); изъ новыхъ же, одна — изображаетъ пожилую аниму, типа сходнаго съ № 8 на нашей 2-ой таблицѣ, только постарше; другая (плохо удавшаяся) трехъ анимскихъ дѣтей (у одного — явственно монгольская физіономія); третья — группу изъ трехъ айновъ, въ томъ числѣ одинъ совершенно дряхлый старикъ. — Всѣ эти фотографіи были сняты г. Гарезинымъ въ постѣ Найбучи (въ 1868 г.?) и изображаютъ, болѣею частью, айновъ изъ сел. Сусунай. — Прибавимъ еще, что типъ № 8 на нашей первой таблицѣ замѣтно отличается отъ прочихъ — меньшимъ развитіемъ бороды и болѣе удлиненнымъ и правильнымъ лицомъ.

Брунтонъ, Шпанбергъ, русскіе казаки (прозваніе Курильцевъ—«мохнатыми»), Крашенинниковъ, Головинъ и пр. По словамъ другихъ наблюдателей, однако, волосатость Айновъ не превосходитъ той степени ея, которая встрѣчается довольно часто и у Европейцевъ. Такъ, изъ старинныхъ путешественниковъ, миссіонеръ Де-Анжелисъ совсѣмъ не упоминаетъ о волосатости жителей Иессо; Лаперузъ говоритъ, что подобныхъ волосатыхъ людей можно встрѣтить не рѣдко и между Европейцами; Крузенштернъ даже положительно опровергаетъ, какъ мы видѣли, рассказы о чрезмѣрномъ ростѣ волосъ у Айновъ. Изъ новѣйшихъ наблюдателей, по словамъ Гейне, многіе Европейскіе матросы имѣютъ болѣе волосъ на тѣлѣ, чѣмъ Айны; лейт. Габершамъ сообщаетъ, что для того чтобы убѣдиться въ силѣ роста волосъ у этого племени, онъ осмотрѣлъ однажды тѣло самого бородатого Айна, и нашелъ, что за исключеніемъ двухъ волосяныхъ подушекъ на лопаткахъ (явленіе, какъ оказалось послѣ, исключительное) Аинецъ этотъ имѣлъ не болѣе волосъ на тѣлѣ, какъ и нѣкоторые изъ матросовъ. Подобнымъ же образомъ, по словамъ Брандта, Айны о—ва Иессо, хотя и имѣютъ часто грудь, руки и ноги, покрытыя довольно густо волосами, однако не болѣе, чѣмъ это встрѣчается нерѣдко у Европейцевъ; тоже говоритъ и Промоли, хотя замѣчаетъ, что иногда попадались ему особи, у которыхъ волосы росли даже вдоль спины; но такіе, какъ онъ выражается, уже и между самими Аинами—*«mit einer gewissen Ostentation gezeigt wurden»*. Изъ другихъ наблюдателей—Бикморъ, Форбсъ, Вудъ упоминаютъ только въ общихъ выраженіяхъ объ «изобильномъ» ростѣ волосъ у Айновъ; Дюшато сообщаетъ, что нѣкоторые имѣютъ всю грудь, покрытую длинными волосами, достигающими иногда до 17 сантим.; Сень-Джонъ говоритъ, что грудь, руки и ноги Айновъ Иессо обыкновенно бываютъ покрыты довольно густо волосами, что, въ меньшей степени, онъ могъ замѣтить иногда даже на дѣтяхъ. Хотя Сень-Джонъ и соглашается, что подобный ростъ волосъ можно встрѣтить изрѣдка и у особей другихъ племенъ, но у Айновъ—говоритъ онъ—труднѣе встрѣтить такого, который бы не былъ волосатъ *). По Голланду, «тѣло Айновъ покрыто густыми, грубыми волосами, придающими ему

болѣе темный цвѣтъ, чѣмъ если бы ихъ не было; обыкновенно волосы покрываютъ въ изобиліи грудь, руки и ноги ниже колѣнъ, но у нѣкоторыхъ (говоритъ онъ) я видѣлъ, что они росли также вдоль спины». По Риттеру, ростъ волосъ по тѣлу у Айновъ—бываетъ неодинаковъ, смотря по особямъ; у нѣкоторыхъ, особенно у стариковъ, ему приходилось видѣть ихъ на груди и плечахъ въ болѣе большомъ количествѣ, чѣмъ онъ когда либо встрѣчалъ у Европейцевъ. «Это же различіе въ степени волосатости, смотря по особямъ, принимаетъ также и Де-Росни, допускающій вообще, какъ мы уже видѣли, двойственность типа Аинскаго племени. Изъ русскихъ наблюдателей,—Добровольскій, Рудановскій, Лопатинъ не говорятъ ничего, или упоминаютъ только вскользь,—о волосатости тѣла Айновъ; Брылкинъ же говоритъ, что «у мужчинъ такъ сильно развита растительность, что въ зрѣломъ возрастѣ грудь, животъ, руки и ноги обыкновенно бываютъ покрыты густыми волосами».

Въ новѣйшее время, наконецъ, Деницъ и Гильгендорфъ, осмотрѣвъ пять молодыхъ Айновъ, нашли, что у одного тѣло было мало волосато, у двухъ—волосатость была средняя, болѣе на голеняхъ, и наконецъ у двухъ—она развита была сильно. Всего гуще волосы росли по срединѣ груди и по средней линіи живота, а затѣмъ на задіи шеи. Тутъ они отличались жесткостью, были слегка изогнуты и располагались правильными рядами. Волоса на груди имѣли около 36 мм. длины и на одномъ квадр. сантиметрѣ ихъ приходилось среднимъ числомъ по 24. Все остальное туловище, также какъ и руки, не исключая лопатокъ, было равномерно покрыто короткими, тонкими, отдѣльно стоящими волосками, которыя, по причинѣ ихъ темнаго цвѣта, были явственно замѣтны даже на нѣкоторомъ разстояніи. На спинѣ можно было насчитать ихъ по 20—на одномъ квадр. сантим.; они имѣли тутъ около 8 мм. въ длину и до 0,05 мм. въ діаметрѣ; діаметръ же грудныхъ волосъ простирался до 0,10 мм.—Что касается женщинъ, то, на сколько о томъ можно судить по существующимъ свѣдѣніямъ—волосатость ихъ тѣла ни чѣмъ повидимому не отличается отъ обыкновенной.

Всѣ волосы Айновъ вообще прямые, жесткіе и черные, что особенно замѣтно на волосахъ головы, гдѣ они обыкновенно (по Добровольскому)—цвѣта «ворона крыла», лоснящіеся, съ синеватымъ оттѣнкомъ. Большей частью, мужчины—Айны коротко подстригаютъ ихъ, или брѣютъ на лбу и темени, а на затылкѣ отпуска-

*) На Японскихъ рисункахъ, приведенныхъ у Зибольда, Айны представлены съ густыми черными бородами и съ явственно замѣтными волосами на груди, рукахъ и ногахъ.

ють косами, или подстригаютъ въ кружокъ; въ другихъ мѣстностяхъ однако (судя по нѣкоторымъ описаніямъ и изображеніямъ), Айны стригутся и брѣются иначе. Женщины носятъ обыкновенно свои густые волосы длинными до плечъ, подстригая ихъ въ кружокъ; но на Иессо нѣкоторые носили ихъ (по Броутону) весьма короткими и подстриженными кругомъ головы пальца на три; въ настоящее время, по словамъ Голланда, многія носятъ ихъ также раздѣлая въ двѣ косы и т. д. вообще повидимому различно, смотря по мѣстностямъ.

Въ зрѣломъ возрастѣ почти всѣ Айны-мужчины имѣютъ густыя брови, иногда сросшіяся на переноси и носятъ длинныя бороды и усы, которые много красятъ ихъ и придаютъ имъ часто мужественный и почтительный видъ. По словамъ Де-Анжелисъ, Дюшато и др. бороды Айновъ достигаютъ часто до середины туловища и имѣютъ до 50 сантим. длины; но по наблюденіямъ Габершама такая длина встрѣчается рѣдко, а обыкновенно—не болѣе 5—6 дюймовъ. Въ противоположность волосамъ головы, почти безъ исключенія прямымъ и чернымъ, — въ бородахъ встрѣчается иногда каштановый и рыжеватый оттѣнокъ, и вообще борода на половину курчавѣ головныхъ волосъ. На Сахалинѣ, по словамъ Добротворскаго, Айны въ верхней части бакенбардъ пробиваютъ узенькую полоску, такъ что образуется у ушей два клочка волосъ, которые и называются «ножками бороды», *texkema*. — Усы носятъ также длинными и часто закрываютъ ротъ. При питіи, Айны, чтобы не замочить ихъ, приподымаютъ особой палочкой или лопаточкой, называемой *икупиш* (по Добротворскому), или *икубаши* (по Риттеру и Голланду). Палочка эта — плоская, на переди заостренная, болѣею частью съ рѣзными украшеніями, и иногда съ фигуркой. Этой же палочкой, Айны, передъ питіемъ водки (саки) брызгаютъ по нѣсколько капель ея въ разныя стороны, какъ бы принося тѣмъ жертву невидимымъ духамъ.

Относительно волосъ слѣдуетъ еще замѣтить, что по наблюденіямъ Гильгендорфа *) густота ихъ (опредѣляемая числомъ отдѣльныхъ волосъ на извѣстномъ пространствѣ головной поверхности) — можетъ быть названа умѣренной, такъ какъ на 1 кв. сант. метрѣ ихъ приходится не болѣе 214, (между тѣмъ;

какъ у одного Японца было найдено на таковомъ же пространствѣ—286, у другаго — 252, у одного Нѣмца съ темными и довольно грубыми волосами—272 и т. д.). Не смотря однако на такое относительно малое число волосъ, объемъ ихъ довольно значителенъ, что прямо указываетъ на сравнительно большой діаметръ отдѣльныхъ волосяныхъ цилиндровъ. Дѣйствительно, діаметръ болѣе толстыхъ волосъ у Айновъ рѣдко бываетъ, по Гильгендорфу, менѣе $\frac{1}{10}$ мм., а часто достигаетъ $\frac{1}{8}$ мм. (0,125), что уже можетъ считаться цифрой довольно значительной. При этомъ, производя поперечные разрѣзы, Гильгендорфъ убѣдился, что отдѣльные волосы не вполне круглы, а нѣсколько сплюснуты, такъ что иногда меньшій діаметръ относится къ большому какъ 2: 3 и даже болѣе. Такіе сплюснутые волосы свойственны, какъ извѣстно, по преимуществу, курчавымъ или шерстеволосымъ расамъ, причемъ обыкновенно думаютъ, что курчавость и зависитъ главнымъ образомъ отъ сплюснутой формы волосъ; но въ данномъ случаѣ волосы были почти совершенно прямые, а тѣмъ не менѣе, по Гильгендорфу, явственно сплюснутые. Подобное же Гильгендорфъ нашелъ и у Японцевъ, которые также, по его словамъ, имѣютъ болѣею частью сплюснутые волосы, и притомъ безъ всякаго соотвѣтствія съ ихъ прямизной или курчавостью *). Фактъ этотъ, на первый разъ кажущійся довольно страннымъ, не можетъ однако же считаться невѣроятнымъ или сомнительнымъ, послѣ того какъ сдѣлались извѣстны нѣкоторые факты, доказывающіе, что одинаково, прямые волосы могутъ представлять весьма различную степень сплюснутости, и курчавость волосъ повидимому обуславливается не одною только формою волосяныхъ цилиндровъ **).

*) Между Японцами, слѣдовательно, попадаются и курчавые волосы, — фактъ, который былъ замѣченъ еще Зибольдомъ (на о—въ Кіусіу) и подтвержденъ въ новѣйшее время Шерцеромъ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ Монике и Венюкова, курчавые и даже волнистые волосы встрѣчаются у Японцевъ довольно рѣдко.

**) Открытіе, что курчавость волосъ находится въ связи съ болѣею или меньшею сплюснутостью ихъ, т. е. съ болѣе удлиненнымъ, эллиптическимъ (а не круглымъ) поперечнымъ ихъ разрѣзомъ, было сдѣлано уже давно и приводится еще у Вебера (Meckel's Archiv 1827) и Геузингера (Histologie). Въ болѣе новѣйшее время, Прунеръ-Бей, рассмотрѣвъ подъ микроскопомъ образчики волосъ самыхъ различныхъ народовъ, нашелъ: 1) что чѣмъ сплюсненѣе волосъ, тѣмъ онъ болѣе закручивается, а чѣмъ онъ круглѣе, тѣмъ онъ прямѣе и глаже; 2) наиболѣе сплюснутые волосы встрѣчаются у Папуаевъ, Бушменовъ и Негровъ (вообще курчаво-волосыхъ расъ), а наиболѣе круглые и прямые—у Малайцевъ, Японцевъ, Американцевъ; Индо-Евро-

*) См. Hilgen dorf Bemerkungen über die Behaarung der Ainos, въ «Mittheil. der deutsch. Gesellsch. für Natur- und Völkerkunde Ostasiens.» 7 Heft. 1857. Jokothoma.

не менѣе, мы должны замѣтить, что тѣ образчики волосъ Айновъ, которые приходилось разсматривать намъ, и которые были добыты изъ одной старинной могилы, въ южной части о—ва Сахалина, имѣли почти совершенно круглый поперечный разрѣзъ, величина котораго не превосходила при томъ обыкновенный разрѣзъ русскаго волоса. Взятые въ массѣ, эти образчики волосъ представляли матово-черный, не очень впрочемъ густой цвѣтъ, съ легкимъ красновато-рыжеватымъ оттѣнкомъ *); въ числѣ отдѣльных волосъ было и нѣсколько съдыхъ. На нѣкоторыхъ разрѣзахъ, подъ микроскопомъ, можно было видѣть центральный каналъ, на другихъ нѣтъ; въ томъ случаѣ, когда онъ былъ видѣнъ, діаметръ его былъ довольно малъ и составлялъ не болѣе $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{11}$ діаметра волоса. Количество пигментныхъ зеренъ, особенно ближе къ окружности, было довольно значительно, но вообще волосы эти были замѣтно тоньше, мягче, блѣднѣе и рыжеѣ Японскихъ, одинъ образчикъ которыхъ (отъ живой особи) намъ приходилось также разсматривать. Эти послѣдніе отличались гораздо болѣе густымъ чернымъ цвѣтомъ и были замѣтно толще и жестче

нейскіе же народы занимаютъ въ этомъ отношеніи среднее положеніе; 3) микроскопическое изслѣдованіе волосъ имѣетъ несомнѣнное значеніе для антропологін, такъ какъ форма разрѣза выказываетъ у различныхъ расъ и даже племенъ—характеристическія особенности. Заключенія Прунеръ-Беза вызвали однако многія сомнѣнія и возраженія. Такъ, извѣстный зоологъ и скотоводъ Натусіусъ высказалъ убѣжденіе, что, по крайней мѣрѣ у овецъ, курчавость волосъ вовсе не находится въ соотвѣтствіи съ формою разрѣза, а скорѣе зависитъ отъ формы и положенія его корня,—волосяного мѣшка. Натусіусъ имѣлъ возможность изслѣдовать также весьма курчавыя волосы одной дѣвушки Капринки и нашелъ, что сплюснутость ихъ не превышала сплюснутости прямыхъ волосъ Европейцевъ. Съ другой стороны, Goette убѣдился, что иногда встрѣчаются совершенно прямые волосы, а между тѣмъ—явственно сплюснутые,—фактъ, который былъ замѣченъ еще ранѣе Веберомъ. Да наконецъ и данныя, приведенныя самимъ Прунеръ-Беземъ, показываютъ, что форма волосяного разрѣза представляетъ значительныя колебанія, не только у одного и того же племени, но даже и на головѣ одной и той-же особи. См. P u n e r - B e u Sur la chevelure comme caractéristique des races humaines, въ «Memoires de la Soc. d'Anthrop. de Paris», II. 1865; Nathusius. Sur la forme du cheveu considérée comme caractéristique des races humaines, въ «Bullet. de la Soc. d'Anthrop.» III. deux. serie P. 1868; Goette Zur Morphologie des Haares въ «Arch. für mikrosk. Anat.» IV; Gerland. Das Haar als ethnologischer Eintheilungsgrund въ его «Anthropol. Beiträge». II. 1875. I.

*) Этотъ рыжеватый оттѣнокъ могъ однако и не быть при жизни, такъ какъ, по словамъ Шагаузена, волосы могутъ порижѣть и отъ долгаго лежанія въ землѣ.

темныхъ волосъ Европейцевъ (Русскихъ), съ которыми мы имѣли возможность ихъ сравнивать *). Относительно головныхъ волосъ можно еще замѣтить, что по наблюденіямъ Добротворскаго, они легко выпадаютъ съ приближеніемъ старости, такъ что плѣшивые составляютъ у Айновъ довольно обыкновенное явленіе.

Цвѣтъ кожи. Почти всѣ наблюдатели приписываютъ Айнамъ темный или смуглый цвѣтъ кожи, хотя въ опредѣленіи оттѣнка его иногда и значительно расходятся между собою. Такъ, одни — называютъ его чернымъ, (Голланд. путеш. XVII в.), почти чернымъ, (Крузенштернъ), совершенно-темнымъ, (Hawks) и пр., другіе — бронзовымъ, (Брантъ) желтымъ, (Ролленъ) свѣтло-мѣднымъ, (cuivré clair—Броутонъ), красновато-мѣднымъ (Мермѣ), красновато-бронзовымъ (Бикморъ), грязновато-мѣднымъ (St. John), красноватымъ (Голландъ), и т. д. По словамъ Де-Анжелисъ, Айны скорѣе бѣлаго, нежели чернаго цвѣта; Ланерузъ сравниваетъ цвѣтъ ихъ кожи съ цвѣтомъ Алжирцевъ; Пемпелли говоритъ, что онъ нѣсколько темнѣе, чѣмъ у Японцевъ; Японцы изображаютъ его красноватымъ, краснѣе чѣмъ себя; Дюшатѣ называетъ его коричневымъ (brun),—того же оттѣнка, какъ у Сіамцевъ; русскіе—называютъ его обыкновенно смуглымъ. По Добротворскому, цвѣтъ кожи Сахалинскихъ Айновъ—«совершенно смуглый съ желтоватымъ оттѣнкомъ; у женщинъ, которыя большую часть жизни проводятъ въ юртахъ при крайне слабомъ освѣщеніи, цвѣтъ лица матово-желтый; краснощекая Аинка — большая рѣдкость». Что касается дѣтей, то цвѣтъ ихъ кожи повидимому свѣтлѣе, чѣмъ у взрослыхъ; это утверждаютъ по крайней мѣрѣ Сенъ-Джонъ и Пемпелли; но, по словамъ Брандта, старики имѣютъ болѣе свѣтлый, почти бѣлый цвѣтъ кожи, тогда какъ у молодыхъ—онъ бронзовый. — При опредѣленіи цвѣта кожи, слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что Айны живутъ весьма грязно и нисколько не заботятся о чистотѣ тѣла. По крайней мѣрѣ Сахалинскіе Айны, по словамъ Добротворскаго, никогда не умываются, «но изрѣдка вытираютъ лицо, или только одни глаза, мокрою и обыкно-

*) Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, чтобы волосы Японцевъ были всегда черны. По словамъ Монике, они иногда только кажутся такими отъ избытка натиранія маслами и помадами, на самомъ же дѣлѣ часто бываютъ темно-каштановыми, а у дѣтей — даже бѣлыми; иногда же въ нихъ (особенно при падающемъ солнечномъ свѣтѣ) явственно бываетъ замѣтенъ красноватый оттѣнокъ. См. Monike Die Japaner, стр. 28.

венно грязною тряпкою. Тѣло свое также не моютъ и почти никогда не купаются». — Впрочемъ, еще Ролленъ замѣтилъ, что несмотря на смуглость, цвѣтъ лица Айновъ способенъ передавать душевные оттѣнки, также какъ и у Европейцевъ. Этотъ же наблюдатель сообщаетъ, что ногти Айновъ, которые носятъ обыкновенно длинными, имѣютъ болѣе темный цвѣтъ, чѣмъ у Европейцевъ; Деницъ однако же называетъ ихъ розоватыми. По словамъ этого послѣдняго наблюдателя, бѣлокъ глазъ у Айновъ нѣсколько пигментированъ, особенно на развѣтленіяхъ кровеносныхъ сосудовъ, а губы имѣютъ свѣтло-розовый цвѣтъ съ легкою примѣсью пигмента.

Относительно кожи слѣдуетъ еще замѣтить, что цвѣтъ ея, на нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно на губахъ, подвергается у женскаго пола Айновъ искусственному измѣненію помощью татуировки. Такъ, по словамъ Добровскаго, на о-вѣ Сахалинѣ, «Аинки, начиная съ десяти лѣтъ, красятъ себѣ губы масляною сажею японскихъ котловъ, употребляемыхъ для вывариванія жира селетки. Для этого сначала дѣлаютъ насѣчки на губахъ. Губы послѣ намазыванія сильно болятъ и опухаютъ, такъ что Аинка часто не можетъ раскрыть рта и принуждена, въ продолженіи трехъ-четырехъ дней, питаться исключительно жидкою пищею черезъ трубочку. Красятся отъ одного до четырехъ разъ въ годъ, чѣмъ моложе тѣмъ чаще. Начинаютъ красить сначала средину верхней губы и затѣмъ переходятъ къ полной окраскѣ губъ. Старухи не красятъ, но отъ старыхъ, слабо-окрашенныхъ рубцовъ, губы ихъ принимаютъ свинцовый свѣтъ». Подобнаго же рода окраска губъ употребительна и на Иессо, гдѣ впрочемъ въ новѣйшее время обычай этотъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже начинаетъ выводиться. Тѣмъ не менѣе, еще и теперь можно часто встрѣтить тамъ женщинъ — какъ бы съ усами, т. е. съ татуированною и раскрашенною верхнею губою, а многія кромѣ того (именно на восточномъ берегу Иессо) татуируютъ себѣ также руки до локтя и тыльныя поверхности костей. Большею частью рисунокъ этихъ украшеній весьма простъ и представляетъ на губахъ полосы (ряды линій или точекъ), иногда простирающіяся отъ угловъ рта до ушныхъ мочекъ, а на рукахъ и кистяхъ — круги или кресты. Впрочемъ, по словамъ Голланда, эти знаки или рисунки варьируютъ въ подробностяхъ, смотря по мѣстностямъ, и каждая область острова (Иессо) имѣетъ (такъ рассказывали ему туземцы) свой особенный, отличительный узоръ. — Извѣстно, что татуированіе, въ умѣренной степени,

употребительно также, или по крайней мѣрѣ было употребительно еще недавно, — у большей части Тунгузскихъ племенъ а также и у Японцевъ (женщинъ).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Матеріалы для анатоміи (остеологіи) Айновъ.

Существующія по настоящее время свѣдѣнія объ анатоміи Айновъ весьма незначительны и ограничиваются только описаніями одного женскаго скелета и нѣсколькихъ череповъ, которыми мы обязаны гг. Бэскю, Бернару Дэвису, Вирхову и Деницу. Бэскъ описалъ и измѣрилъ одинъ Аинскій черепъ съ о-ва Иессо и представилъ для сравненія соотвѣтственный измѣренія одного Европейскаго черепа. Заключение, къ которому онъ пришелъ, состояло въ томъ, что оба эти черепа, какъ по своей величинѣ, такъ и по своему развитію въ длину, ширину и вышину, — почти не представляли никакого различія. Единственное отличіе, которое можно было замѣтить, заключалось только въ нѣсколько болѣе широкой скулъ Аинскаго черепа и въ болѣе выступаніи у него впереди Proc. jugularis затылочной кости (*greatly-advanced position of the jugular process of the occipital bone*). Показатель ширины этого черепа равнялся 70, показатель вышины 73°) — Берн. Дэвисъ сдѣлалъ описаніе одного женскаго скелета и трехъ мужскихъ череповъ Айновъ, которые были доставлены ему также съ о-ва Иессо. — Взявъ для сравненія описаніе и изобразженіе скелета Европейской женщины, находящаяся у Земмеринга въ его «*Tabula sceleti feminini*», скелетъ Австралійской женщины и — описаніе другаго женскаго Австралійскаго скелета, сдѣланное Еккеромъ**), — г. Дэвисъ нашелъ, что Аинскій скелетъ (принадлежавшій, повидимому молодой женщинѣ около 25 лѣтъ) представлялъ вообще болѣе грубое сложеніе (*runder conformation*) и болѣе сильное развитіе отдѣльныхъ костей, что особенно рѣзко бросалось въ глаза при сравненіи съ Австралійскими скелетами. Послѣдніе отличались замѣчательно тонкимъ и деликатнымъ сложеніемъ своихъ костей (именно длинныхъ костей конечностей), тогда какъ у скелета Аинки, онѣ замѣтно превосходили по своей толщинѣ соотвѣтственные кости Европейской

*) G. Busk Description of an Aino Skull, въ «*Trans. of the Ethnol. Soc. of Lond.*» N. S. v. IV. L. 1866, стр. 109 слѣд.

**) См. Ecker: Zur Kenntniss der Eingeborenen Südaustraliens въ «*Berichte über die Verhandlungen der naturforsch. Gesellschaft zu Freiburg in B.*» 1861. Bd. II. II. III.

женщины. Далѣ, г. Дэвисъ нашелъ, что черепъ этого скелета представлялъ овальную форму, неотличающуюся замѣтно отъ формы многихъ Европейскихъ череповъ, что лицевая часть его была нѣсколько прогнатна, а носовыя кости нѣсколько широки, что черепной сводъ—нѣсколько приплюснутъ, и затылочная область объемиста и выпукла. Полная длина монтированного скелета равнялась 1522 мм., длина позвоночнаго столба (до крестца)—546 мм.; между тѣмъ какъ у Австралійскихъ скелетовъ (нѣсколько меньшаго роста) эта послѣдняя равнялась 575 мм. Такимъ образомъ, позвоночный столбъ Аинскаго скелета повидимому короче, чѣмъ Австралійскихъ. Кромѣ того, позвоночный столбъ Аинки представлялъ еще ту особенность, что въ немъ было 11 позвонковъ, снабженныхъ ребрами, и 6 поясничныхъ,—аномалія, которая впрочемъ встрѣчается иногда и на Европейскихъ скелетахъ. —Тазъ Аинки отличался узостью, т. е. меньшимъ преобладаніемъ поперечнаго діаметра надъ сагитальнымъ, однако въ меньшей степени, чѣмъ у Австралійскихъ скелетовъ. Плечевыя кости были относительно длиннѣе, чѣмъ у Европейской женщины, (по короче, чѣмъ у Австралійскихъ) что, хотя въ меньшей степени, замѣчалось также и въ длинѣ всей верхней конечности; наоборотъ, бедра и берцовыя кости были относительно короче, въ особенности послѣднія, признакъ—указывающій на нѣсколько низшую организацію, даже въ сравненіи съ Австралійскими скелетами.

Что касается трехъ мужскихъ Аинскихъ череповъ, то Дэвисъ нашелъ, что вмѣстимость ихъ была довольно значительна, именно равнялась среднимъ числомъ—1470 куб. сант., что заставляетъ предположить (по его мнѣнію) средній вѣсъ мозга приблизительно въ 1300 граммовъ *). Показатели ширины этихъ череповъ равнялись 76, 77, 78; показатели вышины—76 и 69. По своей формѣ они были довольно сходны съ Европейскими и не представляли вовсе той ширины и приплюснутости въ лицевой и особенно носовой части, которая считается характеристическою принадлежностью Мон-

*) По мнѣнію Дэвиса цифра эта довольно значительна и превосходитъ среднюю цифру вѣса мозга у Азіатскихъ расъ, равнялась только той, которая была получена для Гималайскихъ племенъ, для Сіамцевъ, Китайцевъ и Бирманцевъ. Однако Дэвицъ, измѣривъ непосредственно 10 Японскихъ мозговъ, нашелъ, что средній вѣсъ ихъ равнялся 1337 грам., доходя до 1400, а у одного старика даже до 1566 граммовъ, см. Dönitz l. c. стр. 61—62.

гольского типа. Отличія, указанные Бёскомъ, здѣсь также были гораздо менѣе выражены, ширина скулъ не превосходила Европейскую, лобъ былъ настолько же высокъ и развитъ, подбородокъ—насколько же выдвинутъ и округленъ. Можно было замѣтить лишь нѣкоторое различіе въ большей величинѣ носовыхъ отростковъ верхнечелюстныхъ костей, и въ меньшемъ выступаніи болѣе узкихъ и длинныхъ костей носа. Но во всякомъ случаѣ, говоритъ Дэвисъ, черепа эти представляли значительно большее сходство съ Европейскими, чѣмъ черепа какихъ либо другихъ народовъ Восточной Азіи *).

При своей статьѣ, г. Дэвисъ приложилъ и изображеніе описаннаго имъ скелета, нарисованное рядомъ съ скелетомъ Австралійской женщины, а также рисунки двухъ череповъ (каждый въ трехъ положеніяхъ), сдѣланные съ фотографій. Скелетъ изображенъ en face, приблизительно въ $\frac{1}{4}$ —настоящей величины, такъ что многія подробности строения разобрать невозможно; черепа же представлены въ половинную величину въ профиль, и въ $\frac{1}{4}$ —съ прочихъ сторонъ, такъ что по изображеніямъ этимъ можно составить себѣ уже нѣсколько болѣе обстоятельное понятіе объ оригиналахъ. Разсматривая ихъ можно, однакоже придти къ заключенію, что въ дѣйствительности изображенные черепа должны представлять нѣсколько болѣе отличій отъ обыкновенныхъ Европейскихъ, чѣмъ это выражено въ описаніи: видно напр., что они прогнатны, косозубы, что полукруглыя височныя линіи поднимаются довольно высоко по своду черепа, верхняя челюсть отличается шириною, и пр.—замѣчаніе, которое было высказано между прочимъ и проф. Вирховымъ. —Послѣдній имѣлъ также возможность разсматривать одинъ Аинскій черепъ, присланный ему изъ Петербурга г. Пелиганомъ, который въ свою очередь получилъ его отъ г. Митцулля, русскаго флотскаго врача, нашедшаго его въ южной части о-ва Сахалина, на восточномъ берегу бухты Анива, близъ Аинскаго селенія Иноскитъ-ан-най-котанъ. —По словамъ Митцулля, черепъ этотъ былъ найденъ (вмѣстѣ съ скелетомъ) въ лѣсу, на обгорѣломъ послѣ лѣснаго пожара мѣстѣ, и принадлежалъ, какъ увѣряли его нѣкоторые, Аинцу, умершему только за два года предъ тѣмъ. —Какъ бы то ни было, только форма этого черепа, судя по сдѣланному Вирховымъ краткому его описанію и при-

*) J. B. Davis Description of the Skeleton of an Aino Woman etc. въ «Mem. of the Anthr. Soc. of Lon.» v. III. 1870 стр. 21 слѣд.

ложенному (довольно плохому) изображенію, мало представляет сходства съ черепами, описанными Дэвисомъ и Бёскомъ. Правда, показатель его ширины (79) и—вышины (76,6), также какъ и его вмѣстимость (1350 куб. сант.) довольно сходны, но за то, въ другихъ отношеніяхъ, черепъ этотъ представляетъ значительныя отличія. Его «массивность и ширина» говоритъ Вирховъ, «низкій и нѣсколько вдавленный носъ, низкія и нѣсколько косыя глазницы, довольно сильно выступающія скулы, широкая, выступающая впередъ верхняя челюсть—придаютъ ему несомнѣнно азіатскую, чтобы не сказать Монгольскую физіономію. Къ этому присоединяются еще нѣкоторыя другія особенности: во первыхъ, колоссальное развитіе мѣстъ прикрѣпленій мышцъ, въ особенности жевательныхъ, которыя идутъ много выше темяныхъ бугровъ и оставляютъ между собою только небольшое пространство на верхней поверхности черепного свода. Обѣ *lineae semicirculares* удалены одна отъ другой только на 105 милл. по вѣчному шву и—на 115 милл. на уровнѣ темяныхъ бугровъ (измѣряя по плоскости, т. е. лентою). — Затѣмъ, другая особенность замѣчается при взглядѣ спереди и въ профиль, на вершинѣ черепного свода (которая приходится здѣсь далеко напередѣ); она состоитъ именно въ присутствіи замѣчательнаго выступа, обусловленнаго сильнымъ утолщеніемъ кости на мѣстѣ бывшаго нѣкогда передняго родничка. Но что особенно обращаетъ здѣсь на себя вниманіе, такъ это развитіе верхней челюсти (нижней, къ сожалѣнію, не достаеетъ). Она представляетъ замѣтный прогнатизмъ, чему способствуетъ какъ массивность самой кости, такъ и величина алвеолъ ея рѣзцовъ и клыковъ. При взглядѣ снизу, можно видѣть, что ея зубная дуга весьма широка и описываетъ напередѣ почти сегментъ круга, какъ это замѣчается на черепахъ нѣкоторыхъ островитянъ южнаго океана(?). Кромѣ того, вдоль средней линіи костнаго неба, здѣсь находится сильное костное возвышеніе или валикъ». — На сколько эти особенности типичны или индивидуальны, Вирховъ конечно не находитъ возможнымъ рѣшить; хотя и думаетъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. упомянутыя гиперостозы принадлежатъ къ числу послѣднихъ. Впрочемъ, онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что приложенныя къ статкѣ г. Дэвиса изображенія, представляютъ во всякомъ случаѣ болѣе сходства съ Сахалинскимъ черепомъ, нежели его описанія, — именно что касается до развитія челюсти и формы черепного свода, — и что поэтому,

нужно предоставить дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ опредѣленіе тѣхъ особенностей, которыя дѣйствительно типичны для черепа этого племени *).

Въ повѣйшее время, наконецъ, одинъ аинскій черепъ былъ еще описанъ и изображенъ Дёницемъ. Черепъ этотъ, принадлежавшій несомнѣнно старой особи мужскаго пола, представляетъ, по словамъ Дёница, явственныя признаки монгольскаго типа, выражающіеся, во 1), въ значительной ширинѣ скулъ; 2) въ расхожденіи книзу *laminae parietales* рѣшетчатой кости, — вслѣдствіе чего, также какъ и вслѣдствіе косвеннаго наклона глазничныхъ поверхностей верхнечелюстныхъ костей, внутреннія нижнія грани глазничныхъ пирамидъ являются весьма слабо выраженными, и даже не замѣтными; 3) въ ширинѣ переносы, которая (именно въ носовой части лобной кости, выше уровня слѣзныхъ) равняется 3 сантиметрамъ, — цифра, которую рѣдко можно встрѣтить даже у Японцевъ, и наконецъ въ 4) въ положеніи слѣзныхъ каналцевъ, входы въ которые отодвинуты впередъ, такъ что сверху можно удобно видѣть черезъ нихъ дно носовой полости, — особенность, свойственная также, какъ показала д-ръ Мюллеръ, Японцамъ, и имѣющая даже нѣкоторое практическое (именно хирургическое) значеніе **).

Далѣе, можно было замѣтить, что черепъ этотъ былъ прогнатенъ, — что *fossae caninae* на немъ были выражены слабо, что черепной сводъ былъ приплюснутъ, а лобъ довольно плоскій, именно въ поперечномъ направленіи, и покатый взадъ. Изъ скуловыхъ костей лѣвая представляла *spinam zygomaticam* и—(описанную Гильгендорфомъ у Японцевъ)— *os zygomaticum duplex*.

Верхняя часть *partis mastoideae* височной кости была отдѣлена на обоихъ сторонахъ въ особую Ворміеву кос-

*) Virchow. Ueber einen Aino-Schädel, въ «Zeitschr. für Ethnol.» Sitzungsberichte. 1873 стр. 121. слѣд.

**) Докторъ Мюллеръ (см. его замѣтку «Der Thraenencanal der Japaner» въ «Mittheil. der deutsch. Gesellsch. für Natur und Völkerkunde Ostasien's» 5 H. Juli 1874), во время своей медицинской практики въ Теддо, былъ очень удивленъ, встрѣчая чрезвычайно малое число случаевъ болѣзни слѣзнаго мѣшечка и слѣзнаго канала, между тѣмъ какъ вообще воспалительныя и катаральныя страданія глазъ и слизистой оболочки носа принадлежали къ числу весьма обыкновенныхъ явленій. Позже, на трупахъ, онъ убѣдился, что это зависѣло, въ значительной степени, отъ большей ширины и болѣе вертикальнаго положенія слѣзныхъ каналцевъ, вслѣдствіе чего отдѣленіе желѣзъ могло стекать легче, и стеканіе это менѣе затруднялось припуханіемъ слизистой оболочки и суженіемъ отверстія.

точку. Горизонтальные пластинки небных костей отличались длиною и имѣли по средней линіи, спереди назадъ, 2,1 сант. Наибольшая ширина хоанъ равнялась 3,2 сант. — *Planum temporale* было значительной величины и полукружныя височныя линіи проходили выше темянныхъ бугровъ. Показатель ширины этого черепа = 77,9, показатель вышины — 71,8, вместительность — 1475 куб. сант. *).

Приведенныя замѣтки исчерпываютъ собою все свѣденія, которыя мы имѣемъ объ анатоміи (спеціально остеологіи) Айновъ, — свѣденія, какъ видно, весьма ограниченныя и всякое прибавленіе къ которымъ не можетъ быть поэтому названо лишнимъ. Поэтому я былъ весьма доволенъ, когда случай далъ мнѣ возможность получить для разсмотрѣнія два скелета, и еще одинъ неполный черепъ Айновъ, присланные Обществу Любителей Естествознанія въ 1870 г. съ острова Сахалина.

Конечно, прежде всего, во мнѣ родился вопросъ, принадлежатъ ли эти скелеты дѣйствительно Айнамъ и какія имѣются данныя, несомнѣнно доказывающія — ихъ автентичность? Что они были присланы съ острова Сахалина, это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію; но вѣдь мы знаемъ, что кромѣ Айновъ, на Сахалинѣ живутъ еще: Гиляки, Ороки, Японцы, Русскіе, а въ новѣйшее время къ нимъ прибавились еще Китайцы, разные Сибирскіе инородцы и ссыльно-каторжные изъ различныхъ частей Имперіи, не считая Маньчжуръ, Мангунцевъ и др., посѣщавшихъ еще недавно, а можетъ быть посѣщающихъ и теперь, Сахалинъ временно, для торговли **).

Не смотря однакоже на такую пеструю смѣсь народностей, существуютъ однакоже многія основанія для того, чтобы признать эти кости принадлежавшими именно Айнамъ. Во 1), въ пользу этого говорить увѣреніе самого лица, нашедшаго и приславшаго ихъ, поручика Н. Гарезина, равно какъ и свидѣтельство командовавшаго отрядомъ на островѣ Сахалинѣ, Войсковаго старшины Сверкова. Лица эти очевидно имѣ-

ли извѣстныя причины для того, чтобы считать эти кости принадлежавшими именно Айнамъ; 2) тѣмъ же лицомъ, г. Гарезинымъ (нынѣ къ сожалѣнію умершимъ), была прислана въ Общество, нѣсколько ранѣе, и упомянутая выше коллекція фотографическихъ портретовъ, принадлежащихъ несомнѣнно Айнамъ; 3) скелеты эти, какъ мы увидимъ далѣе, довольно древніе, т. е. находились въ землѣ довольно долгое время, а между тѣмъ, какъ извѣстно, китайцы, ссыльно-каторжные, разные Сибирскіе инородцы (Якуты и др.) появились на Сахалинѣ въ самое послѣднее время, русскіе только съ 1853 г., Японцы (и то на самой южной оконечности острова) — съ конца прошлаго столѣтія. 4) скелеты были присланы изъ Муравьевскаго поста, находящагося въ самой южной части острова, въ бухтѣ Анива, хотя изъ словъ Гарезина видно, что они найдены были нѣсколько сѣвернѣе, въ мѣстности, откуда нѣкоторое время не было возможности доставить ихъ въ Россію, и по всей вѣроятности около поста Найбучи, гдѣ была снята имъ и большая часть фотографическихъ портретовъ. Но мы знаемъ, что все русскіе военные посты въ южной части Сахалина, какъ-то: постъ Корсакова, Кусунай, Такой, Найбучи, Мануэ, Тарайка — находятся въ области, занятой племенемъ Айновъ, такъ какъ племена Гиляковъ и Ороковъ живутъ уже много сѣвернѣе, именно не ближе 50½° с. шир.; 5) Могила русскія (весьма недавняя) и японскія могутъ быть всегда отличены отъ могилъ туземцевъ по ихъ внѣшнимъ признакамъ и обстановкѣ. Такъ русскія могилы (которыя притомъ по своей малочисленности были извѣстны до послѣдняго времени на перечесть), отличаются присутствіемъ креста, насыпи, внутри представляютъ слѣды гроба, русской одежды и т. п. Японскія могилы могутъ быть легко отличены по находящимся на нихъ каменнымъ или деревяннымъ тумбочкамъ съ японскими надписями и по формѣ гроба, квадратнаго или осьмиугольнаго, въ которомъ покойникъ похороненъ въ сидячемъ положеніи; притомъ могилы эти также рѣдки и находятся только вблизи японскихъ поселеній, да кромѣ того извѣстно, что трупы болѣе бѣдныхъ Японцевъ часто также сожигаются или просто бросаются въ море. 6) Изъ многихъ извѣстій видно, что Айны хоронятъ своихъ мертвыхъ неглубоко въ землѣ, такъ что иногда кости сами указываютъ на свое присутствіе, высовываясь изъ земли; и во всякомъ случаѣ ихъ легко добыть послѣ самой непродолжительной раскопки. — Впро-

*) Dönitz. Bemerkungen über Ainos., въ «Mitth. der deutsch. Ges. Ostasien's» 6 H. Dec. 1874 стр. 55 слѣд.

**) Китайцы были привезены на Сахалинъ американскими negociантами въ качествѣ рабочихъ, для разработки каменноугольныхъ копей. Съ тою же цѣлью здѣсь было основано и поселеніе для ссыльно-каторжныхъ. Маньчжуры посѣщали Сахалинъ съ давнихъ поръ, какъ торговцы и скушники мѣховъ.

чемъ, этотъ признакъ не можетъ уже считаться на столько убѣдительнымъ, такъ какъ Гиляки, (которые на Амурсѣ жгутъ, или по крайней мѣрѣ жгли своихъ покойниковъ), на Сахалинѣ (по словамъ д-ра Августиновича) также хоронятъ ихъ, весьма неглубоко въ землѣ, или даже просто поверхъ земли, прикрывая гробъ только древесными сучьями. Правда, мы видѣли выше, что Гиляки (также какъ и Ороки) живутъ теперь только въ сѣверной части острова, не спускаясь ниже 50½° с. ш., но мы не можемъ быть увѣрены, что эта граница была такою же и въ прежнія времена. Хотя и существуютъ нѣкоторыя данныя (выраженныя именно въ названіяхъ мѣстностей), которыя доказываютъ, что въ старину племя Айновъ распространялось даже болѣе на сѣверъ, чѣмъ теперь, но съ другой стороны, извѣстно также (именно изъ преданій Айновъ, указанныхъ Добровольскимъ), что нѣкогда у нихъ происходили опустошительныя войны съ сосѣдними племенами (Гиляками и Ороками) и кровопролитныя сраженія въ предѣлахъ южной части острова (какъ напр. при устьѣ р. Найбучи и на Мукараэнтрумѣ, т. е. топорномъ мысу),—сраженія, жертвы которыхъ (съ обѣихъ сторонъ) могли быть похоронены на мѣстѣ битвы.—Кромѣ того, возможно допустить (на это есть и факты), что Айны изрѣдка женились на Гилякахъ, или наоборотъ, точно также какъ русскіе и японцы въ настоящее время живутъ часто съ Аннами.

Такимъ образомъ, хотя мы можемъ быть вполне увѣрены, что эти скелеты и черепа не принадлежатъ ни Русскимъ, ни Японцамъ, ни другимъ народностямъ, появившимся на Сахалинѣ въ недавнее время, мы не имѣемъ строгихъ доказательствъ для того, чтобы отрицать положительно возможность принадлежности ихъ всѣхъ, или частью, племени Гиляковъ или Ороковъ, и это тѣмъ болѣе, что 1) обстоятельства, при которыхъ онѣ были найдены, въ подробности намъ неизвѣстны, а 2) остеологія всѣхъ этихъ племенъ, какъ Айновъ, такъ, и еще болѣе, Гиляковъ и Ороковъ — можно сказать, совершенно еще не существуетъ. Во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе вѣроятности, что эти кости принадлежатъ дѣйствительно Айнамъ, чѣмъ какому нибудь другому племени. Съ другой стороны, если мы даже и предположимъ, что тотъ или другой изъ этихъ скелетовъ принадлежитъ напримѣръ Гиляцкому племени, то этимъ нисколько не уменьшается интересъ ихъ изученія. Остеологія Гиляковъ извѣстна, какъ мы только что ска-

зали, еще менѣе нежели Айновъ, а между тѣмъ, изъ всѣхъ племенъ Восточной Сибири, Гиляки повидимому наиболѣе приближаются къ Айнамъ по своимъ физическимъ особенностямъ. Дальнѣйшія же изслѣдованія, произведенныя надъ болѣе обширнымъ матеріаломъ, конечно, въ состояніи будутъ окончательно рѣшить этотъ вопросъ, и въ тоже время укажутъ, какія изъ найденныхъ мною особенностей должны считаться типичными и какія индивидуальными. Особенностей же здѣсь не мало и притомъ такихъ, которыя само по себѣ заслуживаютъ вниманія.

Какъ уже сказано, скелеты эти довольно старые, пролежавшіе не мало времени въ землѣ. На это указываетъ: 1) полное отсутствіе на поверхности костей хряща и жира; кости вездѣ сухи, не жирны на ощупь и рельефъ поверхности виденъ вездѣ вполне явственно; 2) полное отсутствіе костнаго запаха; внутреннія полости костей (напр. трубчатыхъ) издають только землистый, глинисто-желѣзный запахъ; 3) степень сохраненія костей, изъ коихъ нѣкоторыя, болѣе губчатого строенія, какъ напр. тѣла позвонковъ,—часто находятся на значительной степени разрушенія и крошатся; отростки позвонковъ легко ломаются; наружные листки *laminae durae* иногда легко отстаютъ, а во многихъ мѣстахъ твердая пластинка кости стерта и выказываетъ внутреннее сѣтчатое вещество, строеніе котораго можно видѣть весьма отчетливо. Впрочемъ кости вообще тверже, глаже, блестящее и сохранились гораздо лучше, нежели напр. кости изъ нѣкоторыхъ русскихъ кургановъ. 4) Кости мужскаго скелета окрашены въ коричневый, вѣрнѣе каштановый цвѣтъ, переходящій въ иныхъ мѣстахъ въ темно-коричневый, въ другихъ — въ свѣтло-коричневый; иногда же этотъ коричневый цвѣтъ смѣняется бѣлымъ, и притомъ довольно рѣзко, что указываетъ повидимому на то, что нѣкоторыя кости или части костей оставались въ соприкосновеніи съ атмосфернымъ воздухомъ, тогда какъ большая часть была закрыта землей. Кости другаго скелета бѣлѣе, грязновато-желтаго цвѣта, переходящаго кое гдѣ въ блѣдно-оранжевый.

Конечно, желательно бы было опредѣлить болѣе точнымъ образомъ относительную древность этихъ костей; но, къ сожалѣнію, наука по настоящее время выработала слишкомъ мало точныхъ данныхъ, на которыя бы можно было опереться въ данномъ случаѣ.

Съ перваго взгляда можетъ казаться, что большая или меньшая степень сохраненія костей должна стоять въ

прямомъ соотношеніи съ ихъ древностью; но на самомъ дѣлѣ оказывается, что это не всегда такъ. Въ Англіи, напримѣръ, во многихъ тумулусахъ каменнаго вѣка были находимы весьма хорошо сохранившіеся костяки и черепа, тогда какъ наоборотъ въ курганахъ англо-саксонскаго періода они большей частью истлѣли и разрушились^{*)}. Кости, находимыя въ русскихъ курганахъ, весьма часто имѣютъ полустлѣвшій видъ, или даже онѣ и совсѣмъ разрушились; между тѣмъ какъ мы знаемъ, что въ Зап. Европѣ онѣ являются иногда достаточно сохранившимися въ пещерныхъ поселеніяхъ вѣка мамонта и сѣвернаго оленя. Вообще, археологи держатся теперь того мнѣнія, что степень сохраненія костей зависитъ столько же, или можетъ быть даже болѣе отъ свойствъ почвы, въ которой былъ погребенъ трупъ, вообще вліянія внѣшнихъ условій, сколько и отъ древности самихъ костей.

Другой признакъ, который принимается нѣкоторыми для опредѣленія приблизительной древности костей, заключается въ ихъ цвѣтѣ, въ болѣе или меньшей интенсивности ихъ окраски. Но въ этомъ отношеніи вліяніе внѣшнихъ условій имѣетъ еще болѣе значеніе: находясь въ соприкосновеніи съ окисью желѣза, пропитываясь желѣзистыми и марганцовыми растворами, кости окрашиваются въ черный цвѣтъ, въ глинѣ онѣ становятся желтыми, въ торфѣ онѣ получаютъ блестящую коричневую окраску. Достаточно положить кусокъ желѣза въ сосудъ, гдѣ мацерируются кости, какъ онѣ уже въ скоромъ времени окрашиваются въ черный цвѣтъ. Конечно, эта окраска будетъ поверхностною и не пройдетъ далеко внутрь костнаго вещества, такъ что слѣдовательно при опредѣленіи относительной продолжительности пребыванія кости въ почвѣ, слѣдуетъ обращать вниманіе и на глубину краски. Однако эта глубина обуславливается еще въ болѣе степени способностью почвы проводить растворы, и болѣею или меньшею насыщенностью послѣднихъ.

Химическій составъ костей, процентное содержаніе въ нихъ органическихъ веществъ (клея, азота), воды, тѣхъ или другихъ неорганическихъ солей—могли бы служить, и считаются дѣйствительно, также, и даже еще болѣе важнымъ критеріумомъ для опредѣленія относительной древности костей; однако и въ этомъ отношеніи требуются еще многія повѣрочныя, систематическія изслѣдованія. Еще Блауенбахъ указалъ на то, что древнія человѣ-

^{*)} См. Лёббонъ Доисторическія времена. М. 1875. стр. 223—224

ческія кости, подобно ископаемымъ костямъ слоновъ, пещерныхъ медвѣдей и т. п., обладаютъ способностью липнуть къ языку,—способностью, которую онъ объяснялъ потерей большей части заключавшагося въ нихъ клея, чѣмъ и обуславливаются въ тоже время ихъ хрупкость и ломкость.—Свойство это было въ особенности выставлено на видъ Бёкландомъ, который считалъ его за весьма удобный и вѣрный критеріумъ для отличія костей ископаемыхъ животныхъ, находимыхъ въ пещерахъ, отъ—могущихъ попасть туда случайно костей современныхъ видовъ. Однако, впоследствии было найдено, что этотъ признакъ, хотя вообще и можетъ служить доказательствомъ уменьшенія органическаго вещества, спеціально жира, и образованія углекислой извести, можетъ быть также глинозема, — но его нельзя признавать за вполне убѣдительный и точный критеріумъ древности. Было найдено напримѣръ, что чело-вѣческія кости сравнительно недавней, напр. Римской-охи, обладаютъ иногда способностью липнуть къ языку, и наоборотъ, въ костяхъ пещерной гіены признакъ этотъ бываетъ не всегда выраженъ.—Вообще, процентное содержаніе органическаго вещества въ кости зависитъ, повидимому, также въ значительной степени отъ вліянія и доступа атмосферныхъ дѣятелей. Такъ, оно было найдено иногда, въ значительномъ еще количествѣ, въ костяхъ пещерной гіены, мамонтовъ и мастодонтовъ, — въ животныхъ и чело-вѣческихъ костяхъ эпохи сѣвернаго оленя, и еще въ болѣе — въ животныхъ костяхъ изъ Швейцарскихъ Пфальбаутовъ, въ чело-вѣческихъ костяхъ изъ Помпей и т. д., хотя въ приложеніи къ большинству случаевъ, древнія (именно третичныя) кости дѣйствительно отличаются отъ новѣйшихъ менѣе значительнымъ процентомъ сохранившагося въ нихъ органическаго вещества.—Еще болѣе значеніе имѣетъ, повидимому, то химическое измѣненіе, которое выражается въ прогрессивно возрастающемъ съ теченіемъ времени преобразованіи костнаго хряща, часть котораго пріобрѣтаетъ способность растворяться уже въ разжиженной соляной кислотѣ. Фактъ этотъ,—именно легкій переходъ хряща древнихъ (ископаемыхъ) костей въ клей, былъ замѣченъ еще Бибра, который предположилъ, что клей здѣсь содержится уже въ готовомъ видѣ. Позже, тоже наблюденіе было подтверждено Шеуреромъ—Кестнеромъ, который предложилъ даже весьма простое средство для констатированія этого измѣненія въ костяхъ; стоитъ только положить кусокъ

кости въ разжиженную соляную кислоту и потомъ взять нѣсколько капель послѣдней на платиновую пластинку; тогда, если при накаливаніи пластинки мы почувствуемъ запахъ горѣлаго рога, то значить растворъ содержитъ въ себѣ клей, и кость съ большою вѣроятностью можетъ быть признана ископаемой.

Другіе изслѣдователи обращали вниманіе на измѣненіе неорганическаго содержанія кости, на отложеніе въ древнихъ костяхъ фтористаго кальція (Chevreuil, Girardin, Preisser), на возникновеніе въ лежащихъ долгое время въ землѣ костяхъ—углекислой извести и фосфорнокислаго желѣза,—метаморфозъ, обусловленный, какъ предполагаютъ, обмѣномъ углекислой закиси желѣза, находящейся въ окружающей водѣ, съ фосфорнокислою извѣстью вещества кости (Aeby), на относительное процентное содержаніе мѣла и азота (Wibel.) и т. д. Но изъ всѣхъ этихъ признаковъ ни одинъ не былъ до настоящаго времени прослѣженъ на сколько нибудь значительномъ рядѣ костей, принадлежащихъ различнымъ, послѣдовательнымъ эпохамъ, такъ что мы вовсе не имѣемъ данныхъ, которыми можно было бы съ довѣріемъ воспользоваться при опредѣленіи древности костей по ихъ процентному составу. Если же мы прибавимъ къ этому, что, на сколько то можно судить по имѣющимся уже даннымъ, процентное содержаніе органическихъ и неорганическихъ веществъ колеблется еще нѣсколько по возрасту, особямъ и отдѣльнымъ костямъ, подвергается измѣненіямъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ болѣзней, и иногда является почти одинаковымъ въ костяхъ, различіе древности которыхъ измѣряется по крайней мѣрѣ столѣтіями, то отсюда становится понятнымъ, какъ мало можно показать надежды на сколько нибудь точное опредѣленіе древности костей (и притомъ костей относительно новыхъ) по ихъ химическому анализу. На этомъ основаніи, мы и не считали необходимымъ, или полезнымъ, изслѣдовать описываемыя нами кости въ отношеніи ихъ подробнаго химическаго состава, тѣмъ болѣе, что по словамъ компетентныхъ въ подобнаго рода изслѣдованіяхъ лицъ, необходимо брать для такого анализа возможно большее количество костнаго вещества, взятаго притомъ отъ трубчатыхъ, самое лучшее бедряныхъ костей, портить которыя, въ настоящемъ случаѣ, мы не имѣли права, да признаться и охоты.

Оба эти скелета не полны, въ особенности женскій, въ которомъ недостаетъ большей части реберъ и грудины,

тазовыхъ костей (за исключеніемъ только части правой подвздошной), лѣвой бедряной и обѣихъ берцовыхъ, и многихъ мелкихъ костей кисти и ступни. Мужской скелетъ полнѣе; въ немъ недостаетъ только нѣсколькихъ реберъ, правой мало-берцовой и большей части мелкихъ костей кисти и ступни. Кромѣ того, имѣющіяся кости часто значительно вывѣтрились (какъ напр. тѣла нѣкоторыхъ позвонковъ), — обломаны (какъ напр. отростки позвонковъ, края крестца, углы лопатокъ, головки фибулъ, концы реберъ, носовыя кости, края глазницъ и пр.), — обтерты (какъ напр. многіе эпифизы, а отчасти и діафизы длинныхъ костей) и пр., однимъ словомъ болѣе или менѣе попорчены, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, не въ такой степени, чтобы изученіе ихъ особенностей было бы значительно затруднено.

Мы только что назвали одинъ изъ этихъ скелетовъ мужскимъ, другой — женскимъ, такъ какъ они обозначены въ Музеѣ; но спрашивается, вѣрно ли было сдѣлано въ обоихъ этихъ случаяхъ опредѣленіе пола. Что касается до скелета, названнаго «мужскимъ», то сомнѣваться въ его принадлежности мужскому полу повидимому нѣтъ никакихъ основаній: въ этомъ убѣждаетъ насъ его ростъ, величина костей, развитіе костяныхъ отростковъ, гребней, остей, линий, мѣстъ прикрѣпленій мышцъ, форма таза, ключицъ, бедряныхъ костей и пр. Иное дѣло другой скелетъ, обозначенный женскимъ. Самой характеристической части скелета по отношенію къ полу, именно таза, здѣсь нѣтъ (за исключеніемъ, какъ сказано, небольшой части правой подвздошной кости, по которой нельзя себѣ составить никакого понятія о размѣрахъ таза.)

Такимъ образомъ приходится руководствоваться другими признаками, которые вообще не могутъ считаться въ той же мѣрѣ убѣдительными. Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе меньшій ростъ и значительно болѣе слабое развитіе отдѣльныхъ костей (именно костей конечностей) ключицъ, плечевыхъ, локтевыхъ, бедряныхъ и берцовыхъ), которыя вообще болѣе округлены, тоньше уже, и имѣютъ гораздо слабѣе выраженные грани, отростки, линіи и мѣста прикрѣпленій мышцъ,—мы должны согласиться, что скелетъ этотъ женскій, въ чемъ насъ убѣждаетъ еще болѣе сравненіе его съ другимъ скелетомъ, несомнѣнно мужскимъ. Кромѣ того, это опредѣленіе подтверждается также нѣкоторыми другими признаками, каковы напр.: болѣшій наклонъ взади поперечныхъ отростковъ спинныхъ позвонковъ, форма го-

ловки и размѣры шейки бедренной кости, относительно меньшая длина нижней конечности и т. п. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣчаемъ здѣсь и другіе признаки совершенно противоположнаго характера: такъ напр. крестецъ этого скелета длиннѣе мужскаго, причѣмъ его длина замѣтно превышаетъ ширину, между тѣмъ какъ извѣстно, что большая ширина и короткость крестца есть одинъ изъ отличительныхъ признаковъ женскаго скелета. Впрочемъ, въ другомъ отношеніи, именно по своей большей прямизнѣ, кость эта удерживаетъ особенности женскаго пола, а относительно ея узости, можно замѣтить, что она не превышаетъ той степени ед, которую мы находимъ на женскихъ скелетахъ многихъ другихъ расъ, какъ напр. Австралійцевъ, Готтентотовъ, Бушменовъ, Кафровъ и др. Гораздо болѣе важное затрудненіе представляетъ въ данномъ случаѣ черепъ. Черепъ этотъ на столько массивенъ и прогнатенъ, отличается такимъ развитіемъ челюстей, скулъ, такою рѣзкостью своихъ костныхъ линий и мѣсть прикрѣпленій мышцъ, что попадись онъ отдѣльно безъ скелета, его едва ли можно было бы принять за женскій, — тѣмъ болѣе, что по своему прогнатизму, ширинѣ и выступающей челюсти, величинѣ и ширинѣ скулъ, длинѣ черепнаго свода, высотѣ и рѣзкости полукружныхъ височныхъ линий — онъ замѣтно превосходитъ мужской черепъ.

Однако спрашивается, можемъ ли мы, основываясь на этихъ признакахъ черепа, рѣшить окончательно вопросъ объ опредѣленіи пола скелета, въ особенности когда мы знаемъ, что другія кости послѣдняго удерживаетъ такъ сказать свой женскій *habitus*? Обладаетъ ли женскій черепъ постоянными, характеристическими признаками, на основаніи которыхъ его можно бы было всегда отличить безошибочно отъ мужскаго? Конечно, во многихъ случаяхъ, а именно у Европейскихъ расъ, женскіе черепа могутъ быть довольно легко отличены отъ мужскихъ по своей меньшей величинѣ, округленности, гладкости, отсутствію надбровныхъ дугъ, слабо выраженнымъ полукружнымъ линіямъ, болѣею особенностями лобныхъ и теменныхъ бугровъ, меньшей величинѣ челюстей, зубовъ, скулъ и пр.; но рядомъ съ этими, такъ сказать болѣе типичными формами, даже и у Европейскихъ расъ, встрѣчаются много и такихъ череповъ, про которые можно выразиться только: «вѣроятно женскій», «можетъ быть мужской», «сомнительный» и т. под. Были правда сдѣланы попытки (Велькеромъ, Вейсбахомъ, Эккеромъ, Б. Дэвисомъ, Аебу,

Mantegazza и др.) *) опредѣлить точнѣе особенности женскихъ череповъ отъ мужскихъ, путемъ многочисленныхъ измѣреній цѣлаго ряда тѣхъ и другихъ, принадлежащихъ различнымъ расамъ; но всѣ такіа попытки имѣли въ сущности только тотъ результатъ, что большая часть принимаемыхъ половыхъ различій оказалась весьма сомнительною, и всѣ вообще — подверженными многимъ исключеніямъ, даже въ предѣлахъ одной и той же расы и народности. Что же касается до такихъ признаковъ, на основаніи которыхъ можно было бы всегда и безошибочно опредѣлить полъ каждаго черепа, то ихъ, по мнѣнію самыхъ компетентныхъ краниологовъ, положительно не существуетъ. Такъ, Мантегацца, измѣрившій специально съ этою цѣлю 99 мужскихъ — и 56 женскихъ череповъ различныхъ расъ, пришелъ къ заключенію, что «non si conosce ancora un solo carattere che costantemente affermi il sesso di un cranio umano». Къ подобному же выводу пришелъ и извѣстный краниологъ Бэрн. Дэвисъ, владѣющій между прочимъ одною изъ самыхъ обширныхъ краниологическихъ коллекцій въ свѣтѣ; подобное же мнѣніе было высказано также Аебу, Эккеромъ и нѣкоторыми другими анатомами. — Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что по мнѣнію многихъ компетентныхъ краниологовъ (Mantegazza, Бэрн. Дэвисъ и др.): 1) чаще всего случается, что женскій черепъ выказываетъ приближеніе къ мужскому типу, нежели мужской приближается къ женскому, и 2) что у нисшихъ расъ половыя различія въ черепѣ выражены обыкновенно менѣе рѣзко, нежели у Европейцевъ **).

Прилагая всѣ эти выводы къ нашему черепу, мы тѣмъ самымъ невольно уже склоняемся къ мысли о возможной принадлежности его женскому полу. Правда, черепъ этотъ тяжелъ, великъ, отличается значительнымъ развитіемъ мѣсть прикрѣпленій мышцъ, особенно *lineae semicirculares*, разстояніе между которыми по вѣнечному шву равняется всего только 109 мм. (измѣряя лентою), — обладаетъ ясно выраженными надбровными дугами и до-

*) Welker. Unters. über Bau und Wachstum des menschl. Schädels L. 1862.; Weisbach. Beitr. zur Kenntniss der Schädelformen österr. Völker; Ecker. Ueber eine charakt. Eigenthümlichkeit in der Form des weibl. Schädels, въ «Arch. für Anthropol.» I; B. Davis, тамъ же, Bd. II; Aeb. Die Schädelformen des Menschen und der Affen. L. 1867; Mantegazza въ «Arch. per l'Antropologia. I. 1871 и II. 1872.

*) См. Mantegazza Dei caratteri sessuali del cranio umano въ «Archivio per l'Antropologia» II. 1872; B. Davis, über die weibliche Schädelform, въ «Archiv für Anthropologie» II, 1867.

вольно большими сосцевидными отростками, и имѣть сильно развитыя челюсти и скуловые дуги, — однако всѣ эти признаки не могутъ еще считаться положитель-но несомнѣстными съ женскимъ типомъ. Еще Ретціусъ замѣтилъ, что нѣкоторые черепа Далекарлійскихъ поселенцевъ (въ Швеціи) на столько же велики и развиты, какъ и мужскіе. Дэвисъ приводитъ въ примѣръ одинъ женскій черепъ племени Мѣнипури (въ Бенгаліи), происхождение котораго (т. е. личность, которой онъ принадлежалъ) ему положительно извѣстно, а между тѣмъ по своей величинѣ и всѣмъ прочимъ признакамъ онъ представляетъ совершенно мужской типъ. Что касается до мѣсть прикрѣпленій мышцъ, то хотя въ большин-ствѣ случаевъ они дѣйствительно бываютъ слабо раз-виты на женскихъ черепахъ, однако Мантегацца на-шелъ ихъ все таки явственно развитыми у 20 изъ 56 специально осмотрѣнныхъ имъ съ этою цѣлью жен-скихъ череповъ (различныхъ расъ, но большей частью Итальянскихъ), и въ томъ числѣ у пяти онѣ были выражены весьма сильно. Съ другой стороны, изъ 99 мужскихъ череповъ, у 39 онѣ были развиты умѣренно, а у 9—онѣ представляли совершенно женственный видъ. Подобное же наблюденіе было сдѣлано Мантегаццо и относительно надбровныхъ дугъ, съ тѣмъ только раз-личіемъ, что на мужскихъ черепахъ онѣ весьма рѣдко представляютъ такое же слабое развитіе, какъ обычно-венно на женскихъ; но относительно этихъ послѣднихъ онъ нашелъ, что изъ 56 череповъ, у 17 онѣ были явственны, а у 3 даже развиты сильно *).

Большая величина и тяжесть черепа также не можетъ считаться доказательствомъ его женственности, потому что, по наблюденіямъ Вейсбаха, даже у Европейскихъ череповъ (именно Австрійскихъ нѣмцевъ)—наибольшія цифры женскихъ — значительно превосходятъ минималь-ныя — мужскихъ *). Еще менѣе имѣетъ значенія вели-чина сосцевидныхъ отростковъ, (подверженная вообще многимъ варіациямъ) присутствіе сагитального возвы-шенія (которое, по Велькеру, и Мантегаццъ, встрѣчает-

ся и у женщинъ), округленность, или вѣрнѣе покатость взадъ лба и т. под. признаки *).

Что же касается до большей длины, долихоцефалии черепа и его прогнатизма, то это, согласно измѣреніямъ Велькера, а отчасти Брока, Эккера, Thurnam'a, Дэвиса, Проценко и др., скорѣе служить въ пользу принадле-жности его женскому полу, чѣмъ противъ **). Еще болѣе убѣдительный аргументъ представляетъ въ этомъ случаѣ значительно меньшая высота черепа, его платицефалия и приплюснутость темяни, — признаки, которые весьма многими краниологами (Велькеромъ, Эккеромъ, Вейсба-хомъ, Дэвисомъ, Thurnam'омъ, Мантегаццо) признаются одними изъ наиболѣе характеристичныхъ для женскаго черепа. Наконецъ, что касается Аинскаго племени, то слѣдуетъ еще принять во вниманіе — приведенное нами въ предъидущихъ главахъ наблюденіе многихъ пу-тешественниковъ, что женщины этого племени отлича-ются значительно меньшею правильностью чертъ лица, чѣмъ мужчины, и имѣютъ болѣе приплюснутый носъ и болѣе выдающіяся скулы.

*) Эккеръ (I. с. стр. 84—85) высказалъ мнѣніе, что килевидная форма черепного свода (en dos d'âne), встрѣчающаяся у нѣкоторыхъ нисшихъ племенъ, составляетъ принадлежность только мужскаго пола. Съ другой стороны, онъ старался также показать, что — по крайней мѣрѣ у Кавказской расы — женскій черепъ отличается болѣе пря-мымъ лбомъ и болѣе угловатымъ переходомъ его въ темя, тогда какъ лобъ мужчины обыкновенно покатѣе, и переходъ его въ темя округлен-нѣе. Однако, по словамъ Дэвиса, такая угловатость есть скорѣе особенность расы, чѣмъ пола.

**) По измѣреніямъ Велькера, женскіе черепа Нѣмцевъ (а также Негровъ) болѣе долихоцефальны и прогнаты, чѣмъ мужскіе. То же на-шелъ Брокъ относительно французскихъ череповъ, и повидимому также Thurnam — относительно череповъ изъ Британскихъ кургановъ (On the two principal forms of ancient British and Gaulish Skulls, въ «Mem. of the Anthr. Soc.» v. I.). Съ мнѣніемъ о большей долихоцефалии женскаго черепа согласенъ также Эккеръ — относительно южно-чер-манскихъ череповъ, — Проценко (см. его Антропологическіе этюды, въ «Зап. Кіев. Общ. Естествоисп.» 1871. II.) — относительно рус-скихъ череповъ, — Дэвисъ (судя по даннымъ въ его «Thesaurus crani-orum»), — Мантегацца (см. его Studi di craniologia sessuale въ «Ar- chivio» V. стр. 200 слѣд., гдѣ приведены измѣренія головъ 97 итальян-скихъ мальчиковъ и 110—дѣвочекъ) и др. — Наоборотъ, изъ измѣре-ній Вейсбаха надъ черепами Австрійскихъ народностей (Нѣмцевъ, Славянъ, Венгерцевъ, Итальянцевъ) слѣдуетъ, что женщины этихъ племенъ брахицефальнѣе (и ортогнатнѣе) мужчинъ, и къ этому же выводу пришли Мазіевъ — относительно великорусскихъ и татарскихъ череповъ (см. его Матеріалы для сравнит. Антропологии, въ «Труд. Казан. Общ. Естествоисп.» 1874 г.), Коперницкій — относительно Цыганскихъ череповъ и нѣкот. друг.

*) Mantegazza I. с. стр. 25—26.

*) Съ другой стороны, Морзелли (см. его статью: Sul peso del cranio e della mandibola in rapporto col sesso, въ «Archivio per l'Antropologia» V. 1875), основываясь на многочисленныхъ взвѣши-ваніяхъ, пришелъ къ заключенію, что индивидуальныя варіаціи вѣса черепа (и нижней челюсти) у женщинъ гораздо значительнѣе, чѣмъ у мужчинъ; le variazioni individuali del peso del cranio e della man- dibola sono maggiori nella donna, che nell'uomo.

Оба рассматриваемые скелета принадлежали несомненно вполне взрослым особям, не менее 40, а женский даже 50 летъ, какъ то можно заключить изъ разсматриванія зубныхъ коронокъ, зубныхъ ячеек и черепныхъ швовъ. Зубы значительно стертые, а швы большей частью срослись, особенно у женскаго черепа, гдѣ съ внутренней стороны сохранились только части стрѣловиднаго и лямбовиднаго, ближайшія къ лямбдѣ. Относительно женскаго черепа слѣдуетъ еще замѣтить, что у него нѣтъ послѣдняго кореннаго въ верхней челюсти на лѣвой сторонѣ, и такого же — въ нижней челюсти на правой, причемъ, суждая по ассиметріи и неодинаковости длинъ горизонтальныхъ вѣтвей нижней челюсти, можно заключить, что въ ней этого зуба (послѣдняго праваго кореннаго) и не было.

Обратимся однакоже къ самимъ костямъ. Общая особенность всѣхъ ихъ заключается, прежде всего, въ ихъ сравнительно меньшей массивности и болѣе тонкомъ, такъ сказать деликатномъ сложеніи; при этомъ, у мужскаго скелета, онѣ снабжены еще весьма явственно и рѣзко обозначенными, хотя въ тоже время и менѣе массивными, гранями, гребешками, выступами, костными линіями и пр.

Другими словами, скелеты эти представляютъ слѣд. подобное же отличіе отъ Европейскихъ, какъ и скелеты, многихъ типичныхъ нисшихъ расъ человѣчества, какъ напр. Австралійцевъ, Кафровъ, Готтентотовъ, Негритосовъ. Такъ, по словамъ Фрича, «скелетъ Кафровъ (и Готтентотовъ) носить на себѣ явные признаки первобытнаго состоянія (Uncultur) — въ болѣе тонкомъ и деликатномъ сложеніи костей, которыя менѣе объемисты, но плотны, эластичны(?) и отличаются болѣе гладкою поверхностью. Находящіеся на нихъ костные выступы и возвышенія рѣзко обозначены и явственно обособлены, но въ тоже время и не такъ массивны, какъ это часто замѣчается на Европейскихъ скелетахъ. Въ особенности слабо развиты суставные концы конечностей» *). Подобное же замѣчаніе было сдѣлано Вирховымъ относительно Негритосскихъ скелетовъ, присланныхъ въ Берл. Антр. Общ. съ Филиппинскихъ острововъ — Шетелигомъ и Мейеромъ. Что касается Австралійцевъ, то тонкое и деликатное сложеніе костей ихъ скелета, соединенное съ рѣзкостью всѣхъ костныхъ возвышеній и граней, костныхъ линій и т. под., было

замѣчено неоднократно многими анатомами, какъ-то: Оуэномъ, Эккеромъ, Кеферштейномъ, Дэвисомъ и др. *). Послѣдній, какъ мы видѣли уже, особенно выставлялъ на видъ эту особенность, какъ рѣзко отличающую скелетъ Австралійцевъ отъ скелета Айновъ (именно женскіе), что онъ и пытался передать въ приложенной къ его статьѣ таблицѣ.

Однако, Сахалинскіе скелеты совершенно не представляютъ той массивности, о которой говоритъ Дэвисъ (за исключеніемъ лишь черепа — и то только женскаго) и наоборотъ выказываютъ скорѣе приближеніе къ типу Австралійцевъ, судя по крайней мѣрѣ по изображеніямъ скелета и отдѣльныхъ костей этой расы, находящимся у Дэвиса и Оуэна. — Въмѣстѣ съ тѣмъ, кости Сахалинскихъ скелетовъ выказываютъ еще и другое свойство, — свойство довольно характеристичное, и соответствующее тому, которое, по Рютимейеру, отличается кости дикихъ животныхъ отъ костей домашнихъ одного и того же рода. Свойство это заключается, именно, «въ трудно-передаваемой словами, но при внимательномъ разсматриваніи весьма явственной скульптурѣ поверхности костей, выражающейся въ болѣе богатомъ и рѣзкомъ рисункѣ сосудистыхъ бороздокъ и желобковъ, болѣе шероховатости и рѣзости всѣхъ мѣстъ прикрепленій мышцъ, короче, въ возможно болѣе развитіи всѣхъ граней, выступовъ, неровностей, и въ возможномъ сокращеніи всѣхъ индифферентныхъ плоскостей» *). Относительно человѣческихъ костей особенность эта была замѣчена Кеферштейномъ на скелетѣ Австралійца, и повидимому также Фричемъ на скелетахъ Кафровъ и Готтентотовъ. Въ меньшей степени я могъ замѣтить ее также на нѣкоторыхъ скелетахъ, привезенныхъ г. Федченко изъ Самарканда, особенно на скелетѣ, означенномъ № 55, который вообще весьма характеристиченъ во многихъ отношеніяхъ. Но на дру-

*) Ecker. Zur Kenntniss der Eingeborenen Süd-Australiens, «въ Berichte über die Verhandlungen der naturforsch. Ges. zu Freiburg in B.» Bd. II. 1861; Owen. Osteological Contributions to the Natur. History of the Anthropoid Apes. V. Comparison of the Lower Jaw and Vertebral Column of the Troglod. Gorilla, Trogl. niger, Pithecus Satyrus, and different varieties of the Human Race; VII. Comparison of the Bones of the Limbs etc. въ «Transactions of the Zoolog. Soc. of Lond.» V. IV P. 4. 1857 и Vol. V P. I. 1862; Кеферштейнъ Bemerkungen über das Skelett eines Australiers vom Stamme Warnamboul Dr. 1865; B. Davis l. cit., а также его: On the Osteology and Peculiarities of the Tasmanians. Haarl. 1874.

**) Rüttimeyer. Fauna der Pfahlbauten der Schweiz стр. 15.

*) См. Fritsch. Die Eingeborenen Süd-Afrika's стр. 30.

гихъ скелетахъ, русскихъ и курганныхъ, особенности этой видѣть мнѣ не удавалось.

Ростъ разсматриваемыхъ скелетовъ средній, именно равняется: мужскаго—1620 мм., женскаго—1580 мм.; длина *позвоночнаго столба*, отъ атланта до promontorium—на мужскомъ скелетѣ 650, на женскомъ—645 мм. Конечно, цифры эти далеко не могутъ считаться вполне вѣрными, т. е. выражающими дѣйствительную величину скелетовъ со всеми ихъ естественными связками, такъ какъ во 1) здѣсь не достаетъ нѣсколькихъ позвонковъ, которые замѣнены вставными, и во 2) видно, что составлявшій скелетъ замѣтно преувеличилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ толщину межпозвоночныхъ кружковъ. Тѣмъ не менѣе, здѣсь нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы позвоночный столбъ Айновъ отличался (какъ нашелъ это Дэвисъ)—короткостью, а напротивъ того, есть основаніе допустить, что онъ относительно даже нѣсколько длиннѣе, чѣмъ напр. у Европейцевъ и Негровъ.

Обращаясь къ отдѣльнымъ костямъ скелета, мы должны остановиться прежде всего на *позвонкахъ*. Изъ нихъ первый шейный позвонокъ или *атлантъ* интересъ тѣмъ, что его «sinus», т. е. желобокъ для прохода нервовъ и сосудовъ, находящійся на верхней сторонѣ позвонка, сзади восходящихъ суставныхъ его отростковъ, (и который вмѣстѣ съ затылочною костью составляетъ щель, соответствующую межпозвоночному отверстию),—здѣсь превращенъ въ каналъ, вслѣдствіе развитія костянаго мостика, имѣющаго толщину одинаковую, или даже болѣе, противъ задней ножки поперечнаго отростка, и идущаго отъ задняго края восходящаго суставнаго отростка къ корню задней дуги. Аномалія эта встрѣчается и на Европейскихъ скелетахъ,—по Гиртлю, Генле, Саппею—*иногда*, по Эби—*не рѣдко*; мнѣ не удалось впрочемъ найти ее ни на одномъ изъ пяти Самаркандскихъ скелетовъ, ни на одномъ изъ многихъ курганныхъ и русскихъ; здѣсь же, что любопытно, она существуетъ на обоихъ скелетахъ.

Задняя дуга атланта, на мужскомъ скелетѣ, коротка и толста; такъ что позвонокъ, назади, много выше чѣмъ напередѣ; tuberculum posterius atlantis развитъ значительно. Боковые отростки на концѣ горизонтальны и не представляютъ распадѣнія на два бугорка, какъ обыкновенно. Отверстіе позвонка, въ расширенной своей половинѣ—относительно шире, а въ передней, суженной—уже, чѣмъ обыкновенно. Суставныя поверх-

ности восходящихъ отростковъ очень длинны, и имѣютъ на мужскомъ скелетѣ—33—31 мм., на женскомъ—27 мм.; на мужскомъ скелетѣ—каждая изъ нихъ распадается на двѣ, изъ коихъ задняя (именно на лѣвой сторонѣ) обращена кнаружи, отдѣляясь отъ передней гранью. При этомъ оси суставныхъ отростковъ пересекаются, напередѣ, подъ болѣе тупымъ угломъ, и разстояніе между задними концами ихъ въ $2\frac{1}{2}$, а на мужскомъ даже почти въ 4 раза болѣе, чѣмъ между передними.

Относительно прочихъ позвонковъ можно замѣтить, что остистый отростокъ *шестого* шейнаго позвонка не представляетъ вовсе раздвоенія на концѣ, что вообще остистые отростки послѣднихъ шейныхъ позвонковъ относительно нѣсколько длиннѣе, особенно у женскаго скелета, который отличается также нѣсколько болѣею длиною остистыхъ отростковъ первыхъ спинныхъ позвонковъ (достигающихъ 35—40 мм.), а также—и ихъ поперечныхъ отростковъ, какъ будто нѣсколько болѣе притомъ отогнутыхъ взадъ *).

Грудная кость сохранилась только у мужскаго скелета и здѣсь соотношеніе ея частей (длина рукоятки=51, а тѣла—80 мм.) подходит болѣе къ женскому типу, такъ какъ на Европейскихъ мужскихъ скелетахъ рукоятка обыкновенно вдвое менѣе тѣла и относится къ послѣднему, по длинѣ, какъ 50, или 55:100.

Крестецъ,—какъ на мужскомъ, такъ и на женскомъ скелетѣ, представляетъ только четыре позвонка, изъ коихъ третій значительно длиннѣе, т. е. выше прочихъ. Вся длина (т. е. вышина) крестца, у мужскаго скелета=82 мм., при ширинѣ въ 97 мм.; такимъ образомъ его ширина превышаетъ длину. На женскомъ скелетѣ длина крестца относится къ его ширинѣ какъ 110:105, т. е. слѣдовательно онъ абсолютно и относительно, — длиннѣе мужскаго. Въ обоихъ случаяхъ кость эта пряма, особенно у женскаго скелета; да и на мужскомъ—перегибъ, обыкновенно существующій на третьемъ позвонкѣ, — не выраженъ явственно. Женскій крестецъ отличается еще кромѣ того несимметричностью: его лѣвый верхній уголъ замѣтно выдается болѣе, чѣмъ правый.

Что касается *таза*, то, какъ уже сказано, онъ сохранился только у мужскаго скелета. Здѣсь его наибольш-

*) Относительно позвонковъ слѣдуетъ еще замѣтить, что они въ описываемыхъ скелетахъ были нѣсколько переижданы составителемъ. Въ дѣйствительности, въ нихъ недостаетъ: у мужскаго скелета—одного спиннаго позвонка, а у женскаго—двухъ поясничныхъ

шая ширина, (между верхними гребешками подвздошных костей=256 мм.), равно какъ и разстояніе между верхними передними остями (*spinae superiores anteriores ossium ilium* = 240 мм.) — почти совершенно равны среднимъ цифрамъ для Европейцевъ по Краузе (именно 256 и 243 мм.) Въ этомъ отношеніи онъ положительно не сходенъ съ тазомъ аипскаго скелета, описаннаго Дэвисомъ, гдѣ разстояніе между *sp. super. ant.* много меньше, именно=182 мм. (у Австраійскаго женскаго скелета—156 мм.). Диаметры входа въ тазъ равняются: поперечный 112 мм., косой (отъ *Art. sacro-iliaca* къ *Emin. ileopectinea*) 115—117 мм., *conjugata vera*=97 мм.; *index* отверстія=слѣд. 85. 7. На скелетѣ Дэвиса *index* этотъ=97,1; по Краузе, средняя норма для Европейцевъ: *conjugata*—108, поперечный діаметръ—128, косой 122 мм., *index* слѣд.=84. — Гребни подвздошныхъ костей мало отогнуты и изогнуты; наружныя ямки послѣднихъ не глубоки; въ срединѣ кости тонки и просвѣчиваютъ. Борозды для *M. obtur. ext.* и отпечатки прикрѣпленія *Semitendinosi* выражены весьма явственно; нижнія вѣтви *oss. pubis*—очень тонки. Разстояніе между нижними крайними точками внутренняго края сѣдалищныхъ бугровъ=70, разстояніе между остями сѣдалищныхъ костей—74 мм.,—цифры небольшія, такъ какъ, по Краузе, средняя норма для Европейскихъ мужскихъ скелетовъ=81 (у женщинъ 108). Но прямой діаметръ выхода (отъ середины *Symph. sacro-coccygea* къ нижнему краю *Symph. pubis*)=124 мм., цифра, которая встрѣчается обыкновенно и на русскихъ скелетахъ. Такимъ образомъ, выходное отверстіе таза здѣсь повидимому нѣсколько уже, чѣмъ обыкновенно у Европейцевъ. Вышина малаго таза (отъ *tuberculum ileo-pubicum* къ *tuberositas ischii*) довольно значительна, именно равна 98—95 мм.

Изъ костей плечеваго пояса — *лопатка* отличается своею шириною. Именно ширина ея относится къ длинѣ (вышинѣ), у мужскаго скелета, какъ 72,3:100, а у женскаго какъ 73,8:100. На русскихъ, самаргандскихъ и курганныхъ скелетахъ я находилъ это отношеніе равнымъ обыкновенно 57—69:100 — *Fossa suprascapularis* низка, но длинна, соответственно длинному верхнему краю лопатки. Край этотъ представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма мало выраженную т. е. широкую и мелкую *incisura semilunaris*. *Fossa infrascapularis*, напротивъ того, относительно глубока: на правой кости, у мужскаго скелета, она достигаетъ 13 мм. глубины,

а у женскаго, (и у мужскаго на лѣвой) 6—7 мм. Соответственно этому вдавленію, внутренній край лопатки образуетъ рѣзкій S — образный изгибъ. *Fossa subscapularis* мелка и ея *costae*, (у мужскаго скелета) выражены рѣзко, равно какъ и всѣ мѣста прикрѣпленій мышцъ.

Ключицы рассматриваемыхъ скелетовъ—относительно довольно длинны; именно наибольшая длина ихъ равна, у мужскаго скелета, 142 мм.,—у женскаго—133 мм. Сведенныя къ длинѣ плечевыхъ костей, принятыхъ за 100, величины эти будутъ выражаться цифрами: для мужскаго скелета—45,0, для женскаго 44,1. — Почти такія же цифры были выведены Брока, какъ среднія, и для Европейцевъ (именно 44,32 для мужскихъ скелетовъ и 45,04—для женскихъ *). Ключица женскаго скелета отличается болѣе округленною формою и менѣе выраженными отпечатками мышцъ; впрочемъ *processus coronoideus* и на мужской кости развитъ весьма умеренно. Мужская ключица характеризуется еще — относительно малымъ развитіемъ своей акроміальной части, малымъ изгибомъ въ спиральномъ направленіи (будучи положена верхнею стороною, она по всей длинѣ прилегаетъ къ горизонтальной плоскости), а также значительнымъ сплюсненіемъ, какъ въ акроміальномъ (сверху внизъ), такъ и въ грудномъ (спереди назадъ) ея отдѣлахъ.

Обращаясь теперь къ костямъ конечностей, представляющимъ наиболѣе интересныя особенности, мы должны прежде всего опредѣлить отношеніе ихъ длины, какъ къ величинѣ роста, такъ и между собою. Извѣстно, что пропорціи конечностей представляютъ у людей нѣкоторыя различія, и это не только по возрасту, но и по расамъ. Такъ, еще въ концѣ прошлаго столѣтія (1799) нѣкто Уайтъ (White), имѣвъ случай измѣрить одинъ скелетъ Негра, девять — Европейскихъ и около полсотни живыхъ Негровъ, высказалъ мнѣніе, что у этой черной расы руки относительно длиннѣе, чѣмъ у Европейцевъ, и длина эта обуславливается въ особенности — нѣсколько болѣею длиною предплечья **). Впослѣдствіи, подобнаго же рода наблюденія были сдѣланы Гемфри, Бурмейстеромъ, Брока, Вейсбахомъ (изъ

*) См. Broca. Sur les proportions relatives du bras, de l'avant-bras et de clavicule etc. въ «Bullet. de la Soc. d'Anthrop.» 1862. стр. 170.

**) White. An Account of the regular Gradation in Man and in different Animals etc. L. 1799.

измѣреній Шерпера и Шварца) и др. Такъ, по измѣреніямъ Гемфри, произведеннымъ надъ 25 скелетами Европейцевъ и 25—Негровъ, — если принять ростъ скелета=100, то средняя относительная длина двухъ верхнихъ сегментовъ конечностей будетъ составлять:

	humerus	radius	femur	tibia
у Европейцевъ:	19,5	14,1	27,5	21,1
у Негровъ:	19,5	15,1	27,4	23,2

т. е. слѣд. у Негровъ какъ предплечье такъ и голень относительно нѣсколько длиннѣе, чѣмъ у Европейцевъ *). Подобнаго же рода выводы могутъ быть сдѣланы и изъ измѣреній Фрича, Дэвиса, Эккера и др. надъ скелетами Кафровъ, Бушменовъ, Тасманійцевъ, Австралійцевъ и пр., съ тѣмъ только различіемъ относительно tibia, что у нѣкоторыхъ племенъ она, повидимому, представляеть еще болѣшую короткость, чѣмъ у Европейцевъ.

Для сравненія мы приводимъ здѣсь нѣсколько такихъ измѣреній, сведенныхъ къ величинѣ роста скелета, принятой за 100, и рядомъ — соответственныя цифры для обоихъ Сахалинскихъ скелетовъ:

	humerus	radius	femur	tibia
Кафры (Фричъ, 4 скел.)	19,1	15,1	27,2	20,7
Тасманійцы (Дэвисъ, 3 ск.)	19,1	15,7	27,9	24,1
— женщ. (Дэвисъ 1 ск.)	18,8	16,6	27,5	21,9
Австрал. (Дэвисъ, Кеферштейнъ, Экгеръ—3 ск.)	19,7	14,9	27,7	21,1
Бушмены (Гемфри 3 скел.)	20	15,3	27,7	23,8
Русскіе (5 скел.)	20	14,5	27,6	22,4
Сарты (изъ Самарканда, 3 ск.)	18,5	14,	25,5	21,
Аины { (Дэвисъ, 1 ж. ск.) Сахалинск. ск. { мужск. 				

Изъ таблички этой можно повидимому вывести заключеніе, что одна изъ особенностей Сахалинскихъ скелетовъ, въ особенности женскаго, сравнительно съ Европейскими, заключается въ относительной короткости ихъ нижнихъ конечностей, а также въ относительно нѣсколько болѣшей длинѣ предплечья. Если мы возьмемъ

*) См. G. M. Humphry. A Treatise of the Human Skeleton. Camb. 1858. стр. 106. По измѣреніямъ Брокъ однако, верхнія конечности у Негровъ (именно humerus + radius) болѣе коротки относительно нижнихъ (femur + tibia), чѣмъ у Европейцевъ, такъ что въ этомъ отношеніи Негръ болѣе отдаленъ отъ обезьяннаго типа, чѣмъ бѣлая раса. Правда radius Негра, по его измѣреніямъ, нѣсколько длиннѣе, чѣмъ у Европейцевъ, однако эта болѣшая длина не можетъ все таки оказать замѣтное вліяніе на длину всей верхней конечности, сравнительно съ нижнею.

длину femur+tibia и примемъ еѣ равную 100, то длина humerus+radius будетъ составлять:

Европейцы	(по Гемфри, 25 скел.)	— 67,8
»	(по Брокъ, 8 скел.)	— 70,0
»	жен. пола (по Брокъ, 6 скел.)	— 69,3
Русскіе	(5 скелетовъ)	— 69,3
Негры	(по Гемфри, 25-скел.)	— 68,4
»	(по Брокъ, 16 скел.)	— 68,3
Тасманійцы	(Дэвисъ, 3 скел.)	— 65,7
Австралійцы	(Дэвисъ, Кефершт., Эккеръ 3 с.)	— 70,9
Сарты	(изъ Самарканда, 3 скел.)	— 69,3
Айны	(Сахал. скелеты)	{ мужской — 71,3
		{ женскій — 77,7

Слѣдовательно, у Сахалинскихъ скелетовъ, длина humerus+radius выражается весьма значительною цифрою въ отношеніи длины femur+tibia, — фактъ, зависящій, повидимому, въ значительной мѣрѣ, отъ относительно болѣшей короткости нижнихъ конечностей, а отчасти также и отъ нѣсколько болѣшей длины предплечья.

Что касается этой послѣдней, именно нѣсколько болѣшей длины radius'a, то въ существованіи ея можно убѣдиться явственнѣе изъ слѣдующей таблички, показывающей длину radius'a въ процентномъ содержаніи длины humerus'a у различныхъ племенъ:

Европейцы	(Humphry, 25 скел.)	— 74,8
»	(Broca, 9 скел.)	— 73,9
Русскіе	(5 скел.)	— 73,2
Негры	(Humphry, 25 скел.)	— 77,7
»	(Broca, 15 скел.)	— 79,4
»	(Hamy, 25 скел.)	— 78,3
		(съ maximum до 82)

»	(Humphry и Hamy, 50 скел.)	— 78,0
Кафры	(Fritsch, 4 скел.)	— 78,8
Бушмены	(Fritsch, 3 скел.)	— 72,2
Австралійцы	(Дэвисъ, Кефершт., Эккеръ 3 с.)	— 75,6
Тасманійцы	(Дэвисъ, 3 скел.)	— 82,4
Сарты	(изъ Самарканда, 3 скел.)	— 77,7
Айны	(Сахалин. скелеты)	{ мужской — 75,5
		{ женскій — 80,7

Что въ данномъ случаѣ (у Айновъ, особенно у женскаго скелета) мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительно нѣсколько болѣшею длиною radius'a, а не съ короткостью humerus'a, это видно уже изъ простаго сравненія этихъ костей съ костями русскихъ скелетовъ. Въ то время,

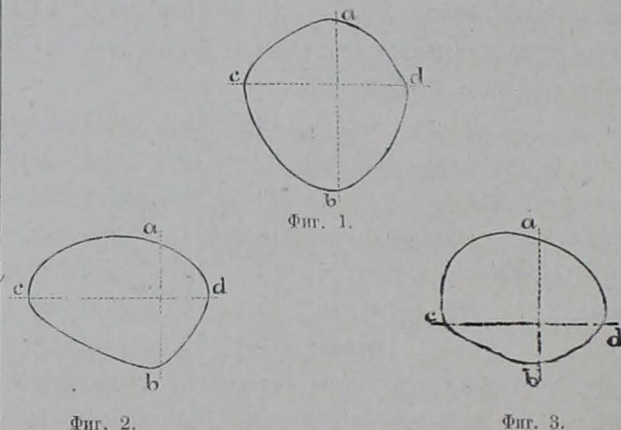
напримѣръ, какъ почти всѣ прочія кости женскаго скелета уступаютъ по величинѣ соответствующимъ костямъ русскихъ мужскихъ скелетовъ средняго роста, radius его, напротивъ того, представляетъ одинаковую величину.

Перейдемъ теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію отдельныхъ сегментовъ конечностей.

Плечевыя кости отличаются относительно нѣсколько меньшей величиною, именно шириною, своихъ суставныхъ концовъ, изъ коихъ ширина верхняго равняется, у мужскаго скелета, 0,142, у женскаго 0,147, а нижняго: у мужскаго 0,174, у женскаго 0,184 наибольшей длины кости, тогда какъ на русскихъ костяхъ (13 — различной величины) — я нашелъ, что ширина верхняго конца составляетъ у нихъ, среднимъ числомъ, 0,154, а нижняго — 0,190 наиб. длины. — Различіе становится еще болѣе рѣзкимъ, если брать для сравненія только кости одинаковой длины. — Такая меньшая величина суставныхъ концовъ была замѣчена, какъ извѣстно, на скелетахъ многихъ низшихъ расъ: Австралійцевъ, Кафровъ, Готтентотовъ и др.; замѣтимъ однако, что сама по себѣ эта особенность отноудь не указываетъ на низшую организацію, такъ какъ у ближайшихъ къ человеку животныхъ, антропоморфныхъ обезьянъ, — концы плечевыхъ костей имѣютъ значительно болѣе большую относительную величину, чѣмъ у человека.

Относительно тѣла кости, или ея діафиза, можно замѣтить, что его форма нѣсколько отличается отъ обыкновенной. На обыкновенныхъ костяхъ, при взглядѣ въ профиль, видно, что ихъ діафизъ расширяется (вѣрнѣе утолщается) къверху, такъ что его толщина, въверху, въ полтора раза болѣе, чѣмъ внизу; здѣсь это утолщеніе выражено значительно менѣе рѣзко, такъ что толщина верхней трети діафиза, только въ $1\frac{1}{4}$ раза болѣе чѣмъ нижней. — Другое различіе замѣчается при взглядѣ спереди, и выражается, особенно у мужскаго скелета, въ нѣкоторомъ расширеніи въ поперечномъ и сплюсненіи въ сагиттальномъ направленіи средней трети діафиза. На обыкновенныхъ костяхъ, сагиттальный діаметръ, т. е. толщина діафиза, въ верхней и средней его третяхъ, всегда превосходитъ поперечный, т. е. ширину; по крайней мѣрѣ я не встрѣтилъ исключенія изъ этого правила на русскихъ скелетахъ, гдѣ эта разность между толщиной и шириной равняется (среднимъ числомъ изъ 13), — на границѣ верхней трети +2,8 (+означаетъ здѣсь преобладаніе толщины), а въ срединѣ кости — +1,9 милл. Здѣсь же, на Сахалинскихъ humerus'ахъ,

оба эти діаметра, на границѣ верхней трети, почти равны (у мужскаго скелета сагитальный на 0,5 болѣе, у женскаго, на $1-1\frac{1}{2}$ милл. менѣе поперечнаго), въ срединѣ же кости — поперечный діаметръ замѣтно превышаетъ сагитальный, такъ что разность между ними, у мужскаго скелета, — 4,5—3, у женскаго — 3—0,5 (—означаетъ преобладаніе ширины). Вслѣдствіе такой, если можно такъ выразиться, сплюснутости въ сагитальномъ направленіи, передняя грань, которая обыкновенно, въ верхнихъ двухъ третяхъ, острѣе прочихъ, здѣсь выдается, въ срединѣ кости, менѣе обыкновеннаго, образуетъ значительно болѣе тупой уголъ, тогда какъ напротивъ того внутренняя грань (по крайней мѣрѣ у мужскаго скелета) выдается рѣзче, и явственно замѣтна по всей длинѣ кости. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поперечный разрѣзъ діафиза получаетъ замѣтно иную форму, чѣмъ обыкновенно. На границѣ верхней трети впрочемъ разрѣзъ этотъ, за исключеніемъ своей болѣе угловатости не представляетъ особенно характеристичныхъ отличій; но за то въ срединѣ кости, какъ видно изъ прилагаемыхъ рисунковъ, онъ довольно рѣзко отличается отъ обыкновеннаго.

Поперечные разрѣзы плечевыхъ костей (дѣвухъ), по срединѣ ихъ длины: Фиг. 1. Обыкновеннаго русскаго скелета, Фиг. 2. Сахалинскаго мужскаго, Фиг. 3. Сахалинскаго женскаго. Во всѣхъ фигурахъ b означаетъ переднюю грань, c внутреннюю.

Подобной формы разрѣза мнѣ не приходилось встрѣчать ни на одной плечевой кости (русскихъ, курганскихъ и самаркандскихъ скелетовъ), такъ что я предложилъ бы, если только такая форма не составляетъ чистаго индивидуальной особенности, — отличить ее особымъ терминомъ, въ родѣ напримѣръ — «платиомин».

Относительно діафиза можно еще замѣтить, что у женскаго скелета онъ (именно на правой кости) представляетъ легкую выпуклость въ сторону, именно вы-

пуклостью внаружи; что мѣста прикрѣпленія мышцъ (особенно *pectoralis major*) выражены, какъ у мужскаго такъ и у женскаго скелетовъ, довольно рѣзко, хотя отпечатокъ *mm. deltoidei* и нѣсколько уже обыкновеннаго; что т. н. «*gouttière de torsion*» уже и выражена менѣе явственно.

Кромѣ того, можно еще замѣтить, что вмѣсто одного питательнаго отверстія (*foramen nutritium*) на внутренней сторонѣ кости, какъ обыкновенно, здѣсь, у мужскаго скелета, находятся ихъ (именно на лѣвой кости) четыре, два на передней и два на задней поверхности, а у женскаго — два, одинъ наперед и одинъ назад, всѣ обращенныя внизъ.

Что касается до эпифизовъ кости, то можно замѣтить, что верхній — отдѣленъ рѣзче отъ діафиза, чѣмъ обыкновенно, т. е. что т. наз. «хирургическая шейка» (*collum chirurgicum*) обозначена явственнѣе. Такъ наз. «анатомическая шейка» (*collum anatomicum*) — выражена также болѣе, особенно на задней и внутренней сторонѣ кости. *Tuberculum majus* и *minus* обозначены довольно рѣзко, особенно у женскаго скелета, хотя *sulcus bicipitalis* и слабо выраженъ. Можно также замѣтить, что *tuberculum minus* стоитъ нѣсколько ниже относительно *tuberculum majus* и нѣсколько болѣе отодвинутъ ввнутри.

Болѣе характеристическія особенности мы находимъ на нижнемъ концѣ кости. Здѣсь прежде всего насъ поражаетъ слабое развитіе мышечковъ, особенно *Epicondylus lateralis* Henle и относительно большая, влѣдствіе этого, длина суставной поверхности локтеваго отростка. Находящаяся выше блоковиднаго сочлененія ямки, какъ задняя — *fossa olecrani s. posterior*, куда входитъ при разгибаніи руки локтевой отростокъ (*olecranon ulnae*), такъ и передняя, и притомъ какъ *fovea ant. major* (s. *fossa proc. coronoidei*), такъ и *minor* (s. *fossa capituli radii*) — выражены весьма рѣзко, особенно задняя, края которой имѣютъ болѣе угловатую очертанію.

Лѣвая же кость женскаго скелета представляетъ ту особенность, что ея *fovea* продыравлена, т. е. передняя сообщается съ заднею помощью широкаго (въ 1 сант. ширины) отверстія. — Эта послѣдняя особенность, найденная какъ извѣстно на Западѣ — на многихъ древнихъ костяхъ изъ долменовъ, пещеръ и т. д., равно какъ и на многихъ *humerus*'ахъ Негровъ, признавалась еще недавно многими антропологами за одно изъ явленій

атавизма или приближенія къ обезьяньему типу, на томъ основаніи, что это продыравленіе встрѣчается у гориллы и у нѣкоторыхъ другихъ обезьянъ. Однако болѣе тщательныя наблюденія показываютъ, что эта особенность и у гориллы встрѣчается не всегда (притомъ болѣею частью только на скелетахъ старыхъ особей), у чимпанзе же, оранга и гиббоновъ нормально она не встрѣчается, и для того чтобы найти ее какъ постоянный признакъ, слѣдуетъ спуститься до Цебусовъ и Лему-ровъ *). Съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что эта особенность можетъ встрѣчаться и на обыкн. костяхъ и даже только на одной, правой или лѣвой кости скелета. — Тѣмъ не менѣе, просмотрѣвъ десятка три русскихъ костей, съ десятокъ курганныхъ, и *humerus*'ы пяти самаркандскихъ скелетовъ, я ни на одной изъ нихъ не встрѣтилъ указанной особенности.

Какъ на весьма интересную особенность нижняго конца разсматриваемыхъ костей, можно указать еще на болѣе горизонтальное положеніе локтеваго отростка (*Processus cubitalis*). Извѣстно, что на обыкновенныхъ костяхъ *Proc. cubitalis* наклоненъ, т. е. что его ось образуетъ съ осью діафиза кости острый уголъ, открытый къ наружной (латеральной) сторонѣ, — уголъ, который, по моимъ наблюденіямъ по крайней мѣрѣ, обыкновенно = 70—75° (рѣдко около 80°). Здѣсь же этотъ уголъ почти = 90°, т. е. ось *proc. cubitalis* почти перпендикулярна къ оси діафиза. — Такая особенность была замѣчена также Lucas — на скелетахъ Негровъ и Малайцевъ, и повидимому также Оуэнъ на скелетѣ Австралийца. Въ физиологическомъ отношеніи особенность эта имѣетъ то значеніе, что рука, при разгибаніи ея и обращеніи ладонью вверхъ (*supinatio*), должна быть нѣсколько прямѣе, т. е. на наружной сторонѣ руки, на локтѣ, не должно образовываться при этомъ болѣе или менѣе тупаго угла, какъ обыкновенно, и ось кости, какъ при разгибаніи, такъ и при сгибаніи руки, должна болѣе совпадать съ осью *humerus*'а **).

Изъ другихъ особенностей нижняго конца, можно указать еще на слабое выступленіе граней блоковиднаго сочлененія (*trochleae*), изъ коихъ наружная (или сре-

*) См. Mivart. *Man and Apes*. L. 1873 стр. 106 и 111.

**) См. Lucas. *Die Hand und der Fuss. Ein Beitrag zur vergl. Osteologie der Menschen, Affen und Beuteltiere*. Fr. a. M. 1865, стр. 10—11. Позже однако Lucas удалось встрѣтить эту особенность и между Европейскими скелетами, см. *Archiv für Anthropologie*. Bd. I. стр. 276.

динная, особенно у женского скелета, почти совершенно не выражена, а также на обуславливаемую этимъ малую выгнутость блоковидной поверхности, величина или протяжение которой не многимъ превосходить, или даже (у женского скелета) почти равна, поверхности capitulum. Кроме того, при взглядѣ снизу, можно, замѣтить еще, что Epicondylus medialis отклоненъ нѣсколько болѣе взадъ, т. е. образуетъ нѣсколько болѣе широкій уголъ съ осью локтевого отростка.

Въ заключеніе можно замѣтить, что т. наз. «уголъ крученія» кости здѣсь довольно великъ, именно $30-35^\circ$, тогда какъ обыкновенно онъ менѣе, и принимается въ нѣкоторыхъ учебникахъ $= 20^\circ$.

Такая особенность, именно болѣе величина угла крученія, (она была замѣчена Люе также на нѣсколькихъ скелетахъ Негровъ и Малайцевъ), можетъ считаться признакомъ нѣсколько нисшаго типа, такъ какъ мы находимъ ее выраженною еще болѣе рѣзко у антропоморфныхъ обезьянъ. Но съ другой стороны слѣдуетъ принять во вниманіе, что уголъ этотъ, какъ то доказываютъ измѣренія Люе и въ особенности Шмида, и у Европейцевъ подверженъ значительнымъ индивидуальнымъ варіаціямъ, измѣняясь, по Шмиду, въ предѣлахъ отъ 3 до 37 градусовъ *).

Изъ костей предплечья, ulna особенно замѣчательна у мужского скелета, гдѣ она представляетъ необыкновенное развитіе всѣхъ граней и мѣстъ прикрѣпленій мышцъ. Особенно рѣзки отпечатки anconeus quartus, brachialis internus и flexor profundus digitorum, изъ коихъ—отпечатки первого и послѣдняго образуютъ глубокия ямки. Задняя грань выражена необыкновенно рѣзко, особенно въ верхней половинѣ, гдѣ она образуетъ гораздо болѣе рѣзкій изгибъ, выпуклостью наружу, чѣмъ это встрѣчается нормально. Въ профиль можно видѣть, что верхній конецъ кости также болѣе наклоненъ вперед; processus coronoideus развитъ умѣреннѣе; fossa sigmoidea major и minor (s. incisura se-

milunaris) относительно — малы. У женского скелета кость эта, сравнительно толстая, болѣе округлена, и ея грани и мѣста прикрѣпленія мышцъ выражены много слабѣе. Задняя грань представляетъ значительно менѣе рѣзкій изгибъ, чѣмъ у мужского скелета, хотя вообще діафизъ и нѣсколько болѣе изогнутъ. Olecranon и fossa sigmoidea представляютъ нѣкоторыя особенности. Такъ горизонтальная поверхность fossae sigmoideae majoris — состоитъ только изъ одной овальной суставной поверхности, а не изъ двухъ, наклоненныхъ одна къ другой подъ тупымъ угломъ, какъ обыкновенно; соответственно этому, и двѣ половинки суставной поверхности olecranon'a — не одинаковой приблизительно ширины, какъ обыкновенно, а наружная, обращенная къ radius'у, менѣе и отогнута болѣе назадъ.

Лучевыя кости, изъ коихъ женскія отличаются своею относительно длиною, представляютъ то отличіе, что оси шеекъ ихъ верхнихъ головокъ нѣсколько болѣе отклонены отъ осей діафизовъ (особенно у женского скелета) и эти послѣдніе нѣсколько менѣе выгнуты. На мужскихъ костяхъ нижніе суставные концы отличаются относительно малымъ развитіемъ своей суставной поверхности, — (особенно треугольной ея части для сочлененія съ os scaphoideum); соответственно чему и processus styloideus radii выдается здѣсь весьма мало.

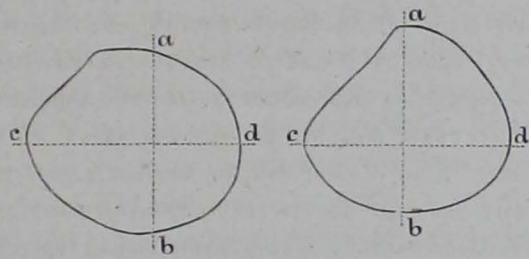
Изъ костей кисти сохранились только: у мужского скелета — одна кость запястья (os hamatum), одна пальцевая фаланга и 9 костей пястья, отличающихся необыкновенной рѣзкостью своихъ граней, длиною и тонкостью; у женского скелета — одна кость запястья, четыре пястныхъ (1, 2, 3, 4 — правой руки), пять — вторыхъ фалангъ и одна — третьихъ. На сколько можно судить по этимъ остаткамъ, женская кисть была, относительно, довольно длинная.

Переходя къ нижнимъ конечностямъ, мы должны прежде всего остановиться на *бедренныхъ костяхъ*. Женская кость (правая *) отличается отъ мужскихъ своею короткостью (какъ 380:430), — округленностью и нѣкоторою сплюснутостью или расширеніемъ своего діафиза. Впрочемъ это расширеніе замѣчается на бедренныхъ костяхъ обоихъ скелетовъ. Такъ, въ срединѣ кости, гдѣ обыкновенно толщина превышаетъ ширину (и именно, среднимъ числомъ, у русскихъ скелетовъ (8) на $+1,6$ мм., у Самаркандскихъ скелетовъ (5) —

*) См. Lucas. Die Stellung des Humeruskopfes zum Ellenbogengelenk beim Europäer und Neger, въ «Arch. für Anthropol.» I стр. 273, слѣд.; Schmid. Ueber die gegenseitige Stellung der Gelenk- und Knochen-achsen der vorderen und hinteren Extremität bei Wirbelthieren, ibid. Bd. VI. стр. 181 слѣд. Означеніи «угла крученія» у человека и животныхъ см. Martins Nouv. comparaison des membres pelviens et thoraciques etc. 1857; Gegenbaur. Jenaische Zeitschrift IV; Martins Sur la torsion de l'humerus, въ «Bull. de la Soc. d'Anthr.» 2 ser. t. IV стр. 320 слѣд. и Broca L'ordre des Primates etc., ibid. 2 ser. t. IV. стр. 301—309.

*) Лѣвой бедренной кости, равно какъ и прочихъ костей лѣвой ноги, у женского скелета не достаетъ.

на +1,7 мм., у Курганных (2) на +3,5 мм.), здѣсь, у мужскаго скелета, діаметры эти почти равны (среднее изъ двухъ костей = +0,5), а у женскаго, — ширина даже на 3 мм. больше. Значительно больше однако эта сплюснутость выражена въ верхней части діафиза, дюйма на два ниже trochanter minus. Здѣсь, на костяхъ русскихъ скелетовъ, хотя ширина обыкновенно также превосходитъ толщину (на 3,5 мм., у курганныхъ — на 4,0 мм.), однако разность въ этомъ случаѣ значительно меньше замѣтна, чѣмъ у Сахалинскихъ скелетовъ, гдѣ у мужскаго она равна — 9 (— означаетъ преобладаніе ширины), а у женскаго — 8. Вслѣдствіе такой сплюснутости, поперечный разрѣзъ кости, въ этомъ мѣстѣ, представляетъ у Сахалинскихъ скелетовъ, (какъ то можно видѣть изъ прилагаемыхъ рисунковъ),

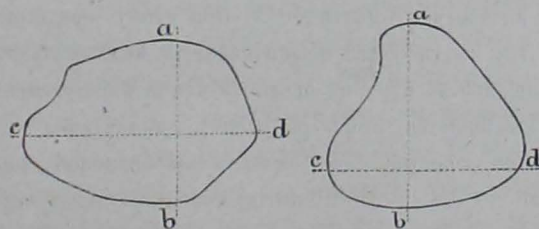

Фиг. 4.

Фиг. 5.

Поперечные разрѣзы бедренной кости (правой) обыкновеннаго русскаго, мужскаго скелета: фиг. 4. разрѣзъ — на 2 дюйма ниже Trochanter minus; фиг. 5 — разрѣзъ по срединѣ длины кости; cbd — передняя поверхность, cad — задняя; c — наружный край, а (на фиг. 5) — linea aspera.

нѣсколько иные очертанія, чѣмъ обыкновенно, причемъ на внутренней и наружной сторонахъ разрѣза явственно замѣтны выдающіяся углы. Такая же особенность была

Фиг. 6.

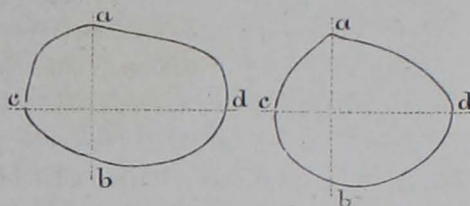
Фиг. 7.

Поперечные разрѣзы бедренной кости (правой) Сахалинскаго мужскаго скелета, на тѣхъ же уровняхъ, что и фиг. 4 и 5: c — наружная грань, d — внутренняя, а (фиг. 7) — carina.

найдена Бѣскомъ на бедренныхъ костяхъ изъ одной англійской пещеры неолитическаго вѣка (Perthi-Chwareu), равно какъ и на костяхъ изъ нѣкоторыхъ тумулусовъ, причемъ кости эти представляли большей частью еще и другую особенность, именно необыкновенно развитую

linea aspera, выступающую въ формѣ костяной колонки (carina) на задней поверхности кости *).

Здѣсь, эта послѣдняя особенность тоже существуетъ, именно у мужскаго скелета, но у женскаго ея нѣтъ,

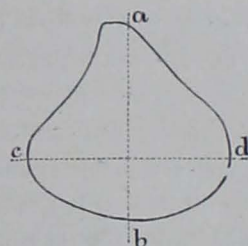

Фиг. 8.

Фиг. 9.

Поперечные разрѣзы бедренной кости (правой) Сахалинскаго женскаго скелета, на тѣхъ же уровняхъ.

и поперечный разрѣзъ женской бедренной кости, въ срединѣ, представляетъ округленную форму, — безъ выступа, соответствующаго задней колонкѣ (carina) и существующаго на мужской кости. Впрочемъ, и у мужскаго скелета выступъ этотъ выраженъ не особенно рѣзко, значительно меньше, чѣмъ я нашелъ напримѣръ его — у одного скелета изъ Самарканда (Ср. фиг. 10).

Фиг. 10.

Поперечный разрѣзъ бедренной кости (правой) одного самаркандскаго скелета, по срединѣ длины кости; а — carina.

Изъ прочихъ особенностей разсматриваемыхъ костей, можно замѣтить еще, что діафизъ мужской кости нѣсколько прямѣе обыкновеннаго, и, равно какъ и діафизъ женской, хотя и выгнутъ равномерно по всей длинѣ кости, однако не представляетъ того, болѣе или менѣе явственно выраженнаго перегиба, который существуетъ почти всегда на границѣ верхней трети **).

Шейка верхней головки наклонена, на мужской кости на 140° , на женской — на 135° . На мужской кости

*) См. Prof. Busk. Notes on the Human Remains (in the sepulchral Cave at Perthi Chwareu in Denbigshire) въ «Journ. of the Ethnol. Soc. of Lond.» N. S. v. II стр. 454; также въ соч. Boyd Dawkins Cave Hunting. L. 1874; стр. 172. Ср. еще Broca въ «Bull. de la Soc. d'Anthr.» 2 s. III стр. 362.

**) См. H. Meyer. Die Statik und Mechanik des menschl. Knochengengerüsts L. 1873, стр. 352 слѣд.

ея вышина относится къ толщинѣ, какъ 33:23, на женской же — оба эти діаметра почти равны, именно относятся между собою какъ 25:24 *). Уголъ крученія мужской кости довольно малъ (около 5°), на женской же онъ достигаетъ значительной величины (до 25°) причемъ нижній внутренній мыщелокъ выдается взадъ много болѣе наружнаго **). *Trochanter minus* имѣетъ болѣе удлиненную форму; мѣста прикрѣпленія большихъ ягодичныхъ мышцъ выражены рѣзко (особенно у мужскаго скелета); *fossa poplitea s. intercondyloidea* относительно широка, особенно назади и у мужскаго скелета, гдѣ въ глубинѣ она уже, чѣмъ на краю, т. е. обратно тому, какъ это встрѣчается обыкновенно.

Изъ костей слѣдующаго сегмента, голени, мы должны обратить особенное наше вниманіе на большеберцовыя (*tibiae*) которыя представляютъ нѣкоторыя, весьма интересные отклоненія въ подробностяхъ отъ нормальнаго типа, — отклоненія, отчасти общія для обоихъ скелетовъ, отчасти же специально свойственныя тому или другому изъ нихъ. Къ числу первыхъ, т. е. общихъ для обоихъ половъ особенностей могутъ быть отнесены:

а) нѣсколько меньшее развитіе обоихъ суставныхъ концовъ, сравнительно съ тѣломъ, или діафизомъ кости. Такъ, наибольшая ширина верхняго конца равняется здѣсь 0,200—0,205 наибольшей длины всей кости, а ширина нижняго конца (отъ *incisura fibularis* къ наружной сторонѣ *malleolus internus*) 0,118 — 0,121, между тѣмъ какъ изъ измѣреній шестнадцати русскихъ *tibiae* я нашелъ, что ширина верхняго конца равнялась у нихъ среднимъ числомъ 0,240, а нижняго — 0,137 наибольшей длины кости. Наоборотъ, въ толщину, т. е. въ сагитальномъ направленіи, верхній конецъ этихъ костей относительно больше: именно, наибольшая толщина его (по линіи параллельной внутреннему гребешку *eminentia intercondyloidea*, составляетъ 0,147—0,134 длины кости, тогда какъ на 16 русскихъ *tibiae* она равнялась среднимъ числомъ 0,122.

*) По Шмиду (I. с. стр. 190) уголъ наклона бедренной шейки у женщинъ нѣсколько меньше, чѣмъ у мужчинъ. Тоже принимаетъ, какъ известно, большинство анатомовъ, напр. *Sappey Traité d'Anatomie* 2 ed. I стр. 400 и *Henle Knochenlehre* 3-te Auflage 1871. I, стр. 283. Мейеръ однако (I. с. стр. 354) говоритъ, что онъ не могъ найти въ этомъ отношеніи никакого различія между полами. Вообще, по *Sappey*, уголъ этотъ варьируетъ, у отдельныхъ особей, отъ 144 до 121 град.

**) Шмидъ изъ измѣренія 13 костей нашелъ, что уголъ крученія бедренныхъ костей варьируетъ отъ 1 до 19°.

б) Нѣсколько иная форма суставныхъ поверхностей концовъ. — Такъ верхній конецъ отличается значительнымъ развитіемъ своей *eminentia intermedia s. intercondyloidea*, именно внутренняго (медіальнаго) ея гребешка, который (особенно у мужскаго скелета) выдается необыкновенно рѣзко, между тѣмъ какъ наружный гребешокъ выдается, относительно, менѣе чѣмъ обыкновенно. Далѣе, суставная поверхность наружнаго мыщелка (*cond. externus*) относительно меньше, притомъ она покатата кнаружи, весьма мало вогнута въ поперечномъ направленіи и наоборотъ, замѣтно болѣе (особенно на женской кости) выпукла въ продольномъ (или сагитальномъ) направленіи.

Что касается до суставной поверхности внутренняго *condylus'a*, то ея желобоватость обуславливается почти исключительно крутымъ поднятіемъ ея къ внутреннему гребешку *emin. intermediae*; къ внутреннему же (или медіальному) краю поверхность эта совершенно плоска и даже, именно на женской кости, замѣтно понижается. Въмѣстѣ съ тѣмъ, обѣ эти поверхности (какъ на мужской, такъ, и въ особенности, на женской кости) представляютъ довольно значительную покатость взади, что въ особенности замѣтно при разсматриваніи костей въ профиль, съ внутренней (медіальной) стороны. Въ этомъ положеніи видно, что край *condylus internus* образуетъ съ осью діафиза болѣе острый уголъ (обращенный вершиною впередъ), чѣмъ обыкновенно. На русскихъ *tibiae* уголъ этотъ (по моимъ наблюденіямъ), хотя и варьируетъ нѣсколько, однако весьма незначительно, и почти всегда остается въ предѣлахъ между 85°—80°. Здѣсь же уголъ этотъ равняется: на мужской тибіи — 73°, а на женской — почти 60°. — При этомъ оба *condyli* выдаются взадъ болѣе обыкновеннаго, вслѣдствіе чего находящаяся въ верхней части задней поверхности ямка (гдѣ помѣщается *mus. popliteus*), является глубже, суставная фацетка для головки малоберцовой кости, (*superficies articularis fibularis*) приближается болѣе къ горизонтальному положенію, (особенно на женской кости, гдѣ она въ тоже время обращена болѣе кнаружи), и наконецъ, какъ необходимое слѣдствіе, межкостное пространство между большою и малою берцовыми костями — становится (именно въ верхней своей половинѣ) — нѣсколько болѣе широкимъ.

На женской тибіи, къ этому присоединяется еще, какъ увидимъ далѣе, значительно большее закручиваніе (*torsion*) верхняго конца, результатомъ котораго являет-

ся то, что внутренний мыщелокъ выдается здѣсь много болѣе взадъ, нежели наружный, и суставная поверхность его лежитъ много ниже поверхности послѣдняго.

Въ заключеніе, можно еще замѣтить, что какъ на мужской, такъ и въ особенности на женской тибіи *eminentia intermedia* отодвинута нѣсколько болѣе къ заднему краю верхней суставной поверхности, и что периметральный *index* диафизовъ можетъ быть названъ довольно значительнымъ; именно, онъ равняется здѣсь 0,206—0,196, между тѣмъ какъ напримѣръ у 5 самаркандскихъ скелетовъ (въ томъ числѣ 3 мужскихъ сильнаго сложенія) я нашелъ его равняющимся среднимъ числомъ 0,188, на двухъ русскихъ *tibiae*, значительно болѣе величины—0,190, и только на одномъ курганномъ скелетѣ, отличающемся необыкновенно сильнымъ сложеніемъ (№ 52) — 0,219 *).

Что касается нижняго суставнаго конца, то особенность его, у обоихъ скелетовъ, заключается въ нѣсколько иной формѣ внутренней лодыжки (*malleolus internus*). Извѣстно, что на обыкновенныхъ костяхъ отростокъ этотъ, — высота котораго равняется приблизительно 12 милл. (по Henle), — выдается почти перпендикулярно внизъ, т. е. почти подъ прямымъ угломъ съ нижней суставной поверхностью *tibiae*, и вершина его (или вѣрнѣе нижній конецъ) представляетъ два (большей частью не одинаковой величины) возвышенія, раздѣленные между собою выемкой, въ которой помѣщается боковая внутренняя связка (*lig. laterale internum*) тибіотарсальнаго сочлененія; причемъ это раздвоеніе на два выступа обыкновенно выражено также и на суставной поверхности *malleolus'a*. Здѣсь же, на Сахалинскихъ тибіяхъ видно, что внутренний мыщелокъ: 1) относительно болѣе, т. е. нѣсколько болѣе выдается внизъ, 2) отклоненъ болѣе, т. е. подъ болѣе тупымъ угломъ, ввнутри (къ медиальной сторонѣ), и 3) имѣетъ (особенно со стороны суставной поверхности), болѣе треугольную форму, такъ какъ его задній бугорокъ не доразвитъ. Что касается впрочемъ до величины угла, образуемаго суставною поверхностью мыщелка съ таковою же нижнею поверхностью кости, то нужно замѣтить, что уголъ этотъ, и на обыкновенныхъ тибіяхъ, никогда не равняется 90°, а обыкновенно (по моимъ наблюденіямъ по крайней мѣрѣ) варьируетъ между 105°—110°; но здѣсь онъ достигаетъ величины 120°. Большая же высота отрост-

ка видна уже изъ того, что наибольшее вертикальное протяженіе его суставной поверхности равняется здѣсь 16—17 милл., тогда какъ обыкновенно она не превышаетъ 14.

Относительно вопроса о томъ, какое значеніе должно быть приписано всѣмъ этимъ мелкимъ особенностямъ, можно замѣтить, что многія изъ нихъ, какъ напримѣръ: меньшая величина, болѣе плоскость и покатость кнаружи медиальнаго *condylus'a*; меньшая желобоватость латеральнаго *condylus'a*; болѣе заднее положеніе *eminentiae intermediae*; болѣе наклонъ и выступаніе обоихъ *condylus'овъ* кзади, и обусловленное этимъ болѣе горизонтальное положеніе *Superp. articularis fibularis* и болѣе широкая *Spatia interossei*; равно какъ и только что указанныя особенности *malleoli interni*, — могутъ быть разсматриваемы какъ признаки нѣсколько низшаго типа, на томъ основаніи именно, что мы встречаемъ ихъ, правда въ значительно болѣе степени развитія, и у высшихъ обезьянъ, — чимпанзе и гориллы. Такъ, по изслѣдованіямъ Alix, у *Troglodytes Aubryi*, *eminentia intermedia* выражена весьма рѣзко, но помѣщена почти совершенно въ задней трети верхней суставной поверхности, — *condyli* наклонены, въ особенности наружный, который при этомъ очень выпуклъ въ сагитальномъ направленіи, — *malleolus* значительно выдается и его суставная поверхность наклонена подъ тупымъ угломъ (*oblique*). Подобное же наблюденіе было сдѣлано и на тибіи гориллы, именно Оуэномъ, который нашелъ, что *eminentia intermedia* отнесена здѣсь также болѣе кзади, суставная поверхность латеральнаго *condylus'a* также меньше, плосче и покатѣе, — а желобоватость суставной поверхности медиальнаго *condylus'a* обуславливается почти исключительно крутымъ поднятіемъ ея къ внутреннему гребешку *emin. intermediae*; наконецъ, что *mall. internus* выдается также болѣе, что его форма болѣе угловата (*more angular*), и что отклоненіе его ввнутри выражено замѣтно болѣе, чѣмъ у человека *). Замѣтимъ однако, что нѣкоторыя изъ этихъ особенностей, какъ напр. болѣе наклонъ кзади верхняго суставнаго конца и болѣе горизонтальное положеніе *Superf. artic. fibularis*, мы встречаемъ также и на тибіи новорожденнаго младенца, гдѣ впрочемъ, въ общемъ, форма кости представляетъ

*) Выраженіе «периметральный *index*» введено Бёскомъ; подъ этимъ названіемъ разумѣется отношеніе наименьшей окружности къ длинѣ кости.

*) См. Owen l. c. и Gratiolet et Alex Rech. sur l'anatomie du *Troglodytes Aubryi*, въ «Nouv. Archives du Mus. II. 1866» стран. 92.

уже нѣсколько отличный типъ. Съ другой стороны, слѣдуетъ принять во вниманіе, что меньшая величина, именно ширина суставныхъ концовъ, особенно верхняго, болѣе удаляетъ разсматриваемыя нами тибіи отъ животнаго, специально обезьяняго типа, нежели современныя русскія и вообще европейскія.

Рядомъ съ только что указанными и общими для обоихъ половъ особенностями, *tibiae* этихъ скелетовъ имѣютъ еще, какъ сказано, нѣкоторыя specialныя, свойственныя исключительно только тому или другому полу, и которыя на первый взглядъ рѣзко отличаютъ ихъ между собою. Къ числу такихъ особенностей, у мужскаго скелета, относятся:

1. Нѣсколько большая вогнутость кости впереди, вслѣдствіе чего, при взглядѣ въ профиль, передній контуръ діафиза, въ двухъ верхнихъ третяхъ своей длины, является явственно выпуклымъ впереди, а задній, особенно въ средней трети — вогнутымъ, между тѣмъ какъ на обыкновенныхъ скелетахъ — діафизъ тибіи почти прямъ, и выказываетъ лишь весьма незначительную изогнутость въ сагитальномъ направленіи; причемъ, при взглядѣ въ профиль, передній контуръ является даже скорѣе вогнутымъ на большей части своего протяженія, нежели выпуклымъ.

Эта особенность обуславливается отчасти, какъ увидимъ далѣе, болѣею величиной сагитальнаго діаметра діафиза въ его верхней половинѣ, а отчасти и дѣйствительнымъ изгибомъ кости. Кроме того, здѣсь оказываетъ вліяніе и нѣсколько иная форма передней грани или гребешка (*crista tibiae*). Последняя, на обыкновенныхъ скелетахъ, имѣетъ правильную волнообразную форму, въ родѣ вытянутаго латинскаго S или русскаго Z, причемъ оба изгиба кривизны, какъ верхній, обращенный выпуклостью ввнутри, такъ и нижній, обращенный выпуклостью кнаружи — выражены одинаково. Здѣсь же, на тибіяхъ Сахалинскаго мужскаго скелета, верхній изгибъ, обращенный выпуклостью ввнутри, выраженъ весьма слабо, нижній же, направленный кнаружи — весьма рѣзко, такъ что правильность кривизны теряется и въ профилѣ верхняго изгиба почти совершенно не видно.

2. Большая вогнутость или вдавленіе наружной (или латеральной) поверхности діафиза, образующей, въ двухъ верхнихъ третяхъ, широкій желобъ, глубина котораго, на срединѣ его длины и близъ наружной грани, достигаетъ 3 — 4 миллиметровъ. На обыкновенныхъ кос-

тахъ, желобъ этотъ, служащій, какъ извѣстно, мѣстомъ прикрѣпленія *Mus. tibialis anticus* (передней большеберцовой мышцы), болѣею частью только слегка обозначенъ, и то лишь въ верхней своей половинѣ; по крайней мѣрѣ, просмотрѣвши около 50 большеберцовыхъ костей — русскіхъ, курганныхъ и самарканскихъ скелетовъ, я только на двухъ, трехъ — нашелъ его выраженнымъ довольно значительно, но и то много менѣе, нежели на сахалинскомъ скелетѣ. Эта желобоватость наружной поверхности, отличающейся притомъ шириною, указываетъ повидимому на нѣсколько болѣе сильное развитіе *m. tibialis anticus*, — мышцы, какъ извѣстно, сгибающей стопу, и поворачивающей ее нѣсколько подошвой ввнутри.

3. Большая сплюснутость съ боковъ верхней половины кости, или такъ наз. «платикнемія», выраженная въ большемъ преобладаніи сагитальнаго діаметра діафиза надъ поперечнымъ. Именно послѣдній относится здѣсь къ первому, на уровнѣ *foramen nutritium* (и прибавимъ — на правой *tibia*), какъ 20:32, или какъ 625:1000, тогда какъ на 15 (непарныхъ) русскіхъ тибіяхъ, разн. величины, я нашелъ эти діаметры относящимися между собою, среднимъ числомъ, какъ 23,5:31,4, или какъ 747:1000; на 8 (также непарныхъ) тибіяхъ курганныхъ скелетовъ — какъ 25,6:35,2, или какъ 726:1000, т. е. слѣдовательно сплюснутость тибіи сахалинскаго мужскаго скелета относится къ сплюснутости средней современной русской тибіи, приблизительно, какъ 836:1000, а курганной — какъ 860:1000. — Результатомъ такой сплюснутости является то, что внутренняя и наружная стороны діафиза сходятся здѣсь подъ болѣе острымъ угломъ, чѣмъ на обыкновенныхъ тибіяхъ, и передняя грань или *crista tibiae* выдается много рѣзче, хотя на самомъ краю она и менѣе остра (т. е. округленнѣе), чѣмъ обыкновенно.

Эта сплюснутость большеберцоваго діафиза, или такъ наз. «платикнемія» (буквально — «плоскоголенность») была, какъ извѣстно, въ послѣднее время предметомъ многихъ толковъ у антропологовъ, изъ коихъ нѣкоторые, какъ напр. Брока, полагали возможнымъ придать ей значеніе расоваго признака и считать ее за особенность обезьяняго типа. Первый, кто обратилъ вниманіе на существованіе такихъ сплюснутыхъ тибіи, и ввелъ въ употребленіе терминъ «платикнемія», былъ Проф. Бескъ (*Busk*), который открылъ эту особенность (совмѣстно съ Д-ромъ Фалькonerомъ) въ 1863 г., на

большеберцовых костяхъ, добытыхъ, въ числѣ прочихъ, капитаномъ Бромомъ, изъ одной Гибралтарской пещеры (Genista Cave on Windmill Hill). Судя по измѣреніямъ, (произведеннымъ впрочемъ уже позднѣе, именно въ 1869—Брокъ), средніе діаметры семи такихъ тибій относились между собою, какъ 221:346, или какъ 63,3:100, т. е. слѣд. тибіи эти были почти настолько же сплюснуты, какъ и сахалинская. — Около того же времени, именно въ 1864 г., эта же особенность была замѣчена Брока (и ранѣе еще — Лань) на большеберцовыхъ костяхъ изъ одного французскаго долмена (Dolmen de Chamant—Oise), а нѣсколько позже, тибіи подобнаго вида были найдены также въ числѣ костей изъ Ментенонскаго долмена (Dolmen de Mantenon — Eure et Loir), — изъ нѣкоторыхъ другихъ могильниковъ эпохи полированного камня, изъ Монматрскаго дилувія — (Eug. Bertrand) и т. д. Нигдѣ однако же особенность эта (по словамъ Брока) не оказалась выраженной такъ рѣзко, какъ на большеберцовыхъ костяхъ изъ одной Везерской пещеры, именно такъ наз. Кроманьонской (caverne de Cromagnon, prez des Eyzies). Найденныя здѣсь тибіи (къ сожалѣнію одни діафизы безъ суставныхъ концовъ) представляютъ, по словамъ Брока, весьма рѣзко выраженную саблевидную форму (en lame de sabre droit), значительно приближающуюся къ той, какую мы встрѣчаемъ у высшихъ антропоморфныхъ обезьянъ. Для того, чтобы показать точнѣе, въ чемъ заключается это отличіе сплюснутыхъ Кроманьонскихъ тибій отъ современныхъ, Брокъ, (въ запискѣ Пар. Антр. Общ. 21 мая 1868 г.), сообщилъ подробное ихъ описаніе и сравненіе съ современными, причемъ для большей наглядности представилъ также и пояснительные чертежи *). Обыкновенныя тибіи, по словамъ Брока, имѣютъ треугольную, призматическую форму, такъ что слѣдовательно діафизъ ихъ представляетъ три стороны и три края или грани. Передняя изъ этихъ граней, или *crista tibiae*, находится подъ кожей, а двѣ другихъ назадъ, именно — одна внутренняя, помѣщенная также подъ кожей, и другая — вѣшняя, скрытая между мышцами и служащая мѣстомъ прикрѣпленія, по всей своей длинѣ, межкостной связки, которая идетъ поперекъ отъ *tibia* къ *fibula*. Между этими тремя гранями заключены три стороны, а именно: вну-

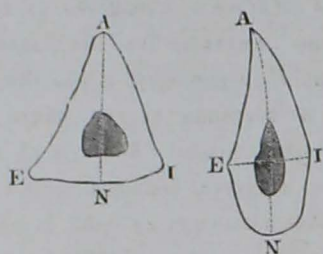
тренняя, находящаяся прямо подъ кожей, — вѣшняя, служащая въ двухъ верхнихъ своихъ третяхъ мѣстомъ прикрѣпленія передней большеберцовой мышцы, и — задняя, обращенная прямо назадъ и на которой берутъ начало многія мышцы. Последняя сторона (фиг. 14) ограничена съ боковъ двумя гранями, которыя, на большей части своего протяженія, (именно приблизительно на разстояніи $\frac{3}{5}$) остаются параллельными между собою, а вверху, къ суставному концу, расходятся и переходятъ наконецъ въ края обоихъ кондилей. Такимъ образомъ, въ верхнихъ $\frac{2}{5}$ задней поверхности получается расширенное и нѣсколько вогнутое пространство, на которомъ можно обыкновенно замѣтить двѣ нѣсколько возвышенныя костныя линіи, именно одну, т. наз. *linea poplitea s. obliqua*, идущую косвенно сверху внизъ и снаружи ввнутри, отъ *superf. articul. fibularis* къ внутреннему краю діафиза, — и другую, большей частью слабѣе выраженную, (Брокъ называетъ ее *ligne jambière*, вѣрнѣе можно было бы ее назвать *lin. tibialis posterior*), которая начинается приблизительно отъ середины предыдущей, и, спускаясь косвенно внизъ и кнаружи, идетъ по направленію къ наружной грани. Эти двѣ линіи раздѣляютъ верхнюю часть задней поверхности тибіи на три площадки, занятая каждая отдѣльною мышцею. Именно, верхняя треугольная площадка, между *linea poplitea* и наружнымъ краемъ, занята подколенной мышцею (*m. popliteus*); наружное пространство, между *ligne jambière*, *poplitea* и наружною гранью — задней большеберцовой мышцею (*m. tibialis posticus*) и наконецъ, треугольникъ между *linea poplitea* и *l. jambière* — мышцею длинной общей сгибающей пальца (*M. flexor communis digitorum longus*). Всѣ эти три мышцы прикрѣпляются одинаково своими краями къ *linea poplitea*, которая кромѣ того, по всей своей длинѣ, служитъ мѣстомъ прикрѣпленія для пяточной мышцы (*m. soleus*). Что же касается до *lin. tib. posterior*, то она служитъ только мѣстомъ прикрѣпленія межмышечной связки, отдѣляющей *m. tibialis posticus* отъ *flex. comm. digit. longus*.

Наконецъ, кнаружи отъ *lin. tib. post.*, или отъ мѣста соединенія ея съ *linea poplitea*, на площадкѣ, занятой *m. tibialis posticus*, и (по Брока) приблизительно на срединѣ ширины задней поверхности, находится большое питательное отверстіе кости, предшествуемое желобкомъ и направленное внизъ (или, какъ выражаются нѣкоторые франц. анатомы, *taillée en bec de flûte*.) — Таково, въ главныхъ чертахъ, по описанію Брока, стро-

*) См. статью Брока. Sur les crânes et ossements des Eyzies, в Bull. de la Soc. d'Anthr. 2 ser. t. III. 1868. Стр. 362 слѣд.

ение диафиза и верхней части задней поверхности последнего на обыкновенных тibiaх.

Посмотрим теперь, в чем заключается отличие, представляемое сплюснутыми, «саблевидными» тibiaми? Для наглядного объяснения существующего между этими двумя формами различия, Брока представил два схематических чертежа, изображающих поперечные разрез тibiaх обоих видов, произведенные мысленно на одном и том же уровне, именно на уровне foramen nutritium. Фиг. 11 представляет разрез обыкновенной трехгранной тibiaи. Три угла А, Е, I соответствуют

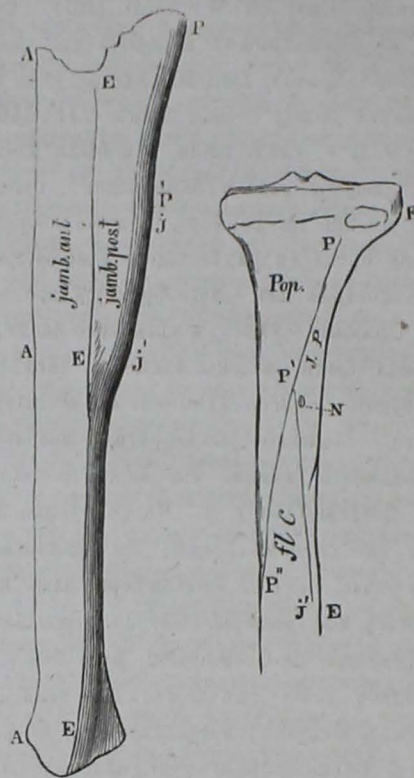

Фиг. 11. Фиг. 12.

Схематические поперечные разрез тibiaх на уровне foramen nutritium (по Брока): фиг. 11. — обыкновенной трехгранной тibiaи; фиг. 12. — сплюснутой Кроманьонской.

здесь трем краям, переднему, наружному и внутреннему. Сторона АЕ соответствует наружной поверхности, на которой прикрепляется *M. tibialis anticus*, AI—есть внутренняя сторона, лежащая под кожей, наконец EI—задняя сторона, на которой точка N обозначает положение питательного отверстия; внутренняя часть этой стороны IN, соответствует поверхности, занятой *M. popliteus*, наружная часть NE—занята *M. tibialis posticus*. Фиг. 12 представляет разрез сплюснутой тibiaи, где соответственные части обозначены одинаковыми же буквами. Однако, уже одного быстрого взгляда достаточно, чтобы видеть, что задняя сторона диафиза имеет здесь совершенно иную форму; ее наружная часть EN отнесена на наружную сторону, ее внутренняя NI перенесена на внутреннюю; так что, следовательно, единственная часть этой задней поверхности, которая действительно обращена назад, составляет только толстый край, на котором открывается питательное отверстие N. Таким образом, диаметр сплюснутой тibiaи представляет в сущности только две стороны и два края: 1) передний край А (или *crista tibiae*), сходный с таковым же трехгранных тibiaх, только более острый; 2) задний край N, образованный вверху верхней частью *linea poplitea* и ниже *l. tibialis posterior*;

3) внутреннюю сторону, составленную, наперед, из внутренней стороны обыкновенных тibiaх, а назад из

Фиг. 13.

Фиг. 14.

Фиг. 13. Наружная сторона сплюснутых тibiaх (Euzyes); фиг. 14. Задняя сторона обыкновенной тibiaи (копия чертежей Брока). На обоих чертежах означают: ААА—переднюю грань, ЕЕЕ—наружную грань, РР'Р'—*linea poplitea*, Р' J'—*ligne jambiere*, N—*foramen nutritium*, pop.—место прикрепления *musc popliteus*, J. P (jamb. post.)—место прикрепления *m. tibialis posticus*; jamb. ant.—место прикрепления *M. tibialis anticus*, Fl. c.—место прикрепления *M. flexor communis digitorum*.

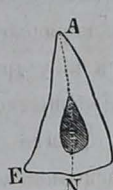
поверхности, занятой подкожной мышцей, и 4) наружную сторону, образованную наперед из наружной поверхности обыкновенных тibiaх, а назад из площадки *M. tibialis posticus*. Короче сказать, сплюснутая тibiaи, вместо трех граней—передней, наружной и внутренней, имеет только две—переднюю и заднюю, и, вместо трех сторон наружной, внутренней и задней,—только две первых т. е. наружную и внутреннюю.

Такая сплюснутость большеберцовой кости замечается однако, как сказано, только в верхней половине ее диафиза: нижняя же половина удерживает вполне свою характеристическую треугольную форму. Таким образом, при взгляде в профиль, видно, что диафиз сплюснутой тibiaи расширяется разом, приблизительно на середине своей длины, причем наружная грань переходит

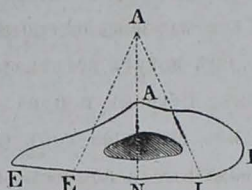
въ костный гребень, разграничивающій площадь при-
рѣплена передней большеберцовой мышцы отъ задней,
а внутренняя грань почти совершенно сглаживается,
теряясь на внутренней или медіальной сторонѣ. Что
касается наконецъ до задняго края, замѣняющаго здѣсь
собою заднюю сторону обыкнов. тибій, то присутствіе
его замѣчается также только въ верхней половинѣ діафиза,
и притомъ болѣе рѣзко, въ формѣ настоящаго костя-
наго гребня лишь на извѣстномъ протяженіи ниже уровня
foramen nutritium. Выше же этого уровня онъ округленъ и
расширенъ, точно также, какъ и ниже, къ срединѣ кости,
онъ теряется у наружнаго края діафиза, ставшаго здѣсь
уже трехграннымъ. Въ сущности, этотъ гребень есть
ничто иное, какъ сильно развитая *linea tibialis posterior*.
Такимъ образомъ, задній край верхней части сплюсну-
той тибіи составляется: выше уровня питательнаго от-
верстія—изъ верхней части *linea poplitea*, а ниже—изъ
тибиальной линіи (*l. tib. posterior*).

Приведенное описаніе приложено, по мнѣнію Брока,
ко всѣмъ сплюснутымъ тибіямъ *en lame de sabre droit*,
не только Кроманьонскихъ, но также къ добытымъ изъ
Шамантскаго и Ментенонскаго долмена, изъ Монматресскаго
дилювія, изъ Гибралтарскихъ пещеръ и пр., хотя упо-
мянутыя особенности и не всегда выражены у нихъ въ
одинаковой степени. Это же описаніе, за небольшими
различіями чисто второстепеннаго характера, можетъ
быть приложено по его мнѣнію и къ сплюснутымъ
тибіямъ антропом. обезьянъ, а также и ко многимъ ти-
біямъ Негровъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, Брокъ показалъ (именно
въ слѣдующ. засѣданіи Пар. Антр. Общ. 4 іюня 1868 г.),
что описанный имъ типъ сплюснутыхъ тибій не состав-
ляетъ патологическаго явленія, —результата *gachitis* или
англійской болѣзни, какъ то старался доказать въ осо-
бенности Прунеръ-Бей. Во первыхъ, слѣдовъ рахитизма
не было найдено ни на какихъ другихъ костяхъ, добы-
тыхъ совместно съ платикнемическими тибіями, между
тѣмъ какъ *gachitis* поражаетъ обыкновенно многія ко-
сти конечностей, и вмѣстѣ съ тибіей также *femur* и въ
особенности *fibulam*, которыя въ данномъ случаѣ со-
вершенно нормальны. Притомъ и строеніе костной ткани
не представляетъ въ данномъ случаѣ никакого замѣт-
наго патологическаго измѣненія. Во вторыхъ, хотя *ga-
chitis* и можетъ производить сплющиваніе тибій, однако
это сплющиваніе всегда сопровождается искривленіемъ
кости, и притомъ никогда не ограничивается исключи-
тельно только верхнею частью діафиза, а обыкновенно

достигаетъ своего *maximum'a* ниже, въ средней трети,
а иногда замѣчается и въ нижней, между тѣмъ какъ
нижняя половина платикнемическихъ тибій остается
совершенно нормальною. Въ третьихъ, самый родъ
сплющиванія платикнемическихъ тибій отличенъ отъ того,
который замѣчается на рахитическихъ костяхъ. Послед-
нія могутъ быть правда также иногда сплющены съ бо-
ковъ, но въ такомъ случаѣ онѣ удерживаютъ вполне
всѣ особенности нормальныхъ трехгранныхъ тибій, съ
тѣмъ только отличіемъ, что задняя поверхность ихъ дѣла-
ется нѣсколько уже. Гораздо же чаще онѣ сплющиваются
въ противоположномъ направленіи, т. е. спереди назадъ,

Фиг. 15.

Фиг. 16.

Схематическіе разрѣзы рахитическихъ тибій на уровнѣ питательнаго
отверстія (по Брока). Фиг. 15—рахитическая тибія à courbure antero-
postérieure. Фиг. 16—рахитич. тибія à courbure laterale. A—означаетъ
переднюю грань, E—наружную, I—внутреннюю; N—мѣсто питатель-
наго отверстія, EN—мѣсто прикрѣпленія *M. tibialis posticus* I. N—
такое же—*M. popliteus*.

причемъ ихъ форма, хотя и получаетъ на первый вз-
глядъ большое сходство съ формой платикнемическихъ ти-
бій, однако на самомъ дѣлѣ наиболѣе отъ нея отделяется,
какъ то можно наглядно видѣть изъ фиг. 12 и 16, изобра-
жающихъ схематическіе поперечные разрѣзы тѣхъ и
другихъ, на одномъ и томъ же уровнѣ, и въ одинако-
вомъ положеніи. Такимъ образомъ, платикнемія отнюдь
не составляетъ патологическаго явленія, соответствующаго
измѣненію костей, производимому англійской бо-
лѣзнью, и еѣ скорѣе слѣдуетъ, по мнѣнію Брока, при-
знать за особенность расы,—особенность, которая была
носившему наиболѣе распространена у нѣкоторыхъ
доисторическихъ племенъ Зап. Европы, и существованіе
которой, по всей вѣроятности, находилось въ связи съ
относительнымъ развитіемъ мышцъ голени, особенно
задней ея стороны. Въмѣстѣ съ тѣмъ Брокъ высказы-
ваетъ предположеніе, что трехгранная форма верхней поло-
вины большеберцовыхъ костей является наиболѣе выра-
женною у тѣхъ племенъ, у которыхъ замѣчается и на-
ибольшее развитіе икры, а извѣстно, что эти послѣднія,
большой частью у нисшихъ племенъ, не такъ рѣзко

отдѣлены отъ своихъ сухожилій, какъ у Кавказской расы *).

Приведенные факты и выводы, констатированные Брока, были приняты въ ихъ главныхъ основаніяхъ почти всѣми антропологами. Всѣ согласились, что явленіе платикнеміи существенно отлично отъ сплюснута костей, производимаго англійскою болѣзью, и что тибіи, описанныя Брока, представляютъ явственные отличія отъ трехгранной формы. Вопросъ заключался только въ томъ, насколько эта особенность могла быть названа рѣзкою и типичною, тѣмъ болѣе, что уже Эккеръ, въ своемъ рефератѣ объ изслѣдованіяхъ Брока **), замѣтилъ, что иногда подобныя же тибіи, хотя конечно и не въ такой степени сплюснуты, какъ Кроманьонскія, попадаются и между обыкновенными европейскими, точно также, какъ онѣ могутъ встрѣчаться и у другихъ расъ, Австралійцевъ, Негровъ и проч. Любопытно однакоже, что никому изъ антропологовъ не пришло повидимому въ голову задать себѣ вопросъ, насколько вѣренъ представленный г. Брока поперечный разрѣзъ платикнемической тибіи. Правда, прямую повѣрку сдѣлать было въ данномъ случаѣ нельзя, такъ какъ Брока нигдѣ не упоминаетъ, какую величину имѣли въ дѣйствительности сагитальный и поперечный діаметры Кроманьонскихъ тибій, на принятыхъ имъ уровнѣ foramen nutritium; однако здѣсь возможенъ все-таки косвенный способъ повѣрки. Брока говоритъ именно, въ одномъ мѣстѣ своего сообщенія, что одна изъ наиболѣе сплюснутыхъ кроманьонскихъ тибій, — діафизъ, принадлежавшій повидимому старику большаго роста, имѣетъ въ толщину (т. е. въ сагитальномъ направленіи), въ верхней части—54 милл. въ средней—45 и въ нижней—31 мм., а три поперечныхъ діаметра на соответствующихъ уровняхъ равняются 37, 27 и 27 миллиметрамъ. Но, если мы возьмемъ эти цифры и выразимъ величины поперечныхъ діаметровъ въ процентномъ содержаніи сагитальныхъ, то мы получимъ index'ы: 68,5, 60 и 87, изъ коихъ слѣдовательно даже самый меньшій, именно второй, относящійся по всей вѣроятности къ уровню весьма близкому отъ foramen nutritium, только немногимъ уступаетъ index'у сахалинской тибіи (62,5). Но если это такъ, то схе-

матическій рисунокъ поперечнаго разрѣза, представленный Брока, долженъ быть названъ далеко неточнымъ, такъ какъ при сагитальномъ діаметрѣ въ 31 мм. (такую длину имѣетъ онъ на рисункѣ) поперечный долженъ былъ бы вмѣсто $11\frac{1}{4}$ милл. (какъ у Брока), имѣть 18,5 милл., т. е. быть слишкомъ въ полтора раза больше, а тогда рисунокъ разрѣза получалъ бы значительно иной, менѣе сплюснутый видъ.

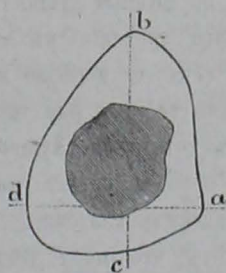
Года черезъ два послѣ сообщенія, сдѣланнаго Брока, именно въ 1870—71 годахъ, подобныя же сплюснутыя тибіи были найдены и въ Англии, именно въ сѣверномъ Уэльсѣ, въ Денбигширѣ, въ числѣ человѣческихъ остатковъ, добытыхъ изъ одной погребальной пещеры Perthi-Chwareu. Геологическое изслѣдованіе этой пещеры (погребальный слой которой относится къ неолитическому періоду), было произведено Бойдомъ Даукинсомъ, а найденные въ ней кости и черепа были отданы на разсмотрѣніе проф. Беску, который, въ журналѣ Лонд. Этнолог. Общ. за 1871 г., и описалъ ихъ довольно подробно. Въ числѣ этихъ костей было между прочимъ и штукъ десять тибій, многія изъ которыхъ уже на первый взглядъ отличались замѣтной сплюснутостью своего діафиза, т. е. представляли явственные слѣды платикнеміи. Желая однакоже опредѣлить точнѣе какъ степень этой платикнеміи, такъ и другія особенности разсматриваемыхъ имъ тибій, Бескъ произвелъ надъ ними рядъ измѣреній, которыя и сравнилъ съ соответствующими измѣреніями 13, первыхъ попавшихся, современныхъ англійскихъ тибій. Изъ этихъ измѣреній оказалось, что пещерныя тибіи вообще короче и меньше въ своихъ размѣрахъ по всѣмъ направленіямъ, за исключеніемъ одного, именно сагитальнаго или переднезадняго діаметра діафиза, 2) что периметральный index ихъ нѣсколько больше обыкновеннаго, именно въ отношеніи 211: 188, т. е. что слѣд. пещерныя кости, относительно своей длины, нѣсколько толще, и 3), что отношеніе между поперечнымъ и сагитальнымъ діаметрами діафиза, — которые Бескъ измѣряетъ на уровнѣ нижняго конца linea poplitea, т. е. гдѣ линия эта оканчивается на внутреннемъ краю кости, приблизительно на $1\frac{1}{2}$ дюйма ниже питательнаго отверстія, меньше, именно равняется среднимъ числомъ 61, 1, тогда какъ на обыкновенныхъ тибіяхъ средняя величина его составляетъ 73. (На тибіи (правой) сахалинскаго мужскаго скелета отношеніе сказанныхъ діаметровъ на этомъ же уровнѣ, равняется 62, 1, т. е. слѣдовательно почти такое же, какъ и на тибіяхъ изъ Perthi-Chwareu; на

*) См. Pruner Bey, Ossements humains des Eyzies, въ «Bull. de la soc. d'Anthr. 2. s. t. III, стр. 430—431, и Broca l. c. стр. 439—443.

**) Ecker. Die Höhlenbewohner der Rennthierzeit von les Eyzies (Höhle von Cro-Magnon) in Perigord, въ «Archiv für Anthropologie» Bd. IV. Стр. 121—122.

русских же тибіяхъ, среднимъ числомъ изъ 17, оно равняется на этомъ же уровнѣ—78, 7, на пяти самарканскихъ тибіяхъ (правыхъ) 76,8, наконецъ, на тибіяхъ двухъ курганныхъ скелетовъ—77, 6.)

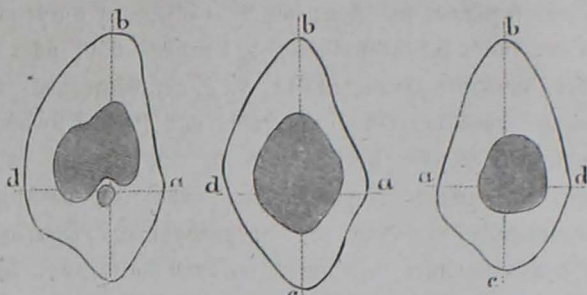
Однако, производя сравнительныя измѣренія надъ отдѣльными костями, Бёскъ убѣдился, что принятое имъ отношеніе между поперечнымъ и сагитальнымъ діаметрами, или, какъ онъ называетъ его «показатель ширины тибіи», *latitudinal index*, *index latitudinalis tibiae*, подверженъ значительнымъ колебаніямъ, и варьируетъ, у пещерныхъ костей, отъ 53,8 до 70,0, а у современныхъ — отъ 64,2 до 85,0 (последняя цифра впрочемъ можетъ считаться уже исключительною). Выѣстъ съ тѣмъ, сравнивая между собою поперечные разрѣзы различныхъ платикнемичныхъ тибій,—Кроманьонскихъ, Гибралтарскихъ и изъ Perthi-Chwareu, онъ замѣтилъ, что сплюсненіе ихъ не вездѣ одинаковаго рода, и что существуютъ именно двѣ различныя формы платикнеміи, указывающія повидимому на нѣкоторое различіе въ обуславливающихъ ихъ причинахъ. Въ чемъ заключается это различіе, онъ поясняетъ слѣдующими чертежами, изображающими поперечные разрѣзы тибій, (въ ихъ натуральную величину), на одномъ и томъ же уровнѣ (тотчасъ за окончаніемъ *linea poplitea*), и въ одномъ и томъ же относительномъ положеніи. Во всѣхъ ихъ буква *a* соответствуетъ наружной грани (*crista interossea*) *b*—передней или *crista tibiae*, *bc*—есть линія, проведенная между *crista* и серединой задней поверхности кости, *ad* — другая, ей перпендикулярная, проведенная на уровнѣ *crista interossea* Фиг. 17 пред-

Фиг. 17.

ставляетъ (по словамъ Бёска) наиболее обыкновенную форму современной (англійской) трегранной тибіи, фиг. 18, 19 и 20 изображаютъ рѣзрѣзы сплюсненныхъ Гибралтарскихъ тибій, а фиг. 21, 22 и 23 — сплюсненныхъ тибій изъ пещеры Perthi Chwareu. Сравнивая эти разрѣзы, видно, что въ Кроманьонскихъ и Гибралтарскихъ тибіяхъ сплюсненіе кости (помимо уменьшенія поперечнаго ея

діаметра) вызвано главнымъ образомъ удлинненіемъ задней ея части, позади линіи *da*, тогда какъ у тибій изъ пещ-

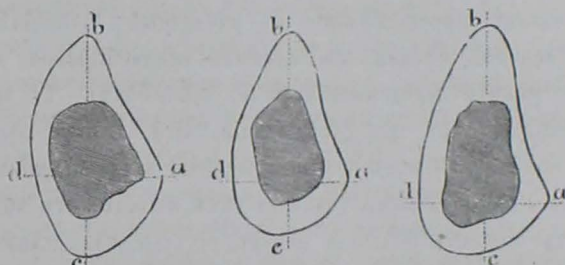

Фиг. 18.

Фиг. 19.

Фиг. 20.

щеры Perthi-Chwareu отношеніе между переднею и заднею частію линіи *bc* остается почти такимъ же, какъ и въ обыкновенныхъ тибіяхъ, т. е. что слѣд. сплюсненіе кости вызвано здѣсь главнымъ образомъ удлинненіемъ передней части діафиза, или просто абсолютнымъ сплюсненіемъ послѣдняго.

Фиг. 21.

Фиг. 22.

Фиг. 23.

Первую форму платикнеміи Бёскъ предлагаетъ называть переднею, вторую—заднюю, замѣчая при этомъ, что часто встрѣчающаяся платикнемія Негрскихъ тибій относится къ первой.

Въ заключеніе, Бёскъ касается весьма темнаго, какъ онъ говоритъ, вопроса объ этнологическомъ и антропологическомъ значеніи платикнеміи. Что эта особенность не составляетъ признака расы, по его мнѣнію, болѣе чѣмъ вѣроятно, на томъ основаніи, что трудно найти какія либо другія черты сходства между троглодитами Кроманьона и Гибралтара, и еще менѣе между высокорослою и долихоцефальною расою Везерскихъ пещеръ и низкорослымъ, брахицефальнымъ племенемъ Perthi-Chwareu. Но если платикнемія не можетъ такимъ образомъ служить расовымъ признакомъ, то ее еще менѣе можно считать за приближеніе къ обезьяньему типу. Правда, тибіи гориллы и чимпанзе могутъ быть названы въ извѣстной степени платикнемичными, од-

наго платикнемія здѣсь нисколько не превышаетъ, и даже уступаетъ встрѣчающейся у человѣка: такъ тибія самца гориллы въ Лондонской «College of Surgeons» имѣетъ *index latitudinalis*—681, а самки—650; *index* же *tibiae* Чимпанзе равняется 611, т. е. слѣдовательно—такой же, какъ средній—для тибій изъ *Perhi-Chwareu*. Поэтому, говорить Бёскъ, если на платикнемію смотрѣть въ смыслѣ теоріи Дарвина, какъ на наслѣдіе, доставшееся человѣку отъ антропоморфныхъ обезьянъ, то пужно принять, что многіе потомки послѣднихъ значительно превзошли въ этомъ отношеніи своихъ пра-родичей (*would have at one time far out-simianized the Simiae*). Тѣмъ не менѣе все таки, сравненіе съ антропоморфными обезьянами, можетъ, по мнѣнію Бёска, служить основаніемъ для предположенія о возможной связи этой особенной формы тибіи съ повадками и образомъ жизни тѣхъ племенъ, у которыхъ она была наблюдаема. Одно изъ главныхъ различій между ногою человѣка и обезьяней заключается въ ихъ соответ-ственномъ приспособленіи къ различнымъ функціямъ: въ первомъ случаѣ она служитъ исключительно для поддержки и передвиженія тѣла, во второмъ, въ значительной мѣрѣ, для схватыванія. Это различіе функцій необходимо предполагаетъ различіе въ пропорціяхъ, и въ относительномъ развитіи тѣхъ мышцъ, отъ кото-рыхъ зависитъ бѣлая подвижность и такъ сказать «приспособляемость» (*adaptability*) ноги, въ особен-ности ножныхъ пальцевъ. Нельзя ли поэтому допустить, (говоритъ Бёскъ) возможность изслѣдованія, въ какой мѣрѣ платикнемія, именно задняя, можетъ находиться въ связи съ бѣлой свободой движенія и бѣлой приспособляемостью пальцевъ, замѣчаемыми у тѣхъ на-родовъ, которые не имѣютъ понятія объ обуви, и по сво-ему первобытному образу жизни въ гористой и лѣси-стой странѣ, имѣютъ бѣлыя поводы и нужды употре-блять свои нижнія конечности для лазанья, и т. п. Су-ществованіе нѣкоторой общей причины такого рода не можетъ быть признано, по мнѣнію Бёска, совершенно невозможнымъ, равно какъ и констатированіе ея дѣй-ствительности и оказываемаго ею вліянія. Къ сожалѣ-нію, для рѣшенія этого вопроса до сихъ поръ еще со-вершенно не было дѣлаемо наблюденій.

Послѣ изслѣдованій Бёска, въ 1871—73 гг., платик-немическія тибіи были найдены также въ нѣкоторыхъ англійскихъ тумулусахъ,—въ Бельгійскихъ пещерахъ (именно въ пещерѣ *Sclaigneaux*, близъ Намура—Ar-

nould'omъ, между тѣмъ какъ ранѣе того, по словамъ Дюпона, подобныхъ тибій въ пещерахъ Бельгіи не на-ходили),—въ сѣверной Италіи (именно въ Ментонскомъ гротѣ, *Riviere'omъ*),—а также и въ Соединенныхъ Шта-тахъ Америки, гдѣ между прочимъ, изъ нѣкоторыхъ древнихъ кургановъ штата Мичигана, были добыты тибіи съ такою степенью платикнеміи, какая въ Европѣ еще не была констатирована, именно, если вѣрить Джилъ-ману и Уиману съ показателемъ ширины въ 0,42—0,40 °). Накопецъ, въ недавнее время, въ 1873 году, такія тибіи были найдены и въ Австріи, именно близъ Брюкса, въ наносѣ песка, относящемся повидимому, (хотя это еще и не доказано положительно) къ неолитическому періоду.—Изъ остатковъ человѣка здѣсь были добыты: одинъ полированный каменный топоръ или сѣ-кира, превосходной работы, съ дырой для рукоятки, сдѣланный изъ какого то зеленоватаго камня съ черными крапинками; одинъ неполный черепъ, похожій на извѣст-ный Неандертальскій, и, подобно тому, какъ и этотъ послѣдній (по Вирхову)—представляющій слѣды пато-логической деформации, а также—нѣсколько обломковъ трубчатыхъ костей: плечевыхъ, локтевыхъ, бедренныхъ и берцовыхъ. Всѣ эти остатки были подробно описаны Лушаномъ, въ сообщеніи, сдѣланномъ имъ Вѣнскому Антропологическому Обществу **). Что касается больше-берцовыхъ костей, то Лушанъ нашелъ, что по сплющен-ности своего діафиза онѣ должны быть причислены къ тому типу, который французскіе анатомы называютъ *en lame de sabre*, а англійскіе—*platyspemic*,—особенность, которая впрочемъ, по мнѣнію Лушана, не представляетъ никакого особеннаго значенія въ антропологическомъ отношеніи, такъ какъ ее нерѣдко можно встрѣтить и между современными тибіями. Для того же, чтобы окон-чательно въ этомъ убѣдиться, Лушанъ измѣрилъ *index latitudinalis* ста обыкновенныхъ тибій, взятыхъ имъ безразлично съ Вѣнскихъ кладбищъ; результатъ этихъ измѣреній былъ тотъ, что *index* Вѣнскихъ тибій, рав-няясь среднимъ числомъ 651, варьируетъ между *maximum* 848 и *minimum*—544, т. е. слѣд. что попе-речный разрѣзъ діафиза проходитъ всѣ формы отъ на-ибольше трехгранной до наибольше сплющенной, достигая

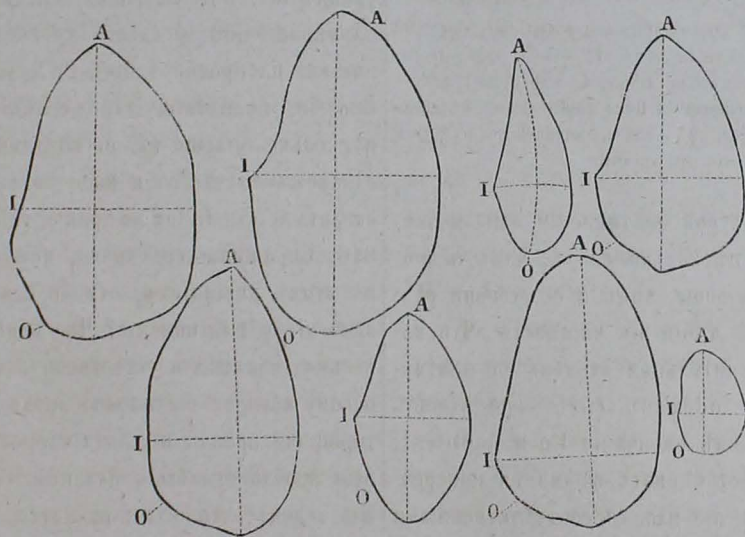
*) См. Rivière. Decouverte d'un Squelette humain de l'époque paléolithique dans les grottes de Menton. P. 1873 стр. 34; W y m a n. Fourth annual report of the Peabody Mus. etc. Bos. 1870.

**) См. Luschan. Die Funde von Brück. въ «Mittheil. der antropol. Gesellsch. in Wien» Bd. III. 1873 № 2.

даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ большаго развитія платикнеміи, чѣмъ у средней нормы тибій Кроманьонскихъ, Гибралтарскихъ, или изъ Perthi — Chwareu. — Правда, говоритъ Лушанъ, если сравнивать между собою поперечные разрѣзы крайнихъ формъ платикнеміи и трегранности, какъ онѣ представлены напр. у Брока, то различіе между ними громадное. Но при этомъ необходимо принять во вниманіе, что 1) поперечный разрѣзъ Кроманьонской тибіи представленъ у Брока ~~значительно~~ уже, чѣмъ въ дѣйствительности, какъ въ томъ Лушанъ могъ положительно убѣдиться, произведя настоящий разрѣзъ гипсового слѣпка Кроманьонской тибіи, полученный изъ Парижа Вѣнскимъ Анатомическимъ Музеемъ; и 2), что правильная трегранная форма большеберцового діафиза, какъ она изображена у Брока, и какъ она описывается болѣею частью въ анатомическихъ учебникахъ, также можетъ быть названа рѣдкою, такъ какъ въ дѣйствительности ее гораздо труднѣе отыскать въ данной массѣ костей, нежели формы, выказывающія болѣшую или мѣншую степень платикнеміи. Вообще, по мнѣнію Лушана, и между современными тибіями можно различить нѣсколько формъ, механическое объясненіе которыхъ слѣдуетъ очевидно искать въ неразъясненномъ еще до сего времени механизмѣ мышцъ и сочлененій.

При этомъ онъ полагаетъ, что форма поперечнаго разрѣза діафиза оказываетъ также вліяніе и на форму верхняго суставнаго конца, и кажется (говоритъ онъ), что при трегранной формѣ, поверхность латеральнаго кондилуса имѣетъ болѣе относительное протяженіе, а оси верхняго и нижняго суставныхъ концовъ образуютъ между собою болѣе углы, т. е. что діафизъ въ этомъ случаѣ является болѣе закрученнымъ, чѣмъ — при формѣ, болѣе или мѣнше сплюсненной. Считать же платикнемію особенностью низшаго типа, по его мнѣнію, нѣтъ никакихъ основаній, во 1) потому, что она у антроп. обезьянъ выражена часто мѣнше рѣзко, чѣмъ у человѣка, а во 2), что діафизъ тибіи младенца, даже еще 2—3 лѣтняго, совершенно не имѣетъ явственно выраженаго передняго гребешка, и является округленнымъ, также какъ и у молодыхъ обезьянъ.

Въ заключеніе своего сообщенія, Лушанъ, для болѣе нагляднаго доказательства сдѣланныхъ имъ выводовъ, представилъ также рисунки поперечныхъ разрѣзовъ наиболѣе платикнемичныхъ тибій, именно Брюкской, Кроманьонской (какъ ея дѣйствительный разрѣзъ, такъ и рисунокъ Брока), тибіи изъ Виллахской пещеры, трехъ современныхъ сплюсненныхъ тибій и, наконецъ, тибіи молодаго павіяна. Изъ этихъ рисунковъ дѣйствительно

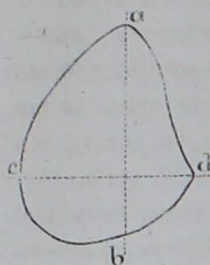

Фиг. 24—27 (первый рядъ) и фиг. 28—31 (второй рядъ)

Поперечные разрѣзы тибій на уровнѣ foramen nutritium (по Лушану). Фиг. 24—Брюкской тибіи, фиг. 25—тибій изъ les Eyzies (по гипсовому слѣпку въ Вѣнскомъ анат. музеѣ), фиг. 26—той же тибіи (по Брока); фиг. 27—тибій изъ Виллахской пещеры, фиг. 28—30—современныхъ тибій и именно: фиг. 28—мужчины средняго роста, фиг. 29—восьмилѣтняго ребенка, фиг. 30—взрослой женщины сильнаго строенія, и наконецъ фиг. 31—тибій молодаго павіяна. Во всѣхъ разрѣзахъ означаютъ: А—переднюю грань, I—crista interossea, o—мѣсто foramen nutritium.

видно, что некоторые современные тибии представляют большую степень платикнеміи, нежели многие древнія, добытыя изъ пещеръ — Кроманьонской, Виллахской и другихъ.

Ознакомившись такимъ образомъ со всей, если можно

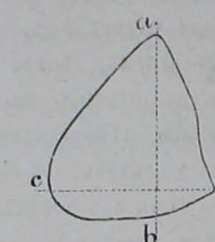
Фиг. 32. Фиг. 33

Поперечные разрѣзы тибій на уровнѣ foramen nutritium: фиг. 32 (вверху)—обыкновенной русской тибіи, фиг. 33—тибій мужскаго сахалинскаго скелета. а—означаетъ crista tibiae, d—наружная грань.— Поперечные разрѣзы тибій при окончаніи lineae popliteae: фиг. 34 (вверху)—обыкновенной русской,—фиг. 35—тибій сахалинскаго мужскаго скелета. Значеніе цифръ тоже.

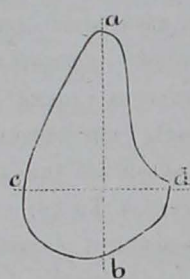
такъ выразиться, литературой платикнеміи, мы позволимъ себѣ сказать еще нѣсколько словъ, какъ о значеніи этой особенности вообще, такъ и о степени развитія ея на сахалинской тибіи въ частности. Что касается послѣдней, то значительная степень ея платикнеміи видна уже изъ ея index'овъ (625 — на уровнѣ for. nutr. и 621—на уровнѣ окончанія lineae popliteae); еще болѣе въ этомъ удостовѣряетъ форма ея поперечныхъ разрѣзовъ, и сравненіе ихъ съ соответственными разрѣзами болѣе обыкновенныхъ, трехгранныхъ тибій. Въ особенности поучителенъ въ этомъ отношеніи разрѣзъ при окончаніи lineae popliteae, который показываетъ въ тоже время, что платикнемія въ данномъ случаѣ должна быть названа «переднею», — обусловленную главнымъ образомъ удлиненіемъ въ сагитальномъ направленіи передней части діафиза. Задняя же часть, хотя она

замѣтно и болѣе округлена, чѣмъ обыкновенно, однако вовсе не образуетъ выступающей грани, какъ это мы видимъ напр. на Гибралтарскихъ тибіяхъ, гдѣ это выступаніе обусловлено необыкновеннымъ развитіемъ lin. tibialis posterior.

Обращаясь теперь къ значенію платикнеміи вообще, нельзя не согласиться, что особенность эта подвержена дѣйствительно значительнымъ варіаціямъ по особямъ. Такъ у 17 русскихъ тибій, по моимъ измѣреніямъ index latitudinalis варіируетъ: на уровнѣ for. nutr. отъ 851 до 666, а на уровнѣ окончанія lin. popl.—отъ 966 до 709; у 8 курганскихъ тибій (правыхъ) на уровнѣ for. nutritium — отъ 750 до 637, у пяти Самарканскихъ тибій (правыхъ), на томъ же уровнѣ—отъ 862—684. Съ другой стороны, что касается Сахалинскихъ скелетовъ, то платикнемія выражена здѣсь только у мужскаго, у женскаго же ея нѣтъ и слѣда, и index latitudinalis равняется здѣсь: на уровнѣ for. nutr.—826, а на уровнѣ окончанія lin. popl. 866. Мало того, платикнемія выражена не одинаково на обоихъ ногахъ одного и того же скелета; такъ вышеприведенные нами index'ы 625 и 621 относятся только къ правой тибіи Сахалинскаго скелета, на лѣвой же ихъ замѣняютъ—661 и 603. У Курганнаго скелета (№ 52), index на уровнѣ for. nutrit. равняется: на правой тибіи—637, на лѣвой—660; у такого же скелета № 97—index равняется: на правой тибіи—682, на лѣвой—742 и т. д. Вообще, повидимому, index лѣвой тибіи обыкновенно нѣсколько больше (т. е. платикнемія выражена менѣе), однакожъ случается и наоборотъ; такъ у Самарканскаго скелета № 55—index на правой тибіи—861, на лѣвой—816. Спрашивается однако, можемъ ли мы, основываясь на этихъ варіаціяхъ, отнять всякое антропологическое значеніе у платикнеміи? Что варіація эти существуютъ, весьма понятно и естественно: мы знаемъ, что нѣтъ особи, которая бы вполне походила на другую, у которой бы правая и лѣвая сторона тѣла, правыя и лѣвыя конечности были развиты совершенно одинаково. Мы знаемъ, что особи разнятся между собою по росту, сложенію, силѣ, пропорціямъ тѣла, чертамъ лица, волосатости, оттѣнку кожи, черепу и т. д.; по это не мѣшаетъ намъ сводить отдѣльныя варіаціи къ известнымъ типамъ и устанавливать характеристическіе признаки послѣднихъ. Весьма вѣроятно, что эти типы связаны между собою переходными формами, какъ и всѣ органическія существа, по теоріи Дарвина, находятся

Фиг. 34. Фиг. 35.

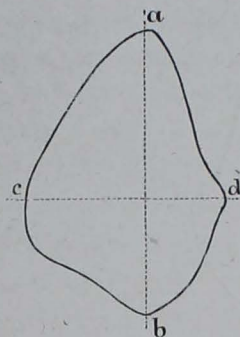
между собою въ генетической связи; однако признаніе такой связи не уничтожаетъ значенія типовъ, а только способствуетъ болѣе полному и вѣрному ихъ пониманію. Безъ тщательнаго изслѣдованія отдѣльныхъ варіацій, невозможно составить себѣ правильнаго понятія ни о какомъ органическомъ тѣлѣ, и безъ подробнаго анализа совершенно невозможенъ сознательный синтезъ.

Сказанное относится не только къ органическимъ существамъ, но и къ отдѣльнымъ органамъ, и даже частямъ органовъ, какъ напр. въ данномъ случаѣ—отдѣльной кости. Констатировать существованіе значительныхъ варіацій извѣстнаго органа по особямъ, и на этомъ основаніи признавать варіаціи эти лишенными всякого значенія съ точки зрѣнія классификаціонной, въ смыслѣ установленія отдѣльныхъ типовъ, значитъ, мнѣ кажется, лишать себя всякой надежды проникнуть когда нибудь въ надлежащее пониманіе этихъ варіацій, а слѣд. до нѣкоторой степени, и въ развитіе формы самого органа.

Между тѣмъ, анализируя варіаціи, различая между ними отдѣльные типы, и распредѣляя послѣдніе по ихъ большому сходству или различію, мы подготовляемъ такъ сказать дорогу къ синтезу, и намѣчаемъ вопросы для дальнѣйшихъ изслѣдованій. При этомъ, само собою разумѣется, что на установленные такимъ образомъ типы нельзя смотрѣть какъ на нѣчто, строго определенное и неизмѣнное; они суть ничто иное, какъ такъ сказать точки опоры для нашего ума при его попыткѣ представить себѣ ясно разнообразіе формъ, и составить себѣ понятіе объ ихъ послѣдовательномъ развитіи.

Возвращаясь къ нашему предмету, мы позволимъ себѣ припомнить, что уже Бёскъ, а отчасти также Лушанъ, полагали возможнымъ различить нѣсколько формъ платикнеміи: и дѣйствительно, съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться, не смотря на то, что количество изслѣдованнаго по этому поводу антроп. матеріала можетъ быть названо еще весьма незначительнымъ. Не трудно убѣдиться напр., что платикнемія Гибралтарскихъ тибій представляетъ типъ замѣтно отличный отъ платикнеміи тибій изъ Perthi-Chwareu. Busk называетъ ея заднею, на основаніяхъ, о которыхъ мы уже говорили; но вѣрнѣе, можетъ быть, было бы называть такую форму разрѣза—*четырегранною* или *ромбическою*, такъ какъ особенность его дѣйствительно заключается въ присутствіи четырехъ граней, изъ коихъ лишняя четвертая

обусловливается необыкновеннымъ развитіемъ *linea tibialis posterior*. Такая форма между современными тибіями встрѣчается повидимому весьма рѣдко; по крайней мѣрѣ о ней вовсе не упоминается въ учебникахъ анатоміи, и, за единственнымъ исключеніемъ, я не могъ ее встрѣтить ни на одной изъ полсотни осмотровѣнныхъ мною съ этою цѣлью тибій—русскихъ, самаркандскихъ и курганскихъ скелетовъ. Но за то этотъ исключительный случай, найденный мною на одномъ курганномъ скелетѣ, весьма характеристиченъ, такъ что я позволю себѣ привести здѣсь поперечный разрѣзъ упомянутой тибіи.

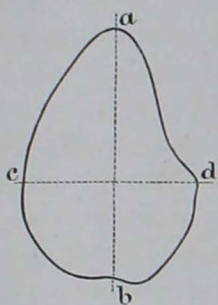
Фиг. 36.

Какъ видно изъ рисунка, *lin. tibialis posterior* (которая обыкновенно бываетъ обособлена весьма слабо) здѣсь развита въ необыкновенной степени; напротивъ того, *linea poplitea* выражена слабо, и помѣщена на днѣ довольно глубокаго желоба,—особенность, указывающая, повидимому, на нѣсколько иное относительное развитіе мышцъ задней стороны голени.

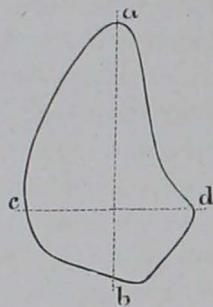
Другая форма—соотвѣтствуетъ той, которую мы встрѣчаемъ у Кроманьонской тибіи, и у тибіи изъ Виллахской пещеры; какъ исключеніе, она можетъ повидимому (судя по одному рисунку Лушана) встрѣчаться иногда и между современными. У этой формы задняя часть разрѣза является уже значительно болѣе округленною и расширенною, внутренняя грань исчезаетъ, но, тѣмъ не менѣе, сплюсненность кости все-таки обусловливается, главнымъ образомъ, удлинениемъ задней части діафиза.

Къ третьей формѣ будутъ относиться тибіи изъ Perthi-Chwareu, изъ Бельгійской пещеры Selaigneaux, можетъ быть также—Австралійскія, и тибіи нашего Сахалинскаго мужскаго скелета. Здѣсь, задняя часть разрѣза является еще болѣе округленною и въ тоже время расширенною; а сплюсненность діафиза обусловливается почти исключительно удлинениемъ его передней части. При этомъ, наружная сторона, является по большей части сильно

вогнутою, что указывает повидимому на значительное развитие *M. tibialis anticus*. Между современными типами, форма эта, въ своемъ типичномъ видѣ, какъ кажется, попадается рѣдко, но въ формѣ измѣненной, съ округленной и выпуклой наружной поверхностью, судя по Лушану, встрѣчается довольно часто. Впрочемъ, я нашелъ ее выраженной весьма рѣзко и у одного современного, или по крайней мѣрѣ не древняго скелета, именно *Татарскаго*, изъ такъ наз. *Шариннаго бугра* близъ Астрахани, — доставленнаго Обществу Люб. Естествознанія г. Лесгафтомъ.

Фиг. 37.

Фиг. 38.

Разрѣзы тибіи одного татарскаго скелета изъ Шариннаго бугра близъ Астрахани. Фиг. 37—разрѣзъ на уровнѣ *for. nutrit.*, фиг. 38—на уровнѣ окончанія *linea poplitea*.

Наконецъ, четвертую форму — будутъ представлять наичаше встрѣчающіяся въ настоящее время тибіи; онѣ представляютъ болѣе или менѣе ясно выраженную трехгранную форму, съ широкой и довольно плоской задней — и слегка вогнутой, (часто даже на двѣ трети выпуклой), наружной поверхностью. Форма эта предполагаетъ повидимому наибольшее относительное развитіе мышцъ икроножной и пяточной, и болѣе слабое — глубокихъ мышцъ задней стороны и передней большеберцовой; въ тоже самое время она представляетъ также и наименьшее сходство съ тибіями антропом. обезьянъ.

Относительно вопроса о томъ, какими причинами могутъ быть объяснены эти различныя формы платикнеміи, мы конечно не можемъ сказать ничего положительнаго, хотя и можемъ предполагать, что первоначальное происхожденіе ихъ было вызвано неодинаковымъ относительнымъ развитіемъ отдѣльныхъ мышцъ, обусловленнымъ въ свою очередь нѣкоторымъ различіемъ въ способѣ и частотѣ ихъ употребленія, зависящимъ отъ образа жизни. Съ другой стороны, мы должны также предполагать, что каждая изъ этихъ формъ должна бы-

ла, первоначально, быть наиболее полезною для особей, и появленіе ея должно было быть вызвано достаточно побудительными къ тому причинами, хотя впоследствии, у отдѣльныхъ особей, присутствіе той или другой изъ нихъ могло обуславливаться уже только вліяніемъ наследственности и атавизма. Возможно также, что это различіе формы могло происходить въ нѣкоторыхъ случаяхъ просто по закону такъ наз. взаимодействия развитія (вѣрнѣе, соотносительной измѣнчивости — *correlated variation*); по предположенію Лушана, что въ данномъ случаѣ форма разрѣза діафиза стоитъ въ связи съ крученіемъ (*torsion*) кости и величиною угла между осями конечныхъ суставныхъ поверхностей, повидимому, не подтверждается измѣреніями. По крайней мѣрѣ мнѣ приходилось встрѣчать при различныхъ углахъ крученія — почти одинаковые *index*'ы, и наоборотъ, при различныхъ *index*'ахъ — почти одинаковые углы, хотя во многихъ случаяхъ, соответствіе, указанное Лушаномъ, повидимому и оправдывается. Такъ напр. у разсматриваемыхъ нами Сахалинскихъ скелетовъ болѣе угловатое крученіе женской тибіи дѣйствительно сопровождается болѣе трехгранностью ея діафиза, который въ то же время и значительно болѣе округленъ, чѣмъ обыкновенно. Округленность эта въ данномъ случаѣ такова, что самую острую грань является здѣсь внутренняя, обыкновенно самая тупая, тогда какъ наружная — представляетъ едва выраженную, и то только въ верхней трети, костную линію. Передняя грань, или *crista tibiae* — весьма тупа, именно въ своей верхней половинѣ, что зависитъ главнымъ образомъ отъ значительнаго отхожденія кънутри верхняго ея изгиба, который почти отходитъ на внутреннюю сторону діафиза. Въ то же самое время наружная сторона отличается значительною выпуклостью, и становится, на половину своей ширины, обращенною напередъ, точно также какъ и задняя сторона обращается, на болѣе части своего протяженія, кънаружи. Въ результатъ получается разрѣзъ (именно на уровнѣ окончанія *linea poplitea*), имѣющій форму сдвинутого на бокъ треугольника съ весьма тупыми и округленными переднимъ и наружнымъ углами. Самый діафизъ этой кости весьма прямъ, и передній контуръ его, въ профиль, не представляетъ почти ни малѣйшаго изгиба; тѣмъ не менѣе, вся кость является значительно выпуклою кпереди, вслѣдствіе упомянутого уже ранѣе наклона взадъ ея верхняго конца. Въ то же самое время, какъ мы сказали, конецъ этотъ весьма

закрученъ кнутри, такъ что такъ наз. уголъ крученія (*angle de torsion*) отличается здѣсь весьма значительной величиной.

На обыкновенныхъ костяхъ уголъ этотъ, хотя и существуетъ, однако величина его по большей части незначительна и равняется приблизительно (такъ по крайней мѣрѣ говорится въ лучшихъ учебникахъ Анатоміи — Генле, Мейера, Аебу) — 20° . Въ дѣйствительности однако, величина его, какъ показали недавно Шмидъ, и какъ въ томъ отчасти могъ убѣдиться и я, варьируетъ у отдѣльныхъ особей, и даже на различныхъ костяхъ одной и той же особи, — и именно, по Шмиду (изъ измѣреній надъ 18 костями) отъ 3° до 33° , — по моимъ наблюденіямъ, правда не на столько точнымъ, надъ 14 костями — отъ 15° до 30° . Приблизительно около 30-ти же градусовъ (на правой 30° , на лѣвой около 35°) составляетъ этотъ уголъ и на тибіи Сахалинскаго мужскаго скелета, но у женскаго онъ равняется почти 55° . Такая степень закручиванія верхняго конца, въ связи съ сильнымъ загибомъ его взадъ и кнутри, и прочими его особенностями, показываетъ, что особь, которой принадлежали эти кости, отличалась значительною кривизною, и имѣла ноги, постоянно согнутыя и сдвинутыя между собою въ колѣняхъ. Чѣмъ обуславливалось такое уродство въ данномъ случаѣ, сказать трудно; можетъ быть оно было результатомъ болѣзненнаго, ненормальнаго развитія, (хотя впрочемъ ни бедра, ни берцовыя кости не представляютъ здѣсь никакого рахитическаго искривленія въ своихъ діафизахъ), можетъ быть также, оно было вызвано вліяніемъ извѣстной манеры держаться, сидѣть, стоять, и пр., подобно тому, какъ кривизна нѣмецкихъ кельнеровъ обуславливается (по Мейеру) ихъ привычкой стоять на одной ногѣ, прислонившись къ стѣнѣ, и болтать при этомъ другою, или нѣмецкихъ булочниковъ — ихъ продолжительнымъ стояніемъ въ согнутомъ положеніи. Замѣтимъ впрочемъ, что большая или меньшая степень кривизны, выражающаяся главнымъ образомъ въ обращенныхъ внутрь колѣняхъ, не составляетъ по видимому рѣдкости между низшими племенами человѣчества; по крайней мѣрѣ она была замѣчаема неоднократно наблюдательными путешественниками на живыхъ особяхъ Кафровъ, Готтентотовъ, Бушменовъ, Австралійцевъ, Индѣйцевъ и т. д. Для примѣра, можно указать хоть на описанія и рисунки Фрича (*Die Eingeborenen Süd-Afrika's*).

Намъ остается сказать теперь нѣсколько словъ о ма-

лоберцовой кости (*fibula*) и о костяхъ ступни. — Малоберцовая кость женскаго скелета (правая — другая утрачена) отличается нѣсколько меньшей изогнутостью и закрученостью своего діафиза, а также нѣсколько большимъ отгибомъ кнаружи суставной поверхности своего нижняго конца (верхній обломанъ). Эти же особенности замѣчаются и на мужской фибулѣ, (лѣвой — другая утрачена), у которой только что упомянутый отгибъ выражень еще рѣзче. Но кромѣ того, мужская *fibula* представляетъ еще то отличіе, что всѣ грани ея выражены необыкновенно рѣзко, точно также какъ и всѣ мѣста прикрѣпленія мышцъ; наружная же поверхность (мѣсто прикрѣпленія *m. peronei*) образуетъ настоящий желобъ, котораго глубина, въ срединѣ, достигаетъ почти 4 миллиметровъ.

Изъ костей ступни, у обоихъ скелетовъ сохранились: у мужскаго — 2 пяточныхъ кости, одна (лѣвая) надпоясничная или таранная, одна (лѣвая) ладьевидная, двѣ кубовидныхъ и одна клиновидная. Изъ плюсневыхъ костей: 2 — большаго пальца, 2 — втораго и 2 — третьяго; наконецъ, изъ фалангъ: одна правая большаго пальца (первая). На женской ступнѣ сохранились: пяточная, таранная, кубовидная и одна изъ клиновидныхъ; изъ плюсневыхъ: большаго, 2, 4 и 5 пальцевъ, и одна фаланга (первая), по видимому, 4-го пальца. — Эти женскія кости вообще значительно уступаютъ по величинѣ мужскимъ, и указываютъ на ступню малыхъ размѣровъ, узкую и плоскую. Впрочемъ, кости мужской ступни также не могутъ быть названы особенно крупными. При сравненіи отдѣльныхъ костей съ соответствующими костями обыкновенныхъ русскихъ скелетовъ, можно и здѣсь констатировать нѣкоторыя отличія въ подробностяхъ, — отчасти указывающія на нѣсколько низшую организацію.

Такъ таранная кость отличается тѣмъ, что ея шейка направлена косвенно впередъ и кнутри, къ медиальной сторонѣ, нѣсколько болѣе, чѣмъ это замѣчается обыкновенно. вмѣстѣ съ тѣмъ, верхняя суставная поверхность занимаетъ относительно меньшую часть верхней стороны кости, особенно у женскаго скелета, гдѣ ея передній край, идущій косвенно, спереди и снаружи взадъ и внутрь, (а не поперечно, какъ обыкновенно), отдѣленъ значительно большимъ промежуткомъ отъ головки. Кромѣ того, эта верхняя суставная поверхность почти совершенно плоска въ поперечномъ направленіи и мало выпукла въ продольномъ. Вслѣдствіе болѣе косвеннаго направленія шейки, внутренняя боковая

суставная поверхность, сочленяющаяся съ *Malleolus internus tibiae*, замѣтно менѣе вертикальна, чѣмъ обыкновенно, вогнутѣе и ея ниже-передній уголъ выдается болѣе вкнутри; кромѣ того, эта суставная факетка лежитъ почти совершенно впереди (и внизъ) отъ верхней суставной поверхности, а не на одномъ — почти — горизонтальномъ уровнѣ съ нею, какъ обыкновенно. — Бороздка для сухожилия мышцы длинной сгибающей большой палецъ (*Sulcus mus. flexoris hall. longi*), на задней поверхности кости, выражена слабо. Задняя или нижняя суставная поверхность (*facies articularis lateralis Henle*), сочленяющаяся съ тѣломъ пяточной кости, замѣтно менѣе вогнута, и ея внутренній верхній уголъ менѣе загнутъ внизъ. Бороздка или желобокъ (*Sulcus interarticularis tali*), отдѣляющая эту поверхность отъ другой, лежащей далѣе впереди (*facies artic. medialis post.*), сочленяющейся съ подъемомъ (*sustentaculum*) пяточной кости, много шире и глубже.

На мужской кости эта послѣдняя поверхность состоитъ изъ двухъ (*fac. artic. med. post. и ant.*), изъ коихъ послѣдняя сочленяется съ передне-внутреннимъ угломъ верхней поверхности *calcaneum*); на женской же — обѣ эти поверхности слиты въ одну, значительно выпуклую, длинную и узкую, которой соответствуетъ такая же длинная и узкая, но вогнутая поверхность на верхней сторонѣ передней части *calcaneum*. Наконецъ передняя суставная поверхность, сочленяющаяся съ ладьеобразной костью, нѣсколько длиннѣе въ поперечномъ направленіи, чѣмъ обыкновенно.

Не менѣе интересныя особенности можно найти на пяточной кости, которая вообще относительно длиннѣе, именно у мужскаго скелета, у женскаго же относительно длиннѣе только задняя часть, собственно пятка, *calc.* Внутренняя, или медиальная ея поверхность значительно вогнута, особенно у женскаго скелета, а на наружной (у мужскаго скелета) находится значительно развитой *processus inframalleolaris calcanei*, сверху котораго — проходитъ желобокъ (для сухожилия длинной малоберцовой мышцы), а снаружи имѣется гладкая факетка. Передняя суставная часть кости, относительно, нѣсколько болѣе расширена.

Ладьевидная кость (лѣвая мужскаго скелета) — относительно шире и короче (именно къ наружному краю), а къ внутреннему даже нѣсколько длиннѣе. Задняя ея суставная поверхность замѣтно глубже (вогнутѣе) въ поперечномъ направленіи, а изъ середины ея нижняго края выдается внизъ и взадъ острый отростокъ, кото-

рый упирается о задній ниже-внутренній край кубовидной кости.

Относительно послѣдней (кубовидной кости) можно замѣтить, что оси ея передней и задней суставныхъ поверхностей пересекаются подъ нѣсколько болѣе острымъ угломъ кнаружи, гдѣ онѣ отдѣлены, на мужской кости, нѣсколько болѣе глубокимъ желобкомъ. На внутренней сторонѣ имѣется только одна суставная факетка для третьей клиновидной кости.

Изъ плюсневыхъ костей, вторыя, относительно первыхъ, довольно велики, а первыя не особенно массивны, и отличаются довольно значительнымъ развитіемъ своихъ *tubercula* и переднихъ головокъ. *Tuberositas metacarpi quinti*, на мужской ступнѣ, выражена слабо.

Разсмотрѣвъ особенности скелета туловища и конечностей, мы должны обратиться теперь къ скелету головы, т. е. черепу. Какъ уже сказано, кромѣ двухъ череповъ, принадлежащихъ описаннымъ скелетамъ, мы имѣли въ нашемъ распоряженіи еще третій, добытый также на островѣ Сахалинѣ, но неполный, именно — безъ большей части лицевыхъ костей. Прилагая къ этимъ тремъ черепамъ общепринятую у краниологовъ классификацію по относительной ширинѣ черепа, мы получаемъ два длинныхъ и одинъ короткій черепъ, или, выражаясь точнѣе и принимая классификацію Брока *), одинъ субдолоихоцефальный (неполный), съ показателемъ ширины 75,9, другой (женскій) средній или мезатицефальный, съ показателемъ 77,9, и третій (мужской) — брахицефальный, съ *index*омъ 85,3.

По вышинѣ, всѣ три черепа довольно низкіе, такъ какъ показатель вышины, у всѣхъ, на 4—7 единицъ меньше показателя ширины; но по вмѣстительности они представляютъ различіе на 240 куб. сант., причемъ наибольшую вмѣстимость имѣетъ неполный черепъ — 1620 к. сант., а наименьшую — женскій — 1380 куб. сант.; черепъ же мужскаго скелета занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто (вмѣстимость его = 1550 к. сант. **).

*) См. Broca. Sur la classification et la nomenclature craniologique d'après les indices céphaliques, въ «Revue d'Anthropologie» T. I. 1872. По этой классификаціи, принимается пять разрядовъ череповъ: 1) Dolichocéphales vrais, съ показателемъ ширины до 75; 2) Sous-dolichocéphales, — отъ 75,01 до 77,77; 3) Mésaticéphales — отъ 77,78 до 80; 4) Sous-brachicéphales — отъ 80,01 до 83,33 и 5) Brachicéphales — 83,34 и выше.

**) Вмѣстимость череповъ измѣрялась нами посредствомъ наполненія ихъ мелкою дробью и опредѣленія затѣмъ объема взвѣшенной дроби въ градуированномъ цилиндрѣ.

Изъ всѣхъ трехъ череповъ наибольшій интересъ представляетъ черепъ женскаго скелета, выдающийся наиболее низкій, животный типъ, и въ тоже время наиболее подходящий, по своему строению, къ типу череповъ Монгольской расы. Черепъ этотъ (принадлежавшій, какъ уже было сказано, довольно пожилой особи), — отличается относительно малою вмѣстительностію (1380 к. с.), но тяжелъ, прогнатенъ, и имѣетъ сильно выдающіяся скулы, приплюснутый носъ и массивныя, выступающія челюсти. (Смотри таблицу III, фигуру 1 и 2, вверху). Разматриваемый въ профиль (въ *norma lateralis*), онъ представляетъ мало выпуклый въ поперечномъ направленіи, низкій и покатый взадъ лобъ, перегибъ котораго, (находящійся на первой трети всего протяженія лба), выраженъ весьма слабо. Надбровныя дуги обозначены явственно, хотя въ профиль и мало выдаются.

Темя приплюснuto, и высота черепа (отъ брегмы до передняго края затылочной дыры) = 130 мм., что даетъ показатель вышины въ 71,8 (т. е. на 6,1 меньше показателя ширины (77,9) *). Назади, наиболее выдающаяся точка приходится сантиметра на два ниже ламбды; отсюда профиль затылка идетъ покато внизъ и впередъ къ затылочному бугру, а отсюда почти совершенно впередъ къ затылочной дырѣ. Полуокружныя височныя линіи выражены явственно: онѣ подымаются высоко по своду черепа и на вѣчномъ швѣ разстояніе между ними = 105 мм., причемъ онѣ проходятъ выше темянныхъ бугровъ приблизительно на 15 мм. Переносъ мало вдавленъ, носовыя кости плоски, хотя къ концу образуютъ небольшую вогнутость: видно, что носъ былъ приплюснутъ въ верхней половинѣ и нѣсколько вздернутъ на концѣ. Передняя носовая кость (она обломана) была повидимому небольшая. Скулы значительно выдвинуты на передъ и высоки (вышина тѣла правой скуловой кости, вѣрнѣе разстояніе отъ нижняго ея края до края глазницы = 32 мм.). Верхняя челюсть значительно прогнатна, и ея зубной отростокъ выдается своимъ нижнимъ краемъ замѣтно за линію профиля. Принявъ за горизонтальную плоскость черепа — плоскость скуловыхъ дугъ, середина алвеолярнаго края верхней челюсти приходится, приблизительно, на 25 мм. впереди передней носовой ости; если же за горизонтальную плоскость принять ту, кото-

рая была предложена Ihering'омъ **), то указанная точка будетъ приходится впереди, приблизительно, на 12 милл. Эта же значительная степень прогнатизма видна и изъ величины личнаго угла на алвеолярномъ краѣ, который равняется приблизительно 60°, тогда какъ подобный же уголъ на носовой ости равенъ, приблизительно, 70° ***). При этомъ, слѣдуетъ замѣтить, что выступаніе зубнаго отростка верхней челюсти не ограничивается только соответствующею частью, межчелюстной кости, но распространяется и на боковыя части (гдѣ сидятъ коренныя зубы), такъ какъ части эти также, своимъ нижнимъ краемъ, отворочены кнаружи. Нижняя челюсть, съ своей стороны принимаетъ также участіе въ этомъ выступаніи лица, такъ какъ ея горизонтальныя вѣтви весьма длинны и разстояніе отъ угла нижней челюсти до подбородка (внутренняго края, — *corde gonio-symphysienne Broca*) достигаетъ 90 мм.***).

Уголъ нижней челюсти (горизонтальной и восходящей ея вѣтвей) равенъ, приблизительно, 130°; высота подбородка (заостренного и выдающагося) составляетъ 39 милл. — При этомъ же разматриваніи черепа въ профиль видно также, что глазницы, довольно большія, обращены косвенно, впередъ и вверхъ, и это — даже въ томъ случаѣ, если за горизонтальную плоскость черепа принимается та, которая была предложена Ihering'омъ. Такимъ образомъ, если признать справедливымъ, что естественное положеніе для головы есть то, когда отверстія глазницъ (основныя плоскости глазныхъ пирамидъ) стоятъ вертикально, и зрительныя оси (вѣрнѣе оси глазныхъ орбитъ) направлены горизонтально впередъ, то отсюда будетъ слѣдовать, что въ примѣненіи къ разматриваемому нами черепу даже плоскость Ihering'a не можетъ считаться вполне за горизонтальную, а должна быть замѣнена другою, проходящею приблизительно чрезъ ушные отверстія и чрезъ середины отверстій глазницъ****).

*) Ihering принимаетъ за горизонтальную плоскость черепа — проходящую чрезъ середины слуховыхъ отверстій и чрезъ нижніе края глазницъ. См.: H. v. Ihering. Ueber das Wesen der Prognathie etc. въ «Archiv für Anthropologie» V. стр. 372.

**) Углы эти измѣрялись мною по способу Брока, посредствомъ *goniomètre facial median*. См. Broca, Instructions craniologiques P. 1875 стр. 84—88.

***). При этомъ интересно еще, что лѣвая горизонтальная вѣтвь нижней челюсти здѣсь замѣтно длиннѣе правой, и лѣвая *corde gonio symphysienne* относится къ правой какъ 90 : 86, а разстояніе отъ *symphysis* до суставныхъ отростковъ, какъ 133,5 : 128.

****) Мнѣніе, что горизонтальная плоскость черепа должна быть параллельна осямъ глазныхъ орбитъ, держится Брока (см. его сообще-

*) Наибольшая вышина черепа равняется 134 мм., и приходится нѣсколько позади брегмы.

Разсматриваемый спереди, въ *norma frontalis*, черепъ представляетъ относительно низкій лобъ и длинную или высокую лицевую часть. Переносье—довольно широко, именно ширина его = 22,5 мм. Носъ — умеренной ширины, *index nasalis* = 48,1 (*mesorhinus*). Нижний край носоваго отверстия (*aperturae pyriformis*) не образуетъ рѣзкой грани, какъ обыкновенно, а утолщенъ и округленъ, такъ что дно носовой полости постепенно переходитъ въ переднюю поверхность зубнаго отростка верхней челюсти.

Носовыя кости плоски и образуютъ между собою весьма тупой уголъ. На боковыхъ краяхъ поверхность ихъ сливается съ поверхностью носовыхъ отростковъ верхнечелюстныхъ костей, которые, соответственно приплюснутости носа, также болѣе обращены своею поверхностью къпереди.

Отверстия глазницъ могутъ быть названы весьма большими; именно ширина ихъ равняется: правой — 44,5 мм., лѣвой — 42,5 мм., а высота: правой — 35 мм., лѣвой — 36 мм. Величина плоскости глазничнаго отверстия, «*aire orbitaire*», (принятой за прямоугольникъ) составляетъ: на правой орбитѣ — 1557 кв. мм., на лѣвой — 1520 мм. По своей формѣ, разсматриваемыя глазницы дѣйствительно приближаются къ четырехугольной, такъ какъ всѣ углы ихъ выражены довольно рѣзко, а особенно внутренніе нижніе. Орбитальный показатель (*indice orbitaire*, т. е. отношеніе высоты глазничнаго отверстия къ его ширинѣ) равняется: для правой глазницы 78,6, для лѣвой — 84,7. — Верхнія стѣнки глазницъ плоски и не образуютъ, за орбитальными краями, значительныхъ впадинъ кверху (сводовъ), какъ обыкновенно.

Касательно глазницъ слѣдуетъ еще обратить вниманіе на ихъ относительное положеніе и наклонъ. Извѣст-

нѣе sur le plan horizontal de la tête, въ «Bull. de la Soc. d'Anthr. 2 s. VIII»). При этомъ онъ подразумеваетъ, что ось орбиты совпадаетъ съ осью глазнаго яблока, и что горизонтальное положеніе орбитальныхъ осей есть неумѣнное условіе «горизонтальности» взгляда, — допущеніе, справедливость котораго однакоже оспаривается Ihering'омъ. Последний утверждаетъ именно, что въ дѣйствительности верхняя стѣнка глазной орбиты приближается почти къ горизонтальному положенію и *foramen opticum* приходится не посреди, а въ верхней половинѣ глазничной впадины. Но если принять справедливымъ такое воззрѣніе, то отсюда будетъ слѣдовать, что для того, чтобы ориентировать разсматриваемый нами черепъ по мнимо-горизонтальной плоскости, придется дать ему совершенно неестественное положеніе.

но, что у Кавказской расы глазницы обращены косвенно — впередъ и кънаружи, и притомъ такимъ образомъ, что поперечныя оси глазничныхъ отверстій пересѣкаются между собою подъ умеренно тупымъ угломъ (въ 120—130°), открытымъ книзу и обращеннымъ вершиною вверху. Здѣсь же, на Сахалинскомъ черепѣ, видно, что глазницы: во 1), обращены болѣе къпереди, и 2), стоятъ горизонтальнѣе, т. е. поперечныя оси ихъ пересѣкаются между собою подъ значительно болѣе тупымъ угломъ (около 160°). Далѣе, можно замѣтить, что плоскости глазничныхъ отверстій, которыя обыкновенно пересѣкаются подъ тупымъ, и самое большее — прямымъ угломъ горизонтальную плоскость черепа, (будетъ ли за такую принята плоскость Бэра или Ihering'a), здѣсь — образуютъ съ нею острый уголъ, т. е. (какъ уже сказано было выше) что глазницы здѣсь обращены значительно болѣе косвенно — впередъ и вверху.

Послѣ положенія глазницъ наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе въ этомъ черепѣ, при разсматриваніи его en face, ширина скулъ и вообще лица. Разстояніе между бугорками скуловыхъ костей (выпуклыхъ и толстыхъ) равно здѣсь 128 мм., разстояніе между скуловыми дугами (на швахъ) = 139 мм. Длина лица (отъ *point sus orbitaire* до алвеолярнаго края верхней челюсти) составляетъ 92 мм., лицевой показатель, слѣдовательно (*indice facial*) = 66,9. — Зубной отростокъ верхней челюсти имѣетъ въ длину 26 мм.; отростокъ этотъ вообще широкъ, вогнутъ (прогибатель), съ ямками на межчелюстной части и безъ рѣзко выраженныхъ *fossae caninae*.

При взглядѣ сверху (въ *norma verticalis*), черепъ имѣетъ удлинненную форму, съ выдающимися скуловыми дугами по сторонамъ, и выступающимъ зубнымъ отросткомъ верхней челюсти напередъ; а при взглядѣ сзади (въ *norma occipitalis*) — представляетъ форму довольно низкаго пятиугольника, съ весьма округленными углами на темяныхъ костяхъ. Затылочный бугоръ не обособленъ, хотя *lineae nuchae* и явственно обозначены.

Болѣе поучителенъ видъ черепа снизу, со стороны основанія, въ *norma basilaris*. Здѣсь особенное вниманіе обращаютъ на себя: удлинненіе передней части черепа, къпереди отъ затылочной дыры, — выступаніе скуловыхъ дугъ и ширина челюсти, именно костнаго неба. Разстояніе отъ передняго края затылочной дыры до *spina nasalis posterior* равно здѣсь 50 мм., а отсюда, до края рѣзцовыхъ ячеек (длина неба) — 62 мм. Основной уголъ

(angle basilaire), выражающий степень наклона плоскости затылочной дыры относительно основной линии (иду-

Фиг. 39.

щей отъ передняго края foramen magnum къ переносью) = 25° .

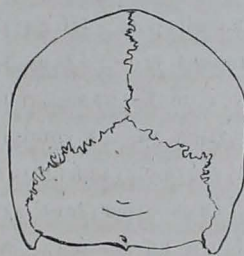
Наибольшая ширина неба, между внутренними краями зубныхъ ячеек, равна 48 мм., т. е. составляетъ 77,2 длины всего неба. При этомъ, форма зубной дуги представляетъ здѣсь не гиперболу или параболу, а скорѣе сегментъ круга, т. е. что зубная дуга здѣсь значительно менѣе суживается къпереди, чѣмъ обыкновенно. Такъ напримѣръ, взявъ для сравненія обыкновенный русскій мужской черепъ, я нашелъ, что ширина зубной дуги на самомъ задѣ ея равнялась у него 40 мм., — между вторыми ложнокоренными — 33 мм., и — между клыками, 22 мм.; между тѣмъ какъ тѣ же разстоянія на сахалинскомъ черепѣ выражались цифрами — 44,5, 44 и 32,5 мм. Что касается небнаго свода, то слѣдуетъ еще замѣтить, что длина его обуславливается, въ значительной степени, длиною горизонтальныхъ пластинокъ небныхъ костей, которыя, на срединномъ швѣ, имѣютъ здѣсь въ длину 23 мм. Самый сводъ плосокъ и наибольшая глубина его (вышина) не превышаетъ 13 мм. Вдоль всего свода, по средней линіи, идетъ продольное возвышеніе или валикъ, раздѣляющій небо на два параллельныхъ углубленія или желоба. На внутренней сторонѣ зубныхъ ячеек (коренныхъ зубовъ) находится нѣсколько губчатыхъ костяныхъ наростовъ или желваковъ.

Напередѣ, ячеек рѣзцовъ занимаютъ пространство въ 26 милл.; далѣе, между крайними рѣзцами и клыками имѣется порядочная діастема въ 3—4 мм., и подобная же діастема существуетъ между 1 и 2 ложнокоренными зубами.

Foramina incisiva весьма велики; ячеек вторыхъ коренныхъ зубовъ стоятъ косвенно; а на сохранившихъ

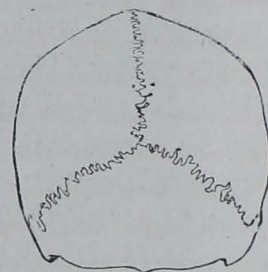
ся зубахъ можно видѣть, что коронки ихъ представляютъ значительное стираніе по направленіи кънаружи.

Обращаясь теперь къ черепу другаго, мужскаго скелета, мы находимъ прежде всего, что онъ, хотя относительно и легче, менѣе массивенъ, — однако объемистѣе, такъ какъ его вмѣстимость равна 1550 к. сант. (т. е. на 170 к. сант. больше). При разсматриваніи въ профиль, (См. Таблицу III фиг. 3) контуръ его свода является болѣе округленнымъ, надбровныя дуги выражены нѣсколько больше, а слѣдовательно — и вдавленіе на переносѣ. Лобъ, хотя также плосокъ и покатъ, но перегибъ его болѣе замѣтенъ. На темени, менѣе приплюснутомъ, вдоль сагитального шва, на разстояніи 5 сант. отъ брегмы, видно продольное возвышеніе, которое можно замѣтить и при разсматриваніи въ norma frontalis (Табл. III фиг. 4) и occipitalis, (фиг. 41) когда черепъ вообще

Фиг. 40.

Черепъ женскаго скелета снизу.

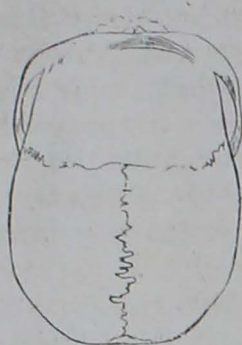
Фиг. 41.

Черепъ мужскаго скелета снизу.

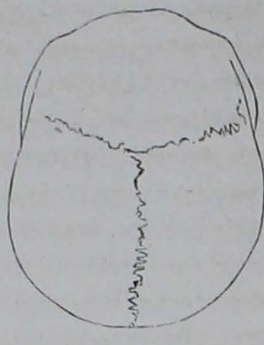
шире, выше и нѣсколько en dos d'âne; темянные бугры на немъ выражены много рѣзче. — Полукружныя височныя линіи обозначены слабѣе; они почти проходятъ чрезъ темянные бугры и разстояніе между ними по вѣнечному шву составляетъ 130 мм. Затылочный бугоръ не обособленъ, равно какъ и lineae nuchae выражены слабо. Скулы и скуловыя дуги замѣтно менѣе массивны: вышина первой скулы, т. е. разстояніе отъ ея нижняго края до угла глазницы = 27 мм. Прогнатизмъ представляетъ болѣе слабую степень: лицевой уголъ на альвеоларномъ краю верхней челюсти составляетъ 70° , на передней носовой кости 74° . Уголъ нижней челюсти (горизонтальной и восходящей ея вѣтвей) — меньше, и равняется — съ небольшимъ 120° . Вообще, вся эта челюсть менѣе массивна; ея *chorde gonio-symphysienne* равна 85 мм., а вышина подбородка — 32 мм.

При взглядѣ сверху, въ norma verticalis, (фиг. 43) можно видѣть, что черепъ вообще короче и шире, брахицефальнѣе, чѣмъ первый (фиг. 42), что лобъ его болѣе округленъ,

а скулы и челюсти меньше выдаются. Эта меньшая ширина скул видна также и при взгляде снизу (въ *norma*

Фиг. 42.
Череп женского скелета сверху.

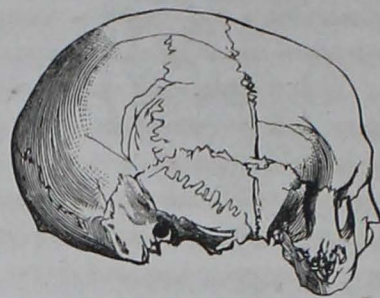
Фиг. 43.
Череп мужского скелета сверху.

basilaris), причем можно еще заметить, что как основание черепа, так, и въ особенности, костное небо—много короче: длина его=49 мм., а длина горизонтальных пластинок небных костей, до *spina nasalis post.*—16 мм.); что это последнее (небо) уже (ширина его=42 мм.), глубже, и зубная дуга приближается больше къ обыкновенному типу; — что затылочная дыра уже, а *condyli* представляют форму, соответствующую удлиненным суставным поверхностям восходящих отростков атланта. Кроме того, здесь не имеется ни диастемъ, ни продольного валика, ни костных наростовъ на деснахъ, какія мы видѣли на первомъ черепѣ.

Всего больше различій представляет однако видъ черепа спереди (*en face*), въ *norma frontalis* (См. Табл. III фиг. 4). Въ этомъ положеніи видно именно, что лобъ развитъ, относительно, гораздо больше, а лицевая часть, напротивъ того, много короче. Дѣйствительно, длина лица составляетъ здѣсь только 75 мм., а длина альвеолярнаго отростка верхней челюсти — 17,5 мм. При этомъ, хотя абсолютная ширина лица между скуловыми дугами (133 мм.) здѣсь и меньше, однако, относительно, лицо шире (личной показатель = 56,4). Ширина переносья здѣсь такая же, какъ и у первого черепа — 22 мм.; относительная же ширина носа (*index nasalis*) больше, именно=50,5. Носовыя кости (обломанные) здѣсь такъ же узки и плоски; нижній край носоваго отверстія такъ же округленъ и утолщенъ, хотя утолщеніе это распространяется здѣсь больше на дно носовой полости, чѣмъ на наружную поверхность альвеолярнаго отростка верхней челюсти. Показатель глазницы (лѣвой, правая обломана) больше, именно=34:42, т. е. 80,9. Глазницы стоятъ косвеннѣе, т. е. поперечныя оси ихъ пересека-

ются подъ менѣе тупымъ угломъ, чѣмъ у первого черепа; притомъ онѣ менѣе, округленнѣе, и отверстія ихъ нѣсколько больше направлены кнаружи.

Что касается третьяго, неполнаго черепа, то онъ отличается отъ первыхъ двухъ, какъ уже сказано, своею величиною и вмѣстимостью: горизонтальная окружность его равна 546 мм., вмѣстимость—1620 к. сант., продоль-

Фиг. 44.

ный діаметръ—191 мм. Лобъ его развитъ лучше, т. е. контуръ его вертикальнѣе, выпуклѣе и перегибъ его выраженъ замѣтно больше (см. ф. г. 44); передъ брегмой, на лобной кости замѣчается небольшое вдавленіе. Какъ надбровныя дуги, такъ и полукружныя височныя линіи обозначены явственно, но затылочный бугоръ и *lineae nuchae* также выражены слабо. По величинѣ головного показателя (75,9) черепъ этотъ стоитъ на самой границѣ между долихо-и субдолихоцефаліей. Вышина его, относительно, довольно мала (135 мм.), показатель вышины=70,7. Наконецъ, носовыя кости его относительно шире, больше, и сходятся между собою подъ болѣе острымъ, почти прямымъ угломъ; переносье же отличается весьма значительною шириною, именно=28 мм.

Обращаясь теперь отъ этихъ частныхъ описаній и сравненій отдѣльныхъ череповъ къ общему заключенію объ ихъ типѣ, мы должны прежде всего констатировать тотъ фактъ, что все они представляютъ между собою многія различія, какъ къ общему *habitus*у, такъ и въ подробностяхъ строенія. Такъ, что касается женскаго черепа, то несомнѣнно, что по многимъ признакамъ онъ долженъ быть отнесенъ къ монгольскому типу; на это указываетъ именно массивность и ширина его скулъ, горизонтальное положеніе глазницъ, форма носовыхъ костей и нижняго края носоваго отверстія, ширина челюсти и костнаго неба, длина горизонтальныхъ пластинокъ небныхъ костей, прогнатизмъ и др. признаки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, черепъ этотъ представляетъ, повидимому, и чисто индивидуальныя признаки нисшей ор-

ганизации, каковы напр. малая вмѣстимость, малая величина лба, массивныя челюсти и значительный прогнатизмъ.

Гораздо менѣе рѣзко обособленный типъ видимъ мы въ черепѣ мужскаго скелета. По своей формѣ, развитію въ лобной и теменной частяхъ, умѣренной величинѣ скулъ и челюстей, онъ выказываетъ значительно большее приближеніе къ типу череповъ Кавказской расы, хотя нѣкоторые признаки монгольскаго типа замѣтны и здѣсь. Сюда относятся именно: плоскость лица и выступленіе напередъ скулъ и глазницъ, малыя и плоскія кости носа, величина носоваго показателя, характеристическая форма нижняго края *apertura pyriformis*, и нѣкоторые другіе. Общій видъ обоихъ череповъ сзади (въ *norma occipitalis*) также представляетъ замѣтное сходство.

Что касается наконецъ третьяго черепа, то отсутствіе большей части лицевыхъ костей не позволяетъ сдѣлать сколько нибудь рѣшительнаго заключенія объ его типѣ. Можно замѣтить только, что и здѣсь значительная ширина переносья, малое развитіе затылочнаго бугра и болѣе горизонтальное положеніе глазницъ—указываютъ на присутствіе монгольскаго типа, хотя въ общемъ контуръ мозговаго черепа, особенно лба, и можетъ считаться болѣе совершеннымъ.

Конечно, всѣхъ этихъ данныхъ еще слишкомъ недостаточно, чтобы составить себѣ болѣе опредѣленное понятіе о типѣ айискаго черепа. Для этого нужно, безъ сомнѣнія, не два, три, а по крайней мѣрѣ нѣсколько десятковъ череповъ различнаго пола. Къ сожалѣнію, при всѣхъ нашихъ усиліяхъ, мы не могли получить еще другихъ экземпляровъ, хотя намъ и было напередъ извѣстно, что одинъ айискій черепъ долженъ находиться въ Музеѣ Императорскаго Географическаго Общества въ Петербургѣ, и другой (пожертвованный Добровольскимъ)—въ Музеѣ Сибирскаго Отдѣла того же Общества въ Иркутскѣ *). Мы могли принять правда въ соображеніе тѣ описанія, измѣренія и рисунки ай-

скихъ череповъ, которыя были представлены Дэвисомъ, Бѣскомъ, Вирховомъ и Дѣницемъ; однако указанія, представляемыя ими, болѣею частью, не полны и не достаточны. Впрочемъ, что касается четырехъ айискихъ череповъ, описанныхъ Дэвисомъ, и одного, измѣреннаго Бѣскомъ, то, повидимому, въ нихъ нельзя было замѣтить никакихъ характеристическихъ отличій отъ обыкновеннаго типа. Такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ авторы, и дѣйствительно, судя по рисункамъ, черепа эти (полученные, какъ утверждаютъ, съ о-ва Иессо) представляютъ довольно обыкновенный типъ строенія. Они—субдолихоцефальны (черепъ Беска долихоцефальный), вмѣстимость ихъ средняя (1414—1524 к. сант.), показатель вышины (за исключеніемъ одного) немногихъ разнится отъ показателя ширины, лобъ довольно развитъ, прогнатизмъ умѣренный, носовыя кости крышеобразны, передняя носовая ость и нижній край *apertura pyriformis* обозначены рѣзко, скулы и челюсти—умѣренной величины, затылочный бугоръ и линія (по крайней мѣрѣ у черепа Беска) выражены явственно, очертанія черепа вообще довольно округленныя. Впрочемъ, черепъ Беска отличается значительной шириною лица между скуловыми костями (142 мм.), замѣтно крышеобразной формой черепнаго свода, угловатостью очертаній въ *norma verticalis*, довольно высокими скулами и широкими челюстями, а изъ череповъ Дэвиса два, по крайней мѣрѣ, положительно прогнатны и косозубы, и всѣ имѣютъ весьма широкое переносье (27—28 мм.),—одинъ изъ характерическихъ признаковъ монгольскаго типа. Еще болѣе, повидимому, этотъ типъ выраженъ въ черепахъ, описанныхъ Вирховымъ (съ о-ва Сахалина) и Деницомъ (съ о-ва Иессо).

Первый, по словамъ Вирхова, отличается значительно выступающими скулами, низкимъ, нѣсколько вдавленнымъ носомъ, сильно развитыми полукружными височными линіями (ширина между которыми, по вѣчному шву, составляетъ 105 мм.) и весьма широкою, замѣтно прогнатною верхней челюстью, которая представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма большія алвеолы (особенно для рѣзцовъ и клыковъ), и широкую, соответствующую почти сегменту круга, зубную дугу. Черепъ же Дѣница характеризуется весьма плоскимъ и покатымъ взадъ лбомъ, довольно приплюснутымъ темянемъ, значительною шириною въ скулахъ (144 мм.), шириною переносья (до 30 мм.), длинными горизонтальными пластинками небныхъ костей (21 мм.), высокими

*) Антропологическій Отдѣлъ Общ. Люб. Ест. обращался въ сазанные учрежденія съ просьбою о высылкѣ, хотя бы временно, находящихся въ ихъ владѣніи айискихъ череповъ, но безуспѣшно. Географическое Общество въ Петербургѣ правда изъявило готовность выслать имѣющійся у него черепъ (пожертвованный Шмидтомъ), но оказалось, что онъ былъ ранѣе еще переданъ проф. Эйхвальду.

полукруглыми линиями (проходящими на 18 мм. выше темных бугровъ), весьма широкимъ подбородкомъ и prognathными челюстями,—все признаки, доказывающіе, по словамъ Деница, несомнѣнную принадлежность этого черепа къ монгольскому типу.

Упомянувъ объ этомъ послѣднемъ, т. е. Монгольскомъ типѣ, было бы конечно желательно—опредѣлить точнѣе его признаки, сравнительно съ Кавказскимъ, и въ особенности обратить вниманіе на тѣ видоизмѣненія его, какія встрѣчаются у народовъ близкихъ, или соедѣнныхъ Айнавъ,—такъ какъ только изученіе этихъ видоизмѣненій можетъ содѣйствовать рѣшенію вопроса о принадлежности Айновъ къ той или другой расѣ, — объ ихъ сродствѣ и происхожденіи. Къ сожалѣнію, по настоящее время, собрано еще такъ мало антропологическаго матеріала для изученія всѣхъ этихъ народовъ, что многія подробности совершенно не могутъ быть еще выяснены, и большая часть нашихъ свѣдѣній должна, по необходимости, страдать отрывочностью и неопредѣленностью. Тѣмъ не менѣе, въ слѣдующей главѣ, мы позволимъ себѣ представить, въ качествѣ матеріала, главнѣйшіе изъ извѣстныхъ по настоящее время и относящихся сюда фактовъ, присоединивъ къ нимъ и тѣ этнографическія данныя—объ Айнахъ и сосѣднихъ имъ племенахъ, которыя могутъ имѣть значеніе при обсужденіи различныхъ,—касающихся Аинскаго племени (и вообще этнологіи Восточной Азіи) вопросовъ.

ГЛАВА IV.

Этнографическія особенности аинскаго племени и его отношенія къ племенамъ окружающимъ.

При изученіи какого нибудь племени, особенно мало-извѣстнаго, типъ и положеніе котораго еще не выяснены, — недостаточно ограничиваться одностороннимъ разсмотрѣніемъ однихъ физическихъ его особенностей, по необходимо сравнивать ихъ также съ особенностями окружающихъ племенъ, а также обращать вниманіе на языкъ, религіозныя вѣрованія и обряды, преданія, историческія свидѣтельства, характеръ, географическое распространеніе, индустрію, черты нравовъ, обычаи и тому подобныя этнографическія данныя,—способныя дать весьма полезныя, а иногда даже существенно важныя указанія на отношеніе разсматриваемаго племени къ другимъ племенамъ, на его сродство и происхожденіе. По-

этому и мы, прежде нежели закончить наше настоящее изслѣдованіе, намѣрены указать на имѣющіяся черты сходства и различія — между Айнами и племенами имъ соедѣнными, а также сообщить, въ главныхъ чертахъ, то, что извѣстно по сию пору объ ихъ географическомъ распространеніи и исторіи, объ ихъ языкѣ, религіозныхъ понятіяхъ, бытѣ и правахъ, — причемъ, конечно, намѣнѣтъ надобности вдаваться въ подробности, а достаточно остановится только на болѣе характеристическихъ и выдающихся чертахъ.

Прежде всего, здѣсь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о численности Аинскаго племени и его географическомъ распространеніи. Мы знаемъ уже, что территорія Айновъ, ограничивается только островомъ Іессо, южной половиной острова Сахалина и островами Курильскими, — не распространяясь ни на материкъ Азіи, ни на лежащій южнѣе островъ Ниппонъ. Прежніе этнографы правда полагали^{*)}, что племя Айновъ встрѣчается также и на материкѣ Азіи, именно по нижнему теченію р. Амура, однако въ этомъ случаѣ они очевидно смѣшивали Айновъ съ Гиляками, — племенемъ, живущемъ также и въ сѣверной половинѣ острова Сахалина, но отличномъ отъ Айновъ, по свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ. Другіе этнографы соединяли и соединяютъ еще Айновъ съ Камчадалами^{**)}, племенемъ теперь уже вымершимъ и населявшемъ Камчатку, но возрѣнію этому противорѣчатъ свидѣтельства Штеллера и Крашенинникова, которые имѣли случай основательно познакомиться съ обоими племенами, во время своего многолѣтняго пребыванія въ тѣхъ странахъ, и убѣдившись въ существованіи между ними «знатной разности». Правда жители южной части полуострова Камчатки, къ югу отъ Большой рѣки, также были извѣстны подъ именемъ *Куриловъ*, тѣмъ не менѣе, какъ объясняютъ Миллеръ и Крашенинниковъ, они, равно какъ и жители перваго Курильскаго острова, были «не прямые» или «не самые Ку-

^{*)} См. Ritter. Erdkunde. Bd. III. (IV Th. 2 Buch). B. 1834 стр. 446; Pauli. Les peuples de la Russie и др.—Фр. Мюллеръ (см. его «Allgemeine Ethnographie» IV. 1873) также утверждаетъ: «identisch oder stammverwandt mit den Aino sind die Giljaken, die Bewohner des Sachalien gegenüberliegenden Festlandes».

^{**)} См. Müller. Allgem. Ethnographie IV. 1873 стр. 192. Однако уже Причардъ (см. его «Naturgeschichte des Menschengeschlechts» übers. von R. Wagner L. 1845. III Bd. 2 Th. стр. 462, 467 и др.) указалъ на значительныя различія между обоими племенами, что принимаетъ повидимому и Оск. Пешель (см. его Völkerkunde L. 1874 стр. 414—416.).

ры, а Камчатскаго (Камчадалскаго) поколѣнія», и, если и представляли нѣкоторое сходство съ мохнатыми Курильцами по облику и обычаямъ, то только вслѣдствіе того, что часто брали у нихъ себѣ женъ въ замужество.

Съ другой стороны, тѣ же писатели сообщаютъ намъ, что и на слѣдующемъ Курильскомъ островѣ, т. е. на второмъ (Шумшу), жители, хотя и были настоящіе мохнатые Курильцы, однако переселились туда лишь незадолго до пришествія русскихъ съ пятого острова, *Онекотана*, гдѣ, равно какъ и на слѣдующихъ островахъ, до 17-го или 18-го включительно, они по всей вѣроятности были также недавними жителями, или даже только временными посѣтителями съ цѣлью промысла. Такъ можно именно заключить, судя по природѣ этихъ небольшихъ, скалистыхъ, вулканическихъ острововъ, покрытыхъ весьма скудною растительностью, и почти совершенно лишенныхъ животныхъ (за исключеніемъ морскихъ), — а отчасти и изъ прямыхъ извѣстій, сообщаемыхъ старинными русскими мореходами, ходившими «въ дальніе Курилы» въ прошломъ столѣтіи. Замѣтимъ впрочемъ, что по словамъ д-ра Добротворскаго, названія Курильскихъ острововъ, какъ дальнихъ, такъ и самыхъ первыхъ, вѣсь — чисто Аинскаго происхожденія *).

Такимъ образомъ, относительно Курильскихъ острововъ, повидимому не подлежитъ сомнѣнію, что, за исключеніемъ можетъ быть двухъ послѣднихъ, ближайшихъ къ Іессо, они посѣщались Айнами большей частью только временно для промысловъ, или, если и были ими заселены, то относительно поздно, и наиримѣръ самые сѣверные, ближайшіе къ Камчаткѣ, не ранѣе конца XVII столѣтія.

Самые же южные острова, Итурпу и Кунаширъ, какъ болѣе обширные, болѣе богатые лѣсомъ, звѣрями и вообще представлявшіе болѣе удобства для жизни, были заселены, по всей вѣроятности, ранѣе, гуще, и могли отправлять отъ себя, по временамъ, отдѣльныя партіи или семьи — на острова, лежащіе сѣвернѣе. Какъ бы то ни было, число жившихъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, на первыхъ 18 островахъ, мохнатыхъ Курильцевъ, не превышало 270 человекъ мужскаго пола, — число, которое въ послѣдствіи все уменьшалось, и въ 1860 г. достигло уже цифры только 88 человекъ обоего пола.

*) *Добротворскій*, ст. въ Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ. I. 1870, стр. 26.

Что касается Сахалина, то хотя по аналогіи и можно предполагать, что онъ заселенъ былъ Айнами также съ юга, съ острова Іессо, — въ пользу чего говорить по видимому то обстоятельство, что Аины заселяютъ только южную его половину, однако, вполне убѣдительно, доказать этого нельзя. Существуютъ даже нѣкоторые факты, которые доказываютъ, что племя Аиновъ распространялось здѣсь въ прежнія времена далѣе на сѣверъ, чѣмъ теперь, какъ то можно именно заключать изъ аинскихъ названій нѣкоторыхъ рѣчекъ и селеній въ сѣверной части острова, въ мѣстностяхъ, которыя теперь заняты Гиляками.

Съ другой стороны, у Аиновъ существуютъ преданія, что въ прежнее время они вели кровавыя войны съ своими Мацмайскими соплеменниками, съ Гиляками, Ороками, а также и съ первобытными обитателями южной части острова, — народомъ, который они называютъ Тончанами, и которому они приписываютъ, между прочимъ, находимыя по временамъ въ землѣ каменные орудія. Относительно послѣднихъ, впрочемъ, можно допустить, что онѣ принадлежали предкамъ самихъ Аиновъ, — можетъ быть той части ихъ, которая переселилась на Сахалинъ ранѣе позднѣйшихъ пришельцевъ. Извѣстно, что до прихода русскихъ, большая часть народовъ сѣверо-восточной Азіи (и сѣверо-западной Америки), какъ-то: Камчадалы, Коряки, Чукчи, Алеуты и пр., не умѣли пользоваться металлами, и употребляли для своихъ орудій исключительно камень и кость.

Вотъ какъ напр. описываетъ Крашенинниковъ этотъ каменный вѣкъ у Камчадаловъ. — «Прежніе металлы, говоритъ онъ, почти до самаго пребыванія Россіянъ, были здѣсь кость и камень. Изъ нихъ они дѣлали топоры, ножи, копье, стрѣлы, ланцеты и иглы. Топоры у нихъ дѣлались изъ оленьей и китовой кости, также и изъ яшмы, на подобіе клина, и привязывались ремнями къ кривымъ топорикамъ плашмя, каковы у насъ бывають веслы. Ими они долбили ложки свои, чаши, корыта и прочее, однако съ такимъ трудомъ и съ такимъ продолженіемъ времени, что лодку три года надлежало имъ дѣлать, а чашу большую не меньше года. Чего ради большія лодки, большія чаши или корыта... въ такой чести и удивленіи у нихъ бывали, какъ нѣчто сдѣланное изъ дорогова металла... А варили они въ такой посудѣ рыбу и мясо каленымъ камнемъ. Ножи они дѣлали изъ горнаго зеленоватаго или дымчатаго хрустала на подобіе ланцовъ востроконечные, и насаживали ихъ

на черены деревянные; изъ того-жъ хрустали бывали у нихъ стрѣлы, копья и ланцеты, которыми кровь и конины пускають. Швальныя иглы дѣлали они изъ со- большихъ костей, и шили ими... весьма искусно. Огнива ихъ были дощечки деревянные изъ сухаго дерева, на которомъ по краямъ наверхены дирочки, да кругленькія изъ сухаго-жъ дерева палочки, которыми, вертя въ ямоч- кахъ, огонь доставали... Желѣзные инструменты, топоры, ножи и пр. отъ нихъ такъ высоко почитаются, что съ начала ихъ покоренія и тотъ себя почиталъ за богато- го и щастливаго, у кого былъ какой нибудь желѣзный обломокъ. Не пропадетъ у нихъ и нынѣ даромъ ни че- верешокъ (sic) изъ перегорѣлыхъ котловъ желѣзныхъ; могутъ они дѣлать изъ нихъ кленики, стрѣлы или что нибудь полезное; при чемъ то удивительно, что они не калятъ желѣза, но холодное, положи на камень, куютъ камнемъ же вмѣсто молота»... *).

Подобнымъ-же образомъ, относительно Чукчей, старин- ные извѣстія казаковъ сообщаютъ, что оружіе ихъ со- стояло изъ «шибалоковъ каменныхъ», изъ «костяныхъ троерогихъ чекушъ, насаженныхъ на долгиа ратовища», и изъ стрѣлъ—костяныхъ или каменныхъ. Точно также и у Алеутовъ, по словамъ Веніаминова, *) оружіе, до прибытія русскихъ, состояло: изъ деревянныхъ стрѣлъ съ наконечниками изъ кости или обсидіана, изъ камен- ныхъ ножей и изъ деревянныхъ латъ и щитовъ, а орудія—также изъ стрѣлъ (для охоты за морскими звѣрями), изъ палокъ, костяныхъ крючковъ (для ловли рыбы), сіенитовыхъ или аспидныхъ топориковъ и но- жей, костяныхъ клинѣвъ и иглоковъ и т. под.

Съ другой стороны, слѣдуетъ замѣтить, что находки каменныхъ орудій не ограничиваются только островомъ Сахалиномъ, но дѣлались часто также и на островахъ Иессо и Нипонѣ. Уже Зибольдъ, въ своемъ «Архивѣ», упоминаетъ объ этихъ остаткахъ древности, сообщая впрочемъ, что всего чаще попадаются т. наз. *магатама*, украшенія изъ горнаго хрустала, корналина, яшмы, агата и т. под., обдѣланныя въ формѣ полукольца или завитка, съ болѣе толстымъ, продыравленнымъ и болѣе тонкимъ, заостреннымъ концомъ, или въ формѣ прямыхъ трубочекъ (*куда-тама*), бусинъ и пр., подобныя кото- рымъ, по его словамъ, можно верѣтить еще и теперь

*) *Крашенниниковъ*. Описаніе Камчатки. 2 изд. Т. II стр. 31 слѣд.

*) *Веніаминовъ*. Записки объ островахъ Уналашискаго отдѣла. Т. II, Спб. 1840, *passim*.

у Мацмайскихъ и Сахалинскихъ Айновъ *). Въ новѣй- шее время, *Франксъ* и маркизъ *де-Вибрэ* описали **) рядомъ съ только что упомянутыми украшениями и аму- летами, (иногда въ формѣ крошечныхъ топориковъ, стрѣ- локъ и т. под.)—много настоящихъ каменныхъ орудій,— топоровъ, наконечниковъ копій и стрѣлъ, долотъ и т. д. изъ кремня, кварца, песчаника, обсидіана, яшмы, діо- рита,—полученныхъ и найденныхъ въ Японіи. Всѣ эти орудія однако были добыты, повидимому, исключительно на островѣ Нипонѣ, и найдены въ мѣстностяхъ, за- селенныхъ теперь исключительно Японцами; что же касается до Иессо и Сахалина, то, кромѣ неопредѣлен- ныхъ указаній, мнѣ неизвѣстно описанія ни одной, сдѣ- ланной въ тѣхъ мѣстахъ находки. На этомъ основаніи мнѣ казалось не бесполезнымъ приложить между прочимъ къ настоящему очерку и изображенія нѣсколькихъ древ- нихъ каменныхъ орудій съ острова Сахалина, выбравъ для того болѣе типичные экземпляры изъ коллекціи, присланной Обществу Люб. Ест. г. Гарезинимъ. (Таб. IV. Фиг. 12—18).

Матерьялъ, изъ котораго сдѣланы эти орудія, — есть сѣрый песчаникъ и аспидъ. По формѣ, между ними можно различить четыре вида: а) фиг. 12 (*en face*) и фиг. 13 (въ профиль) — представляетъ, повидимому, родъ топора; б) фиг. 18 — напоминаетъ подобный же инструментъ, изображенный Марк. Де-Вибрэ, (l. c. pl. 14 fig. 3); в) фиг. 17 и фиг. 14—15 — имѣетъ, какъ намъ кажется, наибольшее сходство съ древними камен- ными *томагавками* Индѣйцевъ ***), и наконецъ d) фиг. 16—могъ служить молотомъ, пращей или быть просто грузиломъ для невода. — Вмѣстѣ съ этими каменными орудіями, въ той-же коллекціи древнихъ вещей съ ост- рова Сахалина оказалось еще нѣсколько голубыхъ бусъ, плоское, продолговатое, деревянное блюдо, и нѣсколь- ко обломковъ грубой глиняной посуды желтоватаго и

*) См. Siebold's Archiv etc. Bd. I. N. 3: «Magatama, die Schätze der frühesten Bewohner der japanischen Inseln». По мнѣнію Брандта l. c. стр. 26, эти «магатама» составляютъ какъ бы подражанія звѣриннымъ зубамъ, и можетъ быть замѣнили собою, въ болѣе поздній періодъ, настоящіе зубы, употреблявшіеся ранѣе для украшеній.

**) Замѣтка Франкса помѣщена въ трудахъ конгресса историческо- археологическаго въ Норвичѣ, а сообщеніе Marq. de Vibreau въ «Compte Rendu du Congrès internat. à Bruxelles» 1872 г. стр. 337 и 342. При этой послѣдней статьѣ приложены четыре таблицы рисунковъ.

***) Сравни изображенія древнихъ каменныхъ орудій Индѣйцевъ, въ статьѣ Rau, Ueber künstliche Muschelbetten in America (Archiv für Anthropologie Bd. II, стр. 324).

чернаго цвѣта; послѣдніе представляли на своей наружной сторонѣ первобытные орнаменты, именно черточки, прямые или косые, разставленныя симметрично и какъ будто сдѣланныя погтемъ.

Замѣтимъ однако, что въ настоящее время каменные орудія уже давно вышли изъ употребленія у Айновъ, и замѣнились, большей частью, металлическими, заимствованными у Японцевъ, равно какъ и первобытная (деревянная или глиняная) посуда уступила мѣсто металлической или лакированной Японской. Мы видѣли уже, что еще голландскіе путешественники XVII вѣка нашли у Айновъ, даже въ южной части острова Сахалина, металлическія трубки, иглы, ножи и различную утварь японской работы. Въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, однако, Айны и теперь еще продолжаютъ употреблять многіе инструменты и утварь своего собственнаго туземнаго приготовленія, какъ напр.: деревянные луки, колчаны и стрѣлы съ костянымъ наконечникомъ, деревянные трубки и особая, украшенная рѣзбою, плалочки для ношенія ихъ на поясѣ, деревянные ящики и кожаные (изъ рыбьей или перпичьей кожи) сумочки для табаку, палочки для чесанія блохъ (сикій-ки-ни),— обѣденныя (приморо) и—для поднятія усовъ при питьѣ (икупись, икубашъ), деревянные чашки и ложки, кудрявыя «инау», о которыхъ мы будемъ еще говорить, и даже (по словамъ Брандта)—каменные топоры и молотки.

Число Айновъ, живущихъ въ настоящее время на островѣ Сахалинѣ довольно ограничено и по всей вѣроятности не превышаетъ 2000. Въ 1868 г. вскорѣ послѣ утвержденія на островѣ Русскихъ, было приписано всего Айновъ къ разнымъ японскимъ селеніямъ, для работъ и оброка, (по свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ Японцевъ)—2885 человекъ обоого пола; въ это число не вошли впрочемъ Айны, живущіе по заливу Терпнія къ сѣверу отъ р. Усурѣ, какъ независимые отъ Японцевъ. По вычисленіямъ лейт. Рудановскаго, однако, Айновъ въ это время на островѣ Сахалинѣ было только 2418 душъ обоого пола, а по свѣдѣніямъ, собраннымъ переводчикомъ Дьячковымъ, знавшимъ очень хорошо почти все Айнскія селенія и даже большую часть Айновъ лично,—не болѣе 2050 чел. обоого пола,—число, которое, по мнѣнію Добровольскаго, наиболѣе приближается къ истинному *). Въ послѣднее время, съ уступкою острова

*) Добровольскій I. с. стр. 27.—Замѣтимъ еще, что по словамъ Бикмора, лейт. Рудановскій исчислялъ въ 1857 г. всего на Сахали-

Сахалина въ нераздѣльное владѣніе Россіи, число это еще уменьшилось, такъ какъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, около 700 человекъ Айновъ изъявило желаніе остаться въ подданствѣ Японіи и выселилось, вслѣдствіе этого, на островѣ Иессо.

Что касается этого послѣдняго, то, соотвѣтственно его болѣе величинѣ, превосходящей величину Ирландіи *), и нѣсколько болѣе благоприятнымъ другимъ условіямъ, число Айновъ, живущихъ здѣсь, значительно больше, и, хотя въ точности и неизвѣстно, однако достигаетъ, какъ думаютъ нѣкоторые путешественники, цифры 50 или 60,000 (Wood, Brandt). Другіе предполагали даже около 100,000, но, по всей вѣроятности, все эти цифры нужно считать весьма преувеличенными. Судя по официальнымъ Японскимъ свѣдѣніямъ, въ 1873 г. было всего жителей на островѣ Иессо (или, какъ онъ называется теперь Японцами, Хоккаидо) 78,789 человекъ, въ числѣ которыхъ большая часть состояла изъ Японцевъ **). Айны же живутъ только на западномъ, восточномъ и отчасти сѣверномъ берегу, да еще кое гдѣ внутри острова, въ разбросанныхъ селеніяхъ; остальная же часть острова и все города (Хакодаде, Мацмай и др.) заселены Японцами. Основываясь на этихъ данныхъ, можно заключить, (какъ это и предполагаетъ Блакстонъ), что число Айновъ на Иессо не превышаетъ 30,000, а можетъ быть (какъ думаетъ Бикморъ) еще меньше, и составляетъ около 10 или 12,000.

Въ прежнее время Айновъ, несомнѣнно, было гораздо больше, какъ на Иессо, такъ, и въ особенности, на Сахалинѣ. По словамъ Добровольскаго **), около одной бухты Буссе, было въ старину 8 большихъ айнскихъ селеній, между тѣмъ какъ теперь три, и во всѣхъ трехъ только 7 юртъ. Около устья р. Найбучи онъ также видѣлъ слѣды многихъ селеній, между тѣмъ какъ теперь тамъ одно селеніе съ 2 юртами. Главная причина истребленія на Сахалинѣ Айнскаго племени заключается,

и—95 айнскихъ селеній съ 350 юртами и 2,479 душами обоого пола. См. Bickmore, Some Notes on the Ainos въ «Trans. of the Ethnol. Soc. of Lond». N. S. v. VII стр. 25.

*) На основаніи результатовъ съемки береговъ Иессо—экспедиціей англійскаго корабля «Sylvia» (Comm. St. John), можно заключить, что пространство этого острова составляетъ 1627 геогр. миль. См. статью «Il Giappone» въ «Bollettino della Soc. Geogr. Italiana» Roma 1874. стр. 512.

**) См. только что упомянутую статью въ «Bollettino della Soc. Geogr. Ital.» стр. 50.

***) Добровольскій I. с. стр. 27.

по сказаніямъ стариковъ, въ опустошительныхъ войнахъ, которыя они вели прежде. Такъ отъ войны погибло селеніе Поропетункотанъ съ 200 жителей, — на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ основанъ въ послѣдствіи постъ Муравьевскій. Памятны айнамъ также по кровопролитію сраженія при устьѣ Найбучи, между Тарайкинскими Айнами и Ороками съ одной стороны, и Найбучинскими Айнами и Матемайскими съ другой стороны, и на Мукара энтрумъ (топорный мысъ), гдѣ Айны были разбиты на голову Гиляками. Другихъ причинъ истребленія этого племени также много; главныя изъ нихъ, по Добротворскому, это—сифилисъ (по айнеки—японская болѣзнь, «ниспонъ-арака» *), цынга и скоротечныя сыпи—корь, скарлатина и оспа. Последняя, по словамъ Глена, опустошила, въ продолженіи десяти лѣтъ, предшествовавшихъ его пріѣзду, цѣлыя селенія въ сѣверной части острова; цынга свирѣпствуетъ главнымъ образомъ зимою, отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ; весною же часто цѣлыя села хвораютъ катаррами глазъ и дыхательныхъ органовъ. Кромѣ того, по наблюденіямъ Добротворскаго, Айны неплодовиты; обыкновенное число ихъ дѣтей 3—5, больше же 8 дѣтей Айны никогда не рожаютъ.

Что касается острова Иессо, главнаго мѣстообитанія Айновъ, то по всей вѣроятности и здѣсь, въ прежнія времена, число Айновъ было больше, нежели теперь. Въ настоящее время они населяютъ, какъ уже сказано, только части сѣвернаго, восточнаго и западнаго береговъ ** (да можетъ быть еще живутъ кое гдѣ внутри острова), тогда какъ на южномъ берегу и во многихъ другихъ мѣстахъ они совершенно вытѣснены Японцами. Но мы знаемъ, что Японцы появились впервые на островѣ Иессо только въ половинѣ XV вѣка, а колоніи ихъ

стали основываться тамъ только въ XVI и XVII вѣкахъ *). Ранѣе же того, весь островъ былъ заселенъ исключительно одними Айнами, которые, по всей вѣроятности, жили въ то время и на островѣ Нипонѣ. Дѣйствительно, Японская исторія застаётъ еще свой народъ въ ту эпоху, когда онъ жилъ только на южномъ и западномъ берегу острова Кіу-сіу, это именно въ VII вѣкѣ до Р. Х. Отсюда, подвигаясь къ сѣверу и востоку, Японцы заселили сперва остальную часть острова Кіу-сіу, а затѣмъ перешли и на островъ Нипонъ, истребляя и покоряя встрѣчаемыхъ ими «восточныхъ варваровъ», («Yebis» — такъ называютъ Японцы Айновъ). Тѣмъ не менѣе, еще въ 110 г. по Р. Х. Айны жили въ области Suruga (Sagami Sieb.), южнѣе 35° сѣв. шир.; въ VII стол. по Р. Х. они были еще исключительными обитателями страны къ сѣверу отъ 38° с. ш., и даже, послѣ подчиненія всего острова, въ IX столѣтіи, японскія лѣтописи неоднократно упоминаютъ еще о вторженіяхъ и набѣгахъ «восточныхъ варваровъ» **).

Но, если это такъ, если десять столѣтій тому назадъ страна была еще заселена Айнами, а въ настоящее время Айновъ здѣсь совершенно нѣтъ, то спрашивается, куда же они дѣвались? Были ли они истреблены Японцами, или вымерли сами, или выселились отсюда на островъ Иессо и далѣе на сѣверъ? Принимая во вниманіе, что Японскій народъ долженъ былъ первоначально быть весьма немногочисленнымъ, такъ какъ онъ заселялъ только часть острова Кіу-сіу, и племя Айновъ, жившее на гораздо болѣе обширномъ островѣ Нипонѣ, по всей вѣроятности, не уступало, если не превосходило его числомъ, — мы не можемъ допустить, чтобы Айны были совершенно истреблены Японцами, тѣмъ болѣе, что на это не имѣется никакихъ прямыхъ указаній **). Предполагать, что Аинское племя совершенно вымерло здѣсь, или выселилось цѣликомъ на сѣверъ, также было бы едва ли основательнымъ; гораздо естественнѣе предположить, что оно, или по крайней мѣрѣ

*) Добротворскій, (въ «Изв. и Учен. Зап. Имп. Каз. Унив.» 1875. № 2, стр. 44), говоритъ, что Айны различаютъ первичный сифилисъ (японская болѣзнь) отъ конституціональнаго (порѣ-арака — большая болѣзнь); нѣкоторые изъ нихъ увѣряютъ, что Японская болѣзнь занесена къ нимъ японцами, между тѣмъ, какъ «большая болѣзнь» существовала у нихъ издревле.

**) Сахалинскіе Айны различаютъ, по Добротворскому, три отрасли своего племени на островѣ Иессо: *Сарунъ-утара* (Сарунитара, Сарунуру), заселяющую западную сторону Мацмая, *Яунутара* (или Соя-унитара), заселяющую Сою и вообще сѣверную сторону Мацмая, и *Чудка-унитара*, обитающую на восточной сторонѣ Мацмая. Въ свою очередь, Мацмайскіе Айны зовутъ Сахалинскихъ: *Трепунъ-мосири-утара* (*Трепунъ-мосири* — аинское названіе Сахалина). См. Добротворскій въ «Изв. Каз. Унив.» I. с. стр. 32.

*) См. выше стр. 81, прим.

**) См. у Siebold'a, въ его Архивѣ, также у Heine, Japan, въ ст. Brandt'a etc.

*** По словамъ де-Росни, напротивъ: il résulte des textes japonais... que les Aïno avaient déjà une organisation politique assez développée, lorsqu'ils durent lutter contre les troupes conquérantes de Zimmou et de ses successeurs et que leur chef put opposer une résistance opiniâtre aux généraux de ce dernier... Далѣе, онъ приводитъ доказательства, что вожди Японцевъ часто старались породниться съ вождями Айновъ. См. De Rosny въ «Congrès des Orientalistes» стр. 63, 177.

часть его, съ теченіемъ времени смѣшалось съ Японцами, принявъ мало по малу ихъ языкъ, цивилизацію, нравы, а отчасти даже и самый обликъ. — Предполагая однако такое смѣшеніе двухъ племенъ, естественно задать себѣ вопросъ, имѣются ли какіе либо факты, которые бы прямо подтверждали его, которые бы указывали именно на видоизмѣненіе первоначальнаго Японскаго типа отъ смѣшенія съ Аинскимъ. Вполнѣ убѣдительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, едва ли возможенъ, такъ какъ для этого нужно было бы имѣть совершенно точное понятіе, какъ о первичномъ типѣ Японскаго народа, такъ и о типѣ чистаго Аинскаго племени. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя указанія въ этомъ отношеніи мы все таки можемъ надѣяться получить, — съ одной стороны, изъ изученія типа современныхъ Японцевъ, съ другой, изъ сравненія его, какъ съ типомъ Монголовъ вообще, такъ и съ извѣстными уже признаками Аинскаго племени.

Говоря вообще, типъ современныхъ Японцевъ, по всѣмъ своимъ существеннымъ признакамъ — есть типъ Монгольскій. На это указываютъ именно: низкій ростъ, относительно длинное туловище, короткія ноги, большая голова, слабое развитіе волосъ на тѣлѣ и на лицѣ, черные, прямые волосы, плоское лице съ угловатыми, выступающими скулами, присутствіе складки верхняго вѣка, закрывающей часто слезной бугорокъ, и обуславливающей кажущееся косоглазіе, довольно низкій лобъ, широкое переносье, довольно плоскій и широкій, обыкновенно вздернутый на концѣ носъ, замѣтно выступающія челюсти пр.^{*)}. Тѣмъ не менѣе, сравненія фizioноміи Японцевъ съ фizioноміями настоящихъ Монголовъ (напр. Калмыковъ), нельзя не убѣдиться что первые имѣютъ обыкновенно болѣе пріятныя, осмысленныя, подвижныя черты, рѣдко представляютъ такую приплюснутость въ носовой области и такую рѣзкую угловатость чертъ, какая встрѣчается зачастую у настоящихъ Монголовъ. Лица молодыхъ особей Японцевъ, — дѣтей, дѣвушекъ — бываютъ часто положительно миловидны, и, хотя отдѣльныя черты ихъ и не могутъ быть названы съ европейской точки зрѣнія правильными, но въ общемъ производятъ пріятное впечатлѣніе. Лица взрослыхъ Японцевъ, особенно высшихъ сословій, точно также имѣютъ иногда очень мало характеристическихъ монгольскихъ чертъ, и, по цвѣту кожи, строенію носа, вѣкъ, лба, губъ, — едва

^{*)} Лучшія описанія Японскаго типа были сдѣланы Кемферомъ, Зибольдомъ, и въ новѣйшее время — докторомъ Монике.

ли могутъ быть отличены отъ Европейскихъ. Многие имѣютъ довольно возвышенные, иногда даже съ горбомъ носы, высокіе лбы; у многихъ, особенно подъ старость, вырастаетъ довольно густая борода, которой впрочемъ только въ исключительныхъ случаяхъ даютъ здѣсь свободу роста^{°)}. Всѣ эти факты указываютъ, правда, только вообще на нѣкоторыя отличія Японскаго типа отъ настоящаго Монгольскаго, не опредѣляя въ подробностяхъ ни сущности, ни причины этихъ различій; тѣмъ не менѣе, можно отыскать въ этомъ отношеніи и болѣе опредѣленныя указанія. Такъ Брандтъ говоритъ, что въ сѣверной части Нипона, гдѣ Айны дольше всего удерживали свою независимость, типъ Японскаго народонаселенія выказываетъ замѣтное приближеніе къ Аинскому. Де-Росни находитъ даже возможнымъ различать въ Японскомъ населеніи вообще три, болѣе или менѣе рѣзко обособленныхъ типа, именно: 1) типъ *курильскій* (т. е. аинскій) — съ бѣлымъ или розоватымъ цвѣтомъ кожи, съ почти прямо прорѣзанными глазами, съ выдающимся носомъ и рѣзко очерченнымъ профилемъ(?); 2) типъ *монгольскій*, съ широкимъ и плоскимъ лицемъ, явственной складкой верхняго вѣка, толстыми ноздрями, тяжелой походкой, жесткими, густыми волосами; и 3) типъ *китайскій*, съ желтымъ цвѣтомъ кожи, съ сильно косоватыми глазами, съ выдающимися скулами, приплюснутымъ носомъ и овальнымъ лицемъ^{**)}. Изъ трѣхъ этихъ типовъ, *курильскій* — объясняется, по мнѣнію де-Росни, весьма просто, именно смѣшеніемъ, или браками завоевателей Японцевъ съ побѣжденными Аинами, первоначальными обитателями Нипона, — браками, которые, по его словамъ, постоянно поощрялись правительствомъ Микадо, и отъ которыхъ ведутъ свое происхожденіе многія лучшія японскія фамиліи. Происхожденіе Китайскаго типа, по его мнѣнію, также можетъ быть легко объяснено, — какъ результатъ атаксизма, или возвращенія къ типу предковъ. Изъ японскихъ лѣтописей, именно, положительно извѣстно, что въ населеніи, приведенномъ на островъ Нипонъ первымъ историческимъ героемъ Японцевъ, — Зинму, участвовалъ и контингентъ Китайцевъ, и что Китайцы продолжали и впоследствии селиться на Нипонѣ, въ качествѣ коло-

^{°)} По наблюденіямъ доктора Монике, бывшаго нѣсколько лѣтъ врачомъ при госпиталѣ въ Іеддо, болѣлые Японцы, во время своего пребыванія въ госпиталѣ, успѣли часто отращивать себѣ густыя бороды.

^{**)} См. De-Rosny I. с. стр. 176 слѣд., гдѣ приведены и изображенія трѣхъ типовъ.

нистовъ. Гораздо труднѣе объяснить, по мнѣнію Де-Росни, происхожденіе Монгольскаго типа. Нѣкоторые изъ прежнихъ этнографовъ полагали правда, что Японцы могутъ быть разсматриваемы какъ отрасль Китайскаго племени; однако, хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что Японія много обязана Китаю своей цивилизаціей, типъ и языкъ Японцевъ значительно разнятся отъ Китайскаго, да и сама цивилизація сложилась здѣсь въ иныя, болѣе совершенныя формы. Другіе, какъ Зибольдъ, высказывали мнѣніе—о сродствѣ Японскаго племени съ племенами Приамурья, или, (какъ Де-Росни)—съ татарскими племенами Средней Азіи, или наконецъ (какъ Боллеръ)—вообще съ племенами Урало-Алтайской группы; однако, нисколько не отрицая вывода лингвистовъ о сродствѣ Японскаго языка съ Урало-Алтайскими, нельзя не сознаться все таки, что выводъ этотъ не даетъ еще никакихъ положительныхъ указаній на ближайшее происхожденіе Японцевъ. Большую вѣроятность имѣетъ повидимому за себя то воззрѣніе, которое считаетъ Японцевъ—выходцами изъ ближайшей части Азіатскаго материка, полуострова Кореи. По крайней мѣрѣ, въ пользу этого говорить географическое положеніе,—нѣкоторое, хотя и не совсѣмъ близкое, родство языковъ, а также, повидимому, и нѣкоторое сходство по типу и характеру. Къ сожалѣнію, типъ Корейцевъ, изученъ еще по настоящее время на столько плохо, что мы положительно не можемъ сказать, въ чемъ и на сколько онъ разнится отъ Японскаго, а также—не попадаютъ ли между Японцами типы, соответствующіе ближе Корейскому, и наоборотъ, между Корейскими,—соответствующіе Японскому. Что Корейцы имѣли нѣкогда частыя сношенія съ Японіей, и даже переселялись туда цѣлыми колоніями, это положительно извѣстно, равно какъ и то, что Корея находилась одно время подъ Японскимъ вліяніемъ. Но въ позднѣйшую эпоху (съ XIII стол., а можетъ быть и раньше) вліяніе это значительно ослабло, и Корея, прервавъ почти совершенно свои связи съ Японіей, вступила тѣмъ въ болѣе тѣсныя—съ Китаемъ.

Въ настоящее время однако, типъ Корейцевъ, судя по имѣющимся краткимъ описаніямъ, довольно разнится отъ Японскаго, такъ какъ Корейцы вообще выше, сложены сильнѣе, нежели Японцы, черты лица ихъ грубѣе, угловатѣе, кожа желтоватаго цвѣта, носы глаза и скулы—положительно Монгольскіе. Впрочемъ, еще Зибольдъ, а позднѣе Баронъ Фонъ-Рихтгофенъ могли

замѣтить присутствіе по крайней мѣрѣ двухъ, довольно рѣзко отличныхъ между собою типовъ въ Корей: одинъ—съ широкимъ черепомъ, монгольскими чертами лица и рѣдкой, короткой бородой, другой—съ болѣе узкимъ черепомъ, болѣе правильными и рѣзкими чертами лица, и съ бородой, часто достигающей значительной величины. Последний типъ встрѣчается однако, повидимому, рѣже, чѣмъ первый, такъ какъ напр. Брандтъ и Крамеръ положительно говорятъ, что имъ не случалось встрѣчаться съ нимъ во время ихъ пребыванія между Корейцами *).

Если, такимъ образомъ, даже относительно происхожденія такого народа, какъ Японцы,—народа цивилизованнаго, обладающаго письменностью и исторіей,—наши свѣдѣнія весьма ограничены и неполны, то тѣмъ менѣе можемъ мы сказать что либо положительнаго относительно происхожденія Айновъ, племени, находящагося почти въ полудикомъ состояніи, и не имѣющаго ни письменности, ни исторіи. Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что они составляютъ отрасль какого либо Азіатскаго племени, но какого именно, и гдѣ ихъ первоначальная родина—рѣшить мудрено. Больше вѣроятія впрочемъ, что они пришли съ юга, чѣмъ съ сѣвера, хотя и это нельзя утверждать вполне положительно, а тѣмъ болѣе рѣшить, откуда именно они вышли. Выше мы уже говорили, что нѣкоторые этнографы сближаютъ Айновъ съ Камчадалами и разсматриваютъ ихъ какъ бы сродныя между собою племена; однако, по всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ, типы этихъ племенъ имѣютъ между собою мало общаго,—равно какъ и частности ихъ культуры, языкъ(?) и религія. Что касается типа, то извѣстно, что Камчадалы—народъ средняго или небольшого роста, широкоплечій, «присадинный», съ короткими ногами, мало развитыми икрами, большою головой и широкимъ, плоскимъ, монгольскимъ лицомъ. Цвѣтъ кожи ихъ смуглый, волосы черные, жесткіе, носъ придавленный, прорѣзъ глазъ небольшой, косоватый. Впрочемъ, по словамъ Крашенинникова, лица у Камчадаловъ представляютъ то отличіе отъ фізіономій другихъ Сибирскихъ народовъ, что они «не столь продолговаты(?) и скуласты, что щеки у нихъ, одутловаты, губы толсты и ротъ превеликой», (по

*) См. Siebold Archiv, passim; «Rapport sur un Mémoire relatif à l'origine des japonais, par. M. de Siebold», въ «Nouv. journ. Asiat.» III. 1829; De-Rosny, Mohnike l. c. Fr. Müller Allgem. Ethnographie W. 1873 стр. 355.

Штеллеру однако только губы толстыя, а ротъ небольшой и щеки вдавленные и висячія). Мужчины (по Штеллеру) имѣютъ ту особенность, общую съ другими Монгольскими народами, что усы и борода у нихъ бываютъ весьма маленькія и вырастаютъ поздно, а на другихъ частяхъ тѣла волосъ либо совсѣмъ нѣтъ, либо они весьма коротки, рѣдки и мягки. Что касается черепа, то единственный экземпляръ, находящійся въ коллекціи Блуменбаха въ Гёттингенѣ принадлежитъ къ разряду широкихъ и короткихъ (index его ширины — 85, а показатель вышины — 77), и представляетъ покатый взадъ лобъ, сильно развитую верхнюю полу-круглую затылочную линію, вдавленное переносье и значительную ширину въ скулахъ *).

Всѣ эти признаки, правда, еще не особенно рѣзки и характеристичны, тѣмъ не менѣе малая волосатость тѣла уже значительно удаляетъ Камчадаловъ отъ Айновъ; тоже заключеніе можетъ быть сдѣлано и изъ сравненія портретовъ обоихъ племенъ, а равно — и изъ подробностей ихъ быта.

Большее сходство представляютъ повидимому Айны съ своими непосредственными сосѣдями на островѣ Сахалинѣ, Гиляками **), хотя и здѣсь сходство прояв-

*) О типѣ Камчадаловъ см. у Steller'a I. c. стр. 298 и слѣд., и Крашенинникова I. c., изд. 2-е, стр. 14—15. Что Камчадалы, однако, принимали участіе въ сложении Аинскаго, специально Курильскаго племени, видно изъ извѣстій казаковъ, которые, при своемъ открытіи Курильскихъ острововъ въ началѣ прошлаго вѣка, нашли тамъ многихъ Камчадаловъ и Камчадалокъ въ качествѣ плѣнныхъ.

**) Что касается другихъ сосѣдей Айновъ на Сахалинѣ, *Ороковъ*, то они составляютъ отрасль Тунгусскаго племени, и повидимому переселились на Сахалинъ относительно недавно. Ближайшіе родичи ихъ на материкѣ суть, повидимому, т. наз. *Орочи*, обитающіе по берегу Татарскаго пролива и сѣвернаго Японскаго моря, и, можетъ быть, еще *Орочоны*, живущіе по берегамъ Амура, отъ соединенія Шилки и Аргуни, на пространствѣ почти на 200 верстъ внизъ, до прежняго Алабаина. Впрочемъ названіе Орочей (отъ «оронъ» — олень), могло быть придано и различнымъ Тунгусскимъ племенамъ, имѣющимъ домашними животными сѣверныхъ оленей. — Судя по краткимъ описаніямъ (а отчасти также и изображеніямъ, именно приведеннымъ у Зибольда) Сахалинскіе Орочи, какъ по типу, такъ и по языку и быту, почти ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ Тунгусскихъ племенъ. Касательно приморскихъ Орочей (описанныхъ впервые Ла-Перузомъ) можно еще замѣтить, что, по словамъ Венюкова, въ лицѣ ихъ «уже очень мало замѣтно этихъ рѣзкихъ угловатостей, которыя такъ поражаютъ въ другихъ народахъ Монгольской расы, напр. въ Бурятахъ, и болѣе — въ западныхъ Калмыкахъ. Скулы ихъ меньше, носъ вовсе не плоскій, глаза недалеко отстоятъ

лется, какъ кажется, болѣе въ отдѣльныхъ чертахъ, чѣмъ въ общемъ habitus'ѣ племеннаго типа. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что типъ Гиляковъ повидимому не представляетъ строгаго однообразія, а варьируетъ болѣе или менѣе, смотря по мѣстностямъ; такъ можно именно заключить на основаніи нѣсколькихъ несходныхъ между собою показаній путешественниковъ, изъ коихъ одни придаютъ Гилякамъ чисто монгольскія черты и рѣдкіе усы и бороду, другіе описываютъ ихъ какъ сильный, мужественный народъ съ рѣзкими чертами лица, часто тонкимъ носомъ и густыми, окладистыми бородами. По словамъ же Миддендорфа, это различіе одинъ отъ другаго. Цвѣтъ волосъ, правда, всегда черный, но глаза нерѣдко встрѣчаются и сѣрые... Подобно всѣмъ Тунгусскимъ племенамъ, они имѣютъ сложеніе худощавое, но уже мышцы ихъ ногъ и рукъ не такъ тощи, какъ напр. у Тунгузовъ Забайкальскихъ.... Замѣчательную черту въ устройствѣ головы Орочей составляетъ большое отношеніе между вертикальнымъ и горизонтальнымъ ея перегибамъ: оттого лице Орочей продолговато, тогда какъ напр. у Гольдовъ — оно гораздо круглѣе. По Герстфельду, «Амурскіе Орочоны болѣе частью маленькаго роста, рѣдко превышающаго средній, и вообще худощавы; руки и ноги очень тонки, что, особенно при далеко выдающемся у дѣтей животѣ, непріятно поражаетъ глаза. Плоское лице, на которомъ нерѣдко возвышается довольно острый большой носъ, широкія щеки, большой ротъ съ тонкими губами и маленькіе черные или каріе, нѣсколько заспанные глаза съ рѣзкими рѣсницами, волосы черные и гладкіе, борода короткая — характеризуютъ Орочонскую физіономію». Этотъ послѣдній признакъ, именно рѣдкость и короткость бороды и вообще малая волосатость тѣла свойственна повидимому всѣмъ Тунгусскимъ племенамъ безъ исключенія. Впрочемъ, по словамъ Свербеева, Тунгусское племя *Мануновъ* или Мангунцевъ, живущее по нижнему теченію р. Амура, между Гольдами на югъ и Гиляками на сѣверѣ, отличается густыми, окладистыми бородами, — фактъ, который однако не подтверждается наблюденіями другихъ путешественниковъ и извѣстными портретами этого племени, такъ что возможно предположить, что здѣсь произошло смѣшеніе съ Гиляками. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что различныя Тунгусскія племена имѣютъ далеко не всѣ одинъ и тотъ же типъ, какъ то можно уже заключить изъ сравненія портретовъ и описаній этихъ племенъ, и изъ принадлежащихъ имъ, правда еще весьма рѣдкихъ, череповъ. По крайней мѣрѣ, тѣ немногіе Тунгусскіе черепа, которые имѣются въ краниологическомъ собраніи Московскаго университета, представляютъ: одинъ — явственно Монгольскій типъ, другіе же замѣтно уже, длиннѣе и имѣютъ высокій, тонкій носъ и относительно узкія челюсти. — Ср. Siebold I. c. (путешествіе Мама Ринзо); Lapergouse I. c. (Orotchys); Венюковъ, въ его «Путеш. по окраинамъ Русской Азіи» стр. 87; Герстфельдъ, «О прибрежныхъ жителяхъ Амура, въ «Вѣстн. Имп. Геогр. Общ.» 1857. XX стр. 294 (Орочоны и Манегры); ст. Свербеева въ «Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ.» 1875. III, стр. 72; Маакъ «Путеш. на Амуръ», passim. и атласъ (особенно таблица: «жители береговъ Амура»); Anthropologisch-Ethnologisches Album v. Damman Asien, табл. I u VI.

типовъ есть постоянное явленіе у Гиляковъ; всегда между ними можно отличить два типа, одинъ—явственно монгольскій, другой—почти кавказскій, и эта противоположность между двумя типами показала Миддендорфу въ одномъ случаѣ (именно между Гиляками Тугурской бухты) на столько поразительною, что онъ не могъ её иначе объяснить, какъ смѣшеніемъ туземнаго населенія съ русскими землеискателями XVII вѣка, въ эпоху покоренія послѣдними странъ по нижнему теченію рѣки Амура *). Какъ бы то ни было, въ этомъ quasi — Кавказскій типъ встрѣчается повидимому у Гиляковъ значительно рѣже, чѣмъ первый, и притомъ исключительно у мужчинъ; женщины же, судя по извѣстнымъ до сего времени портретамъ, имѣютъ болѣе частью весьма рѣдко выраженные Монгольскія черты, съ очень выступающими скулами и значительной косоватостью глазъ.—Да и у мужчинъ, судя по портретамъ, эта правильность чертъ бываетъ часто только кажущаяся, и зависитъ, главнымъ образомъ, отъ развитія бороды и усовъ, которыя, при нѣсколько болѣе выступающемъ носѣ, какъ бы скрадываютъ существующее узкоглазие и общую угловатость лица **). Во всякомъ случаѣ, принявъ во вниманіе, что многія черты Монгольскаго типа существуютъ и у Айновъ, нельзя не признать, что Гиляки по нѣкоторымъ признакамъ, особенно большому росту бороды и усовъ, замѣтно стоятъ ближе къ Айнамъ, чѣмъ напр. Камчадалы или Тунгузы, выдѣляясь въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ другихъ народовъ сѣверо-восточной Азіи. Съ другой стороны, единственный, извѣстный до сего времени, Гиляцкій черепъ, представляетъ такіа характеристическія особенности строенія, что въ параллель ему можно поставить только описанный нами черепъ Сахалинскаго женскаго скелета. Сходство въ данномъ случаѣ заключается—во 1) въ горизонтальномъ положеніи глазницъ, которыя велики, четырехугольны, выдвинуты напередъ и обращены впередъ и вверхъ, такъ что нижній край глазницъ выступаетъ здѣсь замѣтно болѣе впередъ, чѣмъ верхній; во 2) въ формѣ

носовыхъ костей, узкихъ и плоскихъ, и въ формѣ носоваго отверстія, нижній край котораго округленъ и расширенъ *), и въ 3) въ значительномъ прогнатизмѣ широкой челюсти (верхней—нижней недостаетъ), въ формѣ зубной дуги (приближающейся, какъ выражается Прунеръ-Бей, къ параллелограмму), въ величинѣ скулъ—вышина которыхъ равна 34 милл. и которыя наклонены внизъ и кнаружи, и наконецъ, въ массивности и общихъ очертаніяхъ субдолихоцефального черепа. Впрочемъ, рядомъ съ только что указанными чертами сходства, этотъ Гиляцкій черепъ представляетъ и нѣкоторыя различія, которыя отчасти зависятъ можетъ быть отъ вліянія пола (Гиляцкій черепъ былъ несомнѣнно мужской), а отчасти составляютъ повидимому индивидуальныя его особенности. Отличія эти состоятъ: въ его значительной величинѣ и вмѣстимости (1638 куб. сант.), въ относительно большой вышинѣ черепа свода, въ рѣзкой обособленности всѣхъ мышечныхъ выступовъ (надбровныхъ дугъ, затылочнаго бугра и линіи, сосцевидныхъ отростковъ), въ ширинѣ переносицы (31 милл.), большой величинѣ первыхъ ложнокоренныхъ зубовъ и нѣк. др.

Выше мы упомянули, что по словамъ нѣкоторыхъ наблюдателей у Гиляковъ существуютъ два типа, одинъ съ болѣе Монгольскими, другой съ болѣе Кавказскими чертами лица, и что этотъ послѣдній навѣль даже Миддендорфа на мысль—не произошло ли тутъ смѣшенія съ типомъ Русскимъ, именно первыхъ Русскихъ завоевателей Казаковъ. Такое объясненіе едва ли однако можетъ быть признано вѣроятнымъ, такъ какъ подобное же присутствіе двухъ типовъ было констатировано, какъ мы видѣли, нѣкоторыми наблюдателями у Корейцевъ, и, по наблюденіямъ самого же Миддендорфа, существуетъ у Самоѣдовъ, Остяковъ, Киргизовъ и другихъ сибирскихъ инородцевъ. Причина здѣсь очевидно должна лежать глубже и хотя, можетъ быть, и обуславливается смѣшеніемъ племенъ, съ одной стороны Монгольскаго, съ другой—болѣе Кавказскаго типа, однако по-

*) См. А. v. Middendorff's. Die Eingeborenen Sibiriens, въ его «Sibirische Reise» Bd. IV. Th. 2. Lief. 3. стр. 1403, 1406. — Миддендорфъ повидимому считаетъ Гиляковъ и Айновъ за одинъ народъ, хотя указанные имъ два типа относятся къ Примурскимъ Гилякамъ, лично имъ видѣннымъ.

**) См. изображенія Гиляковъ обоего пола въ Антропол. Альбомъ Даммана и въ атласъ Маака.

*) Эта характеристическая форма нижняго носоваго отверстія, встрѣчающаяся довольно часто у низшихъ племенъ, была описана болѣе подробно въ первый разъ Топинаромъ, который нашелъ её выраженною особенно рѣзко у Малайскихъ племенъ. Въ новѣйшее время особенность эта была изучена Цукеркандлемъ, который придалъ ей даже особый терминъ—fossae praenasales. см. Topinard, Du prognatisme alvéolo-sous-nasal въ «Revue d'Anthropologie» I стр. 635—639; Zuckercandl Crania der Norara-Sammlung, стр. 35.

слѣдній былъ по всей вѣроятности не европейскій, а также восточнаго азіатскаго происхожденія.

Въ началѣ нашей статьи мы упоминали еще объ иномъ возрѣніи, по которому Айны должны быть разсматриваемы, какъ одна изъ вѣтвей кавказской расы, или, какъ это предполагаетъ Vivien de St. Martin, особой океанической расы, представляющей значительное сходство съ кавказскою, и отдѣленной отъ нея массою народовъ монгольскаго типа. По предположенію Вивьена *), «великій азіатскій архипелагъ, отъ Суматры до Целебеса и Филиппинскихъ острововъ, былъ первоначально заселенъ особою расою, занимавшею промежуточное положеніе между желтыми племенами восточной Азіи и черными—югозападной Океаніи. Раса эта—бѣлая, съ чертами почти, если не совершенно кавказскими, съ волосами черными, гладкими, густыми, обильно растущими какъ на головѣ, такъ (у мужскаго пола) на лицѣ и по тѣлу,—съ носомъ прямымъ или слегка орлинымъ, съ глазами—совершенно европейскими, съ обликомъ лица—овальнымъ. Эти характеристическія черты мы встрѣчаемъ въ настоящее время у всѣхъ племенъ, населяющихъ внутреннія части большихъ острововъ Архипелага; у Баттовъ Суматры, у Даяковъ Борнео, у Тагаловъ Люцона, у Бизаевъ Минданао и т. д.,—фактъ, доказывающій очевидно общность ихъ происхожденія.—Что касается собственно Малайской расы, такъ сказать наложенной въ настоящее время на первичныя племена Великаго Архипелага, то, по мнѣнію Вивьена, это—раса смѣшанная, образовавшаяся уже въ древнія времена, отъ смѣшенія желтыхъ племенъ восточной Азіи съ первоначальныхъ населеніемъ Архипелага».

«Существованіе этой особой, Океанической расы, отличной отъ Малайской, было замѣчено уже давно, но, что не принимали до сихъ поръ во вниманіе, это—что она не ограничена только предѣлами Архипелага. Не смотря однако на неполноту имѣющихся еще по сему предмету этнографическихъ свѣдѣній, Вивьенъ полагаетъ несомнѣннымъ, что раса эта имѣетъ гораздо большее распространеніе, отдѣляя отъ себя именно двѣ вѣтви: одну на сѣверѣ, по всѣмъ островамъ, окаймляющимъ восточный берегъ Азіи отъ Формозы до Камчатки, и другую—на востокъ по всѣмъ, заключеннымъ между тропиками, архипелагемъ Великаго Океана, откуда она доходитъ на юговостокъ до Новой Зеландіи».

«Первый фактъ, именно распространеніе первичной расы Великаго Азіатскаго Архипелага по всѣмъ восточнымъ островамъ азіатскаго материка, (отдѣльныя группы ея существуютъ также и на нѣкоторыхъ прибрежныхъ пунктахъ самаго материка, какъ напр. племя *Мои* въ горахъ Кохинхины),—подтверждается существованіемъ на всѣхъ этихъ островахъ, на Формозѣ, на Гайнанѣ, на островахъ Ликейскихъ, на островѣ Нипонѣ и другихъ Японскихъ, на Иессо и островахъ Курильскихъ первобытнаго населенія, имѣющаго черты и сложеніе такія же, какъ у внутреннихъ племенъ Суматры, Борнео и Филиппинскихъ острововъ, т. е. представляющаго явственное сходство съ европейскими націями. На островахъ Ликейскихъ и въ Японіи, тамъ гдѣ нѣтъ примѣси китайской крови, кавказская фizioномія является даже поразительною, въ особенности вслѣдствіе ея контраста съ монгольской фizioноміей континентальныхъ народовъ восточной Азіи. На островѣ Иессо и въ южной части острова Сахалина туземцы, извѣстные подъ именемъ Айновъ, обратили на себя вниманіе развитіемъ бороды и волосатостью тѣла. Но эта же особенность, образующая такой контрастъ съ отсутствіемъ или слабымъ ростомъ бороды у Маньчжуровъ, Китайцевъ и другихъ восточныхъ народовъ, констатирована также неоднократно у Даяковъ и родственныхъ имъ племенъ Великаго Архипелага».

«Распространеніе первобытной бѣлой расы азіатскихъ острововъ къ востоку, по всѣмъ архипелагамъ Полинезіи, кажется Вивьену фактомъ не менѣе очевиднымъ. Онъ указываетъ по этому поводу на свидѣтельство многихъ путешественниковъ, описывающихъ болѣе чистыя племена островитянъ, какъ поражающія красою своего лица, пропорціональностью сложенія, вышиною роста, длиною черныхъ, гладкихъ или волнистыхъ волосъ, сопровождаемыхъ часто великолѣпною бородою. Красота женщинъ на многихъ группахъ острововъ также давно извѣстна, равно какъ и то, что кожа болѣе молодыхъ изъ нихъ, а также и большинства вождей, не темнѣе цвѣтомъ, не смотря на близость къ экватору, чѣмъ у Андалузцевъ и Сициліянцевъ. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ здѣсь племена, приближающіяся по своему физическому типу къ племенамъ Кавказской расы. Съ другой стороны, такъ какъ извѣстно, что языки ихъ, по своему грамматическому строю родственны языкамъ Малайскимъ, между тѣмъ какъ физическій типъ островитянъ отличенъ отъ Малайскаго, то необходимо допу-

*) См. L' Année Géographique (1870—71) P. 1872 стр. 90—97.

стить, что они ведут свое происхождение от первобытного населения Великаго Архипелага, смѣшанную вѣтвь котораго представляют сами Малайцы. Съ фیزیологической точки зрѣнія, родство этой первобытной расы Великаго Архипелага съ Полинезійской—очевидно, а изъ этого слѣдуетъ, что первоначальную колыбель и точку исхода Полинезійскихъ островитянъ можно искать только на Великомъ Архипелагѣ Азіи.

«Короче сказать, по мнѣнію Вивьена, всѣ извѣстные по сию пору этнографическіе факты указываютъ на существованіе—до сихъ поръ оставшейся незамѣченной,—великой первобытной расы, первоначальное мѣсто обитанія которой составляли, повидимому, острова Азіатскаго Архипелага, гдѣ она еще и по настоящее время имѣетъ своихъ неизмѣненныхъ представителей. Эта раса представляетъ два главнѣйшихъ развѣтвленія: одно, направившееся къ сѣверу, черезъ Формозу и Японію, до Іессо и Курильскихъ острововъ, другое, распространившееся на востокъ и заселившее всѣ архипелаги Полинезіи. Характеристическая черта этой расы та, что она встрѣчается только на островахъ; въ этомъ отношеніи ее по справедливости можно назвать *Океаническою*».

Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ пользуется такою репутаціею какъ географъ, вообще знатокъ землѣдѣнія въ его различныхъ отрасляхъ, что мнѣніе его въ подобномъ вопросѣ нельзя обойти, какъ бы не казалось оно на первый взглядъ смѣлымъ и оригинальнымъ. Тѣмъ не менѣе, простиительно сомнѣваться еще, дѣйствительно ли факты и доводы, приведенные Вивьеномъ, на столько убѣдительны въ данномъ случаѣ, какъ онъ это полагаетъ. Что Полинезійцы родственны по языку съ Малайцами, что они (равно какъ и нѣкоторыя племена Азіатскаго Архипелага—Батты, Даяки и др.)—представляютъ болѣе близкое къ Кавказскому типу, чѣмъ настоящіе Малайцы, это повидимому справедливо, но едва ли фактъ этотъ требуетъ непременно того объясненія, какое принимаетъ Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ. Во первыхъ, приближеніе къ Кавказскому типу выражается здѣсь, главнымъ образомъ, въ отсутствіи или слабомъ развитіи характеристическихъ монголоидныхъ признаковъ, какіе свойственны болѣе части настоящихъ Малайскихъ племенъ и выражаются напр. въ низкомъ или среднемъ ростѣ, длинномъ туловищѣ на короткихъ ногахъ, плоскомъ лицѣ, косоватости глазъ, отсутствію бороды, прямыхъ, жесткихъ волосахъ и т. д.; причѣмъ однако, какъ у Малайцевъ признаки эти бываютъ выра-

жены иногда довольно слабо, такъ, наоборотъ, и у Полинезійцевъ, они нерѣдко встрѣчаются. Если же Полинезійскія племена представляютъ часто волнистые волосы, орлиный носъ, довольно большія бороды, прямопрорѣзанные глаза, сильное развитіе мышцъ и тому подобныя особенности, повидимому сближающія ихъ съ народами Кавказской расы, то они могли заимствовать также и отъ смѣшенія съ темнокожими племенами, юго-восточной Азіи и юго-западной Океаніи (Австраліи), племенами живущими часто въ непосредственномъ со-сѣдствѣ съ Полинезійцами, и даже предшествовавшими послѣднимъ въ заселеніи нѣкоторыхъ архипелаговъ.

Относительно же этой темнокожей расы (Австралійцевъ, Папуасовъ Новой Гвинеи, обитателей Тасманіи, Новой-Каледоніи и острововъ Фиджи, первобытныхъ жителей Филиппинскихъ, Андаманскихъ острововъ и полуострова Малакки) слѣдуетъ замѣтить, что, не смотря на темный цвѣтъ ихъ кожи, весьма впрочемъ подверженный варіаціямъ, и на присутствіе нѣкоторыхъ другихъ негрообразныхъ признаковъ, какъ напр. болѣе или менѣе сильно курчавыхъ волосъ, выдающихся челюстей, широкаго носа и пр.—чѣмъ и объясняется придаваемое имъ названіе Негритосовъ или Восточныхъ (Азіатскихъ, Австралійскихъ) Негровъ, они, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, выказываютъ болѣе близкое къ Кавказской расѣ, чѣмъ Монголы или Малайцы. Такъ, по наблюденіямъ Уэллеса, А. Мейера, Д'Албертиса и др. Папуасы Новой Гвинеи болѣе частью средняго и высокаго роста, хорошо, иногда даже атлетически сложены, имѣютъ высокіе орлиные носы и вообще довольно правильныя, иногда даже положительно красивыя фizioноміи. Волоса, правда, у большинства курчавые; но курчавость эта далеко не всегда представляетъ ту степень шерстистости, какъ у настоящихъ Негровъ, Готтентотовъ и т. под., а часто переходятъ въ волнистость и притомъ, обыкновенно, еще искусственно увеличивается помощью завиванія и прически. Цвѣтъ кожи, также, только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть названъ чернымъ или вѣрнѣе темнокоричневымъ, обыкновенно же онъ—свѣтлѣе болѣе или менѣе смуглый, или желтовато-бронзовый, вообще весьма варьирующий по особямъ, и часто не темнѣе цвѣта кожи Малайцевъ. Д'Албертисъ видѣлъ нѣкоторыя Папуаскія племена смуглаго, свѣтло-желтоватаго цвѣта, который у младенцевъ, особенно недавно рожденныхъ, могъ называться почти бѣлымъ; волосы часто были гладкіе или слегка волнистые, болѣе частью черные, но

иногда и каштановаго цвѣта, фizioномiи многихъ, особенно начальниковъ, вообще болѣе богатаго класса, могли называться красивыми, а нѣкоторые имѣли даже положительно тонкія, благородныя черты. Наконецъ, что касается волосатости тѣла и развитія бороды, то въ этомъ отношеніи Папуасы, также, замѣтнымъ образомъ превосходятъ Малайцевъ. Въ Новой Гвинее они правда не имѣютъ обычая отпускать бороду, и большей частью заботливо выдергиваютъ волосы, какъ на лицѣ, такъ и на тѣлѣ. но есть мѣстности, какъ напр. на островахъ Фиджи, гдѣ борода считается украшеніемъ мужчины, и тамъ она достигаетъ иногда весьма почтенныхъ размѣровъ. Волосатость тѣла есть признакъ, также повидимому характеристичный для всѣхъ Меланезійскихъ племенъ; по крайней мѣрѣ онъ былъ ясно выраженъ на большей части видѣнныхъ нами фотографическихъ портретовъ жителей острововъ Фиджи, Андаманскихъ, Новой Каледоніи и др.

Подобнымъ же образомъ, другое Меланезійское племя, Австралійцы, хотя и признается обыкновенно этнологами за одно изъ самыхъ низшихъ племенъ человечества, — однако, въ нѣкоторыхъ признакахъ, выказываетъ замѣтное приближеніе къ кавказскому типу. Правда, по цвѣту его кожи, болѣе или менѣе темному, — по выступанію челюстей (прогнатизму) и нѣкоторымъ другимъ особенностямъ скелета, оно скорѣе напоминаетъ Негровъ, но, съ другой стороны, прямые или слегка волнистые волосы, окладистыя бороды, волосатость тѣла, выдающіеся, иногда орлиные носы, прямо прорѣзанные глаза, а часто и весь обликъ фizioномiи, сближаетъ ихъ съ нѣкоторыми разновидностями расы бѣлой или кавказской. Такъ, извѣстный анатомъ Гёксли находитъ возможнымъ сравнивать Австралійцевъ съ нѣкоторыми первобытными племенами Индіи и даже съ нѣкоторыми типами древнихъ Египтянъ; и дѣйствительно, что касается Индіи, то видѣнные нами портреты племени Тодовъ или Todas иногда замѣтно напоминаютъ нѣкоторые типы Австралійцевъ *). Съ другой стороны однако, они могутъ на-

помянуть и нѣкоторые европейскіе, пожалуй даже русскіе типы, а кто-то изъ этнографовъ указывалъ даже на ихъ сходство съ типомъ Айновъ, которые слѣдовательно, такимъ образомъ, какъ бы сближаются нѣсколько съ Меланезійцами. Эта послѣдняя мысль, именно о возможности сходства Аинскаго племени съ Меланезійскимъ, была высказана, между прочимъ, извѣстнымъ ученымъ Оскаромъ Пешелемъ, по мнѣнію котораго, «возможно до нѣкоторой степени предположить, что Айны стоятъ въ родственной связи съ Аэтами Филиппинскихъ острововъ, если именно допустить, что Азіатскіе Папуасы могли нѣкогда распространиться чрезъ Ликейскія острова до Курильскихъ» **).

Едва ли однако возможность такого сродства можетъ быть какимъ-либо образомъ доказана. По всей вѣроятности, Пешеля побудили къ такому предположенію: во 1), извѣстія нѣкоторыхъ путешественниковъ о темномъ, почти черномъ цвѣтѣ кожи Айновъ; во 2), фактъ волосистости тѣла у Папуасовъ и у Айновъ, и въ 3), можетъ быть извѣстіе Зибольда, что будто въ нѣкоторыхъ внутреннихъ частяхъ Японіи сохранилось какое то курчавое, темнокожее племя, вѣроятно родственное Папуасамъ или Альфурамъ Новой Гвиней. Но противъ этого можно замѣтить, что цвѣтъ Айновъ далеко не можетъ, какъ мы видѣли уже, называться чернымъ, а скорѣе желтымъ, и что, съ другой стороны, извѣстіе, сообщенное Зибольдомъ, не было подтверждено ни однимъ изъ позднѣйшихъ путешественниковъ и даже положительно опровергается Монике. При этомъ, относительно волосатости тѣла и развитія бороды, можно еще замѣтить, что для объясненія ихъ нѣтъ надобности принимать непременно вліяніе Меланезійскаго или Европейскаго типа, такъ какъ тѣ же особенности могутъ, повидимому, встрѣчаться спорадически и у племенъ Монгольскихъ. Мы видѣли уже, что болѣе или менѣе густая борода встрѣчается иногда у Гиляковъ, Японцевъ, Корейцевъ; она свойственна также, какъ доказано въ новѣйшее время, и нѣкоторымъ племенамъ внутреннихъ частей Китая. Такъ, Пржевальскій, во время своего путешествія къ озеру Кукуноръ, встрѣтилъ тамъ, вблизи озера, въ гористой мѣстности Гань-су, въ восточномъ Цайдамѣ и въ бассейнѣ верхняго теченія Хуанъ-хе, племя Тангу-

*) Ср. Wallace. Der Malayische Archipel. II стр. 411 слѣд.; A. B. Meyer Anthropol. Mittheil. über die Papua's von Neu Guinea въ «Mittheil. der Anthr. Gesellsch. in Wien». IV 1874 стр. 87 слѣд.; Miklucho-Maclay Anthropol. Bemerkungen über die Papuas etc. въ «Naturkund. Tijdschrift voor Nederl. Indië. Deel XXXIII 1873; Письма D' Albertis въ «Cosmos» di Guido Cora. III стр. 221 слѣд.

*) См. портреты Тодовъ въ соч. Marshall'a A phrenologist amongst the Todas. L. 1872, а портреты Меланезійскихъ племенъ въ

альбомѣ Даммана. Мы имѣли также случай видѣть превосходную коллекцію фотографическихъ портретовъ Австралійцевъ въ зоологическомъ музеѣ Московскаго Университета.

**) См. Osk. Peschel. Völkerkunde L. 1874 стр. 415.

товъ, рѣзко отличное, какъ отъ Монголовъ, такъ и отъ Китайцевъ. «Племя это средняго, частью даже высокаго роста, коренастаго сложенія и смуглаго, у женщинъ иногда матоваго цвѣта кожи. Въ противоположность Монголамъ и Китайцамъ, у Тангутовъ сильно растутъ усы и борода, но они всегда ихъ брѣютъ. Глаза черные, обыкновенно большіе, или средней величины, но не узко-прорѣзанные, какъ у Монголовъ. Носъ прямой, иногда орлиный, или вздернутый кверху; губы большія и довольно часто отвороченныя. Скулы, хотя отчасти и выдаются, но не рѣзко, какъ у Монголовъ; лицо вообще продолговатое, но не плоское; черепъ круглый, зубы отличные, бѣлые». Замѣчательно, что по словамъ извѣстнаго сиполога, о. Іоакима, эти Тангуты были предками нынѣшнихъ Тибетцевъ и пришли въ Тибетъ изъ Куку-нора въ IV в. до Р. Х.; между тѣмъ какъ, судя по описаніямъ Шлагинтвейта и другихъ, типъ нынѣшнихъ Тибетцевъ есть чисто Монгольскій *).

Говоря о народахъ, близкихъ или сосѣднихъ Айнамъ, и представляющихъ сходство съ ними по физической организаціи, намъ необходимо упомянуть еще о Ликейцахъ, или жителей Ликейскихъ острововъ (Лиу-киу), — небольшого архипелага изъ примѣрно двадцати острововъ, лежащаго къ югу отъ Японіи, между нею и островомъ Формозой. Судя по описаніямъ путешественниковъ, особенно Гейне *), населеніе этихъ острововъ, находившееся прежде въ зависимости отъ Китая, а теперь отъ Японіи, во многихъ отношеніяхъ отлично отъ Японскаго и Китайскаго и представляетъ свой особенный типъ. По росту (довольно низкому, около 2 арш. 1 вер.), и общему выраженію лица, они правда довольно сходны съ Японцами, съ которыми ихъ сближаетъ, повидимому, также и языкъ; но большіе, широко открытые глаза, довольно пропорціональный носъ, умѣренное выступаніе скулъ, высокій лобъ и густые усы и бороды, носимые мужчинами, придаютъ имъ болѣе красивыя, выразительныя, европейскія черты. Цвѣтъ кожи ихъ болѣе частью смуглый, свѣтло-оливковый или бронзовый, но у нѣкоторыхъ свѣтлѣе, и почти бѣлый. Женщины обыкновенно значительно уступаютъ мужчинамъ по росту и

*) См. *Монголія и страна Тангутовъ*, трехлѣтнее путешествіе въ восточной нагорной Азіи Н. Пржевальскаго. I Спб. 1875. стр. 256 слѣд.; Н. У. Schlagintweit-Sakünlünski Reisen in Indien und Hochasien. Jena, 1871. II. Стр. 48—51.

*) См. статью W. Heine Die Liu-Kiu-Inseln въ сборникъ «Das Grosse Völker-und Naturleben». Br. 1862, стр. 48—53, также Венюкова «Обозрѣніе Японск. Архипелага» вып. I, стр. 67.

имѣютъ свой особый, гораздо менѣе красивый типъ. Черты лица ихъ болѣе угловаты, носы болѣе приплюснуты, а глаза узки и косоваты, т. е. имѣютъ болѣе или менѣе явственно выраженную складку верхняго вѣка. Въ этомъ отношеніи, по словамъ Гейне, онѣ довольно рѣзко отличаются отъ мужчинъ, глаза которыхъ весьма мало разнятся отъ кавказскаго типа. Съ другой стороны, нельзя отрицать, что всѣ эти признаки сближаютъ Ликейцевъ съ Айнами, съ которыми они можетъ быть находились нѣкогда въ непосредственной связи, ранѣе образованія и распространенія Японской народности. Отличія же, существующія въ настоящее время между этими двумя племенами, могутъ быть объяснены ихъ продолжительнымъ изолированіемъ, а также различіемъ вліяній (особенно этническихъ), которымъ каждое изъ нихъ было подвержено.

Въ заключеніе, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ языкѣ, религіи и бытовыхъ особенностяхъ Айнскаго племени, насколько они могутъ имѣть значеніе при обсужденіи мѣста и положенія Айновъ въ ряду другихъ племенъ восточной Азіи. Что касается впрочемъ до языка, то до послѣдняго времени всѣ свѣдѣнія наши по этому предмету ограничивались только небольшими списками словъ, приведенными Лаперузомъ, Броутономъ, Крузенштерномъ, Хвостовымъ и Давыдовымъ и нѣкоторыми другими. — изъ которыхъ трудно было еще составить опредѣленное понятіе о характерѣ и сродствѣ этого языка, сравнительно съ другими, восточно-азиатскими. Правда, одинъ ученый нѣмецъ, Пфицмайеръ, пытался, на основаніи нѣсколькихъ словарей (особенно японскаго, Мо-сиво-гуза, заключающаго въ себѣ до 3,000 словъ), составить абрисъ грамматики айнскаго языка; однако, естественно, онъ не могъ не впасть при этомъ во многія ошибки и промахи. По его словамъ, айнскій языкъ стоитъ, въ грамматическомъ отношеніи, въ срединѣ между Китайскимъ и Маньчжурскимъ и распадается на три главныхъ діалекта, изъ коихъ одинъ распространенъ въ восточной части Іессо (его Пфицмайеръ имѣлъ по преимуществу въ виду), другой — въ западной и третій — на островѣ Сахалинѣ; По характеру звуковъ айнскій языкъ вообще представляетъ сходство съ японскимъ, но по своему происхожденію онъ совершенно оригиналенъ и представляетъ весьма малое средство, какъ съ японскимъ, такъ и вообще съ какимъ бы то ни было другимъ изъ извѣстныхъ языковъ. Правда, въ немъ встрѣчается не мало япониз-

мовъ, не мало словъ, заимствованныхъ у японцевъ, но почти всѣ они относятся къ искусствамъ и ремесламъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ — къ другимъ предметамъ. Притомъ и эти заимствованные слова большей частью подверглись небольшому измѣненію въ составъ или выговоръ, а часто также и получили нѣсколько видоизмѣненный смыслъ.

Что касается до грамматическихъ особенностей, то Пфизмайеръ замѣтилъ, между прочимъ, слѣдующія *):

Въ именахъ существительныхъ множественное число обыкновенно не отличается отъ единственного. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда обозначеніе множества является, повидимому, необходимымъ, употребляется удвоеніе первоначальнаго слова (напр. *scha-scha* — звуки), или прибавляются слова: *utare* (товарищи, напр. *Aino utare* — Айны), *rogonno* (большой), *rasche* (многія) и др. — Окончаній въ аинскомъ языкѣ или нѣтъ, или онѣ замѣняются частицами, напр. *ne* (съ первоначальнымъ значеніемъ «сходство» или «видъ», служить для того, чтобы обратить особенное вниманіе на слово, или усилить его выраженіе); *he* или *pe*, — указываетъ на сомнѣніе, неуверенность; *wa* — выражаетъ близкое отношеніе (*teke-wa* — рука, что касается руки); *otta* — показываетъ движеніе къ извѣстному мѣсту, служить такимъ образомъ для обозначенія дательнаго падежа (по *bori-otta* къ горѣ, на гору), *ta* — выражаетъ мѣстный падежъ (locativus, *toi-ta* — на землѣ, *riki-ta* — въ вышинѣ), и др. Винительный и родительный падежъ обыкновенно не отличаются отъ именительнаго; причемъ родительный всегда ставится передъ именительнымъ — (*ebuifûga* — цвѣтовъ запахъ).

Имена прилагательныя сами по себѣ не измѣняются и различаются только тѣмъ, что ставятся всегда впереди существительныхъ (*betere-kuroro*, блестящее облако). Степеней — сравнительной и превосходной повидимому нѣтъ, или онѣ выражаются прибавленіемъ словъ: много (*rogonno*), очень (*schino*) и др. — Всѣ прилагательныя могутъ употребляться какъ глаголы и принимаютъ тогда свойственные глаголамъ прибавочныя частицы.

Относительно числительныхъ, можно замѣтить, что числа отъ одного до пяти, также какъ числа десять и двадцать, имѣютъ свои собственные корни; числа отъ шести до десяти выказываютъ слѣды, что они произо-

шли отъ сложенія съ числомъ десять, всѣ же остальные дѣйствительно сложены изъ единицъ съ числомъ десять или двадцать. Число «двадцать» есть поэтому въ аинскомъ языкѣ, какъ въ большей части остальныхъ языковъ число «тысяча», — наивысшее простое основное число. Числа отъ одного до пяти соединяются обыкновенно съ частицей *pp*, соответствующей японскому *mono* «вещь», числа же отъ шести до десяти, также какъ отъ одиннадцати до девятнадцати, съ частицею *be*, (*pe*, *bi*), означающей также «предметъ», «вещь», но которая можетъ употребляться и отдѣльно, какъ существительное. Основные числа съ ихъ частицами — слѣдующія:

schine, (*schne*, *sne*, *schini*, *schinepp*, *schineppu*, *sehneppf*, по Добротворскому — *сьне*) . . . одинъ
tu, (*to*, *tuppu*, *tupp*, *tupf*, *tu-pe*) . . . два
re, (*reppu*, *repp*, *repf*) . . . три
ine, (*ineppu*, *inepp*, *innippu*, *innipp*) . . . четыре
aschiki, (*aschiki-ne*, *aschiki-ni*, *aschiki-neppu*, *aschiki-nepp* и пр.) . . . пять
iwan, (*yuwan*, *iwan-be*, *yuwan-bi*) . . . шесть
aruwan, (*aruwan-be*, *aruwan-bi*) . . . семь
tu-be-schan, (*tu-ben-schan-be*, *tu-bi-schan bi*, *tu be-schi*) . . . восемь

Последнее число очевидно составлено изъ *tu-be* два, и *schan* — выходить, отходить (именно изъ десяти)

schne-be-schan, (*schne-be-schan-be*, *schne-bi-schan-bi*, *schne-be-schi* — по Добротворскому *синеписамне*) . . . девять.
Это число сложено подобнымъ же образомъ изъ *schne* — «одинъ» и *schan* — (выходить изъ десяти)
wan, (*wan-be*, *wan-bi*, *wanaku*) . . . десять
schneppu ikaschima wan-be . . . одиннадцать,
буквально: одинъ и десять сверхъ того,
tuppu ikaschima wan-be . . . двѣнадцать
schne-hots, *hots* — (по Добротвор. — *юц*) . . . двадцать
schneppu-ikaschima hots . . . двадцать одинъ
wan be-i tu-hots . . . тридцать,
буквально: сорокъ безъ десяти.
Tu-hots . . . сорокъ,
буквально — дважды двадцать,
wan-be-i re-hots, (*wan-bi-i ri-hots*) . . . пятьдесятъ,
буквально: шестьдесятъ безъ десяти
re-hots . . . шестьдесятъ
wan-be ikaschima re-hots, (*wan-bi ini-hots*) . . . семьдесятъ,

*) Pfizmaier. Ueber den Bau der Aino Sprache in Sitzungsberichte der Kaiserl. Akad. d. Wiss. Phil. hist. Cl. Wien. 1851. VII B. H. 3

первое, буквально: десять и сверхъ того шестьдесятъ.

второе—восемьдесятъ безъ десяти

ine hots восемьдесятъ,

буквально: четырежды двадцать

wan-be ikaschima ine-hots, (wan-bi
aschiki ni-hots) девяносто.

Первое, буквально: десять и во-
семьдесятъ сверхъ того, второе:
сто безъ десяти.

aschiki-ne-hots; (aschiki ni-hots) . . . сто.

Буквально: пять разъ двадцать.

schneppn ikaschima aschiki-ni-hots . . . сто одинъ

wan-bi-yuwano-hots сто десять,

буквально: сто и двадцать безъ десяти,

wan-bi tu-bi-schano hots сто пятьдесятъ,

буквально: восемь разъ двадцать безъ десяти,

schne-wane-hots двѣсти,

буквально: единожды десять разъ двадцать

aschi-ki-ni-hots ikaschima schne-wano-hots триста,

буквально: сто и сверхъ того двѣсти,

ini-schini-wano-hots восемьсотъ,

буквально: четыре раза двѣсти

aschiki-ni schine-wano-hots тысяча.

буквально: пять разъ двѣсти.

wanu-schine-wano-hots двѣ тысячи,

буквально: десять разъ двѣсти

При счетѣ лицъ употребляется слово ni — человекъ:
tū-ni, два человека, wan-ni-ine-hots ikaschima sche
wane-hots—двѣсти семьдесятъ человекъ.—Для образо-
ванія порядковыхъ числительныхъ прибавляется tu-tan-
ta, «въ ряду,»: re-tutan-ta, третій.

Изъ мѣстоименій, личныя—существуютъ только для
перваго и втораго лица; для третьяго же лица онѣ за-
мѣняются указательными. Первое лицо выражается
словомъ ku, «я», ku-ani, или сокращенно, kanī —
«меня»; второе лице—словомъ i, «ты», i-ani или yani —
тебя. Кроме того, для втораго лица существуютъ еще
почетныя или вѣжливыя выраженія: anokaī, tschōkaī и
др. Множественное число не отличается отъ единствен-
наго, или выражается, какъ и у существительныхъ,
прибавленіемъ слова utare.

Изъ указательныхъ мѣстоимѣній употребительны: tap
этотъ, tap, tane—это, ano—тотъ, ane—то; изъ вопро-
сительныхъ: nenī, nen, nini—кто, ne wa—что, ine —
который и др.

Въ глаголахъ обыкновенно не различаются ни
склоненія, ни времена, ни число, ни лице.

Единственные измѣненія состоятъ въ прибавкѣ, спе-
реди или сзади, извѣстныхъ словъ и частицъ. Такъ
спереди приставляются частицы: u (=глаголь «быть»),
для усиленія значенія; ku, что значить «дѣлать»; a—
для выраженія продолжительности дѣйствія, иногда
также для обозначенія imperfectum и др. Прибавки въ
концѣ служатъ для обозначенія возможности или спо-
собности, выражаютъ простое или видоизмѣненное при-
частіе, а иногда также будущее время и пр. Такъ ча-
стица a, an, въ концѣ словъ, означаетъ возможность
дѣйствія; nu — выражаетъ опредѣленность, совершеніе
дѣйствія; ts—родъ восклицанія, служитъ для того, чтобы
обратить вниманіе на глаголь и образуетъ такимъ об-
разомъ причастіе или дѣепричастіе: anats — имѣющій,
имѣя, a-nukan-tets—показывая, въ то время какъ онъ
показывалъ; wa—имѣеть подобное же значеніе: pischke-
wa—въ то время какъ считаютъ; uan—выражаетъ воз-
можность или необходимость дѣйствія, иногда также —
будущее; ne — придаетъ глаголу неопредѣленное значе-
ніе: itaki-ne, разговаривать, разговоръ и т. под.

Нарѣчія образуются болѣею частью прибавкою къ
прилагательнымъ частицы no: pirika-no, хорошо; hange-
no, близко; также частицъ ka и ta; иногда, впрочемъ,
эти частицы могутъ и опускаться. Для примѣра можно
указать: изъ нарѣчій времени — tane—теперь, fusiko—
нѣкогда, tan-to—сегодня, nuna-ni—вчера (nuna—ве-
черъ), tunaschi — скоро и др.; изъ нарѣчій мѣста —
tan-kotan-ta—здѣсь, буквально — на этомъ мѣстѣ; te-
oro—сюда; ine-kotan-ta—гдѣ? ore-ni, впереди и др.

Предлоги въ айнскомъ языкѣ замѣняются пристав-
ками въ концѣ словъ; они очень многочисленны и упо-
требляются также съ глаголами.

Для примѣра можно указать: ta — въ, на, repke-ta,
въ бухтѣ; ani—съ, harika-ani—съ веревкой; ischamu,
ischamu-ka — безъ, teke-ischamu — безъ рукъ, nupu-
ischama-ka, безстыдный, буквально—безъ лица и т. под.

Слова, соотвѣтствующія союзамъ, ставятся иногда
въ началѣ предложенія или передъ тѣми словами, къ
которымъ они относятся, какъ напр.: schiomo или
henne — «и́тъ», schiomo rikin-no — не ходить; henne
schioma-no, не жить, не быть обитаемымъ;—чаще же
послѣ тѣхъ словъ, къ которымъ они имѣютъ отноше-
ніе, напр.: rue или rui, иногда съ частицами ne и ne-
a-wa — какъ, послѣ того какъ: itakan-ru-u-e-ne, послѣ

того какъ сказано, *kuschu* — «потому что», *u-ena-kuschu*, «потому что это худо» и т. под.

Изъ междометій — одиѣ представляютъ частицы, употребляющіяся и въ другомъ значеніи, какъ напр.: *he* — вопросительная частица, *ya* — восклицательная частица и *anats* — частица, служащая для обращенія вниманія на что либо; другія — употребляются только какъ междометія: *keke*, *sita-sita*, *raku-taku*, означающія: «ну», «ладно» и пр. Сюда же могутъ быть причислены нѣкоторыя формулы, употребляемыя при встрѣчѣ и при прощаніи, напр. *yangarapte* — какъ долго! (т. е. какъ долго я съ тобою не видѣлся) и т. под.

Какъ одну изъ характеристическихъ особенностей айнского языка Пфицмайеръ выставляетъ изобиліе прибавочныхъ частицъ, придающихъ словамъ извѣстный смыслъ, и нѣкоторыя изъ коихъ упомянуты уже нами выше. Таковы напр.: *ne*, *ni* — опредѣлительная частица, означающая собственно «видѣ, сущность» и употребляемая въ смыслѣ «дѣйствительно, именно, точно», а поставленная въ началѣ — выражающая вопросъ — «что?»; *he* или *re* — частица выражающая «вопросъ или сомнѣніе»; *ta* — «въ, на»; *wa* — тоже опредѣлительная частица, въ родѣ опредѣленнаго члена; *na* — частица, употребляемая для приданія извѣстному комплексу словъ или частицъ значеніе прилагательнаго; *no* — придающая значенія нарѣчія; *ba*, *pa*, — выражаетъ внезапность, преходящее дѣйствіе; *ko* — означаетъ «самый»; *be*, *re* — означаетъ собственно «предметъ, вещь» и употребляется для образованія существительныхъ; *ai* — выражаетъ сходство; *an* — означаетъ «имѣть, присутствовать»: *fumi-an* — звучать, отъ *fumi* — тонъ; *rami-an*, знать; *koro* показываетъ владѣніе напр. *schiruku-koro*, обладающій ядомъ, ядовитый; *i-koro*, твой; *ron-koro*, обладающій небольшимъ, беременный и пр.; *kori* — «овладѣвать, обладать», служить для образованія глаголовъ: *atui-kori* переплывать море, отъ *atui*, море; *yai-uko-rami-kori* — убѣдительно просить, буквально «за самую душу хватать» и много другихъ. Другая особенность, это — изобиліе сложныхъ словъ, т. е. составленныхъ изъ двухъ существительныхъ, существительнаго и прилагательнаго или существительнаго и глагола, связанныхъ между собою безъ промежуточныхъ частицъ, простымъ сопоставленіемъ, напр.: *muni* — или *muni-be* — «роса», буквально «вода растеній»; *to-be*, молоко, буквально «вода грудей»; *amamu-tsiri*, воробей, буквально «птица хлѣбовъ»; *ni-ke*, вѣтвь, буквально «рука дерева»; *ai-no*

ikiri, средства жизни, буквально «шовъ айна»; *furekana*, мѣдь, буквально, «красный металлъ»; *kam-kaschke*, кожа, буквально, «сверху мяса»; *kema-koschne-kam*, хлѣбъ, жито, буквально — «многоногое мясо» и мн. др.

Относительно послѣдовательности частей рѣчи Пфицмайеръ могъ замѣтить, что оно, вообще, сходно съ японскимъ. Въ болѣе простыхъ предложеніяхъ сперва ставится предметъ рѣчи, затѣмъ нарѣчіе, или замѣняющее его сочетаніе частицъ, потомъ управляемое глаголомъ слово, и наконецъ самый глаголъ. Часто однако нарѣчіе ставится впереди предмета рѣчи, равно какъ и всѣ другія опредѣлительныя выраженія (соединенія многихъ словъ съ послѣдовательными частицами) помѣщаются, обыкновенно, впереди главнаго предложенія. Прилагательныя, мѣстоименія, также какъ и причастія со значеніемъ прилагательныхъ, ставятся всегда впереди существительнаго; причемъ и цѣлое предложеніе можетъ принимать иногда, въ отношеніи къ существительному, значеніе прилагательнаго. Простыя числительныя безъ частицъ, или съ прибавкою *hontomo* «полъ» — ставятся всегда передъ существительнымъ, но болѣе значительныя числа, равно какъ, вообще, — сопровождаемыя частицами: *pp*, *be*, *re* и другими, употребляемыми при счетѣ, ставятся обыкновенно послѣ.

Въ новѣйшее время айскій языкъ былъ въ особенности изучаемъ д-ромъ Добротворскимъ, который пробылъ пять лѣтъ на о-вѣ Сахалинѣ и слѣдовательно имѣлъ возможность познакомиться съ этимъ языкомъ не по однимъ словарямъ, но главнымъ образомъ изъ личнаго наблюденія и практики.

Къ сожалѣнію, до настоящаго времени опубликованы еще далеко не всѣ замѣтки г. Добротворскаго, касающіяся этого предмета, а изъ напечатанныхъ или вѣрнѣе печатающихся трудовъ, главный, именно «айско-русскій словарь», требуетъ для обобщенія содержащихся въ немъ данныхъ, по настоящему, еще основательной обработки его филологомъ. Непосредственное приложеніе возможно сдѣлать только со вступительной статьей того же автора «о правописаніи айскихъ словъ», гдѣ говорится именно о звукахъ айской рѣчи и приводятся нѣкоторыя характеристичныя ея особенности.

Вообще, по наблюденіямъ Добротворскаго, айскій языкъ (на Сахалинѣ), хотя и содержитъ въ себѣ много японизмовъ и гиляцизовъ (т. е. словъ и оборотовъ рѣчи, заимствованныхъ у Гиляковъ), однако въ сущности самостоятеленъ и весьма оригиналенъ.

«Звуки айнского языка имѣютъ много отличнаго отъ звуковъ Европейскихъ языковъ. Какую бы азбуку изъ Европейскихъ языковъ мы не взяли для правописанія айнскихъ словъ, мы должны будемъ дѣлать дополненія къ ней въ видѣ особенныхъ знаковъ, а нѣкоторыя буквы отбрасывать».

Принимая для обозначенія айнскихъ словъ русскую азбуку (хотя, сознавая, что она и не совсѣмъ близка къ звукамъ айнской рѣчи), г. Добротворскій говоритъ, что для болѣе удобнаго пониманія словъ этой рѣчи, онъ счёлъ нужнымъ принять всѣ русскія буквы, за исключеніе *з, ш, ъ, ѳ, ѵ, ѿ* и кромѣ того, ввести еще особыя, какъ онъ выражается, *жирныя* буквы: *г, р, с, т, у, х*.

Изъ этихъ послѣднихъ, *г*, выражаетъ, по его словамъ, шумъ латинской буквы *g*, тогда какъ обыкновенная айнская буква *i*, въ большинствѣ словъ, всего ближе къ нѣмецкой *h*. Впрочемъ, строго говоря, во всѣхъ почти айнскихъ словахъ, *i* имѣетъ звукъ средній между *i* и *x*, такъ что представляется сильное затрудненіе выбрать для извѣстнаго слова ту или другую букву. Что же касается жирной *г*, то шумъ этотъ встрѣчается у айновъ только въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, и такъ не свойственъ айнскому языку, что и въ этихъ словахъ онъ болѣею частью замѣняется шумомъ *к*. — Жирная *у*, принята Добротворскимъ для обозначенія звука средняго между *е* и *у*, именно въ нѣкоторыхъ словахъ передъ *а* и *е* или послѣ *а* и *е*; звукъ этотъ сходенъ со звукомъ англійской буквы *w*, напр. въ словахъ: *уари* (зажигать), *хауэйки* (жужжать) и т. под.

Звуки *х, с, т, р* понятны изъ слѣдующихъ объясненій г. Добротворскаго. — «Буквы *с* и *х* принадлежатъ къ различнымъ фізіологическимъ категоріямъ и средняго звука образовать не могутъ. Но такъ какъ при образованіи шума *х* остается отверстіе между заднею частію языка и нѣбомъ, а при образованіи шума *с* такое же отверстіе или щель остается между переднею частію языка и нѣбомъ, то этимъ дана фізіологическая возможность къ совмѣстному образованію обоихъ шумовъ, при которыхъ то яснѣе слышится *х* то *с*. Такую комбинацію звуковъ Добротворскій изображаетъ жирною *х*. Примѣры: *сихъну* (слышится то *сихну*, *сисъну*) живой; *инунухнай* — село, (пишется то *инунухнай*, то *инунуснай*). Если мы, произнося шумъ *ссс*, будемъ быстро передвигать кончикъ языка къзади, то у насъ по слышится *шшш*, т. е. свистъ перейдетъ въ шипѣніе.

Значить, фізіологическая возможность къ образованію среднихъ шумовъ между *с* и *ш* существуетъ; стоитъ только установить языкъ для *ш* и произносить *с*, чтобы получился средній звукъ; то же произойдетъ, если мы установимъ языкъ для *с* и будемъ произносить *ш*. Въ айнскомъ языкѣ есть много словъ, въ которыхъ буква *е* имѣетъ произношеніе среднее между *с* и *ш*; въ этихъ случаяхъ Добротворскій пишетъ жирною *с*. Примѣры: *сасъ* (морская капуста), *сева* (шесть), *сѣнна* (эфесь), *тусу* (шаманить), произносятся не какъ *сасъ, сева, сѣнна* и *тусу*, но и не какъ *шашъ, шева, шѣнна* и *тушу*, а съ звукомъ среднимъ между *с* и *ш*. По наблюденіямъ Добротворскаго, чѣмъ южнѣе живетъ айнь, тѣмъ болѣе въ данномъ словѣ слышится *с*, чѣмъ сѣвернѣе — *ш*. Это объясняетъ намъ, почему напр. на одной и той же картѣ мы встрѣчаемъ и *мусиръ* (островъ) и *суширъ* (напр. Симусиръ и Парамуширъ въ Курильской грядѣ).

Буквы *т* и *р* придуманы Добротворскимъ для обозначенія извѣстныхъ способовъ произношенія *тр*, которыя у айновъ составляютъ сложную согласную и могутъ произноситься различнымъ образомъ. «Во первыхъ, если мы конецъ языка, упертый въ нѣбо, поддадимъ болѣе къзади, чѣмъ сколько нужно для произнесенія *тр*, и будемъ произносить эти буквы, то получится первая и самая правильная вариация, въ которой *т* и *р* слышатся ясно и произносятся картаво, потому что *р* чрезъ такое положеніе языка дѣлается гортанною. Примѣры: *трамъ* (умъ), *транка* (грудь) *трѣси* (вошь). Если мы, при томъ же положеніи языка, будемъ произносить только букву *т*, то получится вторая вариация, въ которой слышится только нѣсколько картавая *т*. Эту вариацию Добротворскій означаетъ жирною *т*. Примѣры трехъ (борода), *трѣки* (руки). Понятно, что при такомъ способѣ произношенія слѣдующая за *тр* буква *е* будетъ имѣть звукъ *э*, а слѣдующая *і* будетъ имѣть звукъ *ы*, напр. *трехъ* произносится какъ *тэх*, *тришь* (жила, сухожилие) какъ *тышь*, — единственный случай, гдѣ въ айнскомъ языкѣ слышится довольно ясный звукъ нашей *ы*. Понятно также, что передъ *у* *тр* произносится по второй вариации и будетъ по звуку походить на *д*, — тоже единственный случай, гдѣ въ айнскомъ языкѣ слышится не сопровождаемый *же* шумъ, похожій на *д*... Наконецъ, если мы, при томъ же положеніи языка, будемъ произносить только букву *р*, то получится третья вариация, въ которой слышится только гортанная *р*. Почти всѣ слова айнскаго языка, начинающіяся съ *р*, подходятъ

подъ эту вариацию, которую Добротворскій изображаетъ буквами *mr*, изъ коихъ *r* пишется жирнымъ шрифтомъ. Обѣ послѣднія вариации произошли, очевидно, отъ трудности произносить обѣ буквы вышеозначеннымъ способомъ при быстротѣ разговора; поэтому всѣ три вариации могутъ быть равноправны въ одномъ и томъ же словѣ,—и это обыкновенный случай. Примѣры: трекуфъ (шея, шейка), произносится какъ трекуфъ (съ картавыми *mr*), и тэкуфъ съ картовою *m*, и рекуфъ съ картовою *r*; труѣ (толстый) произносится какъ труѣ, туѣ и руѣ (картаво). Во многихъ словахъ утвердился только двѣ какія нибудь вариации, напримѣръ тру (дорога), произносится какъ тру или ру, но никогда не произносится какъ ту; троко (сѣра, смола, янтарь) произносится какъ троко или токо, но никогда какъ роко. Наконецъ, немногія слова, означаемыя Добротворскимъ жирными *t* или *p*, обыкновенно произносятся только по одной вариации и въ мѣстныхъ словаряхъ пишутся обыкновенно только съ одною буквою *t* или *p*.

Относительно прочихъ буквъ, Добротворскій замѣчаетъ еще, что напр. съ *b* не начинается ни одно айское слово и что она вообще мало сродна айскому языку. «Дѣйствительно, въ большинствѣ словъ, въ которыхъ можно написать эту букву, мы слышимъ шумъ средний между *b* и *n*, и притомъ такъ, что въ нѣкоторыхъ словахъ этотъ шумъ приближается болѣе къ *b*, въ другихъ болѣе къ *n*». — Шумъ *d* также не сроденъ айскому языку. Съ буквы *d* не начинается ни одно собственно айское слово. Изолировано отъ *ж* буква *d* произносится за *m* и встрѣчается только въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ. Примѣры: гилацкое слово андѣ (эй другъ! или русское — почтеннѣйшій!) произносимое какъ антѣ.... *D* вмѣстѣ съ *ж* составляетъ у айновъ сложную согласную въ родѣ англійской *j* или итальянской *g* (передъ *e* и *i*). Эта сложная согласная встрѣчается впрочемъ чрезвычайно рѣдко и то почти исключительно въ словахъ заимствованныхъ. Примѣры: унджи (огонь), тунджи (перевозчикъ, — слово манзовское). — Буква *ж* также почти не встрѣчается у айновъ. «Если вы заставите айна произнести *ж*, онъ вамъ скажетъ *ш*...». Изолировано отъ *d* буква *ж* не встрѣчается у айновъ вовсе; да и въ этомъ случаѣ, такъ какъ *d* у айновъ произносится обыкновенно какъ *m*, а *ж* какъ *ш*, *ми же* = ч, то понятно, отчего сложная *дж* произносится у айновъ часто какъ *ч*.

Относительно звука *и* или *i*, слѣдуетъ замѣтить, что

она часто мѣшается у айновъ съ *e*. Добротворскій объясняетъ это такимъ образомъ. «Буквы *e* и *i* принадлежатъ къ одной физиологической категоріи, именно къ гласнымъ съ двумя резонансами. При произношеніи ихъ полость рта представляетъ не простую трубку, а суженную между переднею частію языка и твердымъ небомъ. При произношеніи *i* пространство, лежащее позади суженія, дѣлается шире, а переднее пространство уже, чѣмъ при произношеніи *e*. Такъ какъ высшій тонъ даетъ резонирующее переднее пространство, а толстыя айскія губы не слишкомъ поворотливы, (а у айнокъ эти толстыя губы отъ многократныхъ зарубокъ при крашеніи еще усѣяны рубцами), то изъ этого можетъ происходить крайняя неясность въ произношеніи той и другой буквы при быстротѣ разговора. Эта неясность такъ утвердилась въ айскомъ языкѣ, что отъ одного и того же айнца въ извѣстномъ словѣ вы можете услышать *e* и потомъ при повтореніи этого слова *и*.... Эта неясность отразилась и на словаряхъ айскаго языка и на русскихъ картахъ Сахалина». Подобнымъ же образомъ, *o* у айновъ часто переходитъ въ *y*. «Многія айскія слова можно одинаково правильно писать и съ той и съ другой буквой. Примѣры: энъкоро (переносье) и энъкуру, мумпе (палецъ) и момпе. Этимъ объясняется, почему на одной и той же картѣ можно встрѣтить напр. котанъ и кутанъ: Шіашкотанъ и Анакутанъ, Чиринкотанъ и Харамакутанъ и пр.

Буквы *л* нѣтъ въ айскомъ языкѣ (также какъ и въ японскомъ). «Если вы заставите айна произнести эту букву, онъ вамъ скажетъ *н*; при болѣе сильномъ напряженіи айнь вмѣсто *л* говоритъ *p*, напр. вмѣсто левъ — ревъ». — Буква *ф* также мало сродна айскому языку; въ началѣ словъ она встрѣчается только въ словахъ японскаго происхожденія, причемъ *ф* болѣею частью переходитъ въ *х*. Примѣры: фундѣ (карандашъ, перо, кисть для письма) у айновъ обыкновенно хунтѣ. Буква *х* во многихъ айскихъ словахъ одинакова съ русской *х*, напр. хурхурѣ (нюхать, обнюхивать); хоту (хромать). Но, «въ концѣ словъ, буква *х* произносится обыкновенно не вполне, а замѣняется болѣе или менѣе сильнымъ выдыханіемъ, которое можетъ ясно напоминать букву *х* и можетъ быть едва слышно, а для непривычнаго уха можетъ быть и совсѣмъ не слышна. Примѣры: сипѣхъ (ящикъ), гохъ (двадцать, двадцатокъ — у Пфицмайера — *hots*) *)..... Съ другой стороны, такъ

*) Добротворскій подтверждаетъ замѣчаніе Пфицмайера, что

какъ губныя буквы *в, ф, б и п*, въ концѣ словъ, также не договариваются часто Айнами и замѣняются выдыханіемъ, то-это, при недостаткѣ грамоты, повело у Айновъ къ странной равноправности такихъ буквъ, которыя не могутъ давать средних шумовъ. Примѣры: *эциапъ* и *эциахъ* (досчатый руль), *чупъ*, *чувъ*, *чупъ* и *чухъ* (мѣсяць) и др.

Относительно буквы *ш*, Добротворскій замѣчаетъ, что болѣе большую часть словъ, въ которыхъ слышится шумъ *ш*, приходится писать съ жирною *с*, которая изображаетъ преобладаніе свиста надъ шипѣніемъ въ извѣстномъ словѣ. Такимъ образомъ, шумъ *ш* также мало сроденъ айноскому языку, и къ нему всегда присоединяется шумъ *с*. Съ другой стороны, такъ какъ *тш=ч*, а *тс=ц*, то понятно, почему въ очень многихъ айнскихъ словахъ буква *ч* равноправна съ *ш*. Примѣры: *эципе* или *эципе* (лопаточка для ѣды) *чибне* или *чибне* (цынга ногъ) и др.

Такимъ образомъ, въ азбукѣ айнского языка, для болѣе удобнаго пониманія его словъ, Добротворскій счелъ нужнымъ помѣстить всего 36 буквъ, а именно: *а, б, в, г, д, е, ё, ж, и, ѝ, й, к, (л), м, н, о, п, р, п, с, с, т, т, у, у, ф, х, ц, ч, ш, э, ъ, э, ю, я*. Произношеніе ихъ понятно изъ предыдущихъ объясненій. Изъ этихъ объясненій можно вывести также, что айнский языкъ, по буквамъ, принадлежитъ къ грубымъ языкамъ,—такъ какъ въ немъ замѣчается явное стремленіе всѣ слабые или мягкіе тоны замѣнить соответствующими твердыми или сильными. Такъ слабая *б* переходитъ въ твердую *п*, *в* въ *ф*, *к* въ *х*, *г* въ *к*, *д* въ *т*, *ж* въ *ш*, *з* въ *с*, *дж* въ *ч* (*тш*). Причину этого явленія Добротворскій находитъ въ климатическихъ, вообще мѣстныхъ, бытовыхъ условіяхъ. «Аинъ, говорить

Аины считаютъ не по десяткамъ и сотнямъ, а по двадцаткамъ и двухсоткамъ, такъ что радикальныя цифры ихъ счета—не 10 и 100, а 20 и 200. Такая двадцатичная система счета, какъ извѣстно, встрѣчается не такъ рѣдко, какъ бы это можно было предполагать, хотя и рѣже чѣмъ т. наз. десятичная система или даже пятиричная (свойственная особенно полинезийскимъ и меланезійскимъ племенамъ). Тѣмъ не менѣе, двадцатичный методъ счисленія существуетъ, или существовалъ, у многихъ народовъ Америки, Азии и даже Европы (напр. Басковъ, Кельтовъ). Такъ, по гальски, 51 выражается—*aon deug is da fhichead*, т. е. «одинъ, десять и два раза двадцать»; на бретонскомъ языкѣ—71 выражается *unnek ha tri-ugent*, т. е. «одиннадцать и три раза двадцать». Слѣды этого счета (кельтскаго) сохранились и во французскомъ языкѣ, гдѣ, какъ извѣстно, 80 называется *quatre-vingts* (четыре раза двадцать), 90 — *quatre-vingt dix*, а также употребительны: *six-vingts*, *sept-vingts*, *quinze-vinght* и т. п. См. Tylor. Primitive culture I. стр. 237—239.

онъ, прожить половину года на холодѣ, потому что въ айнскихъ юртахъ температура очень низка; цѣпѣнѣющія отъ холода губы и щеки требуютъ для яснаго образованія буквъ большаго и нервнаго и мышечнаго напряженія, которое и переходитъ въ привычку. Далѣе. Аинъ живетъ при неблагоприятныхъ для слышанія условіяхъ. Айнскія селенія расположены на морскихъ берегахъ и открыты вѣтрамъ, а прибой и вѣтра здѣсь почти постоянны. Что при сильномъ вѣтрѣ трудно разговаривать вблизи, это извѣстно каждому, но не каждому извѣстна сила морскаго прибоа. Эту силу легко представить себѣ, когда мы скажемъ, что въ посту Муравьевскомъ, отстоящемъ отъ морскаго берега на 6 верстъ по прямой линіи, при стихшемъ вѣтрѣ, прибой ясно слышится въ видѣ отдаленнаго шума, правда при благоприятныхъ акустическихъ условіяхъ (озеро и окружающія горы). На морскомъ берегу, при значительныхъ прибоахъ, нѣтъ возможности разговаривать не крича и вблизи. Такимъ образомъ, дома—трескъ огня на очагѣ, завываніе вѣтра и шумъ прибоа, а при работахъ на открытомъ воздухѣ—свистъ вѣтра и грохотъ или рѣвъ прибоа заставляютъ айна по неволѣ усиливать тоны своей рѣчи при разговорѣ; потому что слабые тоны при такихъ условіяхъ пропали бы безъ слѣда, а это опять обращается мало по малу въ привычку.»

Наконецъ, здѣшній (Сахалинскій) климатъ неблагоприятенъ для здоровья уха. Постоянные сильные вѣтра, обремененные песчаной или ледяной пылью, сильно раздражаютъ наружный слуховой ходъ и барабанную перепонку. Каждый годъ, изслѣдуя солдатъ для опредѣленія способности ихъ къ службѣ, Добротворскій на ходилъ во всѣхъ Сахалинскихъ командахъ отъ 10 до 25% страдающихъ усиленнымъ выдѣленіемъ ушной сѣры. Нерѣдко при этомъ дѣло доходитъ до тупости слуха и до ушныхъ катарровъ. Добротворскому часто приходилось имѣть дѣло и съ Айнами, страдающими ушными болѣзнями; у многихъ изъ нихъ ушной ходъ былъ совершенно заваленъ сѣрою и при этомъ обыкновенно существовала глухота. Частость этихъ болѣзней у айновъ такъ велика, что не смотря на ихъ малое попеченіе о своемъ тѣлѣ, она заставляетъ многихъ изъ нихъ, на одномъ концѣ постоянно употребляемой и носимой съ собою трубочки (кисери-чивъ-кани) придылывать ухвертку (кисара пой). Понятно, что при большомъ количествѣ страдающихъ тупостію слуха, окружающіе ихъ привыкають усиливать тоны своей рѣчи.

Доброворскій полагаетъ, что этихъ трехъ причинъ совершенно достаточно, чтобы понять слѣдующія явленія въ звукахъ айнской рѣчи: 1) Значительное преобладаніе твердыхъ звуковъ надъ мягкими (несравненно чаще встрѣчаются *а, э, о* и *у, чѣмъ я, е, ё* и *ю*) и указанный уже выше переходъ слабыхъ шумовъ въ сильные. 2) Недоговариваніе конечныхъ буквъ и замѣна ихъ усиленіемъ тона конечной гласной, сопровождаемой сильнымъ выдыханіемъ. Выше было показано, что это повело къ странной равноправности между буквами, принадлежащими къ разнымъ физиологическимъ категоріямъ. 3) Громадныя сокращенія словъ, причемъ сокращенныя слова произносятся сильнѣе, напр. *о*—длинный (вмѣсто *отанне*), *э*—ты (изъ *зани*). 4) Крайняя незначительность сложныхъ согласныхъ; большинство айскихъ словъ составлено изъ слоговъ, заключающихъ въ себѣ одну гласную и одну согласную. Понятно, что, при указанныхъ выше условіяхъ для слышанія, часть буквъ, составляющихъ сложные согласныя, исчезаетъ для слуха, и является привычка не дослушивать и не договаривать ихъ, (точно такъ же, какъ не дослушиваются и не договариваются конечныя буквы и цѣлые слоги, слѣдующіе за удареніемъ). Поэтому комбинаціи буквъ въ сложныхъ согласныхъ у Айновъ просты и однообразны: или удваивается та же самая согласная для усиленія тона, или комбинируются плавныя съ твердою; гораздо рѣже встрѣчаются другія комбинаціи. Но и эти простыя комбинаціи уже тяжелы для айна и имѣютъ явное стремленіе переходить въ простыя согласныя. Такъ буквы *н* и *с* передъ согласными почти всегда произносятся мягко, какъ будто бы за ними слѣдовала *ь*, а въ сложной согласной, *тр*, одна изъ буквъ обыкновенно не произносится. Этою «непривычкою» объясняется крайняя неясность и трудность произношенія болѣе сложныхъ согласныхъ, какъ напримѣръ въ словѣ *хтрчи* (щиколка, позвонокъ—слово, представляющее такую же трудность для орфографіи, какъ русское *тпру*; нужно быть айномъ, чтобы правильно произнести его), а равно—трудность произношенія айнами русскихъ словъ, заключающихъ въ себѣ непривычныя для нихъ комбинаціи согласныхъ; (айны часто такъ передѣлываютъ русскія слова сообразно съ звуками своей рѣчи, что эти слова принимаются за айскія). 5) Повтореніе однихъ и тѣхъ же звуковъ въ одномъ словѣ. 6) Крайняя бѣдность звукоподражательныхъ словъ. Для большей части такихъ словъ потребовались бы или мягкіе тоны, или сложные

согласныя. Такимъ образомъ, за немногими исключеніями, всѣ звуки, издаваемые одушевленными существами, выражаются у айновъ словомъ *хау* (голосъ), а всѣ звуки, издаваемые предметами, словомъ *гумъ* (шумъ); ревъ сивуча и жужжаніе мухи для айна *хау*, а громъ и шелестъ шаговъ—*гумъ* (напр. громъ—камукомъ отъ камуй и *гумъ*, шелестъ шаговъ—*ахкасомъ* отъ *ахкасъ*—идти пѣшкомъ и *гумъ* и пр.).

Не смотря однако на кажущуюся вѣроятность объясненій г. Доброворскаго, едва ли, полагаясь, филологи найдутъ ихъ достаточными; т. е. едва ли одними только климатическими условіями можно объяснить характеръ и особенности какого либо языка. Въ данномъ случаѣ, относительно айскаго языка, самъ Доброворскій соглашается, что напримѣръ большая часть словъ, заключающихъ въ себѣ повтореніе однихъ и тѣхъ же звуковъ, можетъ быть объяснена желаніемъ выразить краткое дѣйствіе или состояніе, а не усиленіемъ звуковъ. Примѣры: *эсуя-суя*—макать; *коя-коя*—взбалтывать; *мой-мойё*—будить; *ино-иноё*—жевать; *хур-хурà*—нюхать; *никё-никё*—ивановъ червячекъ, *пѣмпо-пѣмпо*—еловая шишка; *никѣ-никѣ*—кудрявый (въ послѣднихъ случаяхъ—повтореніе тѣхъ же формъ?). Кроме того, извѣстно, что подобное повтореніе звуковъ или удвоеніе слоговъ весьма употребительно также въ языкахъ полинезійскихъ народовъ, живущихъ, какъ извѣстно, въ тепломъ и даже жаркомъ климатѣ. — Бѣдность звукоподражательныхъ словъ также едва ли можетъ быть объясняема одними только климатическими условіями. Не говоря уже о томъ, что часто довольно трудно отличить такія слова въ языкѣ, намъ чуждомъ, и что здѣсь возможны многіе промахи, достаточно сказать, что такихъ словъ (по крайней мѣрѣ удобнѣйшихъ для насъ по звукамъ) мало, напримѣръ, и у Китайцевъ, и что, съ другой стороны, они встрѣчаются и у айновъ (напр. звукоподражательное «ороберири» — выражающее ревъ сивуча и медвѣдя?).

Недоговариваніе конечныхъ буквъ и вообще сокращенія словъ встрѣчаются, кроме Айновъ, и у многихъ другихъ народовъ, причемъ явленіе это можетъ скорѣе объясняться нѣкоторою лѣнностью голосовыхъ органовъ, — лѣнностью, примѣры которой можно встрѣтить перѣдко и у народовъ тропическихъ. Значительное преобладаніе твердыхъ звуковъ надъ мягкими и переходъ слабыхъ шумовъ въ сильные также есть явленіе, присущее многимъ языкамъ, и тоже врядъ ли можетъ быть объяс-

нено чисто внѣшними причинами. Замѣтимъ, что, по словамъ самого же Добротворскаго, рѣдкость сложныхъ согласныхъ чрезвычайно смягчаетъ айскій языкъ; и дѣйствительно, многіе путешественники нашли его болѣе мягкимъ, гармоничнымъ и въ то же время болѣе удобнымъ для изученія, чѣмъ напр. языкъ Гиляцкій, съ его удареніями на первыхъ слогахъ, скопленіями согласныхъ, изобиліемъ гортанныхъ звуковъ, «рѣзкостью и трескуцестію». — Съ другой стороны, рѣдкость сочетаній многихъ согласныхъ и слѣдовательно изобиліе гласныхъ сближаетъ нѣсколько айскій языкъ съ языкомъ японскимъ, который, на сколько извѣстно, также отличается обиліемъ гласныхъ въ словахъ и мягкостью (напоминающею даже, по словамъ Венюкова, языкъ итальянскій). Съ японскимъ же языкомъ сближаютъ, повидимому, айскій языкъ и нѣкоторые другія особенности, каковы напр. часто встрѣчающееся стремленіе къ образованію среднихъ шумовъ между твердыми и мягкими звуками и многія сходныя грамматическія правила. Такъ, еще Головинъ замѣтилъ, что «есть у Японцевъ слоги, которые не такъ произносятся какъ *те* или *де*, но среднимъ выговоромъ между ними, на который попасть онъ никакъ не могъ; также есть средніе выговоры между *бе* и *пе*, *се* и *ше*, *ге* и *ке*, *хе* и *фе*; напримѣръ, японское слово, означающее огонь, нѣтъ никакой возможности Европейцу выговорить; я (Головинъ) два года учился произносить оное, но не могъ успѣть: когда японцы его произносятъ, то слышится въ выговорѣ ихъ что-то похожее на *фи*, *хи*, *пси*, *фси*, когда бы слоги сии произносить сквозь зубы, но какъ бы мы ни коверкали языкъ, Японцы все говорили: не такъ! Подобныхъ словъ у нихъ очень много».

Въ грамматическомъ отношеніи Японскій языкъ представляетъ, повидимому, также нѣкоторое сходство съ айскимъ, и именно, во первыхъ: въ маломъ числѣ измѣненій при склоненіяхъ и спряженіяхъ, причемъ склоненіе дѣлается посредствомъ приставляемыхъ къ именамъ частицъ, а спряженіе не перемѣняется ни въ родѣ, ни въ числѣ, ни въ наклоненіи, а только по временамъ, которыхъ всего три главныхъ. Во вторыхъ, предлоги ставятся также послѣ словъ, къ которымъ они относятся, равно какъ и союзы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, слѣдуютъ за словами, которыя связываютъ. Впрочемъ, какъ языкъ народа, достигшаго значительной степени цивилизаціи и развившагося при томъ самобытно, японская рѣчь представляетъ гораздо болѣе богатство и разнообразіе словъ и формъ.

Синонимы, увеличительныя и уменьшительныя слова, ласкательныя и почтительныя выраженія здѣсь весьма многочисленны; значеніе и употребленіе личныхъ мѣстоименій (обыкновенно очень длинныхъ, напр.: я — «*ватагоси*») — такъ своеобразно, что по замѣчанію Олькова, достается съ трудомъ. Такое богатство оказывается полезнымъ въ томъ отношеніи, что позволяетъ выразить точнѣе отѣнки мысли, взаимныя отношенія разговаривающихъ лицъ, характеръ разсказываемаго событія и т. д. — Какъ бы то ни было, айскій языкъ стоитъ, повидимому, все таки много ближе къ языку японскому, чѣмъ напр. къ т. наз. собственно урало-алтайскимъ, которые, хотя болѣе частью также отличаются гармоничностью и полногласіемъ, однако имѣютъ рѣзко обособленные твердые и мягкіе звуки (*ы* и *и*, *о* и *ё*, *э* и *е* и т. д.) и вообще представляютъ уже иной характеръ вокализаціи и строенія.

Какъ на курьезы айскаго языка можно указать еще, съ одной стороны, на отсутствіе въ немъ многихъ словъ, недоступныхъ для пониманія айновъ, или ненужныхъ и бесполезныхъ для нихъ при первобытныхъ условіяхъ и складѣ ихъ жизни; съ другой — на присутствіе, наоборотъ, нѣкоторыхъ словъ и выраженій, которыя для насъ могутъ казаться странными, но у айновъ являются весьма естественными и необходимыми. Къ числу послѣднихъ можно напримѣръ отнести такія слова, какъ «*бра*» и «*куписъ*», изъ коихъ первое означаетъ заднюю, а второе — переднюю часть тѣла ластоногихъ (тюленей); глаголъ «*йбромуну*» — означающій поминутно совершаемый айнами зимою процессъ, который выражается въ томъ, что они прячутъ руки въ пазуху, вынимая ихъ изъ рукавовъ и оставляя рукава пустыми; выраженіе «*эту-кисма*», означающее буквально «*хватаюсь за носъ*», но которое въ переносномъ значеніи выражаетъ удивленіе: именно, по словамъ Добротворскаго, Сахалинскіе айны при сильномъ удивленіи издаютъ протяжный звукъ, похожій на рычанье медвѣдя; Матемайскіе же айны, при сильномъ удивленіи, во время рычанія хватаютъ себя за носъ большимъ и указательнымъ пальцами правой руки, каковой обычай и называется *эту* (носъ) — *кисма* (ухватить) и др. под.

Послѣ языка всего важнѣе, съ точки зрѣнія этнографіи, имѣть болѣе опредѣленное понятіе о религіи айновъ, ихъ религіозныхъ вѣрованій и представленій, обрядахъ и символахъ.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши относительно этого

предмета еще довольно скудны, что и естественно ожидать при незнакомствѣ большинства наблюдателей съ языкомъ айновъ и при трудности проникнуть вообще въ короткое время въ религію какого бы то ни было первобытнаго племени. Нѣкоторые путешественники, особенно изъ старинныхъ, сомнѣвались даже, чтобы у айновъ была вообще какая нибудь религія,—миѣніе, которое и теперь еще (по словамъ Голланда и др.) раздѣляется многими японцами. Однако, не говоря уже о невѣроятности такого атеизма цѣлаго племени *a priori*, почти все наблюдатели могли замѣтить, что айны оказываютъ извѣстное почитаніе нѣкоторымъ предметамъ, какъ напр. солнцу, мѣсяцу, медвѣдю и др.; что передъ питьемъ (водки) они брызгаютъ въ разныя стороны, какъ-бы принося тѣмъ какую-то жертву; что они имѣютъ вмѣсто идоловъ какія-то палочки со стружками и т. д.

Конечно, мы не должны ожидать встрѣтить здѣсь какую-нибудь сложную систему божествъ, какъ у японцевъ; но, во всякомъ случаѣ, видно, что у айновъ также существуютъ извѣстныя религіозныя вѣрованія и обряды. Вопросъ только въ томъ, какія именно эти вѣрованія, насколько они сложились въ систему, какими сопровождаются обрядами и въ какомъ отношеніи стоятъ они къ нравственному кодексу? Большая часть имѣющихся по сему предмету свѣдѣній, однако, по своей краткости, не въ состояніи разъяснить, какъ слѣдуетъ, эти вопросы. Старинныя извѣстія Іезуитовъ говорятъ только, что Айны оказываютъ нѣкоторое почитаніе солнцу и мѣсяцу и кромѣ того еще нѣкоторымъ духамъ горъ и моря. Голландскіе путешественники XVIII вѣка упоминаютъ только о брызганьи нѣсколькихъ капель передъ попойкой и о какихъ-то деревянныхъ палочкахъ со стружками; объ этихъ послѣднихъ говорить и нашъ Крашенниковъ, называя ихъ «ингуль» или «иннаху», но прибавляя, что «не могъ онъ того вывѣдать, за бѣсовъ ли они ихъ вмѣняютъ или за бога.» Ла-Перузъ, Броутонъ, Крузенштернъ не могли, во время своего короткаго пребыванія между айнами—собрать никакихъ свѣдѣній объ ихъ религіи. Зибольдъ, изъ японскихъ источниковъ, приводитъ, что божествами у айновъ считаются солнце, луна, море и величественныя явленія природы; что они приносятъ имъ жертвы, особенно богу моря, сжигая на берегу головы пойманныхъ морскихъ животныхъ; что они ежедневно молятся богу-покровителю домашнего очага, называя его «*камоі*» и изображая его символически въ формѣ «*іпао*», т. е. столбика, воткнутаго

въ землю, верхній конецъ котораго расщепленъ въ висячія стружки; наконецъ, что они вѣруютъ также въ бога неба и ада и имѣютъ маленькіе деревянные храмики, сходные съ японскими «*міа*», въ которыхъ они хранятъ своихъ деревянныхъ идоловъ. Кромѣ того, они празднуютъ еще ежегодно большой-праздникъ, «*Omsia*», на которомъ угощаютъ другъ друга рисовой водкой «*саки*» и ѣдятъ мясо торжественно убиваемыхъ медвѣдей.— О почитаніи айними солнца и луны говорить также и Головинъ, по словамъ котораго айны вѣрятъ еще двумъ духамъ, доброму и злему, изъ коихъ «присутствіе перваго они призываютъ посредствомъ пучка стружекъ, вмѣстѣ связанныхъ, выставляемого ими на своихъ жилищахъ.» Впрочемъ, прибавляетъ Головинъ, «они такъ мало заботятся о вѣрѣ и богопоклоненіи, что японцы, познакомившись съ ними, долго не могли узнать, вѣруютъ ли они въ какое нибудь божество»

Изъ новѣйшихъ наблюдателей большинство упоминаетъ только о почитаніи медвѣдя, почитаніи, которое однакоже выражается только въ томъ, что айны ловятъ маленькихъ медвѣжатъ, воспитываютъ ихъ (даже откармливаютъ грудью) и потомъ, по прошествіи 2—3 лѣтъ, торжественно убиваютъ и съѣдаютъ. Другіе прибавляютъ, что айны оказываютъ еще какое-то почитаніе орламъ, лисицамъ, а также вѣруютъ въ духовъ горъ, моря, огня, солнца (по словамъ Брыкина солнце главный богъ айновъ), воды, лѣса, рыбной ловли, домашнего очага и пр. Все эти различные духи изображаются, по словамъ Сенъ—Джона, въ формѣ палочекъ съ расщепленными въ стружки концами, но такъ, что каждый родъ палочекъ отличается отъ другихъ по формѣ, мѣсту и способу нарѣзки своихъ завитковъ.

Болѣе подробными свѣдѣніями о религіи айновъ мы обязаны однако исключительно Добротворскому. По словамъ этого наблюдателя религія айновъ выработалась изъ грубаго фетишизма, что можно заключить какъ изъ названій божествъ, такъ, и въ особенности, изъ того, что у нихъ доселѣ еще существуютъ представители невидимыхъ существъ, священные животныя. «Какъ бы то ни было, въ настоящее время Айны боготворятъ безчисленное множество невидимыхъ существъ, добрыхъ и злыхъ... Главные изъ добрыхъ боговъ или духовъ слѣдующіе: богъ горъ (нубури—камуй), боги морскіе (атуй—камуй), боги свѣтилъ (чуфъ—камуй), домашніе боги (тишѣ—камуй), боги очага или огня (унд-

жи — камуй), шаманные боги (тусу — камуй), творецъ міра (котанъ — караппе), подземный богъ (той — камуй, производящій землетрясенія), боги рыбной и звѣрной ловли (койки — камуй) и боги хранители (сикасьма — камуй). Послѣднихъ безчисленное множество, такъ какъ каждая страна, каждый островъ, каждый холмъ, всякое село, всякое мѣсто имѣютъ своего бога хранителя».^(*) Во всѣхъ этихъ названіяхъ божествъ, какъ видно, встрѣчается слово «Камуй» — означающее «богъ»; но это же слово значитъ верховный или главный начальникъ, напримѣръ въ словахъ: Цмайери — камуй (Микадо), мѣспри — камуй (начальникъ острова). Камуй значить еще звѣрь или животное, напримѣръ въ сложныхъ словахъ: яма-камуй (лѣсной звѣрь), атуй — камуй (морское животное). Наконецъ, «Айны называютъ Камуемъ всякую непонятную для нихъ вещь или силу. Дайте Айну послушать ваши карманные часы и спросите, что тамъ стучитъ, — онъ вамъ скажетъ: камуй. Когда Добротворскій сталъ лечить одного Айна отъ паралича ногъ фаредизаціею, то онъ, посмотрѣвъ съ удивленіемъ на аппаратъ Дюбуа Реймона, сейчасъ высказалъ, что это камуй, котораго голосъ вѣроятно и слышался ему въ дребезжаніи молоточка». ^(**) Самое слово «камуй» происходитъ, по мнѣнію Добротворскаго, отъ «камъ» (мясо) и «туй» (сильный) и означаетъ собственно «существо богатое мясомъ»; вслѣдствіе чего Добротворскій и полагаетъ, что по всей вѣроятности прежде всего были обоготворены айнами нѣкоторыя позвоночныя животныя. Дѣйствительно, изъ всѣхъ чувственныхъ предметовъ у айновъ доселѣ остаются священными только нѣкоторыя позвоночныя животныя, а именно медвѣдь, сивучъ и нерпа; къ этимъ животнымъ доселѣ во многихъ случаяхъ прибавляется слово камуй, или это слово встрѣчается въ описательныхъ названіяхъ этихъ животныхъ. Для примѣра можно привести: Поро-атуй-камуй-сивучъ (буквально: большой морской звѣрь, или правильнѣе: морской богъ), понъ-атуй-камуй — нерпа (буквально: малый морской звѣрь, или богъ); камуй-тише — медвѣжатникъ (буквально: домъ звѣря, или, вѣрнѣе, домъ бога); камуй-асиньки — праздникъ выведенія медвѣдя (бога) и др. «Но что эти животныя теперь уже не боги для Айновъ, говоритъ Добротворскій, видно

изъ того, что для всѣхъ ихъ существуютъ у Айновъ названія, не заключающія въ себѣ слова камуй, которыя и употребляются въ обыкновенномъ разговорѣ. (Напримѣръ: исо — медвѣдь, кучапъ — медвѣдица, пѣври — медвѣжонокъ; этасъпе — морской левъ (порода тюленей), таямпе — морская львица, поппири — морской львенокъ и т. д.)» На основаніи подобныхъ же филологическихъ данныхъ Добротворскій считаетъ положительно невѣрнымъ мнѣніе тѣхъ путешественниковъ, которые утверждаютъ, что въ числѣ айнскихъ боговъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ солнце. «Солнце по айнски называется тоно — чуфъ (буквально: дневное свѣтило) и къ этому названію никогда не прибавляется слово камуй для обозначенія солнца. Слѣдовательно солнце для Айновъ не богъ, а тѣмъ болѣе не главный богъ... Южнымъ народамъ, продолжаетъ Добротворскій, при вѣчно — ясномъ небѣ и роскошномъ снабженіи продовольствіемъ, было время заниматься свѣтилами и самое замѣтное свойство (именно движеніе) главнаго изъ нихъ, солнца, сдѣлать названіемъ божества. Но въ странѣ Айновъ солнце слишкомъ часто прячется въ облакахъ и туманахъ, а человекъ слишкомъ плохо снабженъ отъ природы пропитаніемъ, — такъ что неудивительно, что самая питательная и вкусная пища опредѣлила здѣсь названіе божества».^(*)

Кромѣ вышеупомянутыхъ добрыхъ боговъ, Айны признаютъ еще нѣсколькихъ злыхъ, каковы напр. Ояси, (производящій всѣ болѣзни), Венъ-Ояси (дѣлающій человека сумасшедшимъ) и Канна-камуй (богъ грома, убивающій людей). «Видъ всѣхъ этихъ боговъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, болѣею частью неизвѣстенъ Айнамъ. Только очажный богъ выходитъ по ночамъ изъ пепла въ видѣ хорошенькаго мальчика, да лицо бога луны можно видѣть въ ясную ночь на этомъ свѣтилѣ». Изъ злыхъ боговъ, Ояси — видомъ похожъ на айна и имѣетъ привычку обходить ночью селенія; если онъ успѣетъ ночью обойти село, то въ этомъ селѣ появляются разныя тяжелыя болѣзни и преимущественно грудныя, почему айны и называютъ его еще богомъ кашля (бики-камуй). — «Венъ-Ояси (иначе венъ-камуй, злой духъ) играетъ отчасти роль русскаго лѣшаго, потому что сманиваетъ путешествующихъ съ дороги, заставляя ихъ блуждать и умирать съ голоду. Этотъ духъ дѣлаетъ человека сумасшедшимъ двойнымъ образомъ,

(*) См. Добротворскій въ Изв. и Уч. Зап. Каз. Унив. 1875 № 2 Приложение стр. 40.

(**) См. Добротворскій 1. с. стр. 48.

(*) См. Добровскій 1. с. стр. 48 и № 3. Приложение стр. 49.

или раскладывая ночью по дорогѣ огонь, или прикасаясь сзади къ человѣку. Увидѣвъ ночью по дорогѣ огонь злаго духа, айнецъ разрѣзываетъ ухо собаки и намазываетъ себя кровью лица, и огонь пропадаетъ. И все-таки трусливый айнецъ прибѣгаетъ въ первую юрту въ такомъ страхѣ, что часто валится на землю и его отливаютъ холодною водою или даже дѣлаютъ кровопусканіе изъ руки. Если айнецъ услышитъ за собою ночью въ дорогѣ шумъ шаговъ злаго духа, то онъ снимаетъ съ себя нижнее бѣлье, обнажаетъ свои два ножа и идетъ наклонившись и помахивая кзади своими ножичками. Венъ-Ояси убѣгаетъ, боясь айнскихъ ножей, а можетъ быть (замѣчаетъ Добровольскій) — и стыдись этой картины. Сумасшествіе страшно айнамъ особенно потому, что эту болѣзнь они считаютъ неизлѣчимою и ведущею быстро къ смерти. Сумасшедшіе не живутъ въ домахъ и, блуждая въ лѣсу, быстро гибнутъ отъ самоубійства или голода» *).

Кромѣ боговъ, айны вѣрятъ еще, по Добровольскому, въ существованіе безсмертной души (трамахъ, у южныхъ трамаци), и думаютъ, что по смерти онѣ идутъ въ пахно-котанъ (буквально нижнее село). «Это село нѣсколько похоже на магометанскій рай и вмѣстѣ на русскій адъ. Добрые тамъ наслаждаются всѣми чувственными удовольствіями, злые мучаются также, какъ это изображено на извѣстной картинѣ страшнаго суда. Пахно-котанъ по перемѣнамъ дня и ночи противоположенъ здѣшнему свѣту; когда здѣсь день, тамъ ночь, и наоборотъ. Изъ животныхъ въ пахно-котанѣ живутъ только собаки. Для медвѣдя айны отвели посмертное жилище въ лѣсу (ямъ-котанъ), а для тюленей и сивучей — въ морѣ (атуй-котанъ). Остальные животные посмертной жизнью не пользуются».

Жертвы, которыя айны приносятъ своимъ добрымъ богамъ, — различны. «Проходя чрезъ горы, айнецъ бросаетъ горному богу щепотку табаку. Выпивая саки, онъ концомъ лопаточки, служащей для поддержанія усовъ (икуписъ), захватываетъ каплю и отдаетъ ее въ жертву богу хранителю селенія». Другимъ богамъ приносятся въ жертву птичьи (орлиныя) головы, которыя часто можно встрѣтить на стѣнахъ ихъ юртъ — воткнутыми на палочкахъ. «Кромѣ того, осенью каждаго года, именно въ ноябрѣ, они приносятъ очистительную жертву горному богу, убивая медвѣдя, котораго они считаютъ сыномъ горнаго бога. Цѣлый вечеръ и почти цѣлую

ночь айны проводятъ въ пляскахъ и пьянствѣ, потомъ цѣлое утро оплакиваютъ медвѣдя, окруживъ его клѣтку (камуй-тишѣ) со всѣхъ сторонъ. При оплакиваніи большая часть лежитъ распростерта на землѣ съ закутанными головами, но многіе стоятъ на колѣняхъ. Текущія часто ручьемъ слезы, и замерзающая въ видѣ сосулекъ носовая слизь показываютъ, что айны плачутъ искренно. Часовъ въ 10 утра медвѣди обвязываютъ по животу ремнями, освобождаютъ изъ клѣтки, увѣнчиваютъ вѣнками и ведутъ къ лобному мѣсту. Это мѣсто дѣлается въ видѣ полукруга изъ множества инау (объ нихъ послѣ), украшается богатыми коврами, шарфами, платками и соболями. Въ центрѣ этого полукруга къ двумъ столбамъ, украшеннымъ множествомъ инау и оканчивающимся кверху виллообразно, привязываютъ медвѣдя и застрѣливаютъ его изъ лука. Нѣсколько мужчинъ ложатся около него и оплакиваютъ въ послѣдній разъ. Празднество оканчивается обѣдомъ изъ этого медвѣдя и новымъ пьянствомъ» *).

Самая употребительная однако, и въ то же время самая характеристичная айнская жертва, это — т. наз. *инау* (инау), — палка различной величины, обыкновенно украшенная кудрявыми стружками. Впрочемъ застружки у нихъ могутъ быть и не всегда кудрявыя; иногда палки даже и вовсе не имѣютъ застружекъ и все таки называются инау. Величина ихъ, по Добровольскому, можетъ колебаться между 2 вершками и 1½ саж., такъ что онѣ дѣлаются какъ изъ маленькихъ палочекъ, такъ и изъ большихъ палокъ, изъ длинныхъ шестовъ и даже изъ цѣлыхъ деревьевъ. Разнымъ богамъ даются въ жертву различно устроенные инау, о разнообразіи формъ которыхъ можно судить по изображеніямъ на таблицѣ IV, (фиг. 1 — 11), представляющемъ снимки (въ половинную величину) съ подлинныхъ образчиковъ изъ коллекціи И. А. Лопатина. Г. Лопатинъ сравниваетъ инау съ нашими церковными свѣчами (?) и говоритъ, что форма, представленная у насъ на фиг. 1, есть т. наз. «исо инау», употребляемая для острѣнія медвѣдя на праздникъ убіенія его. Формы, изображенныя у насъ на фиг. 2, 3 и 11 представляютъ, по его словамъ, жертвы духу или богу моря; фиг. 4 — изображаетъ жертву небесному духу (богу); фиг. 5 — горному богу; фиг. 6 —

*) См. Добровольскій I. с. № 2. стр. 41.

*) См. Добровольскій I. с. стр. 41—42. Ср. еще описаніе этого праздника у Буссе: Островъ Сахалинъ 1872 стр. 54 — 57; въ соч. Тихменева, Ист. Обзор. Росс. Амер. Комп. т. II стр. 125 — 127; у Зибольда (путешествіе Маіи Ринзо) и др.

медвѣдю; фиг. 7 (изображенная у насъ по ошибкѣ верхъ ногами)—есть, по его словамъ, «чуфъ-камуй-инау» (т. е. слѣд. жертва богу свѣтилъ?); фиг. 8 и 9—представляютъ жертвы духу огня (унджи-камуй); фиг. 10 наконецъ есть также жертва духу свѣтилъ, но ставимая исключительно шаманами. Замѣтимъ здѣсь, что изображенные формы представляютъ далеко не всѣ, употребительныя у айновъ, такъ что въ дѣйствительности у нихъ существуетъ много больше разновидностей. Употребленіе этихъ инау состоитъ въ томъ, что ихъ бросаютъ въ море во время бурь (жертва богу моря), въ горячіе ключи (напр. на Курильскомъ островѣ Уши-сирь)^{*)}, убираютъ ими мѣсто торжественнаго убійства медвѣдя,—привязываютъ къ больнымъ, ставятъ на могиллахъ умершихъ, на дорогахъ и т. под. Наконецъ они же составляютъ непремѣнную принадлежность каждаго айискаго жилья (юрты), гдѣ на лѣвой сторонѣ отъ входа, въ правомъ углу почти всегда ставятся жертвы домашнему богу (тишѣ-инау), а на очагѣ, въ томъ же углу—жертвы богу огня (унджи-инау). Старые инау обыкновенно хранятся въ особомъ складѣ, устраиваемомъ вблизи селенія.

Особыхъ мѣстъ, гдѣ бы совершались какіе нибудь религіозные обряды или дѣйствія (за исключеніемъ убійства медвѣдя) у Айновъ повидимому нѣтъ, равно какъ и настоящихъ идоловъ (болванчиковъ). Тѣмъ не менѣе у нихъ есть шаманы, играющіе въ одно и то же время роль жрецовъ, фокусниковъ и врачей; къ шаманамъ

^{*)} По описанію сотника Чернаго, на 14-мъ Курильскомъ о-вѣ Ушисирѣ (или, какъ онъ называетъ его, Усасырѣ) находится нѣсколько горячихъ сѣрныхъ ключей... «Одному изъ этихъ ключей, который имѣютъ въ почтеніи (туземцы) и называютъ по своему карпи, а по переводу, что изъ того ключа идетъ жаръ и дымъ, бывающіе тамъ сошлые и тамошніе мохнатые курильцы, когда жительство имѣютъ, приносятъ жертву и мечутъ въ тотъ ключъ камни и сдѣланныя нарочно въ запасъ изъ таловаго дерева стружки со своими клеймами, наговаривая всякій для себя, что кому прилично, призывая дьявола, причемъ чинить и шаманство—и оному обучаются такъ образомъ: по край того кипящаго ключа настилаютъ доски и надѣваютъ на себя новую парку птичью, или азямъ шитый и потомъ тотъ, кто сіе дѣйствуетъ, лизетъ къ ночи на тѣ доски, на которыя выплываютъ изъ ключа чрезвычайной величины черви косматые и поподзутъ на человѣка и ползаютъ по немъ по всему; тѣ черви подобны мухамъ и наводятъ великій страхъ, такъ что человѣкъ въ безчувствіе приходитъ; и такъ если, какъ курильцы объявляютъ, кто не устращается сего дѣйствія по три ночи, тому яко бы и дьяволъ во всемъ служить станетъ и онъ великій будетъ волшебникъ. См. Лонскій I. с. 432—433.

этимъ въ особенности обращаются въ случаяхъ тяжелыхъ болѣзней, приписываемыхъ, какъ уже сказано, большей частью вліянію злыхъ духовъ. «Захворавшій прежде всего дѣлаетъ, обыкновенно, инау и посылаетъ его въ жертву богу хранителю. Такая же жертва приносится и по выздоровленіи. Если инау не помогаетъ, то призываютъ шамана и просятъ полѣчить. Шаманъ (тусу-айну), дѣлаетъ съ своей стороны также инау, только особеннаго (такуса, веретакуса или тусу-инау), беретъ бубенъ (кацѳ) и ночью безъ огня начинаетъ шаманить, призывая шаманныхъ боговъ (тусу-камуй), и эти боги объявляютъ ему лѣкарство, которымъ нужно лѣчить больного. Айны рассказываютъ про своихъ шамановъ такія же чудесныя исторіи, какія у насъ ходятъ про ворожей и фокусниковъ. Напр. Пѣпуту (изъ Сіанчи) приносить въ каскѣ безъ дна воду, разбиваетъ трубку, кладетъ ее въ ротъ и вынимаетъ цѣлую, позволяетъ въ себя стрѣлять изъ лука и отыскиваетъ стрѣлу въ платѣ у зрителей, высасываетъ болѣзни въ видѣ мяса изъ внутренностей и пр. Однажды кусункотанскій шаманъ Сирубусисъ даже воскресилъ мертвую дѣвицу, выливъ ей на шею въ чашкѣ холодной воды ея (душу видятъ только одни шаманы и описываютъ ее въ видѣ маленькой птички, живущей въ сердцѣ)^{*)}. По словамъ Мермеде Кашона, на о-вѣ Иессо шаманы играютъ кромѣ того роль народныхъ бардовъ, поэтовъ и знахарей, заклиная духовъ моря о ниспосланіи удачной ловли рыбы и вообще пользуются у туземцевъ большимъ уваженіемъ.

Сопоставляя только что приведенныя свѣдѣнія о религіи Айновъ, мы можемъ вывести заключеніе, что самая характеристическая черта ея состоитъ въ употребленіи описанныхъ выше «инау». Дѣйствительно, что касается напримѣръ почитанія медвѣдя и другихъ животныхъ, вѣрованія въ различныхъ духовъ—горъ, свѣтилъ, очага и пр., существованія шаманства и т. д., то подобное мы встрѣчаемъ и у многихъ другихъ народовъ сѣверной и сѣверо-восточной Азіи. Такъ шаманство свойственно, какъ извѣстно, всѣмъ языческимъ народамъ т. наз. урало-алтайской и гиперборейской расъ. Почитаніе медвѣдя мы встрѣчаемъ также почти у всѣхъ первобытныхъ народовъ сѣверной Азіи, причемъ у нѣкоторыхъ оно выражается даже въ формахъ, весьма сходныхъ съ тѣми, какія мы видимъ у айновъ. Последнее мы находимъ именно у ближайшихъ сосѣдей айновъ, Гиляковъ, а также у живущихъ рядомъ съ ними по нижнему

^{*)} См. Добротворскій I. с. стр. 43.

медвѣдю; фиг. 7 (изображенная у насъ по ошибкѣ верхъ ногами)—есть, по его словамъ, «чуфъ-камуй-инау» (т. е. слѣд. жертва богу свѣтилъ?); фиг. 8 и 9—представляютъ жертвы духу огня (унджи-камуй); фиг. 10 наконецъ есть также жертва духу свѣтилъ, но ставимая исключительно шаманами. Замѣтимъ здѣсь, что изображенные формы представляютъ далеко не всѣ, употребительныя у айновъ, такъ что въ дѣйствительности у нихъ существуетъ много больше разновидностей. Употребленіе этихъ инау состоитъ въ томъ, что ихъ бросаютъ въ море во время бурь (жертва богу моря), въ горячіе ключи (напр. на Курильскомъ островѣ Уши-сирь)^{*)}, убираютъ ими мѣсто торжественнаго убійства медвѣдя,—привязываютъ къ больнымъ, ставятъ на могилкахъ умершихъ, на дорогахъ и т. под. Наконецъ они же составляютъ непремѣнную принадлежность каждаго айискаго жилья (юрты), гдѣ на лѣвой сторонѣ отъ входа, въ правомъ углу почти всегда ставятся жертвы домашнему богу (тишѣ-инау), а на очагѣ, въ томъ же углу—жертвы богу огня (унджи-инау). Старые инау обыкновенно хранятся въ особомъ складѣ, устраиваемомъ вблизи селенія.

Особыхъ мѣстъ, гдѣ бы совершались какіе нибудь религіозные обряды или дѣйствія (за исключеніемъ убійства медвѣдя) у Айновъ повидимому нѣтъ, равно какъ и настоящихъ идоловъ (болванчиковъ). Тѣмъ не менѣе у нихъ есть шаманы, играющіе въ одно и то же время роль жрецовъ, фокусниковъ и врачей; къ шаманамъ

^{*)} По описанію сотника Чернаго, на 14-мъ Курильскомъ о-вѣ Ушисирѣ (или, какъ онъ называетъ его, Усасырѣ) находится нѣсколько горячихъ сѣрныхъ ключей... «Одному изъ этихъ ключей, который имѣютъ въ почтеніи (туземцы) и называютъ по своему карпи, а по переводу, что изъ того ключа идетъ жаръ и дымъ, бывающіе тамъ сошлые и тамошніе мохнатые курильцы, когда жительство имѣютъ, приносятъ жертву и мечутъ въ тотъ ключъ камни и сдѣланныя нарочно въ запасъ изъ таловаго дерева стружки со своими клеймами, наговаривая всякій для себя, что кому прилично, призывая дьявола, причемъ чинить и шаманство—и оному обучаются такъ образомъ: по край того кипящаго ключа настилаютъ доски и надѣваютъ на себя новую парку птичью, или азямъ шитый и потомъ тотъ, кто сіе дѣйствуетъ, лизетъ къ ночи на тѣ доски, на которыя выплываютъ изъ ключа чрезвычайной величины черви косматые и поподзуть на человѣка и ползаютъ по немъ по всему; тѣ черви подобны мухамъ и наводятъ великій страхъ, такъ что человѣкъ въ безчувствіе приходитъ; и такъ если, какъ курильцы объявляютъ, кто не устратится сего дѣйствія по три ночи, тому яко бы и дьяволъ во всемъ служить станетъ и онъ великій будетъ волшебникъ. См. Лонскій I. с. 432—433.

этимъ въ особенности обращаются въ случаяхъ тяжелыхъ болѣзней, приписываемыхъ, какъ уже сказано, большей частью вліянію злыхъ духовъ. «Захворавшій прежде всего дѣлаетъ, обыкновенно, инау и посылаетъ его въ жертву богу хранителю. Такая же жертва приносится и по выздоровленіи. Если инау не помогаетъ, то призываютъ шамана и просятъ полѣчить. Шаманъ (тусу-айну), дѣлаетъ съ своей стороны также инау, только особеннаго (такуса, веретакуса или тусу-инау), беретъ бубенъ (кацѣ) и ночью безъ огня начинаетъ шаманить, призывая шаманныхъ боговъ (тусу-камуй), и эти боги объявляютъ ему лѣкарство, которымъ нужно лѣчить больного. Айны рассказываютъ про своихъ шамановъ такія же чудесныя исторіи, какія у насъ ходятъ про ворожей и фокусниковъ. Напр. Пѣпуту (изъ Сіанчи) приносить въ каскѣ безъ дна воду, разбиваетъ трубку, кладетъ ее въ ротъ и вынимаетъ цѣлую, позволяетъ въ себя стрѣлять изъ лука и отыскиваетъ стрѣлу въ платѣ у зрителей, высасываетъ болѣзни въ видѣ мяса изъ внутренностей и пр. Однажды кусункотанскій шаманъ Сирубусисъ даже воскресилъ мертвую дѣвицу, выливъ ей на шею въ чашкѣ холодной воды ея (душу видятъ только одни шаманы и описываютъ ее въ видѣ маленькой птички, живущей въ сердцѣ)^{*)}. По словамъ Мермеде Кашона, на о-вѣ Иессо шаманы играютъ кромѣ того роль народныхъ бардовъ, поэтовъ и знахарей, заклиная духовъ моря о ниспосланіи удачной ловли рыбы и вообще пользуются у туземцевъ большимъ уваженіемъ.

Сопоставляя только что приведенныя свѣдѣнія о религіи Айновъ, мы можемъ вывести заключеніе, что самая характеристическая черта ея состоитъ въ употребленіи описанныхъ выше «инау». Дѣйствительно, что касается напримѣръ почитанія медвѣдя и другихъ животныхъ, вѣрованія въ различныхъ духовъ—горъ, свѣтилъ, очага и пр., существованія шаманства и т. д., то подобное мы встрѣчаемъ и у многихъ другихъ народовъ сѣверной и сѣверо-восточной Азіи. Такъ шаманство свойственно, какъ извѣстно, всѣмъ языческимъ народамъ т. наз. урало-алтайской и гиперборейской расъ. Почитаніе медвѣдя мы встрѣчаемъ также почти у всѣхъ первобытныхъ народовъ сѣверной Азіи, причемъ у нѣкоторыхъ оно выражается даже въ формахъ, весьма сходныхъ съ тѣми, какія мы видимъ у айновъ. Последнее мы находимъ именно у ближайшихъ сосѣдей айновъ, Гиляковъ, а также у живущихъ рядомъ съ ними по нижнему

^{*)} См. Добротворскій I. с. стр. 43.

теченію Амура и Уссури — Мангуновъ и Гольдовъ. У этихъ народовъ существуетъ также обычай ловить медвѣжатъ, выкармливать ихъ въ особыхъ срубахъ близъ юртъ, и затѣмъ въ извѣстный день (у Гиляковъ тоже осенью) торжественно выводить, убивать и съѣдать *). Что же касается до «инау», то подобныхъ имъ жертвъ и религиозныхъ украшеній мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ сибирскихъ народовъ; можно сомнѣваться даже, встрѣчаются ли они вообще у какого либо народа помимо айновъ *). Тѣмъ не менѣе, еще Зибольдъ указалъ на сходство айскихъ «инау» съ японскими «Неи» или «Гоhei», — которые принадлежатъ къ необходимымъ атрибутамъ религіи Синто и представляютъ деревянные столбики (изъ дерева «Hinoiki»), на верхнемъ концѣ которыхъ укрѣплены пучки разноцвѣтныхъ бумажныхъ полосокъ. — Извѣстно, что въ Японіи существуютъ три религіи: Синто, Буддизмъ и ученіе Конфуція. Последнее, заимствованное изъ Китая, распространилось по преимуществу въ высшихъ классахъ японскаго общества и представляетъ, собственно говоря, только извѣстную систему морали. Буддизмъ, проникнувшій на Японскій архипелагъ изъ Кореи, первоначально въ 63 г. по Р. Х. и окончательно утвердившійся въ 579 году, хотя въ настоящее время и значительно распространился здѣсь, приобрѣлъ большое число послѣдователей и во многихъ отношеніяхъ замѣтно уклонился отъ вѣроученія ламъ и китайскихъ бонзъ, однако все таки, по чистотѣ и оригинальности своего культа много уступаетъ древнѣйшему японскому вѣроученію *Синто* (Шинто) или *Синсѣу*. Это последнее, называемое собственно *Ками-но-нуци* или *Ками-но-мици*,

*) Ср. «Географическо-статистическій Словарь Росс. Имперіи» изд. Имп. Геогр. Общ., статьи: «Гиляки», «Гольды», «Мангуны»; Мааки Путеш. на Амуръ стр. 206; Пермскій Журналъ плаванія по р. Амуру, въ «Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ.» II. 1856 стр. 60—61 и др.

*) Замѣтимъ впрочемъ, что по словамъ Мааки, у Мангуновъ, углы срубовъ, гдѣ содержатся обыкновенно медвѣди въ селеніяхъ, бывають также украшены палками или деревьями, и къ нимъ привязаны пучки мочалы, а иногда *стружекъ*, которыя употребляются для головного убора шамановъ, при гробницахъ и, кажется, имѣють какое то религиозное значеніе. — Относительно гиляковъ нѣкоторые наблюдатели также сообщаютъ, что шаманы ихъ, кромѣ бубна, употребляютъ еще пучки стружекъ, которые составляютъ также необходимую принадлежность костюма всѣхъ лицъ, участвующихъ въ весеннемъ праздникѣ вскрытія рѣкъ. См. Мааки I. с. и ст. Бошняка въ «Мор. Сбор.» 1859 г. № 1, 2. — Однако, мы не извѣстно, соответствуютъ ли эти стружки айскимъ «инау», и не составляютъ ли онѣ только подражанія имъ.

т. е. ученіе о путѣ къ «ками» или богамъ, пользуется наибольшимъ распространеніемъ въ средѣ болѣе образованныхъ японскихъ сословій и, по простотѣ своего культа, отсутствію идоловъ, торжественныхъ богослуженій и обрядовъ, стоитъ много выше — любящаго внѣшнюю обстановку и формалистику Буддизма. Ученіе Синто признаетъ бытіе верховнаго существа, но ему, также какъ и другимъ высшимъ духамъ-создателямъ, не посвящено ни одного праздника, ни одного храма; ибо эти боги, по мнѣнію синтосовъ, стоятъ слишкомъ высоко надъ нашей землей и не входятъ въ ея интересы. Наружныя же поклоненія воздаются, главнымъ образомъ, тѣмъ существамъ, которыя предполагаются непосредственно промысляющими надъ благомъ Японіи, особенно богинѣ солнца *Тенг-дзю-дан-зингъ* и многочисленнымъ *ками* или духамъ-покровителямъ и заступникамъ *). Это послѣднее названіе, *ками*, очевидно, весьма близко и по звукамъ, и по значенію, къ айскому *камуй*, — аналогія, тѣмъ болѣе достойная вниманія, что и въ числѣ предметовъ культа синтосовъ есть нѣкоторыя — напоминающіе *инау*. Нужно замѣтить, что храмы синтосовъ весьма просты и представляютъ, собственно говоря, пустую комнату, на одной изъ стѣнъ которой повѣшено только металлическое зеркало, — эмблема всевидѣнія боговъ и чистоты совѣсти. Кромѣ этого зеркала однако въ храмахъ находятся еще обыкновенно т. наз. *гоhei*, палочки или столбы съ разноцвѣтными бумажными ленточками, которыя составляютъ также необходимую принадлежность каждаго домашняго алтаря или божницы. Все это указываетъ повидимому на нѣкоторую связь между японскимъ почитаніемъ «ками» и религиозными понятіями и обрядами айновъ. Можно предполагать, что оба эти вѣроученія вышли изъ одной первоначальной религіи, которая у японцевъ съ теченіемъ времени очистилась, развилась и получила почти характеръ моральной философіи, а у айновъ остановилась на болѣе нишей ступени развитія, близкой къ фетишизму и даже приняла въ себя нѣкоторыя вѣрованія и обряды сосѣднихъ полудикихъ народовъ. Какъ бы то ни было, религиозныя понятія и обряды айновъ не имѣють повидимому никакого сходства съ таковыми же Камчадаловъ, Тунгузовъ и др. племенъ сѣверо-вос-

*) Siebold. Archiv, passim, между прочимъ тетр. 20, прим. 31; Венюковъ. Обзоръ Япон. Архипелага вып. 2 стр. 59 слѣд.; Kudriaffsky Japan. стр. 35 слѣд. и др.

точной Азии. Даже, если мы обратимся къ ближайшимъ соседямъ айновъ—Гилякамъ, Гольдамъ, Орокамъ, Мангунамъ, то, хотя мы и встречаемъ у нихъ, какъ уже было сказано, нѣкоторыя сходныя вѣрованія и обряды, однако, рядомъ съ ними, находимъ и многія отличія. Такъ, все эти народы имѣютъ идоловъ-болванчиковъ, большей частью человѣческаго вида, иногда также въ смѣшеніи съ животными и фантастическими формами, дѣлаютъ себѣ, въ качествѣ амулетовъ, рѣзныя изображенія различныхъ животныхъ (Гольды особенно—тигра и барса),—воздаютъ какое то особенное почитаніе орламъ (Мангуны),—приносятъ въ жертву животныхъ и т. д., подобнаго чему мы почти не находимъ у айновъ *).

Интересно было бы однако знать, что собственно такое представляютъ айнскіе «инау» и какой смыслъ имѣетъ принесеніе ихъ въ жертву? Добровольскій подозрѣваетъ, что это ничто иное, какъ остатки или символы человѣческихъ жертвоприношеній, и нельзя отрицать, что въ этомъ мнѣніи есть значительная доля вѣроятія. Дѣйствительно (и съ этимъ соглашаются сами айны), во всехъ инау можно отыскать части человѣческаго тѣла. Такъ у инау есть: голова (эпусисъ или инау-саба), волосы головы (инау-ту), макушка головы (инау-этох), шея (трекуфъ), руки (тэки), передняя часть туловища (кото-рѣ), волосы на тѣлѣ (нусъ-кото-рѣ) и другія части. «Разсматривая внимательно безголового инау, говоритъ Добровольскій, я заподозрилъ, что это остатки человѣческихъ жертвоприношеній. Видъ морскаго инау (атуй-инау), бросаемаго въ море во время бурь, его распростертыя руки и изрубленный животъ сильно напоминаютъ библейскую исторію съ пророкомъ Іоною. Сами айны стыдятся говорить объ этомъ и увѣряютъ, что изъ всехъ айнскихъ отраслей въ древности были людоедами (ункау) только Чувка-унтара». Добровольскому однако приходилось слышать, что и теперь еще, въ дремучихъ лѣсахъ острова Іессо, встречаются кой-гдѣ поколѣнія (изъ отрасли Чувка-унтара), продолжающія приносить въ верховьяхъ рѣкъ человѣческія жертвы. По словамъ айновъ, они употребляютъ даже для этой цѣли особый инструментъ,

утрайкини (уко — взаимно; *трайкѣ* — умерщвлять и ни — дерево), который дѣлается изъ двухъ крѣпкихъ палокъ, соединенныхъ на одномъ концѣ ремнемъ; этимъ инструментомъ они будто бы мгновенно ставливаютъ шею жертвы *).

Такимъ образомъ, есть нѣкоторое основаніе допустить, что инау изображаютъ собою человѣческія фигуры и служатъ какъ бы символами человѣческихъ жертвъ. Однако это сходство съ человѣческой фигурой выражено не всегда одинаково явственно. Такъ, если мы обратимся къ тѣмъ образцамъ, которые изображены у насъ на таблицѣ IV, то въ фиг. 6, 5, 8, 9, 11 можно еще отыскать сходство съ человѣческой формой; но оно выражено уже много менѣе въ фиг. 4 и 10, и еще менѣе въ фиг. 7 (изображающей скорѣе какое-нибудь животное) и въ фиг. 1, 2, 3. Возможно такимъ образомъ допустить, что инау не всегда изображаютъ собою подобіе человѣка, но иногда и другіе предметы, какъ напр. отдѣльныя части человѣческаго тѣла (голову съ волосами? волосы?),—другихъ животныхъ и даже просто — условные символы.

Въ заключеніе, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ особенностяхъ быта айновъ (ихъ одеждѣ, жилищѣ, пищѣ) и нѣкоторыхъ, болѣе интересныхъ обычаяхъ и привычкахъ. Какъ уже сказано было ранѣе, айны живутъ въ юртахъ, сложенныхъ кое какъ изъ коры и досокъ и прикрытыхъ сверху тростникомъ или осокою. «На сторонѣ, всего болѣе защищенной отъ вѣтра, находится входъ въ юрту съ невысокимъ, крытымъ и темнымъ корридоромъ, въ которомъ помѣщаются щенки, корыто для корма собакъ, дрова, а также сѣти, циновки, лыжи, сани и пр. Двери въ юртахъ изъ тонкихъ досокъ, выдвижныя; полъ также изъ тонкихъ досокъ и лежитъ прямо на землѣ. Внутри юрты по стѣнамъ находятся нары съ выдвижными ящиками (для домашнегого скарба),* а по срединѣ два (или въ маленькихъ юртахъ одинъ) очага, на которыхъ и днемъ и ночью постоянно держится огонь. Для выхода дыму, въ срединѣ двускатной крыши (потолковъ въ юртѣ нѣтъ), находится два четырехугольныхъ отверстія, изъ коихъ постоянно открыто только одно неподвѣтренное. Такъ какъ въ юртахъ оконъ нѣтъ, то это отверстіе служитъ и для освѣщенія. Не смотря на это отвер-

*) Cp. Stelle's. Kamtschatka гд. XXIV. Von der Religion derer Halmenen; Крашенинниковъ І. с.; Георги Георг. описаніе народовъ Сибирскихъ Малай. Пут. на Амуръ; Путешествія Пермикина, Венюкова Schrenk reisen im Amur—Landе и др. Впрочемъ принесеніе въ жертву животныхъ и почитаніе орловъ и совѣ нѣкоторые путешественники нашли и у айновъ (на о—въ Іессо).

*) См. Добровольскій. І. с. стр. 42, 47 и его же статью въ «Военно-Медицинскомъ журналѣ» за ноябрь 1872 г. стр. 123 — 124.

стие, въ юртахъ такъ много дыму, что щиплетъ глаза, и утромъ чувствуется сильная головная боль отъ угара. На лѣвой сторонѣ отъ входа, въ правомъ углу, помѣщаются, какъ уже было сказано, домашнія инѣу *); около очага разостланы обыкновенно циновки, а надъ очагомъ находится одинъ или два четырехугольника изъ жердей для сушки платья, виленья и копченья рыбы, и виситъ крюкъ, на которомъ вѣшается котелъ для варки пищи. Около входа помѣщаются кадки для воды и помой, стоятъ посудины съ рисомъ и другими съѣстными припасами, а по стѣнамъ висятъ пузыри съ жиромъ, веревки и т. под. Близъ юрты ставятся столбы для привязыванія собакъ, бревенчатый складъ для ююлы на четырехъ столбахъ для безопасности отъ мышей и часто медвѣжатникъ, въ которомъ медвѣдь воспитывается для праздника... Иногда также (особенно на о-вѣ Иессо, напротивъ входа въ юрту втыкаются раздвоенныя на концѣ жерди около сажени длиной, на которыхъ торчатъ черепа или даже цѣлыя головы (съ мясомъ и шкурой) медвѣдей, число коихъ можетъ достигать до 15 — 20 около одной юрты. Внутри юртъ, по стѣнамъ, точно также вѣшаются иногда черепа лисицъ (въ углахъ) и головы птицъ (орловъ). На зиму Айны дѣлаютъ иногда и землянки (той-тишѣ), или тѣсныя жилища въ лѣсу (чуфъ-тишѣ), въ которыхъ они живутъ во время сильныхъ холодовъ **).

Изъ этого описанія видно, что айнскія юрты далеко не могутъ назваться удобными для жилья и соответствующими климатическимъ условіямъ; въ этомъ послѣднемъ отношеніи онѣ много уступаютъ напримѣръ юртамъ Якутовъ съ ихъ стѣнами изъ вертикально по-

*) По словамъ Голланда, на о-вѣ Иессо, эти инѣу (сдѣланные, по его словамъ, изъ соломы, и напоминающіе птичьи пугалы) — стоятъ обыкновенно на особыхъ полкахъ вмѣстѣ съ очень цѣнимою ими японскою лакированной посудой. Туземцамъ очень не нравится, когда иностранцы подходятъ къ этимъ полкамъ и они не позволяютъ трогать своихъ инѣу. См. Holland I. с. стр. 240.

**) См. Добротворскій I. с. стр. 35—36. На сколько можно судить изъ описаній Сенъ-Джона, Голланда и другихъ, юрты Айновъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ острова Иессо представляютъ лучшее устройство, чѣмъ на о-вѣ Сахалинѣ, что конечно слѣдуетъ приписать вліянію Японцевъ. Такъ, въ нихъ встрѣчаются окна, камины; внутреннія стѣны обиваются оленьими шкурами; самыя юрты выше, просторнѣе, чище и пр. Въ другихъ мѣстностяхъ однако онѣ, повидимому, наоборотъ, — еще бѣднѣе; такъ, видѣнные Промози имѣли только одно отверстіе, служившее въ одно и то же время и дверью, и трубой, и окномъ. — Описаніе той-тише или землянокъ можно найти у Буссе I. с. стр. 97—98.

ставленныхъ вплотную и обмазанныхъ глиной бревенъ, съ ихъ земляной крышей и находящимся по срединѣ большимъ чужаломъ (каминомъ), — и даже переноснымъ юртамъ Чукчей и Коряковъ. Только коническіе «урасы» Ороchonъ и Манегровъ, сдѣланные изъ тонкихъ жердей, покрытыхъ берестой, могутъ считаться въ этомъ отношеніи еще болѣе холодными и неудобными жилищами *). Температура въ айнскихъ юртахъ равняется приблизительно температурѣ воздуха, значитъ зимою въ нихъ можетъ быть до 15° и болѣе морозу. Брылкинъ говорить, что «ночевавъ неоднократно въ айнскихъ тише, онъ всегда удивлялся, какъ переносить айны зимнюю стужу. Раздѣвшись совершенно до нага, айны свертываются на нарахъ въ комокъ, и, прикрывшись только своей коротенькой одеждой изъ собачьей шкуры, спятъ всю ночь на пролетъ при 18 и 20° холода».

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что въ айнскихъ юртахъ такъ много блохъ, что многіе изъ русскихъ не могутъ заснуть въ нихъ цѣлую ночь, не смотря ни на какую усталость. «Сами Айны — мужчины часто предпочитаютъ, если позволяетъ температура, сидѣть предъ своимъ очагомъ безъ платья съ однимъ передникомъ (тэпá), плотно обхватывающимъ половыя части. Въ холодное время Айны отдѣлываются отъ блохъ чесательной лалочкой (сикій-ки-ни). Съ другой стороны Айны также плохо спятъ въ русскихъ домахъ, по непривычкѣ къ русскимъ блохамъ, которыхъ они считаютъ опасными; это основывается на томъ, что у Айновъ водятся исключительно только собачьи блохи, кусающія людей мало» **).

Упомянувъ о паразитахъ, стоитъ замѣтить, что соответственно нечистоплотному образу жизни они встрѣчаются у Айновъ вообще въ изобиліи, — какъ наружныя, такъ и внутреннія. Изъ наружныхъ — главную роль играютъ, разумѣется, вши, которыхъ можно встрѣтить почти у каждаго; иногда же онѣ размножаются въ такомъ числѣ, что за ними не бываетъ видно и волосъ. Какъ и большая часть дикарей, Айны не гнушаются этими паразитами и, отыскивая ихъ по временамъ у себя и ближнихъ, ѣдятъ и шелкаютъ ихъ не безъ удовольствія, какъ орѣхи***).

*) Сравни описаніе жилищъ всѣхъ этихъ народовъ въ ст. Э. Шперка. Географо-патологическіе очерки Восточной Сибири, въ «Медико-Топограф. Сборникѣ», 1870 г. стр. 40—41.

**) См. Добротворскій I. с. стр. 37.

*** По словамъ д-ра Васильева (см. его статью: Поѣздка

многіе Айны страдаютъ еще паршами или чесоткою, отъ которой лѣчатся на Сахалинѣ, натирая чесоточныя мѣста сокомъ ядовитой травы кувкина (чемерицы). Любопытно, что по наблюденіямъ Гертвига и Кюхенмейстера, средство это (чемерица) дѣйствительно—одно изъ наиболѣе полезныхъ для удаленія чесоточныхъ клещей, вслѣдствіе производимаго имъ воспаленія кожи.

Изъ внутреннихъ паразитовъ, у айновъ, по наблюденіямъ Добротворскаго, встрѣчаются: различные виды глистовъ, въ особенности одна порода солитера, *Botrioccephalus latus*,—между тѣмъ какъ настоящій солитеръ (*Taenia solium*) повидимому не встрѣчается. Но за то *Bothrioccephalus latus* распространенъ въ огромномъ количествѣ. «Спросите, говоритъ Добротворскій, перваго попавшаго вамъ айна, нѣтъ ли у него солитера, и онъ скажетъ: есть, или былъ столько лѣтъ тому назадъ, или въ крайнемъ случаѣ укажетъ на своего родственника или знакомаго, страдающаго въ настоящее время солитеромъ. Если онъ имѣетъ солитера самъ, то попросите принести его, когда онъ выйдетъ; и онъ не заставитъ себя долго ждать и принесетъ къ вамъ на палочкѣ тесму ботрицефала.» Вообще, по словамъ Добротворскаго, можно положительно сказать, что изъ Сахалинскихъ Айновъ по крайней мѣрѣ $\frac{1}{4}$ страдаетъ солитеромъ, $\frac{1}{2}$ страдала имъ въ прежніе годы своей жизни и только осталшая $\frac{1}{4}$ остается свободною отъ него (*).

Кромѣ ботрицефала (по айнски—параканканъ) у айновъ встрѣчаются еще и другія глисты (оканканъ), а также острицы (писі-киккири=желудочный червякъ); но аскаридъ Добротворскій не встрѣчалъ ни разу.

Вслѣдствіе нечистоплотности же, а также постоянного дыма въ юртахъ и сильныхъ вѣтровъ, обремененныхъ песчаною или ледяною пылью, айны весьма подвержены глазнымъ болѣзнямъ (бленнорейному воспаленію слизистой оболочки глазъ, воспаленію на о-вѣ Сахалинѣ въ «Архивѣ Судебн. Медицины» 1870. № 2 (Іюль), Смѣсь стр. 26.) у Гиляковъ также: «почти у каждаго можно встрѣтить безчисленное множество головныхъ и платяныхъ вшей; но Гиляки не стараются избавиться отъ нихъ. По ихъ обычаю, они не должны даже ихъ убивать и бросать (?): они просто ѣдятъ ихъ, грызутъ какъ орѣхи. Цвѣтъ вшей совершенно бѣлый; онъ очень мелки, являются исключительно на головѣ и въ такомъ большомъ количествѣ, что не бываетъ видно и волосъ»....

(*) См. статью Добротворскаго: *Bothriocephalus latus* и нѣкоторые другіе кишечные паразиты на о-вѣ Сахалинѣ, въ «Военно—Медиц. Журн.» за Ноябрь 1872 г.

роговой и сѣтчатой оболочекъ и пр.), вслѣдствіе чего между ними нерѣдко можно встрѣтить лицъ съ болѣе или менѣе сильно пострадавшимъ зрѣніемъ, а также носящимъ надглазники (сигахка) въ родѣ козырька (*). Изъ другихъ болѣзней у Айновъ чаще всего по Добротворскому встрѣчаются: гноетеченія изъ ушей, воспаленія гортани и бронхій, гастро-энтериты, чахотка, золотуха, скорбутъ, гоннорея, сифилисъ, фурункулезная сыпь, ревматизмы и невралгіи. Изъ уродствъ,—Добротворскій видѣлъ заячью губу и искривленія стопы, а также знаетъ одинъ случай рожденія безголовлаго уродца. Объ эпилепсіи и Виттовой пляскѣ Айны не имѣютъ, повидимому, никакого понятія; изъ душевныхъ болѣзней Добротворскому привелось видѣть только одинъ случай *maniae furibundae* у одного старика, которое окончилось однако благополучно отъ однихъ завываній, рычаній и игры въ бубенъ знаменитаго саянчинскаго шамана Цѣпуту.

Одежда Айновъ довольно однообразна и состоитъ главнымъ образомъ изъ короткихъ и просторныхъ халатовъ разныхъ сортовъ. Рубашку замѣняетъ доходящій до колѣнъ халатъ *чимтай* или зѣръ-ими изъ маньчжурской, японской или русской матеріи. Сверхъ этого халата надѣвается другой, *артусъ*, (*atsusi*) дѣлаемый, на Сахалинѣ, изъ луба двухъ деревъ каранни и спивни, *) а на Иesso еще (по Зибольду) изъ луба *Ats'ni*

*) По словамъ д-ра Васильева (I. с. стр. 25), у Гиляковъ въ рѣдкой юртѣ нельзя было встрѣтить страдающаго главною болѣзнію. Можно даже сказать, что изъ 10 Гиляковъ, особенно на Сахалинѣ, 9 страдаютъ главною болѣзнію... Причины, производящія болѣзнь, заключаются въ условіяхъ быта Гиляковъ. Глаза Гиляковъ ежедневно подвергаются вредному дѣйствію дыма, чѣмъ обуславливается катарральное воспаленіе глазъ. Болѣзнь вначалѣ обыкновенно не лѣчится, а потому съ каждымъ годомъ прогрессивно усиливается и переходитъ наконецъ въ болѣе сложныя формы. Гиляки ни когда не промываютъ своихъ глазъ, отчего мелкія частицы пыли также производятъ раздражающее дѣйствіе на глаза. У Гиляковъ же, которымъ приходится много странствовать по снѣжнымъ пустынямъ, имѣетъ большое вліяніе на происхожденіе болѣзни постоянное созерцаніе снѣжной пустыни....

(*) Въ числѣ айнскихъ вещей, присланныхъ въ Общ. Люб. Ест. И. А. Лопатинымъ мы видѣли, между прочимъ: 1) кусокъ коры «опіо» (опив-ни), употребляемой для выдѣлки тканей. Суда по этому куску, кора эта получается съ нетолстыхъ сучьевъ, имѣетъ, съисподу, бѣловато-желтоватый цвѣтъ и издаетъ особый сильный запахъ; 2) кусокъ дерева «кени»—бѣловато-желтоватаго цвѣта съ коричневой корою, употребляемую, по словамъ Лопатина, для окраски тканей; 3) довольно красиво сотканный поясъ айнской работы изъ нитокъ, сдѣланныхъ изъ древесной коры; 4) табачная сумка изъ рыбьей ко-

(видъ Broussonetia); изъ карани халатъ цвѣтомъ красноватый, а изъ опивни—бѣловато—желтоватый. Женщины вмѣсто а́ртусъ носятъ большой халатъ изъ кожи рыбъ (кеты или горбуши), рѣже изъ тюленьей шкуры. Въ болѣе холодное время вмѣсто а́ртусъ или сверхъ него надѣвается халатъ или кафтанъ изъ тюленьей, а зимою изъ собачьей шкуры. На Иессо многіе кромѣ того носятъ халаты изъ шкуры оленей, а также изъ японскихъ, бумажныхъ или шелковыхъ матерій. Кромѣ халатовъ у Айновъ есть еще штаны (ойб—слово гилицкое), надѣваемые очень рѣдко, особенные чулки—только для голеней и сапоги—изъ тюленьей, собачьей или также рыбьей шкуры. Въ теплое время голову не прикрываютъ ничѣмъ, а въ холодное время и въ сильный вѣтеръ на шею надѣваютъ шарфъ, а голову обвертываютъ длиннымъ платкомъ на подобіе чалмы (сенькаки), или надѣваютъ шапку, которая зимою носится съ длинными наушниками (и, по Брылкину, напоминаетъ Мангунскіе женскіе капоры). Въ дорогѣ носятъ башмаки, сдѣланные изъ рисовой соломы или изъ травы, а въ селахъ во время грязи деревянные. Айнскіе халаты подпоясываются обыкновенно довольно низко ремненнымъ поясомъ, на которомъ виситъ одинъ, или (въ дорогѣ) два ножа, кисеть для трута, кремня и огнива, иногда также деревянный футляръ для трубки и обѣдненныхъ палочекъ (приморо) и украшенная часто рѣзбою вѣтвь оленьяго рога для распутыванія узловъ.

Женщины носятъ подобные же халаты какъ и у мужчинъ, только нѣсколько длиннѣе; пояса ихъ обыкновенно украшены множествомъ мѣдныхъ бляхъ, на одеждѣ нашиты металлическія пуговицы. На рукахъ онѣ носятъ браслеты, на пальцахъ—по нѣскольку колецъ и перстней изъ олова, мѣди, иногда серебра, а на груди часто кожаное ожерелье и желѣзное украшеніе въ родѣ медали. Дѣтей Айны любятъ украшать болѣе чѣмъ самихъ себя; наряжаютъ ихъ въ пестрые бумажные халатики съ свѣтлыми пуговицами, на шею навѣшиваютъ по нѣскольку нитокъ голубыхъ бусъ, на лобъ привязываютъ треугольникъ, вышитый бисеромъ, а къ поясу мѣдныя побрякушки, которыя во время ѣзды на нартахъ привязываютъ собакамъ. Вообще Айны, какъ видно, весьма любятъ украшенія и узоры; борты рукавовъ, воротниковъ и подолъ ихъ платьевъ обыкновенно бы-

жи и мѣшочки для ношенія этой сумки изъ перпичьей шкуры, издѣліе Айновъ сел. Нойоро.

ваютъ украшены черными или синими полосками; украшенія и узоры дѣлаются также на платкахъ, шапкахъ, рукавицахъ и вообще почти на всѣхъ айнскихъ издѣліяхъ *) Всѣ эти издѣлія дѣлаются исключительно женщинами, которыя постоянно заняты то приготовленіемъ пищи (айны ѣдятъ 4—8 разъ въ день) и раздачею ея членамъ семейства и собакамъ, то приготовленіемъ льна и нитокъ изъ особаго вида крапивы, и тканьемъ и шитьемъ платья и обуви, то чищеніемъ, копченіемъ и сушеніемъ рыбы (айны рыбу не солятъ и соли не ѣдятъ, хотя въ супъ многіе и прибавляютъ морской воды), и приготовленіемъ рыбьихъ кожъ, то наконецъ—дѣланіемъ циновокъ изъ травы или изъ рисовой соломы, собираніемъ съѣдобныхъ травъ и корней и т. д.

Пища Айновъ состоитъ главнымъ образомъ изъ рыбы и рису. Рыба (сельди, камбала, горбуша, лососи чевица и др.) съ апрѣля по ноябрь употребляется свѣжая, а въ остальное время года—завяленная или сушеная, въ видѣ юколы. Въ продолженіи лѣта рыба эта успѣваетъ порядочно провонять и, по словамъ Добротворскаго, становится совершенно невыносимой; впрочемъ русскіе солдаты ѣдятъ ее, какъ кажется, не безъ удовольствія. Рисъ доставляется айнамъ японцами съ о-ва Нипона, при чемъ употребленіе его, повидимому, въ особенности распространилось у Мацмайскихъ Айновъ, гдѣ оно (по словамъ Сень-Джона, Голланда и др.) не мало способствовало улучшенію питанія и вообще положенія туземцевъ. Съ другой стороны, это же питательное средство и окончательно поставило Айновъ въ зависимость отъ японцевъ, которые наложили на нихъ извѣстныя работы и за то избавили отъ труда дѣлать себѣ запасы пищи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Иессо, по словамъ Голланда, Айны зависятъ теперь настолько отъ японцевъ, что если бы послѣдніе прекратили ежедневную раздачу пищи, то они очутились бы въ весьма жалкомъ и несчастномъ положеніи. Во многихъ айнскихъ селеніяхъ существуютъ т. наз. «кваншо», японскіе казенные дома, гдѣ ежедневно и по нѣскольку разъ въ день готовится множество порцій рису подъ соусомъ, которыя и выставляются въ одной изъ комнатъ. Въ назначенный часъ человѣкъ входитъ на осо-

(*) См. Добротворскій I, с. стр. 34—35. Подобной же страстью къ узорамъ, которые впрочемъ—много изящнѣе и красивѣе, отличаются и нѣкоторые пріамурскіе инородцы, особенно Мангуны.

бую, находящуюся наружи лѣстницу и ударяетъ въ доску, нарочно повѣшанную для этой цѣли на столбѣ. Это — сигналъ для Айновъ собраться за получениемъ своихъ порцій, и они дѣйствительно скоро прибѣгаютъ толпами изъ деревни, ѣдятъ каждый свою порцію и за тѣмъ расходятся обратно по своимъ жилищамъ. На о-вѣ Сахалинѣ Японцы не успѣли еще настолько поработить айновъ, тѣмъ не менѣе и тамъ они ввели между айнами употребленіе риса. Именно, они не то пригласили, не то заставили Айновъ исполнять для себя извѣстныя работы, и за то обязались кормить ихъ во все продолженіе рабочаго времени. Кромѣ того, по словамъ Брылкина, въ извѣстное время Айны получали вмѣсто денежной платы, необходимые для нихъ товары, какъ то; рисъ, матерію, табакъ, лакированную посуду, котлы и пр., при чемъ вещи оцѣнивались правильно и при выдачѣ, въ присутствіи всѣхъ японскихъ чиновниковъ, испытывалась доброкачественность товара. Работы же Айновъ, по словамъ того же Брылкина, были совсѣмъ не особенно тягостны. Они большей частью рубили дрова, помогали Японцамъ ловить рыбу, пилить и строгать доски, нагружать суда. Въ то время какъ ранѣе утвержденіе Японцовъ существованіе айновъ совершенно зависѣло отъ случайныхъ обстоятельствъ и часто напримѣръ, вслѣдствіе неудачнаго лова рыбы, бывали зимою голода, — съ приходомъ Японцевъ оно сдѣлалось обезпеченнымъ и айны стали получать рисъ въ количествѣ, вполне достаточномъ для ихъ продовольствія. Тѣмъ не менѣе, айны не любили и не любятъ японцевъ, что по мнѣнію Брылкина объясняется просто привычкою къ старинѣ и свободѣ. Они прежде голодали, это ничего — они къ этому привыкли; за то не работали, не знали надъ собой ни чьей чужой воли *)... Впрочемъ, когда съ уступкою Россіи южной части Сахалина, японцы покинули этотъ островъ, значительное число (до 700) айновъ, не смотря на высказываемую ими нелюбовь къ японцамъ, пожелали однако послѣдо-

*) См. Брылкинъ І. с. (въ Зап. С. От. Геогр. Общ., VII) стр. 18—20. Подругимъ извѣстіямъ однако Японцы иногда притѣсняли Айновъ наказывали ихъ, отнимали женщинъ и пр. Главное занятіе Японцевъ на Сахалинѣ состояло въ добываніи рыбы, особенно сельдей, которыхъ они варили для отдѣленія жира, прессовали и, нѣсколько просушивъ, отправляли въ Японію для удобренія рисовыхъ полей. Ежегодно нѣсколько десятковъ судовъ было занято перевозкой въ Японію этого удобренія, а также соленой рыбы и сушеной морской капусты, которая выбрасывается здѣсь на берега въ большомъ количествѣ.

вать за ними и переселились дѣйствительно на о-въ Іессо. Кромѣ рыбы и рису Айны ѣдятъ еще т. наз. «сарану» (луковицы различныхъ породъ лилій и ятрышника), разныя травы, моллюсковъ (особенно устрицъ и грѣбешковъ), морскихъ ежей и трепанговъ, выброшенныхъ на берегъ китовъ, а также — мясо тюленей (нерпъ, сивучей), медвѣдей, собакъ, выдръ, оленей и другихъ звѣрей *). Мясо оленей, по словамъ Сень-Джона, составляетъ на о-вѣ Іессо одинъ изъ главнѣйшихъ родовъ пищи айновъ, особенно зимою. Туземцы въ это время года убиваютъ большое количество этихъ животныхъ — для мяса и роговъ; послѣдніе они сбываютъ японцамъ въ Хакодате. Вообще, по словамъ Голланда, Айны весьма хорошіе охотники, хотя ихъ оружіе далеко несовершенно и состоитъ главнымъ образомъ изъ короткаго лука и стрѣлы — съ деревяннымъ (изъ камыша), костянымъ или желѣзнымъ наконечникомъ. Впрочемъ, стрѣлы ихъ обыкновенно снабжены желобкомъ для яда, который имѣетъ консистенцію густаго сиропа (обыкновенно красновато-коричневаго цвѣта), довольно силенъ и приготавливается, на Сахалинѣ, изъ корня ядовитой травы сю-руку (аконитъ), а на Іессо (по Сень-Джону) — изъ вороньяго мозга, табачнаго сока и двухъ видовъ насѣкомыхъ (Юсики и Кромби) *).

Изъ домашнихъ животныхъ, у Айновъ есть только собаки, которыя держатся отчасти для пищи и охоты (именно за оленями — на о-вѣ Іессо), а главное — для ѣзды на нартахъ зимою. Нарты — это узенькія, не болѣе 1—2 футовъ шириною санки, длиною въ

*) Сарану, по словамъ Рудановскаго, Айны обыкновенно замораживаютъ и ѣдятъ какъ лакомство. Изъ ягодъ они предпочитаютъ клюкву, къ которой прибавляется обыкновенно нерпичій жиръ. На этомъ же жиру приготавливается у нихъ обыкновенно рисовая каша и другія кушанья. Вообще нерпу должно считать полезнѣйшимъ для Айна животнымъ (на Сахалинѣ), тѣмъ болѣе, что она ловится постоянно, круглый годъ. Шкура ея служитъ для обуви, а мясо въ пищу. На Іессо — роль нерпы повидимому замѣняетъ олень. См. наблюденія Рудановскаго въ «Обозр. Русс.-Амер. Компаніи» Тихменева, т. II стр. 122; Буссе І. с. *passim*. — Любимыми кушаньями у Айновъ, по Добровольскому, считаются: печеная молодая черемша, вареная луковичка какого то весенняго цвѣтка (томъ), который Айны ѣдятъ вмѣстѣ съ ягрой камбалы, хвостовые плавники кита въ видѣ супа, хрящевая рубчатка грудины изъ чечевицы, которую они ѣдятъ сырою. Къ лакомымъ блюдамъ причисляется еще аккойна (octopus, осьминогъ).

**) См. St. John І. с. стр. 250. Изображенія аинскаго оружія можно видѣть у Голланда І. с. и въ атласѣ Зибольда. Вообще, луки и стрѣлы Айновъ имѣютъ значительно болѣе простое устройство, чѣмъ напр. у Тунгузовъ.

сажень или несколько болѣе, и которыя дѣлаются изъ тонкаго переплета толстыхъ прутьевъ и тонкихъ дощечекъ. Къ передней части нарты, нѣсколько приподнятой, прикрѣплена толстая веревка. Къ этой веревкѣ привязываются собаки за шею тонкими ремнями, не по-парно, какъ въ Камчаткѣ, а по одной, гуськомъ, отчего упряжь упрощается, и собаки не такъ часто запутываются, какъ это случается при камчадалской запряжкѣ. Кромѣ того айскія нарты отличаются еще тѣмъ отъ камчадалскихъ, что подъ полозья непременно подводится китовый усъ, сверхъ котораго накладывается дерево, когда приходится ѣхать по снѣгу, тогда какъ въ Камчаткѣ полозья изъ китоваго уса обыкновенно возятся въ запасъ для ѣзды по льду и въ оттепель. Возница, или каюръ, имѣетъ въ рукахъ конецъ веревки, привязанный къ средней веревкѣ, тотчасъ позади ближайшей къ нартѣ собаки. Этою веревкой онъ можетъ притягивать къ себѣ собакъ; но такъ какъ это недостаточно, чтобы удержать ихъ, то въ правой рукѣ у него есть палка съ желѣзнымъ наконечникомъ, которую онъ, для остановленія нарты, втыкаетъ въ снѣгъ подъ нартою, упирая палку объ одну изъ перекладинъ, связывающихъ нарту. При поворотахъ налѣво аинъ кричить «кехъ, кехъ», погоняя—«тохъ, тохъ». Ыздаютъ аины весьма скоро. Рудановскому случалось пробѣжать иногда до 18 верстъ въ часъ; даже обыкновенная ѣзда и по труднымъ дорогамъ не бываетъ медленнѣе 8-ми. Въ особенности между селеніями, отстоящими на небольшое разстояніе другъ отъ друга, собаки мчатъ всю прыть, такъ что нужна особенная ловкость, чтобы управлять ими. — Какъ на особенность въ содержаніи аинами собакъ, можно указать еще на ту привязанность, которую чувствуютъ повидимому аины къ этимъ животнымъ. Всякій порядочный хозяинъ изъ туземцевъ не войдетъ въ юрту, не пристроивъ прежде на ночь собакъ и не накормивъ ихъ какъ слѣдуетъ. Рудановскій говоритъ, что онъ никогда не видалъ, чтобы аинъ билъ жестоко собаку, какъ это дѣлаютъ почти все камчадалы. Если аину приходилось иногда ударить собаку, то онъ дѣлалъ это почти всегда чуть не со слезами, въ томъ предположеніи, что такая собака скоро пропадетъ совсѣмъ *).

*) Ср. Рудановскій I. с. стр. 123—124 и Буссе I. с. стр. 54. Изображенія айскихъ нартъ, палокъ для управленія собаками и лямъ можно видѣть у Зибольда. Nippon VII Tab. XXII.—О привязанности аиновъ къ своимъ собакамъ говорятъ также и нѣкоторые путе-

Только-что описанный способъ ѣзды на собакахъ (равно какъ и ходьба на лыжахъ) употребителенъ однако только зимою, самое большее — въ продолженіи шести зимнихъ мѣсяцевъ; въ остальное же время года айны—либо ходить пѣшкомъ, либо, если то позволяетъ мѣстность, переѣзжаютъ въ лодкахъ. Лодки эти дѣлаются обыкновенно изъ цѣльныхъ стволовъ деревьевъ, съ набитыми иногда по бокамъ досками, и по своей легкости и скорости хода значительно уступаютъ—не только, на примѣръ, алеутскимъ байдаркамъ, но даже и лодкамъ гилековъ и тунгузовъ. Весла этихъ лодокъ насаживаются на укрѣпленные въ бортахъ гвозди или оленьи рожки, имѣютъ узкую, длинную форму и двигаются попеременно, то на одной, то на другой сторонѣ. При этомъ гребецъ долженъ, слѣдовательно, постоянно проводить одну руку надъ другою, вслѣдствіе чего сила удара бываетъ относительно не велика и лодка не можетъ получить быстрого движенія. Вообще аины не могутъ назваться отважными пловцами и рѣдко рѣшаются на челнокахъ своихъ отходить отъ берега далѣе 3-хъ-футовой глубины **).

Мацмайскіе аины въ отношеніи домашнихъ животныхъ поставлены, повидимому, нѣсколько лучше, чѣмъ сахалинскіе. Кромѣ собакъ, у нихъ встрѣчаются еще лошади, особой косматой породы, разведеніе которыхъ (судя по наблюденіямъ д-ра Риттера въ югозападной части Иессо) производится въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ большихъ размѣрахъ. Во время своего путешествія

шественники по Иессо. Сень-Джонъ сообщаетъ по этому поводу, что у японцевъ существуетъ повѣрье, что аины произошли отъ брака одной преступной японской принцессы (дочери одного дайміо или князя) съ собакой и что самое названіе «аино» происходитъ отъ японскаго слова «ино»—собака. См. Holland. I. с. стр. 236.

**) Ср. Рудановскій I. с. стр. 123; Siebold Nippon VII, гдѣ на табл. XXIII приведены изображенія айскихъ лодокъ; Ritter. Reise im Japo in Mith. der Deutsch. Geselch für Kunde Ostasien's. 7 II. 1875 стр. 14—15. На Курильскихъ островахъ, впрочемъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Половскимъ, въ прежнее время были въ употребленіи большія лодки изъ наборныхъ досокъ, при чемъ доски пришивались одна къ другой китовымъ усомъ, затѣмъ пазы проконопачивались мохомъ и закрывались потомъ каждый особымъ рейкомъ. Весла, числомъ 18—20, дѣлались соразмѣрной длины; при попутномъ вѣтрѣ ставили четырехугольный парусъ, сплетенный изъ травы. На своихъ байдаркахъ курильцы, большую частью съ своими семействами, безбоязненно пускались чрезъ широкіе и опасные по судамъ и быстротѣ теченія проливамъ.... Вслѣдствіе однако, при измѣнившихся обстоятельствахъ большія байдары были оставлены и замѣнились малыми въ 4—6 и много 8 веселъ. См. Половскій I. с. стр. 383.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Введение.

Глава I. Исторія свѣдѣній Европейцевъ о племени Айновъ и сношеній съ нимъ Русскихъ. — Извѣстіе іезуита Фроеса 1565 г. — Описаніе обитателей Іессо іезуитомъ Де-Анжелисъ (въ началѣ XVII вѣка). — Свѣдѣнія, собранныя голландской экспедиціей 1643 года, на корабляхъ Кастрикумъ и Брескенсъ. — Завоеваніе русскими Камчатки и «протѣиваніе» ими лежащихъ къ югу отъ нея Курильскихъ острововъ. — Походы Анцыферова и Козыревского (1711—1713 гг.). — Экспедиція Шпанберга (1739 г.). — Свѣдѣнія, собранныя о жителяхъ Курильскихъ острововъ Штеллеромъ и Крашенинниковымъ. — Уходъ покоренныхъ и объясненныхъ курильцевъ на дальніе острова. — Попытка къ возвращенію «сошлыхъ» курильцевъ, Сторожева и др. — Экспедиція въ дальніе Курилы Чернаго и Бутина. — Попытка приведенія въ русское подданство дальнихъ курильцевъ, сдѣланная Шабалинымъ (1778 г.). — Экспедиція въ Японію Лакемана и Ловцова (1792 г.) и собранныя ими свѣдѣнія о мохнатыхъ курильцахъ о-ва Мацмай. — Попытка основать на 18-мъ Курильскомъ островѣ (Урупѣ) русское поселеніе (1795 г.). — Свѣдѣнія, имѣвшіеся къ концу XVIII вѣка, относительно географіи Іессо и Сахалина. — Экспедиція Лаше-руза (1785 г.) и изслѣдованіе имъ западнаго и южнаго береговъ Сахалина. — Экспедиція Крузенштерна и свѣдѣнія, собранныя имъ объ айнахъ на сѣверо-западныхъ берегахъ Іессо и въ бухтѣ Анива на южномъ берегу Сахалина. — Свѣдѣнія, собранныя Головиннымъ, въ бытность его въ пѣту у Японцевъ (1811—1813 гг.). — Извѣстія объ айнахъ Іессо и Сахалина, собранныя Клапротомъ и Зибольдомъ изъ японскихъ источниковъ. — Новѣйшія свѣдѣнія объ айнахъ, собранныя англо-американцами, англичанами, французами и нѣмцами. — Первые русскія свѣдѣнія о сахалинскихъ айнахъ, полученные въ пятидесятыхъ годахъ — Бошнякомъ и Римскимъ-Корсаковымъ. — Основаніе въ южной части Сахалина русскаго военнаго поста (Муравьевскаго), и свѣдѣнія, собранныя за это время объ айнахъ — Буссе и Рудановскимъ. — Экспедиція на Сахалинъ Шренка, — Шмидта, Глена и Брылкина. — Лопатина и др. — Свѣдѣнія, собранныя докторомъ Добротворскимъ.

Прибавленіе къ первой главѣ: Источники для изученія племени Айновъ (Библиографія).

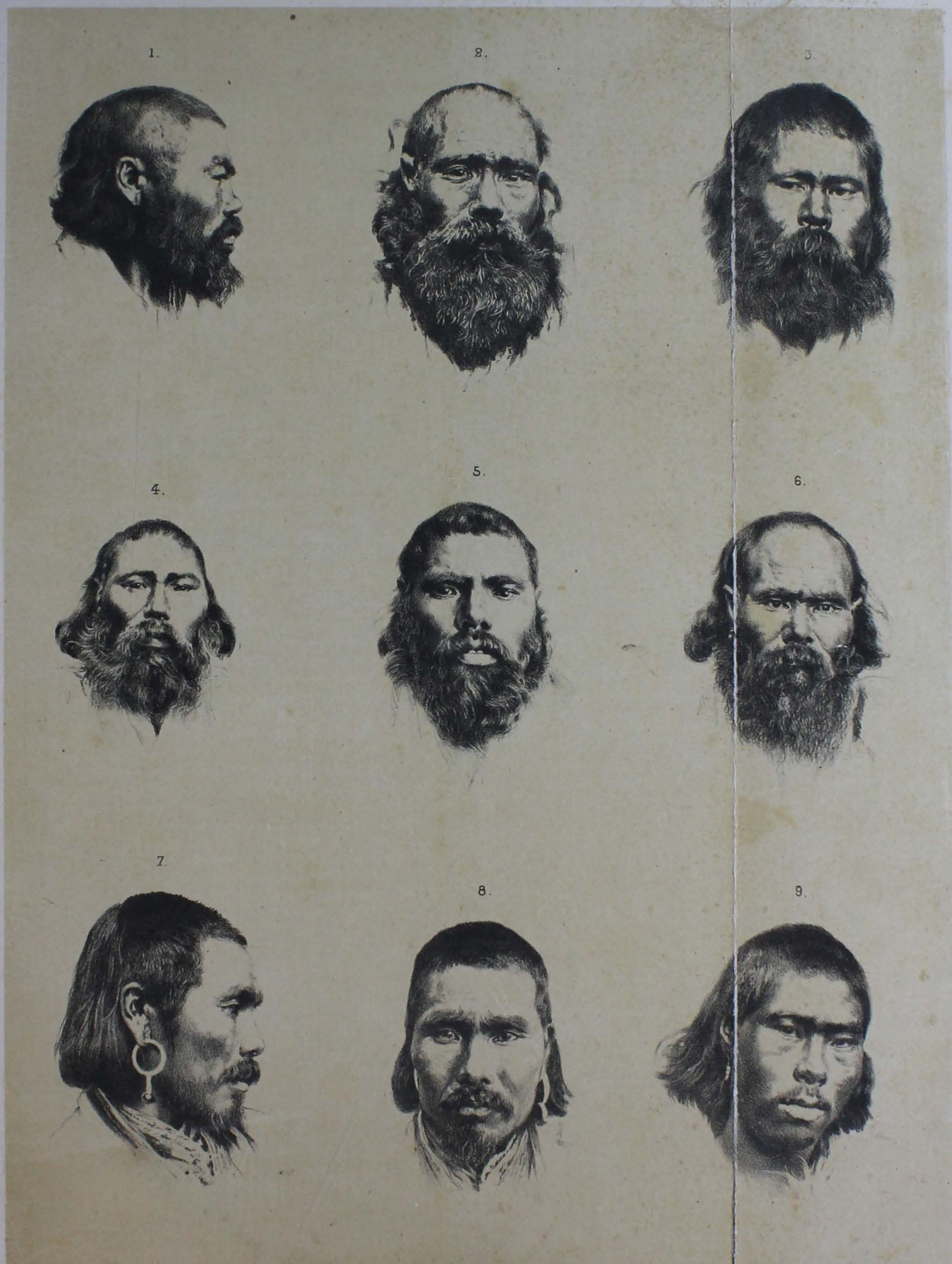
Глава II. Морфологическій очеркъ айнскаго племени. — Ростъ. — Сложеніе. — Соотношеніе частей тѣла (головы, туловища и конечностей). — Физиономія. — Волоса. — Цвѣтъ кожи.

Глава III. Матерьялы для анатоміи (остеологіи) Айновъ. — Незначительность имѣющихся свѣдѣній объ анатоміи айновъ. — Описанія

айнскихъ скелетовъ и череповъ. — Беска, Б. Дэвиса, Вирхова и Деница. — Скелеты, полученные Имп. Общ. Люб. Ест. съ о-ва Сахалина, отъ пор. Гарезина. — Вѣроятная ихъ принадлежность айнамъ. — Определеніе пола. — Общая особенность костей. — Особенности позвонковъ (атланта), грудной кости, крестца, таза, лопатки, ключицы. — Кости конечностей и отношеніе ихъ длины въ величинѣ роста и между собою. — Особенности плечевыхъ костей, костей предплечья и кисти. — Особенности бедренныхъ костей. — Особенности большеберцовыхъ костей и ихъ платинемія. — Сущность и значеніе этой послѣдней особенности. — Особенности малоберцовой кости и костей ступни. — Черепъ; различныя цѣфы ихъ показателей. — Особенности черепа женскаго скелета, черепа мужскаго скелета и третьяго, неполнаго черепа. — Сравненіе этихъ череповъ съ другими, описанными и изображенными ранѣе.

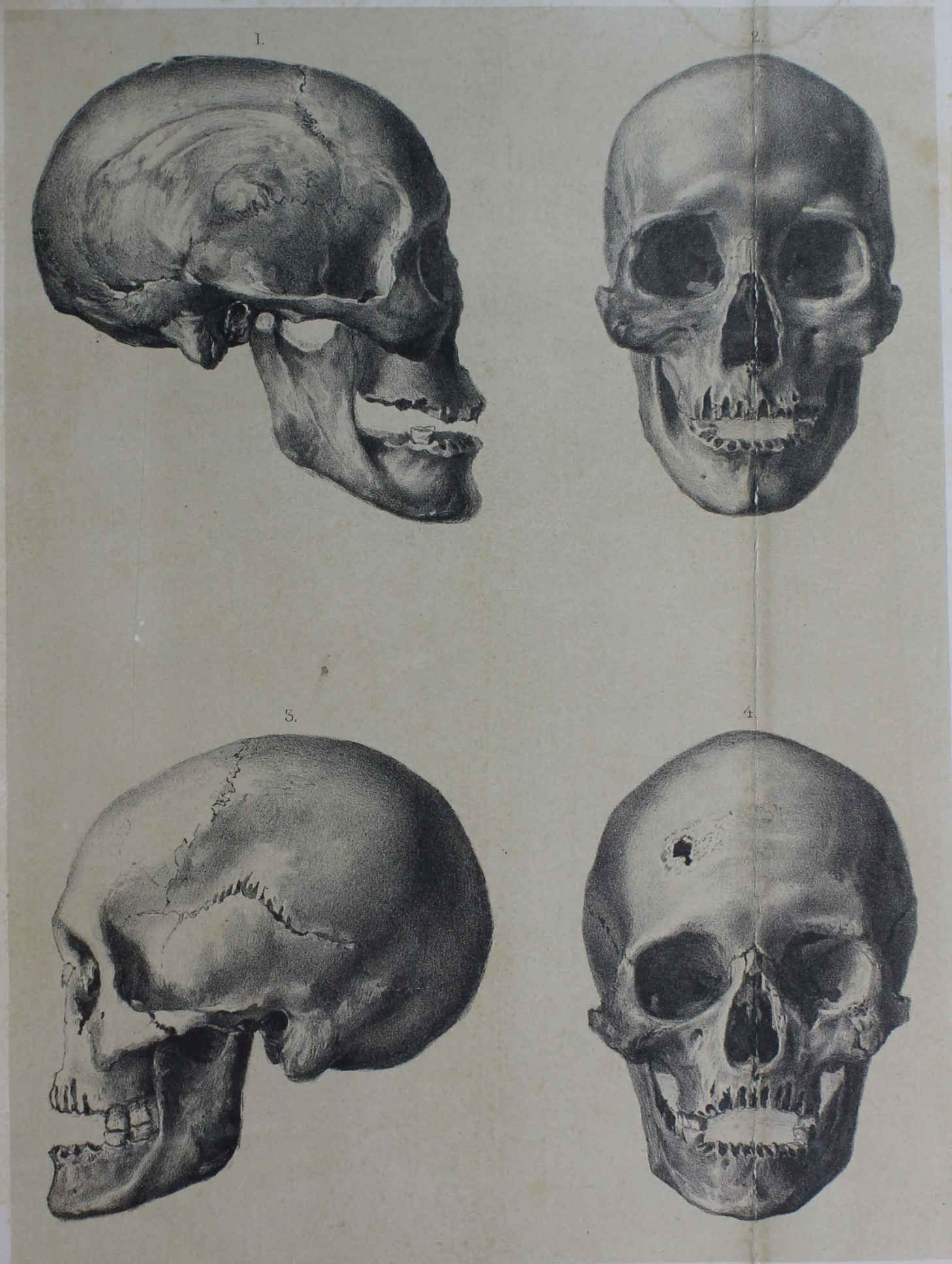
Глава IV. Этнографическія особенности айнскаго племени и его отношенія къ племенамъ окружающимъ. — Географическое распространеніе айнскаго племени. — Заселеніе Курильскихъ острововъ съ юга. — Преданія айновъ о войнахъ ихъ въ прежнее время съ различными народами на Сахалинѣ, употреблявшими между прочимъ каменные орудія. — Каменный вѣкъ у камчадаловъ и чукчей до прихода русскихъ. — Находки древнихъ каменныхъ орудій на Іессо и Сахалинѣ. — Описаніе нѣсколькихъ каменныхъ орудій съ о-ва Сахалина. — Утварь и посуда современныхъ айновъ. — Численность айнскаго племени — теперь и въ прежнее время. — Прежнее распространеніе айновъ на о-вѣ Нипонъ и борьба ихъ съ японцами. — Участіе, которое принимали айны въ образованіи японскаго тѣла. — Сравненіе японцевъ съ Корейцами. — Различныя гипотезы о происхожденіи и сродствѣ айновъ. — Сравненіе айновъ съ камчадалами и гилеями. — Возрѣніе Вивьена де Сень-Мартена и предположеніе Пешеля. — Двойственность типа у монгольскихъ племенъ. — Обитатели острововъ Ликейскихъ.

Свѣдѣнія объ языкѣ айновъ. — Изслѣдованія по этому предмету Понцимайера и Добротворскаго. — Свѣдѣнія о религіи айновъ: ихъ мифологія и демонологія. — Поклоненіе медвѣдю. — Религіозныя жертвы (инау). — Формы «инау», и вѣроятное объясненіе ихъ значенія и происхожденія. — Бытъ айновъ: ихъ жилища, нечистоплотность, паразиты, господствующія болѣзни, одежда, пища, оружіе, домашнія животныя, лодки, провозженіе времени, наклонность къ спиртнымъ напиткамъ, любопытные обычаи (при здорованіи), родины, бракъ, похороны.

Хромолит. В. Бахманъ въ Москвѣ.

Лит. Вахманъ въ Москвѣ

ЧЕРЕПА АЙНОВЪ.

Д.В. КРАЕВ
МАУПНАВ
БИБЛИОТЕКА

Лит. Вахманъ въ Москвѣ.

ДБ КРАБАН
НАХ, АН
БИБЛИОТЕКА

